

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт языкознания

Волгоградский государственный педагогический институт
им. А. С. Серафимовича

В. И. КАРАСИК

ЯЗЫК СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Москва

1991

ББК 81.432.1

Карасик В.И. Язык социального статуса. - М.:Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. - 495 с.

Монография посвящена лингвистическому изучению социального статуса человека на материале современного английского языка. Рассматриваются проблемы социолингвистики, прагмалингвистики и лингвистической семантики в аспектах описания стиля жизни, невербальных и вербальных показателей социального статуса, правил поведения и норм этикета. Анализируются постулаты общения, речевые акты и жанры применительно к отношениям статусного неравенства. Определяются категориальные характеристики признака социального статуса и его связь с модальным, персональным, оценочным и стилистическим значением.

Книга адресуется филологам и широкому кругу исследователей, разрабатывающих основы интегральной науки о человеке.

ББК 81.432.1

Научный редактор -
доктор филологических наук С.М.Мезенин

Рецензенты:
доктор филологических наук Б.Ю.Городецкий
доктор филологических наук В.З.Демьянков
доктор филологических наук Л.П.Крысин

Печатается по постановлению
Института языкознания АН СССР

С В.И.Карасик, 1991

ВВЕДЕНИЕ

"Языковые обобщения будут охватывать все более широкие круги и все более соединять языкознание с другими науками: с психологией, с антропологией, с социологией, с биологией" (И А Бодуэн де Куртене)

В познании человека существенная роль принадлежит науке о языке. Расширение предмета лингвистического изучения, вызванное как внутренней логикой развития языкознания, так и активным вторжением логики, психологии, социологии, этнографии и других дисциплин в традиционные сферы интересов языковедения, привело к тому, что возникла необходимость анализа понятий, принадлежащих нескольким гуманитарным наукам. Эти понятия представляют собой концептуальное ядро складывающейся единой науки о человеке. К числу таких понятий относится социальный статус человека. Термином СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС обозначается в данной работе соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения. При этом личностные характеристики человека отступают на второй план.

Лингвистическое осмысление социального статуса человека представляется важным по следующим соображениям.

Во-первых, будучи существенным моментом организации человеческого сообщества, социальный статус в той или иной форме закреплен в семантике многих языковых единиц, обозначающих поведение людей. Статус - это нормативная категория, и, следовательно, изучая статусные отношения, мы изучаем принципы общественного устройства, закодированные во всем богатстве нюансов естественного языка. При этом открывается возможность рассмотреть как общие, так и специфические характеристики поведения людей, говорящих на определенном языке и соответственно разделяющих систему оценочных норм определенного общества. Таков культурологический аспект изучения социального статуса человека.

Во-вторых, признак социального статуса является одним из компонентов прагматического значения, наряду с признаками оценки, модальности, эмотивности, стилистического регистра и др. Эти признаки неоднородны. Выявить их природу, взаимозависимость, избирательную комбинаторику значит в известной мере определить специфику прагматического плана языка. Интенсивное развитие социолингвистики и психолингвистики, теории речевых актов, лингвистической прагматики и семантики привело к недостаточному взаимопониманию специалистов, разрабатывающих отдельные проблемы лингвистики. Возникает

необходимость разработки общелингвистических интегративных проблем и построения соответствующих моделей. Одним из возможных подходов к решению данной проблемы является изучение "сквозных понятий", по-разному освещаемых в отдельных лингвистических дисциплинах, но имеющих единую природу. Социальный статус человека, как нам представляется, относится к числу таких сквозных понятий, объединяя понятийные системы социолингвистики и лингвистической семантики на базе прагматики. В этом состоит прагмалингвистический аспект изучения социального статуса человека.

В-третьих, общение людей представляет собой многофункциональное взаимодействие, включающее информационный обмен, установление и поддержание контакта, регулировку межличностных отношений. Межличностные отношения - статусные, ролевые, индивидуальные - обычно регулируются косвенно. Следовательно, обозначение социального статуса большей частью носит имплицитный характер. Сюда относятся коннотации и ассоциации различного рода. Обозначение социального статуса представляет интерес для лингвистики в плане категоризации преимущественно имплицитного значения, выражение и описание которого разработаны еще недостаточно, и в этом состоит семантический аспект изучения социального статуса человека.

В-четвертых, понятие социального статуса в социологии и других науках отличается от языкового представления социального статуса, вычленяемого методами различных процедур лингвистического анализа из лексических значений слов. Сравнить научное и естественно-языковое, иногда называемое наивным, понятие и определить их сходство и различия - такова задача, решение которой позволит не только увидеть векторы движения научной мысли, но и может дать импульс новым направлениям специального изучения рассматриваемого понятия. Эта задача составляет концептуальный аспект лингвистического исследования социального статуса.

В-пятых, без учета социального статуса участников общения само по себе общение носит искусственный либо провокационный характер. Интерпретация, истолкование и объяснение признаков социального статуса, типичных для определенной языковой системы, приобретает особую важность в условиях культурного разрыва (например, при чтении текста, относящегося к иной эпохе, или при общении с представителями иной культуры). Таков дидактический аспект изучения социального статуса человека. В данной работе, построенной на материале современного английского языка, социальный статус человека рассматривается преимущественно в культурологическом, лингвопрагматическом и семантическом аспектах.

Способы обозначения социального статуса человека в языке разнообразны. Прежде всего противопоставляется выражение и описание социального статуса человека. Выражение социального статуса представляет собой индикацию принадлежности человека к той или иной общественной группе и вытекающие отсюда права и обязанности человека. Описание социального статуса есть лингвистическая (или, в более широком плане, истолковательная) процедура выявления внешних и внутренних обстоятельств, определяющих признаки статуса человека по отношению к другим людям применительно к типовому акту поведения и ранговой позиции человека.

Выражение социального статуса человека может быть вербальным и невербальным. Невербальная манифестация неравенства прослеживается как у людей, так и у животных (взгляд, походка, позы, "выражение лица", право на территорию и т.д.). Вербальное выражение неравенства в языке реализуется на интонационном уровне (просящая или приказывающая, вежливая или категоричная интонация), на грамматическом уровне (сфера грамматической стилистики - виды модальности, вводные конструкции, разновидности императива, определенные виды инверсии), на словообразовательном уровне (некоторые уменьшительные суффиксы), на лексическом уровне (специальные слова и выражения, обозначающие статусное неравенство, например, уважительные обращения, и слова, имеющие те или иные коннотации социального статуса).

Выражение социального статуса человека может быть помимовольным (термин Е.Д.Поливанова) и намеренным. Высказывания, взятые в совокупности, являются речевым паспортом говорящего. Выбор слов, произношение, грамматическая правильность, а также некоторые другие характеристики речи свидетельствуют с известной степенью вероятности об образовательном уровне и роде занятий говорящего, т.е. о его принадлежности к определенному социальному слою. Помимовольное и намеренное выражение социального статуса тесно связаны и в определенном смысле представляют собой две стороны одного и того же явления, противопоставляемые с исследовательской целью. Но если помимовольное выражение статуса по своей сути - однородное явление, то намеренное выражение статуса имеет двойную направленность: это - осознанное и акцентированное выражение того, что проявляется помимовольно, а кроме того это - стилизация способов выражения, свойственных представителям той или иной статусной группы. Отметим, что стилизация может быть естественной и художественно обработанной в литературных произведениях.

Выражение социального статуса человека может быть прямым и косвенным, а также основным и дополнительным. Мы говорим о прямом выражении статуса, имея в виду

специальные слова или жесты, являющиеся индексами социальных отношений, обращения, титулы, формулы вежливости, поклоны. Косвенные индексы социального статуса требуют развернутой интерпретации, они различны по своей природе и относятся к статусно-релевантным сферам жизни (образование, происхождение, работа, материальное положение, манеры поведения и т.д.). Противопоставление основного и дополнительного способов выражения статуса базируется на вариативности средств выражения этой категории, во-первых, и возможности подключения к выражению статуса других значений, во-вторых.

Описание социального статуса может быть дедуктивным и индуктивным, содержательным и формальным, дефинитивным и интерпретативным. Дедуктивное моделирование социального статуса представляет собой анализ этого концепта на основе его конституирующих признаков, освещенных в социологии, социальной психологии и социолингвистике. Индуктивное описание социального статуса понимается в работе как рассмотрение конкретных характеристик этого понятия в поведении, в том числе - в речевом поведении.

Содержательное описание статуса направлено на выявление и раскрытие его содержательных качеств различного порядка, формальное описание - на исчисление системы его дифференциальных признаков. Дефинитивное описание представляет собой классифицирующий подход к анализу рассматриваемого явления, интерпретативное описание имеет целью объяснить содержательные характеристики социального статуса в контексте культуры англоязычного общества.

Выполненная работа представляет собой попытку синтеза различных аспектов выражения и описания социального статуса человека и построена в соответствии с основной целью исследования - выявить сущность обозначения социального статуса человека в социолингвистике, лингвистической прагматике и лингвистической семантике.

Автор благодарит всех коллег, принимавших участие в обсуждении книги на разных этапах работы над нею, за критику и помощь. Особую благодарность автор выражает Научно-исследовательскому центру по изучению национально-языковых отношений Института языкознания АН СССР, обсудившему и одоббившему проспект монографии, рецензентам и научному редактору.

ГЛАВА 1

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА

Приступая к изучению социального статуса человека в социолингвистике, мы ставим перед собой следующие задачи:

- 1) определить подходы к изучению социального статуса человека в гуманитарных науках,
- 2) установить место понятия социального статуса человека в системе категорий социолингвистики,
- 3) рассмотреть индексы социального статуса человека в англоязычном обществе,
- 4) охарактеризовать нормативные параметры социального статуса человека в системе ценностей и культурных стандартов англоязычного общества,
- 5) построить модель статусных отношений на материале этикета.

1.1. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА

Понятие социального статуса первоначально означало правовое положение юридического лица [Сапов, 1990:331]. В широкий научный обиход это понятие было введено известным немецким социологом Максом Вебером, в работах которого статус, класс и власть выступают в качестве основных измерений социальной стратификации [Weber, 1978:305, 927-937]. Изучая принципы общественного устройства, социологи не могли не заметить множества промежуточных образований между классами, большими группами людей, объединяемыми по их отношению к собственности и производству. Задача состояла в том, чтобы найти объективные критерии выделения общественных групп. Разделяя в целом понимание класса по К.Марксу, М.Вебер трактовал класс как крупную группу людей, находящихся в одинаковом положении в отношении экономических интересов, собственности и возможностей дохода; власть объясняется как участие людей в организациях, оказывающих влияние на принятие важнейших решений; статус определяется как общественное признание в виде позитивных или негативных привилегий, основанное на стиле жизни. Стил жизни включает типичные способы времяпрепровождения, общения, выбора и устройства места жительства, выбора одежды и др. Веберовские параметры социальной стратификации различны по степени абстракции: класс является наиболее абстрактным, а статус - наиболее конкретным звеном в концептуальной триаде М.Вебера. Наиболее конкретное звено оказывается и наиболее нагруженным в культурологическом отношении и поэтому получает разнообразные способы выражения в языке.

Социальный статус человека имеет субстанциональное и реляционное измерение. В первом случае имеются в виду независимые и усвоенные характеристики человека (ascribed and achieved status) - пол, возраст, национальность, культурное и социальное происхождение, с одной стороны, и образование, профессия, степень владения языком, с другой стороны. Во втором случае рассматривается соотносительное

положение в социальных структурах, выражаемое в терминах социального и ситуативного неравенства - отношения между вышестоящим и нижестоящим [Zelditch,1968:250; Robertson,1974:285; Bryant,1984:376]. Отмечается, что субстанциональные характеристики статуса исторически и этнографически изменчивы: для современного индустриального общества такими характеристиками являются род занятий, величина дохода, уровень образования, этническая принадлежность; в условиях иных обществ и иных эпох на первый план могут выйти такие характеристики, как возраст, степень знатности или физическая сила [Lenski,1954:405; Брум,1965:479].

В современных работах по социологии [Lundberg et al.,1968; Phillips,1969; Champion et al.,1984 и др.], социальной психологии [Кон,1967; Ольшанский,1975; Десев,1979 и др.] и социолингвистике [Brown,Gilman,1979; Тарасов,1979; Крысин,1989 и др.] понятие социального статуса человека разрабатывается в нескольких направлениях.

1. Социально-экономический план статуса отражается в жизненных стилях людей. Одним из пионеров изучения социально-экономической стратификации в Великобритании был Ф.Дж.Д'Эт (F.G.D'Aeth). В статье, опубликованной в 1910 г., этот исследователь установил семь жизненных стандартов или ступеней на основе дохода: 1) 18 шиллингов в неделю, 2) 25 шиллингов в неделю, 3) 45 шиллингов в неделю, 4) 3 фунта стерлингов в неделю, 5) 300 фунтов в год, 6) 600 фунтов в год, 7) 2000 фунтов в год и выше. Представляют интерес описания стиля жизни обобщенных типов людей в изложении Ф.Дж.Д'Эта:

- третья ступень ("ремесленник"): доход - 45 шиллингов в неделю; жилище - пятикомнатный дом с гостиной, простая, но удобная мебель; занятия - квалифицированные рабочие, мастера, младшие служащие, клерки; социальные привычки - стол, накрытый для обеда, семейные дети посещают родителей по воскресеньям; способности - технические умения, хорошая общая сообразительность, иногда проницательны, отличаются простотой мышления, не могут следить за последовательной аргументацией;

- четвертая ступень ("лавочник или клерк"): доход - 3 фунта в неделю; жилище - квартира с оплатой до 30 фунтов в год; занятия - клерки, лавочники, торговцы, коммивояжеры, техники, учителя начальной школы, некоторые священнослужители; социальные привычки - меблированные квартиры, визиты по приглашениям, в ряде случаев - прислуга; способности - либо высокая степень технического умения, либо некоторый капитал и предпринимательство, проницательны в частных вопросах, читают журналы, свободно выражают поверхностные мнения по всем вопросам; образование

- элементарная школа и в некоторых случаях техническое училище [Abrams, 1968:134].

Современные характеристики жизни людей в англоязычном обществе носят иной характер в плане социальной стратификации, но стратификация как таковая сохраняется и описывается в противопоставлении типовых жизненных стилей богатых людей, представителей среднего класса и бедняков (Property-dominated, Occupation-dominated and Poverty-dominated life styles). Так, жизненный стиль людей, определяемый доминантой собственности, предполагает расширенные семьи-кланы и особую власть старших членов семьи (распорядителей собственности). Браки совершаются не только по взаимному выбору супругов, но представляют собой прежде всего символическую инкорпорацию в большую семью-клан. Оптимальным периодом жизни считается период позднего среднего возраста. Существенную роль играют портреты предков, родовые поместья, передающиеся от отцов к сыновьям личные имена. Жизнь в значительной мере ритуализована и отделена от окружающей среды посредством закрытых школ и клубов.

Жизненный стиль людей среднего класса, определяемый профессиональной доминантой, характеризуется изолированными ядерными семьями, состоящими из супругов и незрелых детей, отношения между поколениями носят более демократический характер, зрелость осознается как дисциплинированность на рабочем месте. Наилучшим периодом в жизни является период раннего среднего возраста, статусная кульминация для мужчины - это достижение определенной ступени на служебной лестнице, а для неработающей женщины - замужество и рождение детей. Люди этого типа очень ценят свое время и деньги и, как правило, обходятся без прислуги.

Наиболее ярким показателем жизненного стиля бедности и нищеты является "большая семья", опора на родственные связи и доминирующая роль женщин в семье, поскольку мужчина не может заработать на хлеб. Различия между поколениями не существенны, власть поддерживается только силой, наилучшим периодом жизни считается молодость, семья не играет принципиальной роли в жизни, женщины преимущественно общаются с родственниками, мужчины - с друзьями [Zablocki, Kanter, 1976:273-279]. Приведенные данные содержат интересные наблюдения для лингвистического осмысления социального статуса человека в англоязычном обществе, подтверждаются и уточняются в других исследованиях [Shepard, 1984; Ferrucci et al., 1977] и в сжатом виде представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Социально-экономические параметры стиля жизни

Сопостави- мые призна- ки стиля жизни	Богатые люди ("собствен- ники")	Люди среднего достатка ("служащие и рабочие")	Люди, нахо- дящиеся за чертой бед- ности ("нищие")
Централь- ные ценно- сти жизни	Благородное происхожде- ние; изыс- канный стиль жизни	Карьера и ус- пех; респекта- бельность	Апатия
Тип семьи	Семья-клан	Ядерная семья (супруги и не взрослые дети) Супруги	Сообщество родственни- и соседей Женщина, которая ко- рмит семью
Доминирую- щая роль в семье	Распорядитель собственности (обычно стар- ший в семье)		
Лучший возраст Отношения между по- колениями Отношение к образо- ванию	Поздний сред- ний возраст Авторитарные	Ранний сред- ний возраст Демократичные	Юность и молодость Построенные на физиче- ской силе Отсутствие интереса;
Отношение к общению, месту жи- тельства и досугу	Способ время препровожде- ния; элитар- ные учебные заведения	Подготовка к жизни и про- фессии; мас- совые учебные заведения	многие дети не посещают школу
	Стремление к предельной изоляции от общества в кругу своих людей	Ориентация на престижные способы пове- дения; учас- тие в общест- венных орга- низациях	Общение со случайными знакомыми; неприятие юридических норм
Яркие ха- рактерис- тики бытия	Закрытые шко- лы и клубы; ритуальные мероприятия; прислуга	Дисциплиниро- ванность; строгий учет времени и де- нег; самокон- троль; высо- кая мобиль- ность; плани- рование жизни	Спонтанные поступки; сиюминутные ценности; неумение избегать конфликтов

Отметим, что люди среднего достатка составляют в современных англоязычных странах около 75 % населения, и поэтому наблюдаются существенные различия по стилю жизни между разновидностями этого основного общественного слоя.

2. Социометрический план статуса представляет собой шкалирование общественных групп и слоев населения на основании ряда критериев, к которым обычно относят род занятий и источник дохода, происхождение, образование, тип жилища и др. Так, например, стратификационная шкала по занимаемой должности - сверху вниз - выглядит следующим образом: 1) высшие профессионалы (лица, занимающие высшие государственные должности, врачи, ученые и университетские профессора) и хозяева крупных предприятий, 2) профессионалы менее высокого уровня (инженеры, юристы и др.), 3) служащие и профессионалы низкого уровня (бухгалтеры, медсестры и др.), 4) квалифицированные рабочие, 5) владельцы маленьких предприятий, 6) полуквалифицированные рабочие, 7) неквалифицированные рабочие [Eysenk, 1973:135]. Примером детального измерения престижа профессии или занятия в условных баллах является следующий список: врач - 93, губернатор штата - 93, профессор колледжа - 89, ученый - 89, судья графства - 87, священник - 87, архитектор - 86, юрист - 86, член совета директоров крупной корпорации - 86, инженер - 84, владелец фабрики, на которой работает около 100 человек, - 82, капитан в армии - 80, учитель начальной школы - 78, владелец фермы, фермер - 76, электрик - 73, журналист, репортер - 71, бухгалтер, рядовой клерк - 68, полицейский - 67, плотник - 65, капрал в армии - 60, парикмахер - 59, продавец - 58, повар - 54, водитель грузовика - 54, работник на ферме - 50, шахтер - 49, официант - 48, докер - 47, бармен - 47, дворник - 34, чистильщик обуви - 33 (Inkeles, Rossi, 1956:336-337). Приведенный список подтверждается с незначительными модификациями в детальном исследовании, отражающем динамику предпочтений в обществе на протяжении десятилетий [Hodge et al., 1964]. Социометрическое шкалирование по роду занятий может быть представлено в виде двух пересекающихся шкал: "престиж" и "независимость". Степень престижа соответствует приведенному выше списку, а степень независимости занятия или профессии иллюстрируется следующими примерами: максимум независимости - священник и фермер, минимум независимости - бухгалтер, клерк [Penrod, 1986:145]. По источникам дохода шкала, составленная в тридцатые годы нашего века, имела следующий вид (сверху вниз): 1) унаследованное состояние, 2) заработанное состояние, 3) профессиональный гонорар (fees), прибыль, полученная в бизнесе, 4) жалованье служащих (salary), 5) заработная плата (wages), 6) помощь из частных источников, 7) помощь из государственных источников и незаконный доход [Abrahamson, 1969:168].

Нетрудно заметить, что признак источника дохода неразрывно связан с образованием и происхождением человека: унаследованное состояние предполагает более "высокое" происхождение, не случайно поместье и земля ценятся особенно высоко, гонорар же связан с высоким профессиональным образованием врача, юриста, творческого работника. Критерии шкалирования могут в известной мере не соответствовать друг другу: не всегда высокий образовательный уровень соответствует высокому уровню престижа или дохода (шахтер, плотник или мясник в Англии зарабатывают значительно больше, чем учитель или медсестра). Но в целом и общем шкалы коррелируют, образуя усредненную шкалу социального успеха.

3. Ролевой план статуса проявляется в том, что статус обобщает множество социальных ролей. Под ролью понимается устойчивый шаблон поведения, включающий действия, мысли и чувства человека. Ролевое поведение есть поведение человека, занимающего определенную социальную позицию в соответствии с ожиданиями людей. Ролевое поведение строится по образцу и имеет границы: исполнитель роли наделен определенной степенью свободы действий. Можно говорить о роли родителя, офицера, пассажира, но нет, например, ролей человека вообще, с одной стороны, и зевающего человека, с другой стороны, так как ни чересчур общие характеристики, ни единственный релевантный признак не дают возможности составить роль - "внутренне связанную систему поступков, являющихся реакциями на поведение других людей" [Щепаньский, 1969:71]. Говоря об условности выделения ролей, подчеркивают их нормативный характер: исполнители ролей должны следовать определенным нормам поведения. Так, покупатель имеет право рассматривать товар, делать замечания о цене, но не имеет права уйти, не расплатившись [Шибутани, 1969:44]. Понятие роли связано со следующими понятиями: позиция - место в системе социальных отношений, занимаемое личностью; сегменты позиции - пучки социальных связей; ролевые ожидания (экспектации) - социальные нормы, ориентированные на личность как владельца конкретной роли; ролевые партнеры - агенты ролевых ожиданий; ролевые предписания - внутренний контроль над ролевой деятельностью [Тарасов, 1979:117]. Роли неоднородны: они могут быть обусловлены постоянными и переменными характеристиками человека (мужчина, отец, инженер - жених, покупатель, пациент), могут быть независимыми от говорящего и усвоенными (пол, возраст, национальность - образование и занятия) [Wolf, 1989:826]. Выделяются социальные, межличностные и внутригрупповые роли (командир, раб, отец - друг, подопечный, партнер - лидер, чужак, подозрительный) [Доборович, 1980:72-74], статусные, позиционные и ситуационные роли (пол, возраст, класс - отношения

взаимного неравенства по восходящей и нисходящей линии - специфические и диффузные характеристики типа "пассажир", "порядочный человек", "гость") [Тарасов, 1979:130-133; ван Дейк, 1989:23], микросоциальные и макросоциальные роли [Аврорин, 1975:69; Vick, 1974:44]. Сопоставление роли и статуса позволяет выделить стабильность и векторную направленность ("выше - ниже") в качестве основных характеристик статуса. Ролевые и личностные качества людей разворачиваются в диапазоне сознательного и бессознательного (неосознаваемого) поведения [Hare, Blumberg, 1988:10].

В условиях официального (институционального) общения существенным оказывается разграничение двух типовых участников общения - агентов и клиентов. Агенты - это представители социальных институтов (врачи, юристы, преподаватели и др.), клиенты - это люди, не связанные (в коммуникативной диаде) с социальными институтами (пациенты, клиенты адвокатов, учащиеся и др.). Агенты играют активную роль в подобных статусно-ролевых ситуациях общения, противопоставление агентов и клиентов позволяет выделить специальный и обыденный тип общения [Rehbein, 1988:1186].

При всей важности статусно-ролевых характеристик человека не следует абсолютизировать эти характеристики. Как пишет Д. Ронг, социологи потратили немало усилий для того, чтобы показать несостоятельность таких абсолютизированных абстракций, как "человек экономический", искатель прибыли в понимании политэкономов, "человек политический", искатель власти в традиции Макиавелли, "человек самосохраняющийся", искатель безопасности в традиции Гоббса и Дарвина, "человек сексуальный", искатель удовольствия по Фрейдю, "человек религиозный", искатель Бога в теологической традиции. Было бы смешно после этого прийти к очередной абстракции вроде "человек социализованный", искатель статуса [Wrong, 1980:33-34]. Главный недостаток модели "человека статусного" заключается в том, что эта модель недостаточно учитывает культурно-психологические характеристики человеческой сущности, категории морали и национально-этническую специфику культуры. Заметим в этой связи, что лингвистический анализ статусных отношений по природе своей не может отрываться от национально-культурных, психологических и других особенностей, отраженных в значении языковых единиц.

4. Социальный статус человека выражается в виде социальной дистанции между участниками общения. Основоположник проксемики Эдвард Холл установил и измерил четыре типа коммуникативной дистанции между людьми: интимная, персональная, социальная и публичная дистанция [Hall, 1969:116-125]. Эти дистанции соотносятся с выделенными ранее пятью стилями общения - интимным,

непринужденным, консультативным, формальным и ледяным [Joos, 1962:13]. Чем больше различие между социальным положением участников общения, тем более вероятно увеличение социальной дистанции между ними. В условиях кастового общества формализация общения между представителями различных каст носит особенно выраженный характер [Mehrotra, 1985; Veeman, 1986]. Социальная дистанция динамична, переключение дистанции, как правило, является прерогативой вышестоящего участника коммуникации [Grayshon, 1977:61].

Дистанционный план статуса выражается в "погашении" индивидуальных характеристик человека, занимающего определенную социальную позицию, и в актуализации отношений неравноправия между участниками общения. Дистанцированность как показатель статуса может также выражаться в особом отношении человека к своей роли и статусу. Так, хирург, который во время операции непринужденно беседует или шутит с коллегами, производит обычно впечатление более компетентного специалиста, чем врач с напряженно-внимательным неподвижным лицом [Giddens, 1987:120].

Существуют различные показатели дистанцированности: территория, ритуалы, церемониальное поведение, объяснение очевидных вещей, намеренно грубое или провокационное поведение и др. [Goffman, 1972:111; 1974:43-55].

Дистанционный аспект статуса выражается также в субъективной оценке своего статуса и статуса партнера: человек фактически может занимать позицию вышестоящего, но относиться к партнеру как к равному, либо фактически быть нижестоящим, однако вести себя так, будто его социальный статус весьма высок [Lyons, 1981:576]. Иначе говоря, в общении пересекаются субъективные и объективные статусные оценки и самооценки. Отмечено, что в субъективной статусной оценке (и самооценке) на первый план выдвигается чувство принадлежности к определенному сообществу. Усвоенные характеристики статуса (образование, профессия, экономический уровень жизни) не меняют статусную оценку людей с низким статусом по независимым характеристикам (раса, национальность, возраст): негр-врач как для белых, так и для афроамериканцев - прежде всего негр [Jackman, 1973:580].

Этнографическое описание статусных отношений в той или иной культуре обычно является характеристикой дистанционного аспекта статуса. Например, в Монголии ходить со сцепленными за спиной руками, поддерживая правой рукой запястье левой, имел право только тот мужчина, у которого умер отец и который стал главой семьи. Молодежи такая походка не рекомендовалась [Жуковская, 1988:118].

Психологические характеристики неравноправия анализируются в литературе, посвященной манипуляциям

(патологическим транзакциям), когда говорящий намеренно ставит адресата в унижительное положение, либо обманывает адресата. По мнению Э.Фромма, стремление к несвободе и неравенству вызвано садомазохистскими тенденциями: желанием поставить людей в зависимость от себя, эксплуатировать людей, причинять им страдание, либо желанием нанести вред себе, унижаться и подчиняться [Фромм, 1989:126]. Проблема неравенства людей составляет предмет многих этических теорий, высказаны аргументированные суждения как в пользу всеобщего равенства, так и за сохранение неравенства; неравенство людей всегда имеет место в определенных условиях и позициях и обычно сопровождается при этом эмоционально-оценочным фоном [Morner, 1988:6]. Исследователи отмечают, что homo hierarchicus и homo equalis существуют в каждом человеческом обществе и даже в каждом человеке. Неравенство между хозяевами и слугами отражается, в частности, в том, что и у слуг есть своя иерархия, которая воспроизводит иерархию хозяев [Beteille, 1983:40].

5. Нормативный (оценочный) план статуса раскрывается в понятиях привилегий, престижа и уважения. Различие в положении людей предполагает приличествующее тому или иному общественному слою поведение, особые права и обязанности, с которыми ассоциируется место на ценностной шкале в конкретном обществе. Престижное поведение - это поведение, которое считается положительным образцом для той или иной общественной группы или общества в целом. Престиж не тождественен уважению, поскольку связан с определенной позицией в социальной иерархии, в то время как уважение относится к проявлению необходимых для занимаемой должности качеств [Wolf, 1989:643]. Под привилегиями понимаются особые права, которых нет у представителей непрестижных общественных слоев.

Универсальным фактом общественной жизни является распределение различных социальных вознаграждений (social rewards) среди людей, занимающих различное общественное положение. Эти социальные вознаграждения сводятся к трем типам - власть, богатство и престиж и проявляются в трех способах - непосредственное потребление, символическое потребление и обмен. Выражением символического потребления является стиль жизни с его выделенностью, отнесенностью к определенным группам людей так, что сами формы потребления символизируют групповую исключительность. Престиж является базовым символом социального статуса [Guу, 1988:37]. Непосредственное выражение престижа носит символический характер - это уважение, оказываемое людям, награждение их медалями, присвоение им почетных званий или соблюдение определенной дистанции относительно тех, кто пользуется престижем. Выделяются три основания престижа: 1) членство в каком-либо обществе, 2) контролирование коллектива и 3)

формирование порядка жизни коллектива; обычно те, кто определяет порядок жизни в коллективе на основе политических, культурных или религиозных установлений, пользуется максимальным престижем [Eisenstadt, 1968: 67-68]. Конфигурация престижа образуется пересечением двух осей: внешнее/ внутреннее проявление и нормативное/ условное основание. Соответственно выделяются четыре базовых типа престижа: политический, солидарно-интеграционный, экономический и моральный. Отмечено, что престиж - это, с одной стороны, субъективная оценка и субъективное переживание своего статуса индивидом и, с другой стороны, это - социальная величина, структурирующая общество [Wegener, 1988: 17].

Оценочный аспект статуса выражается и как уважение. Уважение связано с такими понятиями, как престиж, честь, слава, достоинство, стыд, бесчестье, бесславье. Уважение определяется характеристиками, которые являются социальными правами на уважение (deference entitlements): 1) занятием, 2) богатством и его типом, 3) доходом и способом его получения, 4) стилем жизни, 5) уровнем образования, 6) политической или корпоративной властью, 7) близостью к лицам или позициям, пользующимся политической или корпоративной властью, 8) родственными отношениями, 9) представительскими функциями от имени своего сообщества по отношению к внешним сообществам, 10) владением "объективными свидетельствами" уважения, такими, как титул или ранг. Наиболее уважаемыми занятиями в обществе являются те занятия или должности, которые связаны с властью над телом и духом людей. Богатство требует уважения только в том случае, если оно связано с определенным стилем жизни. Стил жизни вызывает уважение в силу того, что он является наиболее разработанной системой проявления символических ценностей общества. Максимальная символизация жизни свойственна королевским дворам, где все действия и поведенческие акты имеют ритуальное значение. Образование внушает уважение отчасти потому, что позволяет человеку занять престижную должность, но и в большей мере потому, что оно связано с культурными ценностями, определяющими стиль жизни [Shils, 1968: 106-110]. Доводы Э.Шилза относительно уважения к образованию человека ставит под сомнение писатель О.Хаксли: "...for the great majority of men and women, there obviously is nothing in culture. Nothing at all - neither in spiritual satisfaction, nor in social rewards. Under a system of universal education, social rewards will tend to go only to those who have talent as well as schooling. The schooled but untalented many find themselves just as badly off as they were before." 1A. Huxley. Music at Night. Hamburg: Albatros, 1935. - 216 p. (P. 164-165). - "Для огромного большинства мужчин и

женщин в культуре явно ничего нет. Совершенно ничего – ни в духовном удовлетворении, ни в общественном признании. В условиях всеобщего образования общественное признание приходит только к тем, у кого есть талант наряду с образованием. Образованные, но лишенные талантов массы оказываются в таком же плохом положении, в каком они и были раньше." На наш взгляд, О.Хаксли прав в том отношении, что статус есть величина соотносительная: статус образованного человека зависит от числа образованных людей. На определенной стадии образовательного насыщения общества этот статус оценочно нейтрализуется. Становится важным не наличие образования, а степень образованности, и в этом смысле мнение профессора Э.Шилза представляется более обоснованным.

Уважение проявляется в поведении и находит свое концентрированное выражение в особых поведенческих актах – приветствиях, обращениях, автохарактеристиках. Различным людям, группам людей и обществам свойственна различная степень чувствительности к знакам уважения. В замкнутых строго иерархических системах существуют нормативно закрепленные сложные системы знаков уважения, например, в армии. Оценочный аспект социального статуса человека вариативно представлен в языке.

Социальный статус многомерен и объединяет в себе характеристики трех типов действий по Ю.Хабермасу, а именно: нормативное, драматургическое и коммуникативное действия, противопоставляемые телеологическому (целенаправленному) действию [Habermas, 1984:85]. Целенаправленные действия сориентированы на внешний мир, его преобразование или отражение; нормативные действия сориентированы на сообщество людей, подчиняющих свое поведение общим ценностям; драматургические действия сориентированы не на индивида и не на сообщество в целом, а на участников взаимодействия, представляющих собой как бы публику друг для друга, прежде всего – это этикетные действия; коммуникативные действия сориентированы на участников взаимодействия, поддерживающих между собой вербальное или невербальное общение.

6. Этнокультурный план социального статуса активно разрабатывается в этнографии, антропологии и культурологии. Выражение статусных отношений весьма специфично в различных культурах и языках. Эта специфика проявляется, в частности, в эксплицитности/ имплицитности выражения статусного неравенства, в особых формах общения, например, в общении посредством адресата-ретранслятора между вождем и собранием [Firth, 1975:35; Г.Г.Почепцов, 1986:11-15], в правилах этикета, предписывающих ту или иную длительность фатической речи [Keenan, 1983:237], в наличии в некоторых языках особых показателей почтения/ самоуничижения [Алпатов, 1973:13;

Ogino,1986:38], в особых формах обращения [Braun,1988:35]. Специфика статусных отношений базируется на нормативной системе общества. Так, нищета является осуждаемой и презираемой во многих социумах, однако в определенных религиозных сообществах статус нищего внушает уважение [Альбедиль,1985:79]. Статусные отношения своеобразны в различных субкультурах одной культуры, в разных социолектах одного языка [Fowler,1985:70; Giddens,1987:231]. Переключение социолектов связано с переключением статусных отношений [Ferguson,1972:232].

7. Динамический план социального статуса объединяет две проблемы, связанных с изменением статуса человека. Филогенетический (диахронический) анализ статусных отношений в том или ином обществе позволяет увидеть изменение общественных норм и правил поведения применительно к социальной иерархии [Белашова,1980; Lebsanft,1988]. Необходимость дифференциации различных статусных нюансов зависит от условий жизни. Так, в XIX веке в России детально обозначались родственные отношения – по родству и по свойству, например, шури́н (брат жены), невестка (жена брата), ятровь (жена брата мужа). В условиях большой семьи, жившей в одном доме, требовалась дифференциация родственных связей, вытекающая из дифференциации прав и обязанностей того или иного члена семьи. С переходом к жизни в условиях ядерной семьи значение таких родственно-свойственных отношений отодвинулось на второй план, и поэтому соответствующие слова либо стали малоупотребительными, либо вовсе вышли из обихода [Trudgill,1984:28].

Онтогенетический анализ социального статуса – это анализ социализации человека как подрастающего члена общества. В социологической и социолингвистической литературе активно обсуждаются вопросы онтогенеза социального статуса – билингвизм, престижные и непрестижные социолекты, проблема языкового дефицита [Romaine,1989; Hickmann,1985; Ochs,1987; Bernstein,1979].

Выделенные планы изучения социального статуса человека взаимопересекаются и отражают не столько внутренние характеристики понятия статуса, сколько степень разработанности отдельных проблем, связанных с предметом нашего анализа. Аспектизация научных объектов бесконечна, и поэтому правомерно выделение новых планов исследования социального статуса. Перспективным для изучения представляется, в частности, типологический план социального статуса человека: выделение системы статусных констант, свойственных любому человеческому сообществу определенной ступени развития, определение необходимых и случайных, первичных и вторичных, явных и опосредованных

признаков статуса, освещение вариативности статусных признаков, их нейтрализации и усиления.

Таким образом, понятие социального статуса человека, будучи социологическим в своей основе, получает в современном комплексе наук о человеке многоплановое освещение. Выделяются социально-экономический, социометрический, ролевой, дистанционный, нормативный, этнокультурный, динамический и типологический подходы к изучению социального статуса. Все планы социального статуса находят отражение в речевом поведении человека.

1.2. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Для определения категориальной сущности социального статуса человека в социолингвистике необходимо охарактеризовать основные понятия этой лингвистической дисциплины.

Предмет социолингвистики труднее поддается каталогизации, чем предмет общей лингвистики. Если в общем языкознании единицы выделяются на основе их величины – от наименьших к наибольшим (фонема, морфема, слово, словосочетание, предложение/ высказывание, сверхфразовое единство, текст), то классификация социолингвистических единиц, по мнению Д.Престона, обычно строится на двух основаниях: способе получения данных и типе языковой общности. К сфере социолингвистики относят вопросы варьирования, переключения кода, изучения креольских языков и пиджинов, характеристики общения (возраст коммуникантов, степень формальности ситуации и т.д.) [Preston, 1989:6].

Категории социолингвистики формируются в результате встречного движения научной мысли – от языка и к языку. Первое направление представляет собой движение от внутренней лингвистики, языка как системы по Ф.Соссюру, к внешней лингвистике, к теории речевой деятельности, коммуникативной лингвистике, к теории языковой личности. Второе направление синтезирует достижения исследований по межличностным отношениям, по социальным нормам, по этнокультурным характеристикам поведения. Вопросы социальной обусловленности языка относятся к числу важнейших проблем философии. Отечественная традиция освещения проблем социолингвистики в философско-методологическом ключе формулируется Н.С.Чемодановым, который пишет, что социальная лингвистика изучает "формы существования языка в их социальной обусловленности, общественные функции и связи языка с социальными процессами, зависимость языка от них и отражение их в его членении и структуре" [Чемоданов, 1975:5].

Можно выделить два уровня концептуальной разработки объекта исследования – уровень постановки проблемы и уровень построения модели.

Круг проблем социолингвистики весьма широк. Социальная обусловленность языка раскрывается Е.Д.Поливановым в списке очередных проблем социологической лингвистики (работа впервые опубликована в 1929 г.) следующим образом: 1) определение языка как социально-исторического факта, 2) описание языков и диалектов с социологической точки зрения, с использованием новых понятий вроде социально-групповых диалектов и т.д., 3) оценочный характер данного языка как орудия общения, 4) изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями, 5) оценочный анализ языка (и отдельных его сторон) как средства борьбы за существование, 6) общая типологическая схема эволюции языка в связи с историей культуры, 7) прикладные вопросы социологической лингвистики: языковая политика [Поливанов, 1968:186].

Авторитетный американский исследователь У.Лабов выделяет следующие области изучения социолингвистики: 1) стандартизация языка и языковое планирование, 2) двуязычное и многоязычное поведение, 3) пиджинизация и креолизация, 4) этнография общения, 5) кинесика и проксемика, 6) анализ речи, 7) социальное расслоение языка, 8) отношение к языку, 9) стилистика, 10) языковая вариативность, 11) развивающиеся языковые изменения, 12) коммуникативные системы [Лабов, 1976:6].

Иное понимание параметров социолингвистики развивается У.Брайтом, который выделяет в качестве направлений исследования 1) социальную принадлежность отправителя речи (классовые диалекты, касты), 2) социальную принадлежность получателя речи (обращение к старшему по статусу, к детям, к людям особого типа), 3) обстановку общения (например, официальность), 4) синхронические и диахронические исследования, 5) изучение "народной лингвистики" (анализ того, что люди думают о своем языковом поведении), 6) масштабы разнообразия (диалектная, языковая и социальная вариативность), 7) изменение (в социологии, в лингвистике, в политике языкового планирования) [Брайт, 1975:35-39].

К числу важнейших вопросов социолингвистики применительно к русскому языку Л.П.Крысин относит 1) социальную и функциональную дифференциацию языка и сопряженные с этим процессы взаимодействия и взаимовлияния различных языковых подсистем (таких, как литературный язык, территориальные и социальные диалекты, просторечие, профессиональные жаргоны), 2) обусловленное социальными причинами варьирование средств русского языка и его подсистем, 3) социальный аспект владения языком, 4) социальные оценки фактов языка и связанные с этим различия

в ценностной ориентации представителей разных общественных слоев, 5) социальный и социалингвистический аспекты национально-русского двуязычия, а также обучения русскому языку как неродному [Крысин, 1989:3].

А.Д.Швейцер и Л.Б.Никольский показывают разные подходы к пониманию предмета социалингвистики: от социальной диалектологии (узкий подход) до суммы теорий общества, языка, коммуникации, малых групп, речи индивида (широкий подход). В промежуточных подходах выделяются параметры вариативности речевого поведения (роль, ситуация, тема), связь между речевым кодом либо речевым поведением и социалингвистическими параметрами, характеризующими статус, профессию говорящих и, в конечном счете, социальную ситуацию [Швейцер, Никольский, 1978:54]. Узкий подход - изучение социолектов - сводится к выявлению фонетических, лексических и грамматических особенностей разновидности языка, употребляемого ограниченным числом людей, объединяемых по социально значимому признаку. Речь идет о профессиональных диалектах (технолектах) и жаргонах [Маковский, 1982:7-8]. Широкий подход - это глобальная антропологическая теория, включающая социологию, психологию, этнографию и филологию. Промежуточные подходы представляют собой определенные аспекты широкого понимания предмета социалингвистики. Специфика предмета нашего изучения - социального статуса человека - требует расширительного толкования предмета социалингвистики.

Эвристически ценным представляется разделение социалингвистики на микросоциалингвистику, изучающую использование языка в различных социальных группах с целью выяснения живого механизма языкового варьирования и изменения, и макросоциалингвистику, изучающую глобальное функционирование языков в определенных социальных условиях [Белл, 1980:45-45]. Макросоциалингвистика раскрывает социальные условия, среды и сферы употребления и основные формы существования языка [Аврорин, 1975:121], моделирует соотношение между языковыми общностями и языками разных типов, например, социалема - микросоциалема, лингвема - микролингвема [Дешериев, 1977:313], объясняет принципы языкового планирования. Микросоциалингвистика освещает ситуацию общения и типовые отношения между участниками коммуникации.

Существует множество социалингвистических моделей в силу многомерности социальной дифференциации языка. Первичным по значимости противопоставлением в социалингвистике вслед за А.Д.Швейцером мы признаем противопоставление двух плоскостей социально обусловленной вариативности языка - стратификационной и ситуативной. Стратификационная вариативность отражает социально-классовую структуру общества, но это отражение носит не

прямолинейный, а опосредованный культурой и языком характер. Единицей стратификационного измерения языка являются языковые коллективы с их социально-коммуникативными ресурсами. Единицей ситуационного измерения языка являются роли, в которых отражены социально обусловленные отношения между участниками коммуникативного акта. Важнейшим детерминантом ролевых отношений является статус - "комплекс постоянных социальных и социально-демографических признаков, характеризующих индивида" [Швейцер, 1983:15-20]. Социальный статус человека относится к понятийному ряду, связанному со стратификационной вариативностью языка, и вместе с тем определяет ситуативное измерение языка через ролевые отношения.

Развернутое схематичное представление ситуации предложено П.Браун и К.Фрейзером, которые выделяют в ситуации прежде всего обстоятельства и участников. Обстоятельства разбиваются на обстановку и цель, обстановка включает пространственно-временную характеристику и компонент, обозначаемый термином *bystanders* - "свидетели, безучастные наблюдатели", цель конкретизируется как тип деятельности и тема. Обстоятельства противопоставляются как формальные и неформальные и могут быть измерены в признаках общения - общение публичное/приватное, религиозное/мирское, серьезное/шутливое, безличное/личностное, вежливое/небрежное. высококультурное/низкокультурное и т.д. Участники общения характеризуются в рассматриваемой модели как индивидуальные участники и как отношения между участниками. В свою очередь индивидуальные участники выступают как индивиды с их постоянными и переменными личностными качествами и как члены сообщества, относящиеся к определенному классу, этносу, возрасту и полу. Отношения между участниками могут быть межличностными (симпатии, антипатии, знание друг друга) и ролевыми (социальный статус, власть, место в группе и вне группы) [Brown, Fraser, 1979:35]. Авторы отмечают, что полной и всеобъемлющей модели ситуации в научной литературе пока что не предложено. Попытка построить модель ситуации на дихотомической основе неизбежно будет искусственной: ситуации многомерны. Рассматриваемая модель близка нам в силу того, что на первый план выдвигаются участники общения, а одной из важнейших характеристик участников общения является их социальный статус. Вместе с тем эта модель, на наш взгляд, недостаточно отражает коммуникативную природу ситуации общения, а именно: различие между участниками общения по коммуникативной активности (говорящий, адресат, третье лицо). Компонент "цель" - и это типично для многих схем - имеет остаточную природу, сюда входит все, что не относится к участникам и внешним характеристикам общения. Несколько изменив модель

П.Браун и К.Фрейзера, мы предлагаем следующую схему ситуации (схема 1).

Схема 1.

Общая модель ситуации

Ситуация

Участники				Условия общения			
ролевые характеристики	индивидуальные характеристики	внутренние условия	внешние условия				
социальные блуждающие отношения	коммуникативные отношения	постоянные качества	переменные качества статуса	цели общения	средства общения	время и место	нада- да-

Все терминальные компоненты схемы могут быть далее дифференцированы в зависимости от аспекта изучения ситуации.

В научной литературе противопоставляются дескриптивная и динамическая модели социалингвистики. Дескриптивная модель строится по формуле Г.Лассуэлла: "Кто говорит, что, кому, на каком языке, когда и с каким эффектом?" [Lasswell, 1949:105]. Цель дескриптивной социалингвистики - выявить нормы языкового употребления, т.е. принятые социальные образцы использования языка и поведения по отношению к языку для конкретных социальных общностей. Динамическая модель социологии языка имеет целью установить причины и способы избирательного поведения одного и того же сообщества в различных ситуациях [Fishman, 1979:47]. Речь идет о выявлении кодекса норм языкового коллектива, с одной стороны, и типов поведения этого коллектива, с другой стороны.

Дескриптивная социалингвистическая модель, ориентированная на раскрытие компонентов коммуникативной ситуации, наиболее полно, на наш взгляд, разработана Д.Хаймсом. Основные восемь рубрик коммуникативного события обозначаются посредством акронима SPEAKING - Situation, Participants, Ends, Act sequence, Key, Instrumentalities, Norms, Genres - ситуация, участники, эффект, ход действия, ключ, инструментарий, нормы и жанры. Ситуация трактуется как обстановка и сцена: первый термин относится ко времени и месту протекания коммуникативного акта, второй термин - к

культурному определению события, например, по признаку официальности. Под участниками речи имеются в виду говорящий и слушающий в личном диалоге, отправитель и получатель речи, если беседа идет по телефону, адресант и публика, если говорящий выступает перед большой аудиторией. Эффект коммуникативного события включает два соотношения: "цель - непредвиденный результат" и "цель - достижение цели". Цели говорящего и слушающего могут не совпадать. Противопоставляются также цели общества (системы) и цели индивида. Например, общественные нормы предписывают обращаться к определенным лицам с использованием титулов, вместе с тем использование титула в том или ином контексте является выбором говорящего. Ход действия характеризует форму и содержание сообщения, последовательность того, что сказано и как сказано. Ключ - это манера передачи сообщения и сигнал для адресата, например, информация в виде торжественного заявления или в виде шутки. Инструментарий включает каналы и формы речи. Каналы речи являются взаимодополнительными способами передачи содержания - речь, мимика, жестикуляция и др. Формы речи представляют собой ту или иную разновидность языка (язык, диалект, арго). Нормы коммуникативного акта распадаются на нормы поведения участников акта и нормы интерпретации содержания. Под жанрами понимаются стандартные языковые формы передачи типизируемого содержания, например, светская беседа, допрос, исповедь [Нумес, 1977]. Социальный статус проявляется прежде всего в характеристиках участников общения, однако, в той или иной степени опосредованности, находит выражение во всех компонентах коммуникативной ситуации.

Разновидности каждого компонента речевого акта избирательно связаны с разновидностями других компонентов: цель общения диктует стратегию общения, и это выражается в выборе манеры разговора, формы и содержания сообщения, уместной формы речи, обстановки и т.д. Нарушения норм и ожиданий приводят к сбою общения.

К числу важнейших характеристик говорящего относится установка (attitude), центральное понятие социальной психологии - субъективная ориентация индивида как члена группы в терминах оценочных измерений на те или иные способы социального поведения. Установки бывают аффективными, когнитивными и поведенческими [Eiser, 1986:54]. Примером статусного учета в установке может быть отношение полицейского инспектора к жертвам разных преступлений: минимум подозрений вызывают состоятельные жители, подвергшиеся нападению; состоятельные жертвы грабежа вызывают некоторое подозрение, т.к. они могли имитировать грабеж для получения страховки; бедные люди, у которых что-либо украли, вызывают еще большее

подозрение, поскольку вероятно, что они сами крадут; максимальное подозрение вызывают представители низшего класса, подвергшиеся нападению, поскольку, с точки зрения полицейского, такие люди обычно сами вызывают или провоцируют нападение [Goffman, 1974:306].

В ином ракурсе проявляются характеристики говорящего и слушающего, если строится модель коммуникации в целом. Простейшая модель общения включает отправителя и получателя информации, сообщение и канал связи. Д.Берло, конкретизируя модель коммуникации, выделяет следующие характеристики отправителя и получателя речи: коммуникативные умения, установки, знания, социальная система, культура; в сообщении выделяются элементы, структура, код, содержание и отношение к содержанию; канал связи - это зрение, слух, осязание, обоняние и вкус [Berlo, 1960]. Простота является несомненным достоинством приведенной кибернетической модели, но нельзя не согласиться с мнением М.М.Бахтина о том, что рассматривать "слушающего" или "получателя речи" как пассивного партнера "говорящего" было бы в корне неверно, в научном плане такое понимание - фикция [Бахтин, 1986:259].

Упомянутая выше дескриптивная модель Дж.Фишмана включает как компоненты речевой ситуации, так и более абстрактные конструкты: 1) социальную ситуацию, определяемую пересечением обстановки, времени и ролевых отношений, которые представляют собой принятые в обществе взаимные права и обязанности, 2) сферу общения (domain), например, общение в семье, в школе, в церкви, в учреждении, 3) комплекс ценностей (value cluster), выводимый из поведенческих сфер общения, 4) коммуникативную сеть (network type), представляющую собой совокупность ролевых отношений, связь участника общения с другими людьми, 5) интеракцию - взаимодействие между коммуникантами; интеракция может носить личный и формальный характер. Социальная ситуация и тип интеракции наблюдаются в речи. Ролевые отношения определяют коммуникативную сеть, социальную интеракцию и тип интеракции [Fishman, 1976:257]. В несколько упрощенном виде дескриптивная модель Дж.Фишмана показана на схеме 2.

Схема 2.

Взаимосвязь основных понятий социолингвистики

Комплекс ценностей

Сфера общения
сеть

Коммуникативная

Роли

Речь

Достоинство рассматриваемой схемы заключается в объяснении обусловленности социолингвистических понятий. Таблица 2 иллюстрирует единство сферы общения, роли говорящего, места и темы разговора.

Таблица 2.

Характеристики сферы общения

Сфера общения	Роль говорящего	Место	Тема разговора
Семья	Родитель	Домашняя обстановка	Как должен себя вести хороший сын
Дружеские отношения	Друг	Пляж	Как играть в деленную игру
Производство	Начальник	Рабочее место	Как более эффективно выполнить задание

Приведенное соотношение может быть дополнено функциональным переключением языка в обществе, для которого характерна диглоссия - выбор языка в зависимости от сферы общения и статусно-ролевых отношений между коммуникантами. Так, пуэрториканцы в Нью-Йорке пользуются английским языком в официальных ситуациях и говорят по-испански дома и с друзьями [Breitborde, 1983:19].

Существуют сферы общения с заранее заданными характеристиками речи статусно неравноправных партнеров. Типичным примером такой сферы общения является общение учителя и учеников на уроке. В речи учителя выделяются различные сигналы управления совместной деятельностью учащихся: 1) привлечение внимания (Now, don't start now, just listen), 2) контроль объема речи (Anything else you can say about it ?), 3) контроль понимания (Do you understand, Stevie ?), 4) резюмирование (Well, what I am trying to say is...), 5) дефинирование ("incarnate" - that means "in the flesh"), 6) направление изложения (That's getting near it), 7) коррективная (Teacher: David, what's the meaning of "paramount" ? Pupil: Important. Teacher: Yes, more than that, all-important.), 8) выделение тем (Well, that's another big subject.) [Stubbs, 1983:51-53].

В работе Р. Белла противопоставляются первичные и вторичные социальные отношения по физическим и социальным характеристикам. Первичные социальные отношения (между приятелями в игровой группе, между родителями и ребенком в семье, между учителем и учеником в школе) характеризуются в физическом плане близостью, небольшим объемом, долговременностью, в социальном плане - общими целями, истинной оценкой, обширными знаниями об участниках, свободой, неофициальным контролем и обязательной солидарностью. Вторичные социальные отношения (между офицером и подчиненным в армии, между работодателем и рабочим на предприятии, между исполнителем и зрителем на концерте) характеризуются в физическом плане удаленностью, большим объемом, кратковременностью, в социальном плане - раздельными целями, внешней оценкой, частичным общим знанием участников, принуждением, официальным контролем, обязательной властью [Белл, 1980:140]. Анализ первичных и вторичных социальных отношений показывает, что признаки дистанцированности/недистанцированности и формальности/неформальности социального статуса не обуславливают друг друга. Заметим, что Э. Гоффман предостерегает против упрощенного понимания социальной ситуации; например, при анализе "языка уважения" вряд ли правомерно сводить всю типологию отношений к схеме "вышестоящий - нижестоящий", "нижестоящий - вышестоящий" и "равный - равный" [Goffman, 1979:63]. Социальные отношения и социальные группы проявляются в общении, в коммуникативных ситуациях, не всегда прогнозируемых и, во всяком случае, прогнозируемых с известной долей вероятности. Идея о том, что у коммуникативных ситуаций есть своя внутренняя логика, четко выражена в герменевтике: "Мы говорим, что мы "ведем" беседу, однако чем подлиннее эта беседа, тем в меньшей мере "ведение" ее зависит от воли того или иного из собеседников. ...Правильнее будет сказать, что мы втягиваемся или даже, что мы впутываемся в беседу." [Гадамер, 1988:446]. По мнению исследователей, у социальных ситуаций есть собственные качества и собственная структура. Думается, что в этом есть глубокий смысл, однако, любая схематизация неизбежно связана с упрощением состояния дел. Вероятно, следует выделять не только наиболее яркие дифференциальные признаки, системообразующие для данной социальной ситуации, но и признаки "второй яркости", природа которых носит более сложный характер. В этой связи представляются весьма важными параметры социолекта, выделенные М. Юсселером: 1) групповая принадлежность (социально-экономический статус, поколение, пол, членство в какой-либо организации), 2) ориентация (представления и идеи, возникающие вследствие принадлежности говорящего к

группе, слою, классу), 3) исторический фон (социально-историческая ситуация) [Юсселер, 1987:145-147].

С иных позиций к социолекту подходит Т.Лукманн, определяя характеристики "институционального речевого стиля", т.е. разновидности языка, используемого в определенном сообществе: 1) обусловленность определенным стилем жизни, 2) закреплённость за определенными сферами общения, 3) выработка специфических показателей соответствующего речевого стиля - особой коннотативной насыщенности применительно к словам, выражающим ценности данного сообщества, особых переосмыслений слов, особых правил речевого этикета и др. [Luckmann, 1975:34-39].

Оригинальная семиотическая модель предложена М.Халлидеем, который противопоставляет типы лингвистических ситуаций по трем параметрам: 1) что происходит, 2) кто принимает участие, 3) какую роль играет язык. Эти три переменных, взятые вместе, определяют "регистр" (область значений и средств выражения, определяемых ситуацией). Ситуативные типы или социальные контексты имеют три измерения: поле, тональность, модус (field, tenor, mode). Поле - это предметная область общения, не только тематика речи, но и вся деятельность говорящего или участника общения; тональность (прежде называемая автором "стиль дискурса") относится к отношениям между участниками общения и характеризует степень формализованности этих отношений, наличие старшинства и иерархии, степень знакомства, сходство или различие по личностным характеристикам; модус характеризует канал общения (коммуникация устная или письменная, подготовленная или спонтанная, с микрофоном и записью или нет и т.д.). Языковая вариативность трактуется М.Халлидеем как вариативность относительно говорящего ("диалект") и относительно языка ("регистр" или "диатип") [Halliday, 1978:35]. Различие между диалектом и регистром по М.Халлидею показано в таблице 3.

Таблица 3.

Языковая вариативность относительно говорящего и языка

Диалект	Регистр
- это то, как говорят обычно;	- это то, как говорят в данный момент;
- определяется тем, кто вы;	- определяется тем, что вы делаете;
- указывает на различие в социальной структуре (социальная иерархия);	- указывает на различие в социальном процессе (разделение труда);
- определяющие переменные: социальное происхождение, поколение,	- определяющие переменные: поле (тип социального действия), тональность, ролевые

возраст, пол

взаимоотношения, модус (знаковая организация общения)

Социально-семиотическая модель языка по М.Халлидею (в некоторой модификации) показана на схеме 3.

Схема 3.

Взаимосвязь социосемиотических категорий

Социальная система

Социальная структура

Контекст культуры

Языковая система

Роловая структура семьи - Иерархия (социальный класс)

Социальный диалект

Статусные и ролевые отношения

Ситуационные типы: поле, тональность, модус

Регистр

Текст в ситуации

В модели М.Халлидея, отличающейся оригинальностью концепции и нестандартным использованием терминов, социальная структура присутствует повсеместно в процессе лингвистического общения. Исходным фактором, определяющим принципы семиотической организации, является ролевая структура семьи. Эта структура связана с осознанием принадлежности к иерархии, определенному социальному классу или касте. Иерархия определяет социальный диалект и статусно-ролевые отношения. Ситуации общения обусловлены статусно-ролевыми отношениями, контекстом культуры и языковой системой. Языковая система через регистр реализуется в конкретном тексте. В концепции М.Халлидея различие между статусом и ролью на высокой ступени абстракции нейтрализуется, речь идет о статусно-ролевых отношениях.

Воздействие по М.Халлидею осуществляется посредством языковой системы в контексте культуры и направлено на изменение (либо сохранение) существующих статусно-ролевых отношений. Р.Ходж и Г.Кресс предлагают понятие логономической системы (logonomic system) для моделирования воздействия одной социальной группы на другую. Под логономической системой понимается набор правил, определяющих условия для образования и восприятия значений;

эти правила определяют следующее: 1) кто имеет право формировать, передавать или знать, понимать значения, 2) что обозначается, 3) каковы обстоятельства обозначения, 4) каковы модусы обозначения (как, когда и почему нечто обозначается) [Hodge, Kress, 1988:4]. Логономические правила исторически обусловлены. Так, в Европе XVII века слуги должны были не только молчать во время разговора господ, но и должны были сохранять абсолютно бесстрастное выражение лица: любой намек на готовность участвовать в общении расценивался бы как дерзость [Hodge, Kress, 1988:45].

М.Халлидей противопоставляет собственно лингвистику, психолингвистику и социолингвистику как науки о языке, предметом изучения которых являются соответственно система, знание и поведение. В этой связи представляет интерес работа, авторы которой построили интегративную модель знания и поведения. Исходя из того, что одной из коммуникативных функций языка является снижение неопределенности, Ч.Бергер и Дж.Брейдак построили схему снятия когнитивной и поведенческой неопределенности, установив три уровня знания и поведения [Berger, Bradac, 1982] (Таблица 4).

Таблица 4.

Уровни коммуникативного знания и поведения

Уровень знания	Уровень поведения
1. Дескриптивный уровень - - идентификация человека	1. Культурологический уровень общие для данной культуры нормы и конвенции
2. Предиктивный уровень - предсказание точки зрения человека, его возможного поведения	2. Социологический уровень - принадлежность к социальной группе, исполняемые роли
3. Экспланаторный уровень - объяснение мотивов поведения партнера	3. Психологический уровень - личностные свойства

Когнитивная неопределенность (уровень знания) понимается как неопределенность в отношении представлений и установок партнера по коммуникации и/или самого говорящего, поведенческая неопределенность (уровень поведения) - как степень предсказуемости поведения в данной ситуации. Социальный статус человека занимает промежуточную позицию в уровнях понимания человеческого поведения и коррелирует с вероятностным пониманием точки зрения партнера. Это - уровень поверхностного знания, уровень формально-деловых контактов. Следует сказать, что социологический уровень в

данном изложении характеризует преобладающую часть человеческих знакомств, поскольку адекватное объяснение мотивов поведения и понимание личностных свойств партнера по общению распространяется обычно на узкий круг самых близких людей. Что же касается дескриптивного уровня (уровня узнавания) и культурологического уровня восприятия поведения (способности определить, относится ли данный индивид к данному обществу в целом, не отличается ли видимыми отклонениями в поведении, не является ли чужим и т.д.), то на этом уровне информация о человеке носит минимальный характер, и поэтому количество таких знакомств является относительно размытым.

Информация о социальном статусе человека расценивается как приоритетная в обществе. Об этом свидетельствует не только детальная специализация социальных характеристик человека в лексической семантике [Белашова, 1980; Мейрманова, 1990], но и психологическая закономерность запоминания наиболее важных характеристик человека при знакомстве: сначала запоминается лицо (уровень идентификации), затем - занятие (уровень классификации) и, наконец, имя и дополнительная характеристика (уровень характеристики) [Cohen, 1990:288]. На уровне классификации человек определяется как представитель определенного социального слоя, профессии и т.д. Дополнительная информация включает вытекающие из классифицирующего набора признаков характеристики, например, собственность, стиль жизни, типичное поведение.

В теории речевой деятельности факторы, обслуживающие реализацию речевой интенции, составляют восьмичленное образование: 1) язык, 2) степень владения языком (ребенок или взрослый, говорящий на родном или неродном языке), 3) функционально-стилистический фактор: а) выбор речи в зависимости от целевой направленности конкретного высказывания, б) выбор формы речи - устная или письменная, монологическая или диалогическая, в) выбор стилистических средств в соответствии с социально отработанной ситуацией - речь на совещании или беседа в коридоре, 4) социолингвистический фактор - шкала социальных отношений, соотношение социальной роли говорящего и собеседника, 5) аффективный фактор, 6) индивидуальные различия в речевом опыте, 7) речевой контекст, 8) речевая ситуация [Леонтьев, 1974:34-35].

Подведем некоторые итоги.

Социальный статус человека относится к числу центральных категорий социолингвистики. Концептуальная связь рассматриваемой категории с другими ближайшими понятиями социолингвистики показана на схеме 4.

Схема 4.

Социальный статус человека в системе социолингвистических категорий

Речевые коллективы

Культура, комплекс ценностей

Деятельность, поведение

Статус
Роль

Речевое событие, речевой акт

Коммуникативная сеть

Сфера общения, ситуация

Социально-коммуникативная система (язык)
Литературный язык, социолекты, диалекты

А

Б

В

В центре нашей схемы находится концепт социального статуса человека, самым близким понятием к предмету нашего изучения является концепт роли, тесно связаны с понятием социального статуса концепты комплекса ценностей, стратифицированного речевого коллектива, поведения, речевого события / акта, сферы и ситуации общения, коммуникативной сети и языка в его разновидностях. Связи с остальными понятиями носят опосредованный характер. На схеме показаны оси концептуального развертывания: ось А - деятельность / поведение -- речевое событие / речевой акт - предполагает рассмотрение статуса в аспекте поведения человека, ось Б - речевой коллектив -- язык - предполагает освещение статуса в плане стратификационно-ситуативной вариативности, ось В - культура / комплекс ценностей -- коммуникативная сеть - мыслится как изучение статуса в аспекте стиля жизни. Поведение, стратификация и стиль жизни составляют модель концепта социального статуса человека. Эта модель предлагается в качестве дедуктивного социолингвистического ориентира для изучения предмета нашего исследования.

1.3. ИНДИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА

По своей сути социальный статус человека есть соотносительная категория. Раскрытие этой категории может

быть направлено вовне и вовнутрь: в первом случае определяется система значимостей в обществе, выявляются основные и второстепенные ранговые позиции, занимаемые людьми постоянно и временно, во втором случае устанавливаются основные и дополнительные характеристики, свойственные той или иной ранговой позиции. Поясним сказанное: позиция армейского офицера предполагает его право отдавать приказы подчиненным военнослужащим в определенных обстоятельствах и его обязанность выполнять распоряжения своего начальства в силу объективной необходимости защиты государства и вытекающей из этой необходимости организованной общности людей, армии, с четко регламентированными правами и обязанностями. Таковы внешние аспекты социального статуса офицера. Вместе с тем предполагается, что позиция офицера замещается людьми, прошедшими соответствующую подготовку, обладающими определенными качествами личности и ведущими себя соответственно сложившемуся стереотипу. Выделяются более и менее типичные характеристики поведения офицера в определенном социуме. Таковы, на наш взгляд, внутренние аспекты социального статуса офицера. Внешние аспекты социального статуса человека сводятся к объяснению статуса различных людей как представителей той или иной общности. Внутренние аспекты представляют собой характеристику поведения людей, занимающих ту или иную ступень в общественной иерархии.

Внешние аспекты социального статуса в большей мере связаны с системой норм соответствующего общества и отражаются прежде всего в нормативном плане социального статуса. Внутренние аспекты статуса преимущественно обобщают его ролевые характеристики. Именно несовпадением внутренних аспектов статуса с внешними проявлениями поведения людей объясняются оксюмороны типа *silent barber*, *loquacious librarian*, *moderate extremist* (W.S. Blumenfeld, *Jumbo Shrimp and Other Almost Perfect Oxymorons. Contradictory Expressions that Make Absolute Sense. New York: Perigree, 1986. - 96 p. - "молчаливый парикмахер", "разговорчивый библиотекарь", "умеренный экстремист"*).

Рассматривая внутренние характеристики проявления социального статуса человека, мы обращаемся к трем сферам проявления статуса: индексам стиля жизни, человеческих контактов и речи.

1.3.1. ИНДИКАЦИЯ СТИЛЯ ЖИЗНИ

Американский социолог Э. Уилсон приводит интересные данные относительно вкусов и пристрастий различных слоев общества в США конца 40 годов XX века. Выделяются четыре типа людей: *High Brow*, *Upper Middle Brow*, *Lower Middle*

Brow, Low Brow, т.е. "высоколобые" (элита общества), "низколобые" и два промежуточных слоя. Перечисляются аспекты сопоставления: одежда, мебель, полезные предметы, развлечения, салаты, напитки, чтение, скульптура, пластинки, игры, темы разговоров [Wilson, 1966:182-183]. Разумеется, такая компоновка в известной мере субъективна и фрагментарна. Проанализированы только вкусы и пристрастия мужчин, хотя в социолингвистической литературе отмечено, что для женщин в англоязычном обществе индексы социального статуса играют более значительную роль, чем для мужчин, поскольку мужчины утверждают себя в своих делах, а женщины - в том, как они выглядят и что о них говорят [Trudgill, 1974:94-95]. Но при всей фрагментарности приведенного материала этот материал заслуживает пристального внимания в плане социокультурных коннотаций американского мира и образа жизни.

Распределение людей по четырем категориям на основании критерия "высоколобости", т.е. образования и интеллекта, коррелирует с приведенными выше социометрическими списками профессиональных групп людей.

Признаком элитарного стиля в одежде того времени был дорогой твидовый костюм фирмы Хэррис и отсутствие шляпы, а двубортный костюм, галстук с блестками и шляпа свидетельствовали о принадлежности их владельца к типу Lower Middle Brow, т.е. к явно неэлитарному типу. Матерчатая обувь (woven shoes) являлась индексом самого низкого статуса человека. "Высоколобые" предпочитали конструктивистскую мебель: торшер с изменяемым углом освещения и стул "без излишеств" (Kurt Versen lamp, Eames chair), в то время как "низколобым" больше нравились удобные мягкие кресла с большими круглыми подлокотниками и настольные лампы с матерчатым абажуром (overstuffed chair, fringed lamp). Индексами элитарного развлечения были балет и театр, людям с непритязательным вкусом нравились популярные музыкальные фильмы и ковбойские вестерны. Даже в салатах наблюдалась индикация статуса человека: представители высшего круга предпочитали зелень с оливковым маслом, уксусом, перцем и солью крупного помола; тот, кто попал в рубрику Upper Middle Brow, обычно добавлял в салат помидоры и сыр, а тот, кто занимал низшую ступень на иерархической пирамиде, отдавал предпочтение салату из капусты (coleslaw). Аналогичными индексами являлись марочные красные и сухие вина, с одной стороны, и эль и пиво, с другой стороны. В литературных вкусах людей также четко противопоставлены индексы социального статуса: элита читает литературу авангарда, сложную поэзию, критические статьи, а людям, занимающим низшую ступень в социальной пирамиде, нравятся комиксы и книги для массового читателя с незатейливыми сюжетами. Противопоставляются "солидные

журналы" и журналы массового распространения, а также музыкальная классика и авангард, с одной стороны, и легкая музыка, популярные песни, с другой стороны. Произведения абстрактной скульптуры и майолики свидетельствовали о том, что их владельцы и ценители относились к "высоколобым", а статуэтки в прихожих в классическом стиле являлись индексами более низкого статуса их владельцев. Отметим, что представители низкого социального статуса в своих эстетических пристрастиях, по данным Э.Уилсона, характеризуются выраженным консерватизмом. Сложная восточная игра "го" являлась индексом людей высокого статуса, а "низколобые" в свободное время играли в кости.

Отношение к инновациям, проявляющееся прежде всего в моде, определяется социальным статусом людей. Источниками инновации обычно бывает небольшая группа молодых, богатых, уверенных в себе людей; на ранней ступени инновацию поддерживают лидеры общественного мнения, имеющие высокий социальный статус, пользующиеся уважением и рассматриваемые в качестве образцов для широкого подражания; затем инновация распространяется в кругу большинства людей, статус которых чуть выше или чуть ниже среднего уровня, эти люди отличаются основательностью, взвешенностью подхода и изрядной долей скептицизма; наконец, инновацию принимают те, у кого самый низкий социальный статус, они ориентируются на традиции, на мнения соседей и родственников и никогда не являются лидерами общественного мнения [Rogers, 1962:185].

В исследовании П.Фасселла, построенном на материале современных форм поведения в США, дифференцируются жизненные стили американцев, принадлежащих к различным социальным слоям. Например, условный Механик в гараже и Служащий в издательстве при одинаковом заработке резко отличаются по стилю жизни: в семье Механика обычно кричат друг другу из комнаты в комнату, а в семье Служащего принято модулировать голос; жена Механика делает покупки в ближайших магазинах, жена Служащего покупает одежду в престижных городских магазинах; в доме Механика нет книг, в доме Служащего множество книжных полок с книгами.

В кругу высшего социального класса гости не делают комплиментов хозяевам дома относительно качества вещей, пищи и т.д., это воспринимается как грубость, поскольку предполагается, что все в доме - только высшего качества. Признаком принадлежности к высшему классу выступает проявляемая во всем избыточность (в частности, в доме должно быть больше комнат, чем это нужно членам семьи), а также непрактичность, часто имитируемая, например, светлая одежда, которую носят в плохую погоду. Улыбка - верный показатель статуса: женщины из рабочих семей улыбаются чаще и шире, чем женщины из семей среднего класса. приметой

пролетарского вкуса в США является одежда с надписью, например, Adidas. Стремление к исключительной опрятности часто характеризует неустойчивую часть среднего класса: состоятельные люди могут появиться в старой одежде, как бы подчеркивая, что они пренебрегают социальными условностями.

Многие американцы живут в собственных домах за городом. Чем опрятнее и чище газон перед домом, тем более вероятно, что в доме живут люди среднего, а не высшего класса; если же перед домом выставлены на всеобщее обозрение какие-либо украшения, например, пластиковые гномы, значит, дом принадлежит, по всей видимости, пролетариям. Привычка к быстрому поглощению пищи - признак пролетарского происхождения (обед для рабочих - не время для беседы). Отношение к телевидению также зависит от социального статуса человека: представители среднего класса смотрят определенные передачи по выбору, представители низких социальных слоев смотрят все подряд, когда есть время, а представители высшего круга смотрят только новости или вообще игнорируют телевидение.

Для американцев, у которых нет наследственных дворянских титулов и подобных формальных показателей статуса, статусным индексом становится принадлежность к тому или иному университету. Существует строгая иерархия среди множества американских университетов и колледжей. Формальным знаком такой иерархии может стать, например, наклейка с названием университета на заднем стекле автомобиля. С целью повышения престижа учебного заведения любой колледж стремится получить название университета. Отношение к научным знаниям также характеризует людей в статусном отношении: основная клиентура для составителей массовых гороскопов в США - представители низких социальных слоев. Для средних слоев общества характерно подчеркнутое использование эвфемизмов, например, the stupid - slow learners or underachievers - "тупые" замещаются выражением "те, кто медлительны в учебе или недостаточно успевают" [Fussell, 1983: 28, 33, 51, 58].

Приведенный материал показывает, что лингвострановедческая информация, прагматические коннотации требуют интерпретации в терминах культурологии и подробного описания соответствующей языковой общности в тот или иной период. Отсюда огромную важность приобретает толкование прагматиков, товарных знаков, имен собственных, которые являются концентрированным выражением культурологических реалий. Интерпретация подобных культурологических символов строится по модели развертывания фрейма [Минский, 1979: 7]. Но если обычный фрейм, например, звонок по телефону-автомату, имеет сравнительно небольшую глубину интерпретации (таксофон, процедура набора номера, оплата разговора и т.д.), то культурологически насыщенный фрейм,

разворачиваясь по спирали, вовлекает в сферу своей индикации множество реалий и символов (например, инквизиция). А интерпретация, нахождение вербальных описаний для культурологических символов, составляет важную задачу лингвистики, а в историческом смысле – главную задачу филологии.

Приведенные выше внутренние характеристики социального статуса американского социума нуждаются в комментарии. Во-первых, для языка не существенна дробная стратификация общества, важно обозначить верхние и нижние рубежи статусной группы. Во-вторых, коннотации статуса, как и коннотации вообще, являются нечеткими, расплывчатыми образованиями. В-третьих, существуют коннотативные кластеры, объединения коннотаций применительно к тому или иному значению типа "дорогой + престижный", "сложный + престижный", "необычный + престижный" и т.д. В-четвертых, оценочные коннотации по своей сути контрастны и возникают как импликации, например, "Если необычное произведение искусства привлекает "высоколобых", то обычное стандартное произведение соответствует уровню низших слоев общества". В-пятых, индексы социального статуса имеют прототипную природу: типичному представителю определенного общественного слоя свойственно определенное поведение. Это психологическое основание статусных стереотипов учитывается в рекламе, например: "Сильный мужчина пьет пиво". Реклама имеет своего социального адресата: достоинство тех, кто не относится к высоколобым, – физическая сила. В-шестых, индексы социального статуса характеризуются определенной автономностью по отношению к своему денотативному основанию. В дореволюционной России индексом принадлежности к высшему обществу был французский язык. Но в начале XX века в связи с расширением социальной базы тех, кто претендовал на высокий статус, уровень обязательного знания французского языка сильно упал по сравнению с французской речью эпохи "Войны и мира". Стала важна не степень усвоения языка, а то социальное значение, которое французскому языку приписывалось. Это значение было особенно велико для того, кто плохо владел французским языком [Поливанов, 1968:216]. Подобная ритуализация видов поведения и выветривание их фактического содержания свойственны и эпигонам "высоколобых" американцев, соблюдавшим правила игры для создания своего образа без внутреннего принятия тех ценностей, которые объединяли интеллектуальную элиту. Автономность индекса отражает общую тенденцию знаков варьировать свою форму и содержание.

Одни и те же слова могут получать различную статусную коннотацию. Так, Р.Берлинг приводит следующую таблицу обозначения времени приема пищи и наименования пищи в зависимости от статуса говорящих на Ямайке (Таблица 5).

Таблица 5.

Статусная коннотация времени еды

Социолект	5:00 - 7:00	11:00 - 12:00	16:00 - 18:00	19:00 - 20:30	21:30 - 24:00
Верхний средний (легкий) класс	завтрак (средний)	ланч (средний)	чай (легкий)	обед (плотный)	ужин
Нижний средний класс	завтрак (средний)	обед (плотный)	ужин (средний)	ужин (легкий)	
Работник на ферме	чай (легкий)	завтрак (средний)		обед (плотный)	
Фермер	чай (легкий)	завтрак (плотный)	обед (средний)	ужин (легкий)	

[Burling, 1970, с.35].

Из приведенных данных следует, что одно и то же слово может получить различную коннотацию в зависимости от социального положения говорящего. Впрочем, сбой в понимании вряд ли возможен в реальном диалоге: сомнительно, что работник на ферме получит приглашение на великосветский ужин, а фермеру придется разделить обед с банковским клерком. В ряде случаев концепты, однако, настолько расходятся, что требуется специальное слово для обозначения каждого из понятий. Так, например, выражения to dine и to have dinner - "обедать" существенно различаются по обстоятельствам употребления: в первом случае речь идет о званом обеде, об обеде в ресторане и т.д., во втором случае - об обыденном приеме пищи. Дж.Гамперц отмечает, что первое слово абсолютно неприменимо к обеду рабочих во время перерыва, даже если пища изысканно приготовлена, а манеры людей, сидящих за столом, безупречны [Gumperz, 1964:139].

Коннотации социального статуса свойственны обозначению модных товаров для женщин в Англии и США. Отмечено, что реклама одежды для людей с небольшими доходами использует ограниченный набор основных цветовых терминов - blue, red, green, yellow, and purple, including modifiers "light/dark". Цветовая гамма включает пять красок - голубую/синюю, красную, зеленую, желтую и пурпурную. Дорогая одежда рекламируется с использованием более богатого словаря - rust, russet, camel, plum, wine, fuchsia, teal, sapphire, turquoise, emerald, sea foam, bone, taupe -

"рыжевато-ржавый; красновато-коричневый; цвет верблюжьей шерсти; тусклый темно-фиолетовый, как слива; темно-красный, винный, бордо; пурпурно-красный; темно-зеленый, с синим отливом; сапфировый; бирюзовый; изумрудный; цвет морской волны; цвет слоновой кости; серо-коричневый". Аналогичное явление имеет место и в других языках [Saville-Troike, 1986:88]. Технология изготовления одежды цвета слоновой кости или морской волны действительно требует вначале больших денежных затрат. В рекламе же происходит перестановка суждений в силлогизме с выпадающим средним звеном: "Одежда редкого цвета является дорогой -- Состоятельные люди покупают дорогую одежду -- Купить дорогую одежду значит подтвердить свою принадлежность к слою состоятельных людей". Статусная семантика цвета в значительной мере условна; пурпурный цвет в европейской традиции ассоциировался с императорской властью, а сейчас является индексом принадлежности к низким слоям населения, руководства по этикету советуют избегать одежды пурпурного цвета тем, кто хочет добиться успеха в обществе; в Китае цвет одежды символизировал место в статусной иерархии: одежда императора - желтого цвета, одежда членов его семьи - светло-желтая, одежда высших чиновников - красная, чиновники ниже рангом носили голубую одежду, чиновники самого низкого ранга - черную. Серов Н.В. Хроматизм мифа. Л.: Васильевский остров, 1990. - 352 с. (С.290).

Знаковая функция предмета, выражающего статус человека, блестяще показана Р.Мерфи в его статье о повязке на лице у туарегов. На юге Алжира живет племя туарегов, у которых есть удивительный обычай: мужчины закрывают лицо особой повязкой, связанной с тюрбаном. Это особенно странно по сравнению с остальным арабским миром, поскольку женщины у туарегов ходят без чадры. Повязку на лице никогда нельзя снимать. Тот туарег, который случайно или намеренно опустит лицевую повязку перед соплеменниками, не может более рассчитывать на их уважение. Без повязок ходят рабы и вассалы, а также юноши до 17 лет. Говоря с вышестоящими, туарег следит за тем, чтобы повязка доходила снизу почти до глаз, беседуя с нижестоящими, он может немного опустить повязку в знак фамильярности, но никогда не опустит ее ниже рта. Показать рот - значит совершить предельно постыдный поступок. Интересно, что и у амазонских индейцев принято считать безнравственными тех женщин, которые улыбаются, не прикрывая рот рукой. Рот, подобно глазам, - это индикатор отношения адресата к партнеру. Люди, стремящиеся подчеркнуть дистанцию между собой и партнерами по общению, стремятся выглядеть так, чтобы их лицо было минимально информативным. Темные очки на лице латиноамериканских диктаторов или ближневосточных принцев - своего рода формальный знак статуса [Murphy, 1964:1263-1266].

Индикацией статуса человека часто является его имя. То, что в имени заданы национальность и пол и - в определенных культурах - возраст и семейное положение человека, достаточно тривиально. Но даже право на имя может быть свидетельством социального статуса: в древнем Риме рабы не имели имен, имя рабу давалось только в случае продажи и включало имя хозяина в родительном падеже с добавлением суффикса -rog (мальчик), например, Marciprog. Аналогичным образом заключенные в концлагерях лишались имен, вместо имени был номер, вытатуированный на руке. В 1938 году нацисты в Германии специальным декретом обязали евреев называть детей только теми именами, которые были включены в справочник министерства внутренних дел [Bosmajian, 1974:3-5].

Индикация стиля жизни распространяется фактически на все окружающие человека предметы, а также явления, отношения, способы поведения, оценки и т.д. Этнографы отмечают особый назальный кашель у индейцев Кутенаи, служивший показателем принадлежности человека к данному племени [Байбурин, 1985:12]. Татуировки у преступников - не только своеобразное украшение тела, но и показатель статуса человека: так, татуированные перстни на пальцах рук, по свидетельству юристов-составителей Толкового словаря уголовных жаргонов, говорят не только о числе судимостей (один перстень - одна судимость), но и о том, за что был судим, в какой колонии (детской или взрослой) отбывал меру наказания, на каком виде режима, какое положение занимает в преступной среде носитель татуировки [ТСУЖ, 1991:4].

Статусный аспект предмета эквивалентен социальному аспекту в концепции У.Эко, который пишет, что автомобиль можно рассматривать на различных уровнях: на физическом уровне мы обращаем внимание на вес, металл и другие материалы, из которых автомобиль сделан; на механическом уровне мы замечаем то, как он функционирует вследствие определенных законов; на экономическом уровне для нас важна его стоимость и цена; на социальном уровне автомобиль обозначает определенный социальный статус; на семантическом уровне для нас существенна связь этого предмета с другими предметами человеческой культуры [Есо, 1976:27]. Обобщив уровни или аспекты предметов, мы можем сказать, что любая окружающая нас вещь имеет материальную, функциональную и социальную стороны, при этом гипертрофия одной из сторон меняет сущность предмета. Клочок бумаги с автографом великого человека перестает быть просто клочком бумаги. Автомобиль как показатель статуса человека первоначально объединял в себе все характеристики вещи, а впоследствии - в контексте западной цивилизации - превратился в знак вложенных средств: преуспевающий врач или адвокат обязаны иметь дорогой автомобиль для подтверждения своей репутации.

Яркий пример гипертрофии социальной стороны предмета приводится в книге Дж.Фрейзера "Золотая ветвь": "Франкским королям совсем не разрешалось стричь волосы; они ходили нестриженными с самого детства. Состричь завивавшиеся до плеч локоны означало отказаться от права на трон. Когда коварные братья Хлотарь и Хильдеберт домогались королевства своего умершего брата Хлодомера, они хитростью заманили к себе двух малолетних племянников, сыновей Хлодомера. Затем они послали в Париж к королеве Клотильде, бабушке детей, гонца с ножницами и обнаженным мечом. Гонец предъявил королеве ножницы и меч и поставил ее перед выбором: или детей постричь и они останутся жить, или их ждет смерть. Гордая королева ответила, что если ее внукам не суждено носить корону, она предпочла бы видеть их мертвыми, но не подстриженными. Так дети пали от рук своего жестокого дяди Хлотаря"⁴. 4Фрэйзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Пер. с англ. - 2 изд. - М.: Политиздат, 1983. - 703 с. (С.224). Символический акт стрижки волос перевесил ценность жизни. С точки зрения социальной нагруженности любая вещь (материальный или идеальный объект) может квалифицироваться как социально-нейтральная или социально-маркированная. Социальная маркированность часто носит градуальный характер. Так, в древней Месопотамии, по свидетельствам археологов, члены господствующего класса - цари и воины, как и боги, изображались в одеждах, в то время как рабы, пленные и ремесленники обычно изображались обнаженными. При этом боги и цари были полностью одеты, а воины высшего сословия одеты по грудь⁵. 5Goldsmith N.F., Gould E. Sumerian bats, lion-headed eagles and iconographic evidence for the overthrow of a female-priest hegemony // Biblical Archaeologist, 1990, No.9. - P.142-156. (P.148). Степень социальной маркированности может доходить до абсолютной отметки, и тогда вещь становится символом высокого порядка. К числу таких символов относятся, например, государственные флаги. Чем выше социальная маркированность предмета, тем выше эмоционально-оценочный фон этого предмета.

Социально-маркированные индексы предмета живут в известной мере независимой от самого предмета жизнью. В этом смысле существенную роль играет "имидж" (image) - образ человека, события и т.д., намеренно создаваемый и поддерживаемый в общественном мнении. Обратимся к одному из фрагментов выступления негритянского проповедника Джесси Джексона во время предвыборной кампании в США в 1988 г.: "Why am I so close to workers ? Because I am a worker. I understand cooking on a hot plate, no health insurance, bathroom on the back porch, slop jar by the bed. I do understand... I wasn't born in the big white house, I was way over down in the slums. But the slum wasn't born in me

and it wasn't born in you. ...I'm running long, I'm running strong. Got my second wind." (Newsweek). - "Почему я так близок рабочим ? Потому, что я - рабочий. Я понимаю, как готовить пищу на огне, жить без медицинской страховки, мыться без душа и ванной, пользоваться ночным горшком. Я понимаю. ...Я не родился в большом белом доме, я прожил много лет в трущобах, но трущоба не родилась во мне, и она не родилась в вас. ...У меня большой путь, у меня много сил, и есть второе дыхание." Дж.Джексон умело формирует свой образ выходца из социальных низов, перечисляя те обстоятельства быта, с которыми не знакомы представители среднего класса США, но хорошо знакомы обитатели трущоб, потенциальные избиратели Дж.Джексона. Микроволновая печь для приготовления пищи - это социально-маркированный предмет, так же, как и ванная комната и туалет - для жителей трущоб. Отметим, что выступление политика-проповедника построено по всем правилам ораторского искусства: четкая ритмическая организация речи, повторы, риторический вопрос, лозунги, простой синтаксис, эмоциональность, адекватный выбор лексики, соответствующей словарю аудитории.

Социально-маркированные индексы быстро меняются. В цитируемой выше статье один из друзей Дж.Джексона назван comrade in denims. Здесь обыгрывается выражение comrade in arms - товарищ по оружию. Denim -плотная ткань, из которой шьются джинсы, которые, как известно, являются символом неэлитарного, демократического стиля жизни. Тем самым подчеркивается (с некоторой долей иронии) последовательность Дж.Джексона в создании своего образа.

Создание образа играет основополагающую роль для политика. Важно не действие, а впечатление, оказываемое на публику. Поступки и слова должны быть воодушевляющими, живыми, красочными и простыми. Учет влияния на публику измеряется опросами общественного мнения. Так, в результате опроса общественного мнения относительно кандидатуры Р.Никсона, который участвовал в 1960-х годах в президентской кампании в США, выяснилось, что он производит на людей впечатление неискреннего, недоброжелательного, неудачливого, назойливого человека, чересчур быстро карабкающегося по административной лестнице. По совету своих консультантов в дальнейшем Р.Никсон обратил особое внимание на приведенные характеристики опросов, и это помогло ему стать президентом страны [Klapp,1964:108].

Социально-маркированные индексы в одежде функционально близки к униформе: The first man out was, I guessed, a diplomatic official. This was not a difficult diagnosis, for he wore a black homburg hat (of the type commonly known as 'Anthony Eden', which was almost a badge of rank for the senior Civil Servant or Foreign Office man) and, just to

reinforce his status, carried a brief-case. (O.Pinto)
- "Первым вышел, как я догадался, сотрудник дипломатического ведомства. Поставить такой диагноз было нетрудно, потому что на нем была черная шляпа фасона "жомбург" (такой тип шляп, известный под названием "Энтони Иден", по имени видного британского политика, был своего рода знаком отличия старших чиновников или дипломатов), а в руках он держал портфель, подтверждая свой статус".

Карикатурное представление стиля жизни является одним из целенаправленных способов создания у населения образа врага. В результате длительного политического противоборства в языковом сознании многих носителей русского языка, граждан СССР, сложились следующие характеристики типичного американца. Данный материал представляет собой часть доклада в соавторстве с В.И.Шаховским "Динамика образа врага в языковом сознании (СССР и США)" // Совещание-семинар "Этнопсихолингвистические аспекты речевого общения" (Тезисы докладов). Ч.2. М.-Самарканд, 1990. - С.95-97. : типичный американец энергичен, напорист, бесцеремонен, богат, ведет себя как ковбой из фильмов о диком Западе, боготворит деньги, смотрит свысока на тех, кто не относится к янки, курит дорогие сигары, кладет ноги на стол, чавкает чуингамом, листая порнографический журнал, с годами становится благопристойным бизнесменом, связан с коррумпированными политиками и мафией, навязывает всем американский образ жизни (Дядя Сэм), разглагольствует о свободе, может свободно убить своего президента, истязает пленных вьетнамцев, линчует негров в балахоне ку-клукс-клановца, угрожает нам атомной бомбой, улыбается широкой улыбкой, сидя в роскошном лимузине. Отметим, что приведенный перечень качеств и карикатурных конкретизаций поведения типичного американца относится к периоду холодной войны и на сегодняшний день резко отличается от представлений советских людей о гражданах США. В стереотипе типичного американца студенты Московского университета им.М.В.Ломоносова по данным 1987-1988 годов выделяли такие качества, как стремление к успеху, деловитость, раскованность, профессиональная компетентность, трудолюбие, общительность и др., отрицательно оценивая, впрочем, прагматизм в отношениях с людьми, индивидуализм и примат материальных ценностей [Богомолова, Стефаненко, 1991:6]. Для нас, однако, важен механизм формирования образа врага: берутся некоторые внешние броские признаки стиля жизни определенного класса и типа людей (богатые люди, занимаются бизнесом, имеют автомобили, курят сигары), формируются оценочные штампы (с презрением относится к бедным, связан с политиками), добавляются заведомо негативные факты (убийство президента, истязание пленных) и несвойственные

нам в прежнее время манеры поведения (жевательная резинка). В результате происходит создание оценочных стереотипов, закрепленных в образе врага. Оценочные штампы играют в образе врага центральную роль, они цементируют восприятие, хотя и остаются как бы на втором плане, поскольку самое сильное впечатление оказывают факты или фактоиды (якобы факты): вспомним изуверствующих солдат Евразии из фильма, который демонстрировался во время "двухминуток ненависти" в романе Дж.Оруэлла "1984". Дж.Д.Ротуэлл противопоставляет символические и сигнальные реакции, первые характеризуются задержкой во времени, обдуманностью, гибкостью, взвешиванием альтернативных вариантов, известной долей непредсказуемости, вторые - отсутствием задержки во времени, автоматизмом, необдуманностью, они похожи на условный рефлекс, являются жесткими и однозначно предсказуемыми [Rothwell, 1982:216]. Образ врага - продукт сигнальных реакций, и эффективным способом разрушения образа врага является замена сигнальных реакций символическими.

С проблемой социального статуса человека в иной этнической среде связана проблема этнических стереотипов и предубеждений. Разработаны методики измерения стереотипов [Gardner et al., 1970; 1973]. Так, в Канаде франко-канадцы характеризуются как артистичные, религиозные и гордые люди, а англо-канадцы - как лояльные, приятные, сообразительные, активные и важные люди; филиппинцы говорят о китайцах как о деловых, обеспеченных, трудолюбивых, амбициозных, знающих и сдержанных людях.

Этнические стереотипы характеризуются как устойчивостью, так и определенной динамикой. Так, в представлении студентов Принстонского университета, США, с 1933 по 1967 год этнические стереотипы американцев, немцев, англичан, китайцев, итальянцев, японцев, негров и евреев видоизменились существенным образом. Например, в этническом стереотипе американца, по мнению студентов, повысилась значимость признака "материалистичность" и понизилась значимость признака "трудолюбие", в этническом стереотипе англичанина резко повысилась значимость признаков "изошренность" и "консерватизм", в этническом стереотипе негра существенно понизилась значимость признаков "суеверие" и "лень", но повысилась значимость признака "музыкальность". Признаки, образующие стереотип, оценочны. Наиболее частотные оценочные характеристики отражают отношение информантов к тому или иному народу. Например, в этническом стереотипе китайца выделяется признак "привязанность к семье": у американцев большая степень привязанности к семье вызывает недоумение, связанное с насмешкой, так же, как и признак "страстность" применительно к стереотипу итальянца, "националистичность"

применительно к стереотипу немца, "честолюбие" применительно к стереотипу еврея [Karlins et al., 1969:4-5].

Следует заметить, что доминанты национального характера существенно различаются в зависимости от субъекта оценки. Немцы, говоря о себе, часто выделяют такие качества, как порядок, аккуратность, чистота. Советскому человеку в Германии (ФРГ) бросается в глаза предупредительность, экономность и раскованность людей, а также некоторое самодовольство обеспеченных бюргеров (в отличие от иностранных рабочих и немцев-переселенцев) 7. 7П.Васильев. "Загадки" немецкого характера // Аргументы и факты. - 1989, N 50. Субъект оценки неизбежно сравнивает свои впечатления о нравах и обычаях чужой страны с родными нравами и обычаями: разница в культурах объясняется комплексом различных причин - здесь и более высокий уровень жизни в Германии, а отсюда и сравнительное отсутствие постоянной раздражительности и тревоги во взглядах людей, что может выглядеть со стороны и как самодовольство, здесь и традиции западной демократии - раскрепощенность поведения, осознание своей свободы, проявляющееся даже чисто внешне - в движениях человека, здесь и поразительная для русского человека экономность, контрастирующая с щедростью как доминантой русского характера. Приведенные данные отражают внешнее, поверхностное впечатление отдельного человека, вступающего в диалог с иной культурой, но сумма подобных впечатлений кристаллизуется в этнических стереотипах, составляющих специфику собственной культуры и закрепленных в национальной психологии и языке.

В исследовании Т.А.ван Дейка "Расизм и язык" приводятся основные идеологические стратегии, с помощью которых формируются этнические предубеждения: 1) различия (иммигранты и негры не являются частью нашей страны и имеют другую культуру), 2) соревнование (они приехали сюда, чтобы жить за наш счет), 3) угроза (они агрессивны и склонны к насилию), 4) трудности (они создают конфликты, но виноваты в этом сами, поскольку недостаточно образованы и трудолюбивы), 5) помощь (но все же мы им помогаем, проявляя свое милосердие), 6) саморепрезентация (мы полны желания им помочь и поэтому в принципе не можем быть носителями предрассудков или расизма) [ван Дейк, 1989:50-51]. Таким образом, общая модель доминирующей идеологии включает в себя негативное изображение "их" и позитивное, беспроблемное изображение "нас".

Представляет интерес описание национальных стереотипов англичанина с позиций немца, француза и американца, приведенное по данным 1935 года: "Когда средний немец думает о среднем англичанине, он представляет себе высокого, сухопарого человека, безукоризненно одетого, в цилиндре, в гетрах, с моноклем в глазу, с короткой трубкой

в зубах, с большой челюстью. Средний англичанин – это умный и беспринципный лицемер, человек, которому чудесным образом всегда удается заранее занять выгодные позиции; человек, чья некомпетентность в делах и торговле компенсируется дипломатической хитростью. ... Для француза англичанин – это незелегантный, тупой, высокомерный и неспособный ясно выразиться человек с красным лицом. Отмечается плохое качество английской кухни, привычка англичан есть плохо проваренное мясо. Французы считают англичан грубыми варварами, соглашаясь с немцами лишь в том, что англичане лицемерны. ... Средний американец представляет себе среднего англичанина как напыщенного, снисходительного, лишённого чувства юмора, невежливого и смешного человека в гетрах и с моноклем. Англичанин в глазах американца строен и опрятно одет, но в отличие от немца американец воспринимает английскую опрятность как смешное качество" [Katz, 1976:283–284]. Приведенное описание, составленное англичанином Г.Никольсоном для англичан и опубликованное в популярной британской газете, показывает различные критерии стереотипизации: 1) внешний вид, одежда, монокль и т.д., 2) привычки и традиции, 3) степень цивилизованности, 4) способности, 5) моральные качества. Каждый из этих критериев выражает определенную систему ценностей, именно поэтому то, что вызывает уважение у одних, оценивается как нечто бессмысленно-забавное другими. Этнические индексы являются важнейшей составной частью индикации стиля жизни.

Индикация стиля жизни активно используется в рекламе. Стандартная реклама в печатном издании обычно включает фотографию или рисунок рекламируемого товара и сопутствующий текст, в котором выделяются 1) наименование и фабричная марка, 2) (технические) характеристики товара, 3) аргументы в пользу предмета рекламы, 4) непосредственное обращение к потребителю.

Анализ англоязычных рекламных изданий показывает, что рекламный текст характеризуется следующими особенностями: 1) свернутость: вне зависимости от площади рекламный текст схватывается одним взглядом и содержит элементы, подобные ключам типового чтения иероглифа (классифицирующий и индивидуализирующий признаки), 2) дополнительность: рекламный текст дополняет фоторекламу или рисунок, представляя собой остенсивное (указательное) определение, в котором главным компонентом выступает товарный знак (прагмоним), 3) сигнальность: в рекламном тексте выделяется заголовочная сигнальная фраза с высоким эффектом воздействия, эта фраза в концентрированном виде выражает идею рекламного текста, 4) иерархичность: в рекламном тексте содержится информация первого порядка (крупный шрифт) и информация второго порядка (мелкий шрифт), 5) оценочность: подчеркиваются достоинства рекламируемого

товара, мотивирующими факторами при этом выступают функциональность, надежность, экономичность, универсальность, новизна, уникальность, а также социальная значимость вещи, б) инструктивность: в рекламном тексте задан алгоритм действий покупателя и указаны адресные данные производителя товара. В тексте часто цитируются высказывания компетентных лиц о качестве товара (компетентные лица - люди с высоким статусным признаком). Например: "You'll get a lifetime of home comfort from Bryant's new 'thinking' gas furnace. I've seen the tests that prove it." - Gen.Chuck Yeager, Test Pilot. - "Новая "думающая" газовая печь Брайента обеспечит вам комфорт в доме на всю жизнь. Я видел испытания, которые подтверждают это." - Генерал Ч.Йигер, летчик-испытатель". Летчик-испытатель - высший авторитет в отношении надежности технического устройства: такова, вероятно, логика авторов рекламы, использующей статусно-ролевые характеристики человека для воздействия на покупателя. Фирма "Мицубиси" рекламирует свои транспортные средства, опираясь на авторитет Чарльза Дарвина: Charles Darwin theorized that survival depends on the ability to change. We're living proof. - "Чарльз Дарвин утверждал, что выживание зависит от способности к изменению. Мы - живое доказательство." Реклама задает ориентиры жизненного стиля. Например, реклама еженедельного издания "The Washington Post National Weekly Edition" содержит фразу: "The weekly that brings you the same in-depth reports and commentaries that inform the nation's leaders" - Еженедельное издание... предоставит вам такие же глубокие сообщения и комментарии, какие получают лидеры страны." Следовательно, уважающий себя человек должен быть в курсе политических событий, равняясь на лидеров страны. Швейцарские часы марки "Тиссо" в золотом корпусе с бриллиантами рекламируются следующим образом: It's originality. Creativity. And a flair for self-expression. It's what people look for in life. And what Tissot stands for in watches. - "Это оригинальность. Творчество. И способность к самовыражению. Это - то, что люди ищут в жизни. И что "Тиссо" символизирует в часах." Следовательно, богатые люди (реклама обращена к ним) должны проявлять незаурядность.

Индикация стиля жизни в англоязычном обществе построена таким образом, чтобы менее состоятельные люди по возможности не чувствовали себя ущемленными. Если дорогие вагоны первого класса в поездах называются first class, то более дешевые вагоны обозначаются посредством определения standard. В рекламе не встречается слово cheap - "дешевый", small - "малый по размеру", artificial - "искусственный" и др. Если речь идет об обуви, то подошва обозначается как leather soles или man-made soles. Демонстрируется уважение

к статусу человека. "Статус, как бы он ни был низок, важен, ибо без него человек не имеет прав в отношении других. Обладание статусом позволяет человеку ожидать и требовать определенного отношения со стороны других людей" [Шибутани,1969:180]. Учитывается, что человеку свойственно находить веские аргументы в пользу своего состояния, оправдывать свое положение и критически относиться ко всем, кто чем-либо отличается от состояния и положения данного человека. Уважение к людям любого статуса, принятое в качестве нормы всего общества, обеспечивает стабильность и в определенной мере погашает конфликты на статусно-ролевой почве. Лишение человека статуса всегда считалось тяжелым наказанием: не случайно религиозная экс-коммуникация, анафема (отлучение от церкви) рассматривалась как высшая мера воздействия на индивида, противопоставившего себя общине или обществу. Типы самоубийств, выделенные Э.Дюркгеймом, показывают, что в основе самоубийства лежит непреодолимый конфликт между данным и должным статусом человека: либо груз требований касты становится слишком тяжел (например, самоубийства самураев при малейшей угрозе для чести), либо утрачивается связь между человеком и его ближайшим окружением (теми, кто ему дорог), либо, наконец, индивид внезапно теряет свои статусные характеристики, например, лишившись работы [Parsons,1949:330-335].

1.3.2. ИНДИКАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КОНТАКТОВ

Социальный статус человека в значительной степени проявляется в контактах человека с другими людьми. Эти контакты имеют непосредственное и опосредованное измерение.

Непосредственные контакты являются одним из паралингвистических способов общения, рассматриваются в проксемике и выражаются в расстоянии между участниками общения. Э.Холл выделяет четыре типичные дистанции общения, каждая из которых имеет свой минимальный и максимальный вариант: 1) интимная дистанция (минимум - до 6 дюймов, максимум - 6-18 дюймов), эмоционально заряженная зона, характерна для проявления любви, защиты, утешения, используется при общении между самыми близкими людьми, 2) персональная дистанция (минимум - 18-30 дюймов, максимум - 30-48 дюймов), характерна для неформальных контактов между друзьями, 3) социальная дистанция (минимум - 4-7 футов, максимум - 7-12 футов), обычная дистанция между знакомыми, а также незнакомыми людьми, характерна для деловых бесед, школьной обстановки на уроке, 4) публичная дистанция (минимум - 12-15 футов, максимум - более 25 футов), расстояние, характерное для одностороннего общения лектора с аудиторией, требует повышения голоса, стилизации жестов и более четкого произношения [Hall,1969:116-125]. Социальная

дистанция, поддерживаемая в диапазоне от 4 до 12 футов (приблизительно от 1,2 м до 3,5 м), актуализирует статусные характеристики человека. Отмечается, что дистанция между участниками общения в значительной мере зависит от национально-культурных особенностей страны или региона. Так, латиноамериканцы чувствуют себя дискомфортно, если они не разговаривают друг с другом на близком расстоянии. Это приводит к некоторому непониманию и отчуждению при общении с гражданами США, у которых интимная дистанция не связана с дружеским разговором, и поэтому североамериканцы инстинктивно отдвигаются, когда латиноамериканцы хотят с ними поговорить. В результате складывается впечатление, что граждане США - холодные и недружелюбные люди.

Контактные дистанции связаны с понятием социальной территории по Э.Гоффману. Выделяются фиксированные территории (дом, двор), ситуативные территории (скамейка в парке, столик в кафе), эгоцентрические территории (карман в пиджаке) [Goffman, 1972:52]. Существует личное пространство человека, соответствующее персональной дистанции, и вторжение в это пространство чужих людей вызывает неприязненное отношение. В тех случаях, когда люди едут в переполненном транспорте, они символически ограждают свое личное пространство, скрестив ноги или глядя в сторону. Люди, осознающие свой высокий статус, занимают большее пространство, чем люди, осознающие свое подчиненное положение. Нижестоящие часто втягивают голову в плечи, прижимают при ходьбе локти и т.д. Некоторые позы, традиционно считающиеся мужскими в западноевропейском культурном ареале, связаны с большей степенью внутренней свободы и заявкой на большее пространство (стойка подбоченься, ноги на ширине плеч).

Степень громкости голоса также соответствует типу контактной дистанции. Громкая речь в неподобающей ситуации воспринимается как попытка перевести общение в иной дистанционный план, преследует цель привлечь внимание других людей, т.е. перевести интимное или дружеское общение в разряд социального общения. Это происходит весьма часто в случае возможной угрозы в отношении статуса человека. Типичным случаем такого переключения общения является громко сказанное слово одного ученика другому во время контрольной работы, чтобы привлечь внимание других учеников и/или учителя.

Контактные дистанции составляют одну из констант социального статуса человека и прослеживаются не только в различных паралингвистических проявлениях, но и в языке. Так, приватный код, используемый между очень близкими людьми, характеризуется особыми обращениями, оборотами, коннотациями [Leisi, 1978:5].

Многие обращения к незнакомым людям начинаются с извинений: "простите", "извините", "excuse me", "sorry to bother you". Эти слова должны смягчить своеобразное вторжение на чужую территорию. Люди, по выражению Р.Уордхау, окружены защитным слоем молчания. Разрывая этот защитный слой, следует извиниться. Если извинение принимается и человек готов к диалогу, то следует определенный для данной культуры сигнал вроде слов "That's O.K.", "Yes, what is it?", "Да, пожалуйста" и взгляда определенной длительности, определенных мимических комбинаций и т.д. Только после этого инициатор общения может переходить к сути дела [Wardhaugh, 1985:124].

Вторжение на чужую территорию в общении облекается в этикетные и в ряде случаев церемониальные формы. Приведем описание сложного церемониала встречи. "В древнем Китае встреча незнакомых друг другу людей происходила следующим образом: гость должен был обязательно принести хозяину подарок, причем последний зависел от ранга хозяина (так, например, ши дай фу - "ученому" - следовало приносить фазана). На стук гостя к воротам выходил слуга и, узнав о цели визита, говорил: "Мой хозяин не смеет Вас принять. Поезжайте домой. Мой хозяин сам навестит Вас." Произнося эту фразу, слуга должен был кланяться и держать руки перед грудью. Посетитель, тоже держа руки перед собой и наклонив голову вперед, должен был отвечать: "Я не смею затруднять Вашего хозяина. Разрешите мне зайти поклониться ему." Слуга должен был отвечать следующим образом: "Это - слишком высокая честь для моего хозяина, возвращайтесь домой. Мой хозяин немедленно приедет к Вам." Первый отказ принять гостя носил характерное название "церемониальной речи", второй - "настойчивой речи". После "настойчивой речи" гость должен был вновь повторить свои намерения. Слуга, выслушав гостя в третий раз, шел к хозяину и, вернувшись, говорил: "Если Вы не принимаете наш настойчивый отказ, мой хозяин сейчас выйдет встретиться с Вами. Но подарок хозяин не смеет принять." Тогда гость должен был три раза отказаться от встречи с хозяином, если его подарок не будет принят. Только после этого хозяин выходил и встречал гостя. Оба должны были поклониться друг другу, после чего хозяин жестом приглашал гостя пройти. Посетитель опять три раза отказывался от приглашения. Наконец, хозяин, повернувшись к гостю лицом, шел во двор и жестом приглашал посетителя войти в дом. В древнем Китае перед домом обычно имелись две лестницы. Хозяин поднимался по восточной, гость - по западной. Когда хозяин поднимался на одну ступеньку, гость имел право тоже сделать один шаг. Наконец, они оказывались в гостиной. В зале уже были постелены две циновки. Хозяин садился на восточной стороне, гость - на западной. Сидя на пятках и положив руки перед собой вниз ладонями, они

начинали разговор. Гость говорил: "Давно слышал Ваше имя. Оно гремит подобно грому во всей поднебесной. Сегодня я наконец могу Вас видеть и осуществить мою жизненную мечту. Хочу получить от Вас мудрый совет." Хозяин, сидя в такой же позе и кланяясь, отвечал: "Знания мои ничтожны. Прошу Вас, укажите мне истину..." Только после этого начинался разговор о цели визита." [Пан Ин, 1977:338-339]. В ходе церемониала гость и хозяин меняются коммуникативными ролями: просьба гостя о встрече - опосредованный отказ хозяина; опосредованное приглашение со стороны хозяина и отказ от подарка - отказ гостя от приглашения; личная просьба хозяина к гостю войти в дом - отказ гостя; прием гостя. Церемониальные тоекратно усиленные просьбы и отказы призваны смягчить вторжение на чужую территорию и обеспечить статусный баланс участников общения, стремящихся продемонстрировать максимальное уважение к партнеру.

Иной характер носит контакт между неравными по статусу участниками общения. Туземец из повести Дж.Стейнбека "Жемчужина" приходит к белому доктору и обращается к слуге врача. The man who looked out at him was one of his own race. Kino spoke to him in the old language. "The little one - the first born - has been poisoned by the scorpion," Kino said. "He requires the skill of the healer". The gate closed a little, and the servant refused to speak in the old language. "A little moment," he said. ...In his chamber the doctor sat up in his high bed. The servant from the gate came to the open door and stood waiting to be noticed.

"Yes ?" the doctor asked.

"It is a little Indian with a baby. He says a scorpion stung it."

"Has he any money ?" the doctor demanded. "See if he has any money !"

At the gate the servant opened the door a trifle and looked out at the waiting people. And this time he spoke in the old language.

"Have you money to pay for the treatment ?"

Kino ...brought out a paper folded many times. The servant took the paper and closed the gate again, but this time he was not gone long. He opened the gate just wide enough to pass the paper back. "The doctor has gone out," he said. "He was called to a serious case." (J.Steinbeck).

Индеец просит слугу доктора сообщить врачу о том, что сын индейца укушен скорпионом. Слуга-соплеменник отказывается говорить на родном языке, но передает врачу просьбу пациента. Врач хочет знать, есть ли у индейца деньги. Слуга возвращается и задает этот вопрос индейцу на родном языке. В ответ слуге передаются завернутые в бумагу дешевые жемчужины. Через некоторое время слуга выходит к воротам и говорит людям, что доктор ушел по серьезному

вызову. Просьба о встрече отвергнута, и отказ носит не этикетный, а действительный характер. При этом отказ мотивируется внешне объективными обстоятельствами, а внутренне – меркантильными соображениями. Отказ врача и отказ слуги говорить на родном языке подчеркивают статусную позицию индейца, позицию нижестоящего.

Опосредованная индикация человеческих контактов выражается в коммуникативных сетях. Сеть представляет собой совокупность межличностных направленностей общения, например, А общается с Б, В, Г, Д, , при этом Б общается с А, Г, Д, а В общается только с А. Модель сети строится в виде своеобразной паутины. Существуют типичные конфигурации сети в малых группах, например, сеть со всеми каналами, когда все связаны со всеми, сеть-круг, когда связь реализуется в парах АВ, БВ, ВГ, ГД, ДА, сеть-колесо с лидером в центре и связанными с ним людьми и т.д.

Интересное исследование социальной сети в рабочей среде Ольстера выполнила Л.Милрой, проследившая комплексную индикацию человеческих контактов в контексте социолингвистических норм проксемики. Отмечено, что в рабочей среде понимание личной территории отличается от понимания территории средним классом: сообщества рабочих как в США, так и на Британских островах рассматривают "дом" в более широком плане, чем представители среднего класса. Улица возле дома является как бы продолжением дома, поэтому многие вопросы обсуждаются и решаются на пересечении улиц. В кварталах среднего класса Белфаста собрание взрослых мужчин на улице скорее всего означает, что произошло какое-либо чрезвычайное событие – ограбление, смерть или дорожное происшествие. В рабочей среде улица возле дома и дом не рассматриваются как контрастирующие категории публичного и приватного пространства. В рабочих кварталах Белфаста наружная дверь дома обычно оставляется приоткрытой, даже в холодную погоду, и это служит сигналом, что хозяева дома, и к ним можно зайти. Соседи и друзья могут пройти на кухню, которая во многих домах служит центром общения; гости заходят в дом без стука и не объясняют причину своего посещения; зайдя в гости, люди присоединяются к ведущемуся разговору или молчат. Эти "хождения в гости" в рабочей среде принципиально отличаются от визитов, принятых у представителей среднего класса: в рабочей среде посещение может быть очень длительным, оно не нарушает порядка жизни в доме хозяев, хозяин не обязан начать разговор с гостем, а гость не обязан объяснить причину своего посещения. Гость может даже присесть в кресло и подремать. Хозяева могут уйти из дома по делам и оставить гостя одного [Milroy, 1980:92-93]. Другими словами, квартиры или дома в рабочем квартале являются как бы одним большим общим домом, в котором нет социально-обусловленных перегородок. Общение

поддерживается в стиле дружеских контактов, т.е. намеренно не выделяется социальный статус человека как отдельного представителя общества. Такой стиль жизни объясняется необходимостью постоянной моральной и материальной поддержки друг друга среди малообеспеченных групп населения. Впрочем, определенные параллели названным выше хождениям в гости в рабочей среде можно найти применительно к нормам поведения в аристократических клубах: член клуба имеет право прийти и уйти, когда ему пожелается, вступать или не вступать в контакт с другими членами клуба. Можно сказать, что клуб является чем-то вроде общего дома для элиты. Примером своеобразного аристократического клуба является описанный А.Конан-Дойлем лондонский клуб "Диоген": "There are many men in London, who, some from shyness, some from misanthropy, have no wish for the company of their fellows. Yet they are not averse to comfortable chairs and the latest periodicals. It is for the convenience of these that the Diogenes Club was started, and it now contains the most unsociable and unclubbable men in town. No member is permitted to take the least notice of any other one. Save in the Strangers' Room, no talking is, under any circumstances, permitted, and three offences, if brought to the notice of the committee, render the talker liable to expulsion" (A.Conan Doyle). Клуб "Диоген" создан для людей, не желающих ни с кем вступать в общение. Члены клуба приходят туда, чтобы отдохнуть в удобных креслах и почитать периодику. Уставным требованием клуба является требование не вступать в контакт с другими членами клуба. Тот, кто трижды нарушит это требование, может быть исключен из клуба.

Стиль жизни обладает известной степенью автономности от внешних обстоятельств бытия: коллективизм, свойственный рабочей семье, сохраняется - до определенной степени - и в случае большей обеспеченности семьи, а обедневшие представители среднего класса и, тем более, аристократии, сохраняют свойственные этим социальным группам формы символических контактов.

Право быть принятым в определенном доме, т.е. подтверждение или установление своего статуса, имеет существенное значение для людей, претендующих на высокий статус. Великолепной иллюстрацией этого положения является сюжет известной пьесы О.Уайльда "Веер леди Уиндермир". Лорд Уиндермир пытается убедить свою жену пригласить к ним в дом миссис Эрлин, даму, репутация которой в высшем свете Лондона небезупречна. Леди Уиндермир отвечает угрозой: "...you gave me this fan to-day; it was your birthday present. If that woman crosses my threshold, I shall strike her across the face with it." (O.Wilde) - "Если эта женщина пересечет мой порог, я ударю ее по лицу веером."

Социальный статус человека, пришедшего в гости, сразу же виден по манерам поведения. Винни-Пух, герой известной повести А.Милна, идет в гости к Кролику. ...He bent down, put his head into the hole, and called out: "Is anybody at home ?" ..."No !" said a voice. "Hallo, Rabbit, isn't that you ?" "No," said Rabbit. "Well, could you very kindly tell me where Rabbit is ?" "He has gone to see his friend Pooh Bear..." "But this is me !" said Bear, very much surprised. ..."You were quite right. It is you. Glad to see you." "Who did you think it was ?" "Well, I wasn't sure. You know how it is in the Forest. One can't have anybody coming into one's house. One has to be careful. What about of mouthful of something ?" (A.A.Miln). Винни-Пух принадлежит к представителям среднего класса, хотя нарушает целый ряд норм из-за недостаточной воспитанности. Он спрашивает, есть ли кто-либо дома. Когда Кролик отвечает, что дома никого нет, Медвежонок задает вопрос по правилам хорошего тона: "Не могли бы Вы сказать, где находится Кролик ?" Пригласив гостя, Кролик формулирует своего рода заповедь гостевых норм среднего класса: "Нельзя держать дом открытым для каждого" И затем, в соответствии с нормами визитов, начинает уделять внимание гостю, приглашая его к столу. Отметим, что правила гостеприимства у многих народов в известной степени соответствуют нормам рабочей среды: гость имеет право прийти и уйти, когда ему заблагорассудится и не обязан объяснять причину своего прихода. В древнем мире гость считался посланцем богов, и хозяин был обязан предоставить гостю почетное место в доме, предложить ему лучшее угощение и выполнить все его пожелания. Интересно отметить, что по нормам европейского стандартного поведения почетное место на церемонии в дипломатической резиденции располагается напротив входной двери [Вуд, Серре, 1976:152] и напротив входа располагается почетное место в традиционной монгольской юрте. Следовательно, существуют универсальные и специфические способы выражения социальных контактов. Основу социальных контактов составляют признаки социального статуса.

1.3.3. ИНДИКАЦИЯ РЕЧИ

Речь является важнейшей характеристикой социального статуса человека. Проблема социальной индикации речи основательно разработана в социалингвистике: освещено горизонтальное и вертикальное членение языка на географические и социальные диалекты [Бодуэн де Куртене, 1963:91], выявлены и описаны различные социолекты (язык городской бедноты, язык выпускников престижных частных учебных заведений, негритянский вариант

американского английского языка, мужской и женский язык, сакральный язык инициаций и др.), установлены характеристики сленга, исследуются профессиональные языки и жаргоны, определены типы коммуникативной стратегии людей в условиях ситуативного и социального неравенства, разработан аппарат изучения показателей социального статуса человека, в частности, индикаторы и маркеры [Labov, 1976:193].

Существенным каналом выражения статусных отношений является невербальная коммуникация, а именно: фонация, кинесика, проксемика, молчание и невербальные действия, сопровождающие речь.

Посредством фонации уточняется состав участников общения (шепот ограничивает, а громкий голос расширяет круг участников коммуникации). Значимой оказывается и высота голоса. В США высокий голос у женщин ассоциируется с женственностью и общительностью, а низкий голос - с ориентацией на статус; у мужчин высокий голос ассоциируется с общительностью, стремлением доминировать и агрессивностью, а низкий голос - с уверенностью в себе, хотя отмечается, что низкий голос характерен для людей, страдающих депрессией [Chaika, 1989:55]. Вероятно, комбинаторика громкости и высоты имеет весьма сложный в социолингвистическом отношении характер.

Кинесика в значительной мере выражает статусные отношения, жесты и мимика вышестоящего характеризуются большей свободой в пределах поддерживаемого этикетно определенного режима общения, чем жесты и мимика нижестоящего участника общения. Способы выражения статусного неравенства посредством кинесики между людьми обнаруживают существенное сходство с такими способами у приматов: так, нахмуренные брови, плотно сжатые губы, оскал, выдвинутый вперед подбородок, длительный взгляд - это знаки агрессивного поведения, знаки угрозы у горилл, шимпанзе и макак. Получатель таких сигналов должен продемонстрировать свое подчиненное положение [Ellyson, Dovidio, 1985:17]. Встретив длительный взгляд вышестоящего, нижестоящий член обезьяннего коллектива должен отвести глаза. В противном случае взгляд нижестоящего воспринимается как вызов. Подобные нормы поведения свойственны и людям в том смысле, что прямой длительный взгляд на незнакомца часто интерпретируется как дерзость. С другой стороны, если человек постоянно отводит взгляд, либо часто и бесконтрольно моргает (более 20 раз в минуту), либо постоянно следит за окружающими, то такое поведение может свидетельствовать о нервозности или серьезной психической патологии [Riemer, 1955:661]. Степень напряженности тела является показателем статусных отношений: минимальное напряжение отмечено у вышестоящего при общении с нижестоящим, максимальное напряжение - у нижестоящего при

общении с вышестоящим. Ориентация тела также выражает статусные отношения: максимально фронтальная ориентация характерна для людей, общающихся с вышестоящими мужчинами, минимально фронтальная ориентация - для людей, общающихся с нижестоящими женщинами [Mehrabian,1968:103]. Представители среднего класса в США характеризуются как not "touchy-feely" people, т.е. как люди, которые не любят дотрагиваться во время разговора до своих собеседников (в отличие от рабочих и представителей национальных меньшинств).

Молчание также является коммуникативно значимым. Показателем статусной индикации выступают две основных функции коммуникативно значимого молчания: молчание для говорения и молчание вместо говорения [Богданов,1990:8]. Молчание для говорения вытекает из природы диалога, из чередования речи и слушания. Человек, стремящийся доминировать (в европейской и североамериканской традиции), перебивает собеседника, т.е. стремится все время быть говорящим. Молчание становится знаком нижестоящего. Молчание вместо говорения многозначно, оно обозначает, по В.В.Богданову, согласие с репликой, нежелание говорить, нерешительность, соблюдение принципа вежливости и др. Нежелание говорить может быть показателем нежелания контактировать с представителем более низкой статусной группы. В таком случае молчание становится знаком вышестоящего. Специфика англоязычной невербальной статусной градации отражена в выражении to be at nodding terms with somebody - "поддерживать с кем-либо отношения формального знакомства, выражаемого кивком при встрече". В русском языке имеется близкое по смыслу выражение - "шапочное знакомство", отражающее этикетную норму приветствовать знакомого человека, снимая или приподнимая шляпу.

Интересное исследование невербальных способов выражения статусных отношений выполнено группой американских психологов, которые предложили информантам три видеозаписи текста, прочитанного профессиональными дикторами. Эти три текста по содержанию распадались на текст "от вышестоящего к нижестоящему", текст "от равного к равному" и текст "от нижестоящего к вышестоящему". При этом дикторы использовали невербальные средства, усиливающие либо ослабляющие заданные статусные установки. Приведем эти тексты в сокращенном переводе:

1. "Мы полагаем, что вам очень повезло, поскольку вы примете участие в психологическом эксперименте и сможете в какой-то мере представить себе, что такое психологическое исследование. На самом деле весь процесс гораздо более сложен, и чтобы оценить его нужна основательная подготовка в области методики исследования, паралингвистики, кинесики и т.д."

2. "Вам, по-видимому, будет интересно познакомиться с научными исследованиями в университете. Возможно, вы захотите потом остаться и принять участие в совместной дискуссии, обменяться идеями об этом эксперименте."

3. "Возможно, эти эксперименты покажутся вам довольно глупыми, не особенно интересными и не представляющими большого значения. Мы были бы вам очень благодарны, если бы вы смогли уделить нам несколько минут после эксперимента и сказать нам, что следует улучшить."

Невербальные стимулы были следующими: 1) стиль вышестоящего - отсутствие улыбки, поднятая голова, громкая доминирующая речь, 2) стиль равного - легкая улыбка, голова не поднята и не опущена (head level), нейтрально-приятная речь, 3) стиль нижестоящего - нервно-почтительная улыбка, голова опущена, нервная заискивающая речь.

Исследователей интересовала реакция информантов в ситуации конфликта вербального и невербального стимула, например, текст от вышестоящего к нижестоящему, прочитанный с заискивающей интонацией, и т.д. Оказалось, что невербальные стимулы во всех случаях воспринимались как основополагающие при определении статусной позиции диктора. Такое восприятие обусловлено четырьмя причинами: 1) в определенной степени способы выражения статусных отношений являются врожденными, прослеживаются у животных, не связаны с обучением и универсальны, 2) речь используется в большей мере для передачи информации, человеческие взаимоотношения труднее обсуждать, чем проблемы другой тематики, 3) вербальный и невербальный каналы коммуникации используются одновременно, при этом за невербальным каналом закреплена функция регулирования межличностных отношений участников общения, в случае вербализации этой функции происходит накладка двух способов регулирования межличностных отношений, 4) преимущество невербального регулирования межличностных (в том числе статусных) отношений состоит в том, что люди могут так или иначе скрывать свои отношения друг к другу [Argyle et al., 1972:56,57,64]. Было отмечено, впрочем, что невротики в большей мере обращают внимание на вербально выраженные отношения статусного неравенства, особенно в стиле "от вышестоящего к нижестоящему".

В активно разрабатываемой в настоящее время лингвопсихотерапии внимание исследователей привлекают так называемые инконсистентные высказывания, т.е. высказывания, характеризуемые рассогласованием между вербальной и невербальной информацией (такие высказывания отличаются от косвенных высказываний, характеризуемых рассогласованием между содержанием и контекстом речи). Выделяется позитивная инконсистенция, например, порицание в дружеском тоне, и негативная инконсистенция, например, уверение в добрых чувствах с враждебным или равнодушным тоном. Негативная

инконсистенция в общении с детьми является частой причиной детских неврозов [Scholer, 1982:20]. Статусная инконсистенция проявляется как вежливая просьба, произнесенная безапелляционным тоном команды, как совет, выдержанный в тональности ультимативной угрозы, гораздо реже - как приказ в нерешительном тоне просьбы.

Социальная индикация речи прослеживается в фонетике, лексике и грамматике.

Социальная индикация речи выражается интонационно: чем выше статусная позиция участников общения, тем более вероятно, что коммуниканты будут поддерживать изысканно вежливую беседу, не спеша, с ровной интонацией, модулируя голос [Geertz, 1982:173]. Интонационные особенности речи служат исходным моментом в определении статуса человека, голос которого записан на магнитофонную ленту. Слушатели выносят заключение о вероятном социальном статусе говорящего, прослушав магнитопись речи всего лишь в течение 10-15 секунд [Harms, 1961:168].

На Британских островах нормативным считается *received pronunciation* (RP) - "принятое в высшем обществе произношение", противостоящее остальным социально-территориальным типам произношения. Нормативному произношению можно научиться только в закрытых частных школах - в Итоне, Регби, Винчестере и др., а фактически этот тип произношения закладывается с детства в семье: если семья относится к высшему классу, то дети естественным путем усваивают нормативное произношение до 11 лет и в зрелом возрасте ошибок не делают, а люди, которые начали менять свое произношение в зрелом возрасте, неизбежно сделают ошибку [Шевченко, 1990:14-15]. RP является необходимым условием для получения командной должности в государственном управлении и делопроизводстве, в юриспруденции, финансовом деле, дипломатии, церкви, образовании и культуре, военном деле.

В Британии, по мнению исследователей, существуют три уровня акцентного престижа. Первый уровень включает RP, некоторые иностранные акценты, а также акценты, свойственные шотландскому и ирландскому диалектам. Второй уровень распространяется на британские региональные акценты. Самым низким престижем пользуются носители акцентов (социолектов), свойственных сообществам в крупных промышленных городах [Giles, Powesland, 1975:27].

Характерные особенности RP, как отмечает Т.И. Шевченко, состоят в "безэрном" произношении в словах типа *start*, *nurse*, использование вставного *r* в сочетаниях типа *more and more*, в использовании глухого звука *h* в словах типа *white*. Для низкого социального слоя общества характерны нейтрализация "инговых" форм, глоттализация *t* и опущение *h*.

Человек может попытаться изменить свою речь, имитируя произношение более образованных людей. Группе американских студентов было предложено рассказать без подготовки известную всем сказку с записью на магнитофонную ленту. Эксперты, прослушав магнитопись, смогли определить социальный статус студентов с точностью до 85 %. Затем тех же студентов попросили постараться и рассказать ту же сказку так, чтобы у слушателей возникло впечатление о принадлежности рассказчиков к высшему слою общества. Эксперты, прослушав магнитофонную запись, на этот раз определили социальный статус студентов с точностью до 65 % [Ellis, 1967:431-435]. Таким образом, в определяющей степени особенности произношения, интонации, паузации, постановки голоса и т.д., свидетельствующие о статусе говорящего, не контролируются говорящим.

В США принадлежность к низкому социальному слою общества ассоциируется с особенностями негритянского произношения и произношения определенных групп эмигрантов. Наиболее типичной характеристикой презираемого произношения является замена межзубного звука зубным, о таких людях говорят "dese, dem and dose guys". Маркером речи афроамериканцев, помимо межзубного звука, является своеобразный дейктический комплекс (this here): "Hey ! How you doin' on dis here hot day ?" [Terrell, 1984:145].

Произношение не должно быть безграмотным, с одной стороны, и претенциозным, с другой стороны. Но если безграмотное произношение по природе своей является помимовольным индексом социального статуса, то претенциозное произношение представляет собой попытку намеренного соблюдения норм речи. Эти нормы, однако, трактуются гиперкорректно, поскольку люди, стремящиеся выглядеть выше по социальному статусу, чем это есть на самом деле, упрощают положение дел, игнорируя случаи языковых исключений. Примерами безграмотного произношения являются формы *gempun* (gentlemen), *reely* (really), примерами претенциозного произношения - формы *cult-your* (culture), *iss-you* (issue) [Post, 1950:41]. Отмечено, что в ряде случаев британские и американские оценки произношения слов прямо противоположны: форма прошедшего времени глагола *to eat* - "есть, питаться" может произноситься с монофтонгом или с дифтонгом. В Англии первое произношение считается правильным, второе - полуграмотным, в США - наоборот [Швейцер, 1983:55].

Низкий образовательный уровень и провинциальное происхождение связываются со словами *I reckon*, *I figure* в значении *I think*; *folks* в значении *family*. Жаргонным является употребление слова *boy* вместо *man*. Претенциозно звучат выражения *I desire to purchase* вместо *I should like to buy*; *Will you accord me permission ?* вместо *Will you let*

ме ? May I ? Гиперкорректное произношение, претенциозные выражения характерны для представителей нижнего слоя среднего класса.

В работе В.Штайнига показаны различные сигналы социального статуса человека в речи и общении: богатство вокабуляра, использование жаргона, умение построить грамматически правильное предложение, точность обозначения, скорость речи, паузация, выразительность интонации, умение поддерживать и регулировать дистанцию в общении и др. Заслуживает внимания модель автора, позволяющая сравнить порицаемые ("стигматизируемые") и престижные коммуникативные сигналы на четырех уровнях общения: семантико-стилистическом, текст-стилистическом, паралингвистическом и речеповеденческом уровне [Steinig, 1976:88-94]. На наш взгляд, в приведенной модели важна не столько иерархия уровней, сколько идея неразрывной связи между разными сигналами, характеризующими либо престижную, либо непрестижную речь.

Особенности нестандартного негритянского варианта американского английского языка в лексике состоят в ограниченности семантических сфер этого социально-этнического диалекта (общий словарный состав этого диалекта насчитывает, по подсчетам исследователей, 3000 единиц, которые могут быть сгруппированы в пять крупных семантических объединений: быт и поведение; человек и его расовая принадлежность; антисоциальная деятельность и борьба с ней; музыка; религия), в высокой степени интенсивности оценки, в метафорических транспозициях, актуализирующих сему чувственного восприятия [Кухаренко, Караваева, 1987:73,77; Шлихт, 1984:150]. Социальными индексами диалекта Black English являются специфические слова и выражения, например, soul - "все то, что вызывает эмоции и сочувственный отклик и ассоциируется с культурой американских негров - их музыкой, танцами, изобразительным искусством" (исходное значение - "душа"), Right on ! - "Правильно, верно !" (выражение означает одобрение и горячую поддержку) [Швейцер, 1983:158,166].

Грамматическая специфика Black English сводится к таким характеристикам, как 1) опущение глагольного окончания -ed после глухих согласных, 2) нерегулярные формы прошедшего времени типа knowed, 3) пропуск вспомогательного глагола have в перфекте: I seen it, 4) особый комплетивный аспект со значением завершенности, выражаемый формой done: He's done went home, 5) аспект отдаленного прошлого, выражаемый формой been: You won't get your dues that you been paid, эта форма не относится к пассивному залогу; иногда комплетивный и отдаленно-временной аспекты совмещаются: I been done went there, 6) перестановка второй и третьей формы глагола: He has did it; I seen a movie, 7)

отсутствие морфемы третьего лица глагола в настоящем времени, 8) употребление формы was во множественном числе: they was, 9) опущение вспомогательных глаголов: I gone there lots of time; He go there tomorrow; He over there, 10) особый дистрибутивный аспект со значением растяжения во времени: Sometime he be there and sometime he don't, 11) отрицание при помощи универсального вспомогательного комплекса ain't: I/he/they ain't here; многократное отрицание: I ain't done nothing, 12) опущение и замена союзных слов: That's the dog bit me, 13) инверсия в вопросах: Why he took it ? 14) именительный темы: My mother, she works at home, 15) замена конструкции there is: There go my house, 16) использование предлога at в любом вопросе со значением "где ?": Where is my shirt at ? 17) частое опущение морфемы множественного числа существительных; ассоциативное множественное число, выражаемое при помощи словосочетания and them: Freddy an' 'em ain't going today (Freddy and those associated with him aren't going today), 18) отсутствие морфемы притяжательного падежа, 19) перестановка в местоимениях: mine - yourn, hern; hisself; them вместо these: I want them candies, 20) множественное число you - you-all (y'all), youse (yiz): Youse mad at each other ? [Wolfram, Fasold, 1974:151-176].

По объему и точности грамматической семантики Black English не уступает стандартному английскому языку⁸, 8) значительное число характерных отклонений в Black English соответствует аналогичным явлениям в британских диалектах [Hughes, Trudgill, 1979] адекватно обеспечивая коммуникацию и даже выражая тонкие аспектуальные и другие различия, отсутствующие в стандартном варианте. Но в социолингвистическом плане этот вариант языка является показателем низкого социального статуса его носителей. Низкий социальный статус этого диалекта объясняется тем, что контакт между двумя расами в течение длительного времени сводился к отношениям белого хозяина и черного слуги [McDavid, McDavid, 1971:17]. Black English адекватно воспринимается только в неразрывной связи с естественной ситуацией употребления. Отмечено, что носители этого социолекта довольно ревностно оберегают свою обособленность (литературная английская речь ассоциируется у них с принадлежностью к белой расе и поэтому вызывает отрицательные эмоции) [Drake, 1980:63].

Возникает вопрос: почему социолекты с низким престижем сохраняются ? Социолект служит символом групповой принадлежности. Люди, которые относятся к низким слоям общества, чувствуют необходимость взаимной поддержки и стремятся обозначить свою выделенность в речи и поведении. Отмечается следующая тенденция: мужчины в большей мере склонны к использованию нестандартного языка, женщины же

стремятся к поддержанию стандарта [Ryan,1979:155]. Непрестижные социолекты ассоциируются со сниженной речью, а сниженная речь у подростков и в мужских коллективах (например, в армии) выступает в качестве показателя мужественности. Здесь действует принцип "гиперкоррекции наоборот": старательно избегаются любые показатели претенциозности и изнеженности.

Социально-психологические особенности современного инвективного словоупотребления состоят, по мнению В.И.Жельвиса, в соотношении между возможными и доступными для говорящего способами выражения агрессивности в конкретной ситуации, с одной стороны, и между употребительностью резко сниженной лексики и степенью доминантности личности, с другой стороны. "Свободное владение соответствующим вокабуляром характерно для людей, занимающих в обществе ведущее положение (руководитель предприятия, армейский офицер, глава семьи, мужчина в ряде ситуаций и др.)" [Жельвис,1990:27]. Не случайно феминистки, приобретая равный с мужчинами статус, приобретают и инвективный вокабуляр.

Индексами подчиненного положения выступают характеристики "слабого языка": 1) ограничители типа sort of, kind of, I guess, 2) сверхвежливые формы, например, "Would you please...", "I'd really appreciate it if...", 3) вопросы question-tags, 9) Подобные вопросы, впрочем, выражают и множество других, иногда противоположных приведенному толкованию значений [Winefield et al.,1989:78]. 4) интонационная эмфаза, речь как бы с курсивным выделением слов so, very, 5) пустые прилагательные, например, divine - "божественный", charming - "очаровательный", sweet - "милый", adorable - "восхитительный", 6) гиперкорректная грамматика и произношение, 7) недостаточное проявление чувства юмора, в частности, неумение пошутить, 8) прямое цитирование, 9) особый вокабуляр, например, для обозначения цвета, 10) вопросительная интонация в утвердительных предложениях [Preston,1989:73]. "Слабый язык" не тождественен женскому языку, но многие характеристики "слабого языка" свойственны женскому стилю поведения в традиционном западноевропейском обществе. Речевая дифференциация статуса мужчин и женщин отмечена в социолингвистической литературе [Key,1972; Zimmerman, West,1975; Siegler, Siegler,1976; Nilsen,1977; Kramer,1978; Smith,1979; Janeway,1980; Zimin,1981; Maltz, Borker,1982; Baroni, D'Urso,1984; Holmes,1984; Preisler,1986; Cameron, Coates,1988; Мартынюк,1989]. Описаны факты мужской и женской лексики, например, алтайские турки имеют мужские и женские слова для обозначения волка ("пору" и "улучы"), ребенка ("бала" и "уран"), зубов ("тиш" и "азу") [Дешериев.1977:212].

Определенные различия в речевом поведении мужчин и женщин считаются доказанными. Установлено, что женщины в большей мере проявляют тенденцию задавать вопросы, поддерживать диалог, выражая солидарность и соглашаясь с собеседником, часто стимулируют беседу минимальными ответами в виде междометий *mmh*, *hmm* и местоимений ("Вы" и "мы"), если же их прерывают или не поддерживают в беседе, то они принимают стратегию "молчаливого протеста". Мужчины часто прерывают собеседников, расположены не соглашаться с высказываниями своих партнеров, игнорируют комментарии других участников беседы или реагируют без энтузиазма, более жестко контролируют тему разговора, включая как развитие, так и переключение темы, склонны к прямому выражению мнения и сообщению о факте. Объяснение различия в поведении англоязычных мужчин и женщин¹⁰ 10Приведенные характеристики мужского стиля англоязычного речевого поведения диаметрально противоположны характеристикам мужского стиля речевого поведения малагасийцев [Keenan, 1974:137; 1983:237]. заключается в том, что мужчины, пользуясь властью в обществе, пользуются властью и в беседе. Корни различия в поведении женщин и мужчин состоят в базисных ориентирах общения девочек и мальчиков. Общаясь между собой, девочки учатся создавать и поддерживать отношения близости и равенства, критиковать других в приемлемой форме, аккуратно интерпретировать речь других девочек. Мальчики же учатся в общении утверждать позицию доминирования, привлекать к себе и поддерживать внимание аудитории, заявлять о себе, когда слово принадлежит другим. Стиль доминирования выражается в командах и распоряжениях, в высмеивании и присвоении кличек, в вербальных угрозах и похвальбе, в отказе подчиняться приказам, в словесных перепалках¹¹. ¹¹Сравните: Мужские нормы поведения вайнахов - немногословие, неспешность, сдержанность, отсутствие зазнайства, мужество. "Особенно сдержанно вел себя мужчина в доме: он за трапезу садился один, не улыбался жене при посторонних, не брал при посторонних ребенка на руки, даже в отсутствие жены" [Алироев, 1990:348]. Женщины избегают открытой состязательности в диалоге, ждут знаков одобрения в виде кивков и междометий, выражают знаки интереса и внимания, дают возможность партнеру закончить свое высказывание, не оставляют без внимания высказывания других людей, соединяют свои высказывания с предшествующим высказыванием партнера по беседе [Maltz, Borker, 1982:198-210]. В дополнение к названным выше характеристикам "слабого языка" установлено, что женщины обычно приблизительно называют количество предметов ("around seven books"), а мужчины предпочитают точную цифру; мужчины чаще используют междометие О.К. ("окей") в качестве показателя переключения темы.

Исследование, выполненное С.Зимин, опровергает фольклорную истину о разговорчивости женщин и молчаливости мужчин. Хронометраж показывает, что мужья говорили больше жен по времени и чаще пользовались возможностью начать беседу. Женский стиль речи отличается, по мнению исследовательницы, большей имплицитностью, намеками [Zimin, 1981:38]. Заслуживает внимания замечание Дж.Холмс о том, что простой подсчет языковых форм в речи мужчин и женщин может привести к неверным выводам, поскольку языковые формы многозначны. Следует учитывать субкатегориальные разновидности тех языковых форм, которые берутся в качестве социолингвистических маркеров, таких, как question-tags, модальные ограничители (hedges) "sort of", "you know", "I think", интенсификатор "of course". Выяснилось, например, что женщины используют форму I think большей частью для выражения уверенности, а мужчины - для выражения неуверенности. Мнение о женщинах как о неуверенных в себе, пассивных участниках диалога не соответствует действительности [Holmes, 1990:198]. В научной литературе высказано предложение не считать нормы мужской речи прототипными [Cameron, Coates, 1988:24]. Замечено, что для англоязычной речи характерен параллелизм способов доминирования в диадах "мужчина - женщина", "взрослый - ребенок", "белый - негр" [Zimmerman, West, 1975; Bolinger, 1980; Rothwell, 1982].

По мнению А.А.Пушкина, типичный авторитарный дискурс включает следующие речевые акты: категорические директивы без права свободы выбора со стороны адресата, акты положительной самооценки, включая акты хвастовства, акты отрицательной оценки партнера, его деятельности и компетенции, акты унижения, оскорбления, угрозы, иронии и издевки [Пушкин, 1990:59]. Авторитарный дискурс свойственен, в частности, группам подростков и преступным бандам, т.е. тем примитивным сообществам, которые организованы по принципу приоритета физической силы.

Приведем пример активной позиции доминирования. Джек, герой романа У.Голдинга "Повелитель мух", становится вожаком мальчишек:

"We'll hunt. I'm going to be chief."

"And then - about the beast."

"I say this. We aren't going to bother about the beast."

He nodded at them. "We are going to forget the beast."

"Now listen. We'll kill a pig and give a feast."

(W.Golding).

Джек отдает приказания, усиливая свою речь фразами "Я говорю", "Слушайте", открыто заявляет, что хочет быть вожаком.

Речевая индикация статуса человека прослеживается в речи детей и взрослых [Ervin-Tripp, Strage, 1985; Nickmann, 1985; Ochs, 1987; Andersen, 1990].

Ребенок изначально не равен взрослому по статусу. Способы проявления статусного неравенства детей и формы их социализации существенно различаются в разных сообществах. Правила североамериканского и европейского речевого общения характеризуются выраженным эгоцентризмом детей и вытекающей отсюда обязанностью взрослых все растолковывать детям. В Полинезии же речь взрослых по отношению к детям является подчеркнуто социоцентричной, дети обязаны сами пытаться понять, что происходит в окружающем их мире. Дети не имеют права требовать разъяснения: такое требование ассоциируется с высоким социальным статусом вождя или приближенных к вождю. Отсюда следует и роль детей в общем разговоре: полинезийским детям следует молчать и учиться в общей беседе, которую ведут старшие, а европейские и американские дети активно участвуют в разговоре. Э.Окс показывает основные формы эгоцентричного и социоцентричного общения взрослых и детей: так, при эгоцентричном общении дети имеют право выразить на лице непонимание, недоумение, задать вопрос типа "Что ты сказал?", "Что это значит?", а взрослые пытаются угадать желания ребенка: "Тебе это не нравится?", "Ты хочешь спуститься на пол?" При социоцентричном общении вопросы-угадывания исключаются (кроме тех случаев, когда говорящий пытается выяснить желания вождя, т.е. демонстрирует свое подчиненное положение) [Ochs, 1987:310,314]. Эгоцентричное общение направлено на выяснение мотивов поведения, социоцентричное общение игнорирует мотивировку поступков, здесь важен только результат. Отсюда вытекает и принципиально различная процедура судебного разбирательства в сравниваемых культурных сообществах. В некоторых индейских племенах дети должны повторять высказывания взрослых, не понимая смысла; предполагается, что понимание придет позже [Schieffelin, Ochs, 1986:173]. Из приведенного сопоставления культурных норм можно сделать вывод о том, что социоцентричное общение отражает более раннюю ступень социализации человека.

Асимметрия в диалоге взрослых и детей (точнее, родителей и детей) проявляется в нескольких типах речевых стратегий: 1) упрощенная речь, попытки облегчить понимание¹², ¹²отмечено, что этот стиль общения (baby talk) чаще встречается в тех случаях, когда взрослые обращаются к чужим детям [Ervin-Tripp, 1976:50]. 2) поддержка речи ребенка, 3) исправление речевых ошибок ребенка [Ervin-Tripp, Strage, 1985:72]. Сюда же относится предельно отчетливое произношение, отчетливая мимика, отсутствие импликаций в высказываниях, подчеркнутое выражение оценочного модуса ("Что такое хорошо и что такое плохо").

Такую речь по-английски часто называют motherese, сюсюкающе-неестественный язык, соотносимый с детским языком-лепетом - baby talk. Выделены типологически релевантные характеристики детского языка: в фонологии это - ассимилятивное опрощение согласных звуков в звукосочетаниях (give me - gimme, stomach - tummy), замещение звука r другими согласными (l, y, w, t, d), замещение заднеязычных звуков переднеязычными, взаимозаменяемость шипящих, взрывных и смычно-щелевых согласных звуков (shoes - soos); в грамматике и словообразовании - частое использование диминутивных суффиксов (birdie, Freddy, а в русском языке возможно присоединение уменьшительно-ласкательного суффикса даже к глагольной основе: "Спатеньки хочешь?"), отсутствие служебных слов, артиклей, связок (The doll is pretty - dollie pretty), использование третьего лица вместо первого и второго (Вместо "I want" - "Daddy wants"), частичная и полная редупликация (little - itty-bitty); в лексике - тематически ограниченный лексикон: имена и обозначения близких людей, части и функции тела, базовые качества типа "хороший, плохой, маленький, большой, грязный, чистый" и др., наименование животных и название детских игр [Ferguson, 1964:105-109]. Сюда же относится специфическое детское словотворчество, детское освоение грамматики по аналогии ("Меня любопытит подсмотреть", "Вырасту и буду непускателем - буду стоять у входа в кино и никого не пускать" и др.).

Несомненным индексом социального статуса является молодежный жаргон. Каждому возрасту в рамках поколения свойственна специфическая разновидность речи. Переходя рубеж молодости, люди усваивают определенный жизненный стиль, связанный с образованием и профессией. Для среднего возраста признак возраста - не единственный и не главный отличительный признак. Можно сказать, что средний возраст семиотически не маркируется. Для молодежи и юношеской культуры признак возраста является доминирующим и определяет такие характеристики молодежного жаргона, как преимущественное обозначение межличностных отношений, обозначение действий, затрагивающих интересы группы, и поступков, связанных с какой-либо чертой характера, обилие пейоративов, называющих понятия "зазнаваться", "жадничать", "обманывать", "заискивать" и др. [Уздинская, 1991:24].

Разные типы речевой компетенции соотносятся со статусными индексами человека в том или ином сообществе. Упрощенная речь обычно бывает обращена к маргинальным носителям языка - детям, иностранцам, больным. Поэтому в случае несоответствия статуса адресата с возрастным индексом получателя речи у адресата возникает вопрос: "За кого вы меня принимаете?" Невнятная речь подростков

является, по-видимому, одной из форм психологического протеста против обращения к ним взрослых как к детям.

Социальный статус семьи влияет на стиль общения между родителями и детьми. В меньшей мере различия между семьями обнаруживаются на уровне невербального общения, в большей мере - на уровне вербальной коммуникации: более образованные родители стремятся объяснить детям заранее правила выполнения заданий и поощряют инициативу детей, менее образованные - прибегают к объяснениям лишь в случае затруднений, с которыми сталкиваются дети, и осуществляют жесткий контроль за поведением детей [Rasku-Puttonen, 1988:17].

Индексы социального статуса в значительной мере характеризуют речь образованных и необразованных людей. В лингвистической литературе описаны контрастные речемыслительные особенности образованных и необразованных (менее образованных) людей, проявляющиеся а) в одномерности либо многомерности видения событий, б) в учете тезауруса адресата, в) в использовании классификаций, г) в оформлении речи [Schatzmann, Strauss, 1972:207-215]. Л.Шатцманн и А.Стросс взяли 340 интервью у людей, переживших ураган в одном из штатов США. При этом у людей, отнесенных к нижнему слою (образование - элементарная школа) и к верхнему слою (образование - колледж), обнаружилось различия в речи более важные, чем степень грамотности или богатство словаря. Так, недостаточно образованные люди могут описывать событие только с собственной точки зрения, а образованные люди в рассказе о чем-либо могут взглянуть на событие глазами других людей, могут охарактеризовать явление с точки зрения общества или какой-либо организации. Необразованным людям свойственно фрагментарное описание событий, эти люди как бы исходят из посылки о полном совпадении своей системы образов, знаний (тезауруса) с системой образов и знаний адресата. Часто используются выражения "и все такое", "и тому подобное", выступающие в качестве эрзаца детализации и абстракции. Образованные люди объясняют содержание, дают вводную информацию, иллюстрации, определяют участников, время и место, используют квалификации. Необразованные люди не мыслят в терминах классификаций и абстрактных категорий. Различие прослеживается и в организации речи: события, действия, образы, люди и места перечисляются необразованными информантами в последовательном порядке, с минимальной вариативностью союзов. Часто такие люди не могут дать последовательного изложения без вспомогательных вопросов.

Образовательный ценз значительным образом влияет на адекватный выбор речевого жанра. Речевой жанр повествования, нарратив, включающий в качестве своих фаз ориентацию (определение времени, места, действующих лиц),

развитие событий, оценку, подведение итога реализуется, по данным Р.Водак, только в речи представителей среднего класса. Для нижней части среднего класса (клерков, некоторых слоев рабочих) характерна замена повествования набором обстоятельств, представляющих собой нечто вроде описания симптомов. Для рабочих в целом характерно изложение в виде сцен, т.е. типичных событий без ориентаций и оценок, без обобщений и наблюдений [Wodak, 1986:134]. Эти данные коррелируют с материалами Л.Шатцманна и А.Стросса. Иначе говоря, недостаточное образование выражается в том, что говорящий не может выйти из мысленного круга "своих", близких людей, не может перешагнуть на более далекую дистанцию общения. Образование есть изучение иного языка общения, выход в иной круг по В.Гумбольдту.

Образовательный индекс характеризует и степень точности обозначения действительности. Речь идет о владении определенными терминосистемами. Большая часть терминов (впрочем, не только терминов) остается за рамками языковой компетенции среднего носителя языка. Такие слова (и понятия, ими выражаемые) являются индексами принадлежности говорящего к кругу образованных людей. Такие слова-незнакомки или агнонимы (В.В.Морковкин) могут быть выявлены применительно к каждому человеку, сколь образован он бы ни был: невозможно в наше время быть специалистом во всех областях знания. Но есть определенные тематические ключи (принадлежность слова к той или иной тематике), и образованный человек, опираясь на контекст и ситуацию, может с некоторой вероятностью определить не значение, но тематическую отнесенность агнонима. Кроме того, пассивный словарь образованного человека значительно превосходит соответствующий вокабуляр недостаточно образованного человека. Число агнонимов очень велико, но среди них есть такие слова, которые среднему носителю языка вроде бы не стыдно не знать (как правило, термины точных и естественных наук), и слова, непонимание которых в какой-то мере вызывает неудобство (некоторые политические, экономические, медицинские, педагогические, философские и искусствоведческие термины). Представляет интерес изданный в США словарь, включающий около 500 слов, которые, по замыслу составителя, могут повысить статус человека, использующего такие слова в речи [Bowler, 1982]. Составитель не без иронии включил в словник специальные термины психиатрии (например, теомания - разновидность мании величия, при которой больной воображает себя богом), квази-слова, сочиненные из греко-латинских корней (какистократия - форма общественного устройства, при которой власть принадлежит худшим гражданам - в противоположность аристократии), эвфемизмы (фабулист - выдумщик, лжец, придумывающий фабулу) и др. Главной характеристикой

агнонимов для языковой личности является функциональная избыточность этих слов. Дело не в том, что необразованный человек не понимает определенных слов, а в том, что определенные сферы бытия для такого человека просто закрыты.

Было бы неверным, однако, оценивать речь представителей разных социальных слоев по нормам одного - наиболее образованного - слоя. Естественное общение, сориентированное на информационный обмен и поддержание межличностных отношений в определенном ключе, регулируется ситуационными характеристиками. Речевые жанры, которым учат в школе, для бытовой речи во многом являются искусственными. Не удивительно поэтому, что люди, производственная деятельность и стиль жизни которых не связаны со словом и словесными нюансами, общаются и прекрасно понимают друг друга, не прибегая к развернутой литературно оформленной речи. Умение артикулировать идеи, детализировать и обобщать их вырабатывается методами специальной подготовки. Поэтому речь может быть оценена по различным критериям, из которых ведущим мы, вслед за Цицероном, признаем уместность, соответствие речи ситуативным условиям: "В самом деле, самое трудное в речи, как и в жизни, это понять, что и в каком случае уместно. . . . Ведь не всякое положение, не всякий сан, не всякий авторитет, и подавно не всякое место, время и публика допускают держаться одного для всех случаев рода мыслей и выражений. Нет, всегда и во всякой части речи, как и в жизни, следует соблюдать уместность по отношению к предмету, о котором идет речь, и к лицам как говорящего, так и слушающих" [Цицерон, 1972:345].

Речевая индикация социального статуса человека обнаруживается также в степени владения языком. Мы разграничиваем внешний и внутренний план владения языком, в первом случае речь идет о билингвизме, во втором - о разных видах языковой и речевой компетенции.

Почти половина населения земли является билингвами, т.е. пользуется более чем одним языком. Степень владения как одним, так и другим языком влияет на возможность получить образование и престижную работу и в определенной степени определяет самооценку человека. Ярким примером функционального билингвизма может служить распределение языков в Пакистане. Средний образованный человек в Хайдарабаде пользуется языком телугу дома, санскритом - в храме, английским - в университете, урду - на производстве или в офисе. При этом он обычно знает диалекты телугу, каннада или тамильского языка, общаясь с обслуживающим персоналом. Проблема билингвизма приобретает все большую значимость в связи с усилившимися миграционными процессами [Romaine, 1989:9]. Это относится в первую очередь к

английскому языку, одному из мировых языков. Знать английский язык для многих сообществ - престижно. Местным или родным языком пользуются в быту, английским же или другим наднациональным языком пользуются, выйдя на уровень социального общения [Breitborde,1983:35]. До свадьбы молодые парагвайцы говорят по-испански, после свадьбы молодожены переключаются на родной язык - гуарани [Rubin,1962:52]. Переключение языка символизирует переключением статусной дистанции. Английский как второй язык приобретает множество отличительных особенностей, объясняемых, в первую очередь, недостаточной степенью владения этим языком. Так, модальный глагол *may* выражает в английском языке разрешение и предположение, в индийском английском этот глагол выражает только разрешение [Gumperz,1982:140].

Распространенный билингвизм в обществе, параллельное владение несколькими языками, приводит к явлению диглоссии, распределению языков по сферам общения. Родным языком пользуются дома не только потому, что общенациональным языком владеют хуже. Родной язык является своего рода пограничной полосой между своими и чужими, живущими совместно. Примером подобного использования родного немецкого языка в США является речевое поведение отца Дженни Герхардт в романе Т.Драйзера:

"Where have you been ?" he exclaimed in German. (...)

"Why, I have been out for a walk," she answered confusedly.

"Didn't I tell you not to go out after dark ?" said Gerhardt, utterly ignoring Brander.

"What is the trouble ?" inquired Brander gravely.

"What has your daughter done ?"

"What has she done !" exclaimed Gerhardt, his excitement growing under the strain he was enduring, and speaking almost unaccented English in consequence. (T.Dreiser).

Герхардт намеренно отчитывает свою дочь по-немецки в присутствии сенатора Брэндера и тем самым показывает сенатору, что тому нечего делать в доме Герхардта. Демонстрируя неуважение к высокому должностному лицу, Герхардт подчеркивает, что моральный статус отца выше, чем общественный статус сенатора.

Контакт языков и культур приводит к тому, что в межэтническом общении складываются несколько языковых ситуаций: 1) используется язык одного из этносов, 2) используются на равных языки взаимодействующих этносов, 3) используются языки взаимодействующих этносов с дифференцированными сферами общения (диглоссия по Ч.Фергюсону), 4) используется чужой для контактирующих этносов язык, 5) используется

вспомогательный язык-пиджин, б) используется язык одного из этносов в предельно облегченной для иноязычного восприятия форме, такая разновидность языка именуется ксенолектом.

Языковая компетенция является одним из показателей социального статуса человека, наряду с профессией, образованием, богатством, стилем жизни. Языковая компетенция допускает несколько измерений. По признаку актуального / виртуального владения языком разграничивается действительное знание языка и социально-престижное приближение к языку (например, французский язык в дореволюционной России и английский язык в СССР в наши дни). По признаку нормативной правильности разграничивается языковая компетенция образованных людей, знающих нормативное употребление языка, и языковая компетенция необразованных носителей языка. По признаку системной правильности разграничивается языковая компетенция носителей языка, для которых этот язык является родным, и языковая компетенция тех, кто говорит на неродном языке. По признаку языкового богатства разграничивается языковая компетенция пользователей языка и языковых экспертов, владеющих разнообразными литературными либо протолитературными стилями.

Ксенолекты выделяются по признаку системной правильности. Носители ксенолектов в большинстве своем являются представителями развивающихся стран, живущими и работающими в развитых западноевропейских странах, в США или Канаде. Большой наплыв таких работников в страны с высоким уровнем жизни привел к тому, что определенные виды работ, как правило, непрестижных, оказались связанными только с носителями ксенолектов. Ксенолект сразу же распознается в речи и является индексом низкого социального статуса человека. Кроме того, с ксенолектами связаны этнические предубеждения [Roche, 1989; Stewart, 1990]. Можно разграничить оригинальный ксенолект иностранца и имитируемый ксенолект для поддержания контакта с иностранцем. Ксенолект как характеристика индивида есть переходный период в овладении языком, как характеристика языка - особый тип языковой вариативности.

Проблема языковой компетенции распадается на несколько частных проблем: языковая (грамматическая) и речевая (коммуникативная) компетенция в теориях Н.Хомского и Д.Хаймса [Duranti, 1988; Saugstad, 1989], типы языковой компетенции, уровни языковой компетенции [Богин, 1986; Караулов, 1987]. Проблема социального статуса человека органически связана с проблемой языковой личности и с проблемой уровней языковой компетенции. Г.И.Богин выделяет пять уровней владения языком: 1) уровень правильности, соответствие речевой норме (например, фраза "Я буду прыгнуть сейчас" является индексом ксенолекта), 2) уровень

интериоризации, наличие либо отсутствие внутреннего плана речевого поступка (например, "Мы...это...по линии озеленения...с городом Кустанай...с Кустанаем" - такие фразы свидетельствуют либо о неумении говорить на данном языке, либо о той или иной форме речевой патологии, либо об экстремальных обстоятельствах общения), 3) уровень насыщенности, показатель бедности или богатства речи (например, фразы из сочинения: "В этом городе был завод. На заводе работали рабочие. Рабочие не любили завод. Работу они тоже не любили."), 4) уровень адекватного выбора, владение синонимикой (например: "Он ударил меня по лицу, и я его тоже - по физиономии"), 5) уровень адекватного синтеза, соблюдение тональности общения [Богин,1986:4-5].

Коммуникативная компетенция на высшем уровне проявляется в развитии речи как искусства. Направления развития речи как искусства реализуются как в высоком церемониальном или художественном стиле, так и в сниженной языковой игре. Языковая игра является непременным спутником разговорной речи. В языковой игре разграничивается балагурство и острословие. Первое выражается в рифмовках ("нейлон какой-то дуралон"), в фонетических деформациях ("сыпасибо", "мурмелад"), в "веселой грамматике" ("мой подруг"), в приеме речевой маски (подражание речи ребенка, иностранца, бюрократа и т.д.); второе проявляется как стилевой контраст, использование метафоры и метонимии, ирония, перифрастика, сравнения и др. [Земская и др.,1983:177-183]. В лингвистической литературе отмечено, что чем ниже образовательный уровень людей, тем более важно для них соблюдать правила языковых игр - моментально давать реплики, обмениваться шутливыми оскорблениями, вышучивать партнера, вести словесную дуэль и хвастаться, а также уметь рассказывать истории, сочинять песни, рифмовать [Chaika,1989:149]. Такие языковые игры весьма распространены в сообществах мальчишек и согласуются со способами агрессивного самоутверждения. Такие игры характерны и для афроамериканского стиля общения.

Языковая компетенция применительно к социальному статусу человека проявляется также в намеренной демонстрации степени владения языком. Известно, что многим людям свойственно заикаться от волнения, мямлить, сбивчиво излагать свои мысли при общении с вышестоящими лицами или при выступлении с трибуны без соответствующего навыка. В Бурунди люди низкого статусного ранга в общении с вышестоящими обязаны по этикету изъясняться сбивчиво и с неуверенностью в голосе. Такова норма поведения. Соответственно, в общении с подчиненными следует говорить бегло [Saville-Troike,1986:27]. Недостаточная речевая компетенция выступает в качестве показателя низкого социального статуса.

Этнографический материал дает нам, однако, и обратные свидетельства. Так, у африканского народа волоф ошибки в речи вождя считались положительным моментом: дело вождя - вести войну и судить народ, а не ораторствовать. Высокостоящим людям рекомендовалось избегать в своей речи стилистических украшений. Некоторые племена, впрочем, ценили ораторское искусство и считали, что вождь должен уметь хорошо говорить (индейское племя арауканов в Чили), в то время как племя абипон в Аргентине отдавало предпочтение боевым успехам вождя [Hymes, 1972:53]. Современная англоязычная цивилизация представляет собой демократическое общество, и поэтому руководитель страны должен уметь убедить своих сограждан в правильности своей программы, а этого нельзя сделать без высокого уровня речевой компетенции. Критическое отношение к высокому уровню речевой компетенции руководителя прослеживается в рассуждении Сомерсета Моэма: "The Prime Minister out of office is seen, too often, to have been but a pompous rhetorician..." (S. Maugham) - "Премьер-министр вне своей должности оказывается часто лишь напыщенным краснобаем..." Это оценочное суждение отражает социальную необходимость высокого уровня владения речью для того, чтобы быть высшим должностным лицом, во-первых, и содержит наблюдение относительно того, что высокая степень мастерства может сопровождаться преувеличением важности этого мастерства, во-вторых.

Вероятно, в любом сообществе высокий уровень владения речью считается положительным, статусно ценным качеством, однако, для сообществ определенного типа цивилизации степень речевой компетенции вождя нерелевантна. Значимая несущественность речевой компетенции руководителей в определенных сообществах закрепляется традицией. Так, например, в Тикопии вожди не выступали перед племенем на собраниях, они давали инструкции своим помощникам, которые сообщали народу волю вождя. А сами вожди не считали нужным даже присутствовать на собраниях [Firth, 1975:35]. Выделение специальных людей, выполняющих функции "носителей слов вождя", подчеркивает статус вождя и торжественность ситуации. В этой связи мы приходим к выводу о том, что косноязычие библейского пророка Моисея (Исход, 4:10), от имени которого говорил его брат Аарон, по-видимому, объясняется социолингвистической причиной - речевой индикацией статуса вождя посредством отстранения текста от его инициатора. Сказанное свидетельствует в пользу того, что Моисей - историческая фигура, его речевое поведение продиктовано стремлением повысить свой статус как руководителя племени в дипломатических переговорах с фараоном, который, как известно, высказывал свою волю посредством своих высших советников.

Соблюдение статусной дистанции достигается также путем использования специальной речи - профессионального языка (технолекта) и жаргона. Технолекты и жаргоны выполняют специальную социальную функцию, которая реализуется в двух проявлениях (внутренняя и внешняя направленность): 1) человек, говорящий на специальном языке, стремится доказать, что он является членом определенной группы и тем самым рассчитывает на групповую солидарность и заявляет о своем праве на долю группового престижа; 2) носитель технолекта или жаргона подчеркивает свой особый статус по отношению к тем, кто не является членами данной группы. Задача профессиональной речи - не только обеспечить точное и емкое обозначение предметного мира соответствующей профессии, но и отстранить профанов, которые своими поверхностными суждениями наносят вред профессионалам, подрывая престиж профессии. Не случайно врачи (профессиональная группа с традиционно высоким статусом) должны были не только писать рецепты по-латыни, но и общаться на этом языке. Разумеется, использование латыни диктовалось не только соблюдением статусной дистанции, но и требованиями медицинской этики. Существуют определенные способы демонстрации своей принадлежности к престижной группе знатоков и профессионалов: специальные слова (термины и жаргонизмы), нестандартные употребления слов (например, "инструмент" вместо "фортепиано"), аллюзии (в частности, ссылки на авторитеты) и др.

Особым статусом в плане речевой компетенции обладают знатоки и образцовые носители социолектов, а также диалектов, профессиональных языков и т.д. Понятие "носитель языка" оказывается слишком общим для некоторых конкретных задач описания той или иной разновидности языка. Возникает необходимость использовать такие понятия, как "эксперт", "представительный источник информации", "авторитетный арбитр языкового употребления", для того, чтобы определить языковые навыки, условия владения языком, возраст, уровень развития интеллекта [Ballmer, 1981:51].

Разговорная речь, по мнению К.Зорнига, занимает промежуточное положение между стандартной языковой нормой и интимным вариантом языка. Интимный вариант, трактуемый как социолект студентов, солдат, спортсменов, заключенных и др., создает атмосферу внутригрупповой принадлежности индивида (in-groupness). Расширение узкого круга социолектно-релевантных тем общения приводит к образованию разговорной речи; эта речь организована вокруг таких тем, как работа, деньги, одежда, мужчины и женщины, предметы быта, развлечения, переживания страха, осуждение глупости и др. [Sornig, 1990:91].

Проблема языковой индикации социального статуса человека тесно связана с вопросом языкового дефицита.

Имеется в виду концепция британского профессора Б.Бернстайна, который обосновал тезис о том, что существуют развернутый и ограниченный коды (elaborated and restricted codes) как обобщенные типы речевых стратегий. По мнению Б.Бернстайна, эти типы речевых стратегий отражают контекстно-независимые и контекстно-связанные системы значений. Контекстно-независимая система значений характеризуется универсальностью, она в принципе открыта для всех в силу выраженности смысловых зависимостей и связей. Контекстно-связанная система значений характеризуется партикулярностью, она открыта только для тех, кто имеет единую контекстуальную память. Ограниченный код базируется на сжатых, конденсированных символах, развернутый код - на артикулированных символах. Ограниченный код используется дома, в бытовом общении, с друзьями, развернутый код - в официальном общении, в учебном заведении, в учреждении, в беседе на отвлеченные темы [Bernstein,1979:164-167].

Из противопоставления двух типов кодирования Б.Бернстайн делает заключение о предрасположенности типов людей к усвоению того или иного кода. Эксперимент, проведенный с пятилетними детьми представителей среднего класса и рабочих, показал, что дети из обеспеченных семей британской интеллигенции адекватно излагали содержание рассказа, обозначая причинно-следственные отношения, активно использовали неличные местоимения в анафорической и катафорической функции, что соответствует развернутому коду, в то время как дети рабочих строили простые предложения, характеризующие ограниченный код. Из этого были сделаны выводы общего порядка относительно того, что социального успеха добиваются те люди, которые владеют способностями к усвоению развернутого кода. Как правило, академическая успеваемость в школе и в колледже прямо коррелирует со степенью усвоения развернутого кода. Этот вывод вызвал массивную критику в научной литературе [Labov,1970; Edwards,1976; Dittmar,1976; Домашнев,1982 и др.]. Было доказано, что ограниченный и развернутый коды функционально обусловлены и равноценны, их оценка определяется уместностью и эффективностью использования того или иного кода в конкретной ситуации; представители среднего класса в большей мере пользуются логическими связками и абстрактной аргументацией, их словарь богаче, но эффективность мышления не зависит от числа прилагательных и типа союзных связей в тексте; эксперимент Б.Бернстайна основывался на произвольных параметрах.

Экспериментальные исследования, однако, в значительной мере подтвердили гипотезу Б.Бернстайна. Так, матери из семей среднего класса отличались от матерей из семей рабочего класса в разговоре с детьми в том, что в

семьях среднего класса не принято избегать ответов на детские вопросы, принято давать информативные ответы, расширяющие знания ребенка, и предпочтение отдается вопросам "почему?". Например, вопрос "Почему листья падают с деревьев?" допускает множество ответов, которые могут быть сгруппированы в десять типов: 1) выражение удивления ("А почему они не должны падать?"), 2) повторение вопроса в ответе ("Потому, что падают"), 3) отсылка к регулярности ("Они каждый год падают"), 4) отсылка к сущности ("Листья, они такие"), 5) отсылка к авторитету ("Потому, что такой закон в природе"), 6) отсылка к эмоциям и желаниям ("Потому, что им так хочется"), 7) объяснение по аналогии ("Деревья засыпают, и тогда..."), 8) объяснение по дедуктивной модели ("Листья - живые, а все живое умирает"), 9) причинное объяснение ("Сильный осенний ветер срывает их"), 10) целесообразное объяснение ("Чтобы новые листья появились весной"). В семьях среднего класса первые шесть типов ответов практически не были зарегистрированы. В рабочих семьях вопросы "почему?" часто воспринимаются как некоторый вызов родительскому авторитету, в семьях среднего класса - как стремление узнать новое о мире [Robinson, Rackstraw, 1972:98,117]. Вероятно, типы вопросов и ответов могут быть проанализированы и с других позиций, но нельзя отрицать того, что статусная сверхзадача "поставить ребенка на место", т.е. научить его прежде всего уважать старших, в значительной степени сковывает познавательную активность растущего человека, во-первых, и сигнализирует о своеобразной компенсации со стороны родителей своего непрестижного социального статуса, во-вторых.

Проблема переключения кода имеет и другой аспект. Дело не только в способности ребенка усвоить и использовать развернутый код в официальной ситуации. В классе многие учащиеся из непрестижных общественных слоев попадают в затруднительное положение: если отвечать на уроке, используя "домашний язык", то навлечешь на себя порицание учителя, если же использовать "школьный язык", то вызовешь насмешки товарищей по классу. Выход из сложившейся ситуации - говорить как можно меньше. Отсюда возникает впечатление невнятной, скомканной, синтаксически бедной речи. Положение ухудшается в случае критики со стороны учителя, учительской насмешки (вербальной и невербальной), резкого исправления речи ученика [Bountress, 1984:52].

Разделяя критическую оценку концепции языкового дефицита, мы считаем нужным подчеркнуть рациональное зерно в противопоставлении развернутого и ограниченного кода: развернутый код соответствует социальной и публичной дистанции общения, ограниченный код - интимной и персональной дистанции. Ограниченный код связан с тенденцией растворения индивидуальности говорящего в

группе, с тенденцией групповой солидарности, свойственной, в первую очередь, непрестижным слоям населения. Развернутый код ассоциируется с выделением личности, с тенденцией индивидуализации говорящего. Путь развития языка связан с движением сознания от симпрактической системы - к синсемантической системе, от житейских понятий - к научным, от недискурсивного мышления - к дискурсивному, от трансдукции (заклучения по личному опыту) - к индукции и дедукции [Лурия, 1979:32,253]. В этом движении сознания огромную роль играет обучение, школа. Интимное и персональное общение, однако, имеют свои закономерности, и поэтому сводить все типы общения к социальному и публичному общению было бы упрощением дел.

Резюмируем сказанное.

Индикация социального статуса обобщается в ролевых характеристиках разного вида, составляющих внутренний аспект изучения статуса, и выражается в индексах стиля жизни, контактов и речи.

Языковые индексы стиля жизни носят размытый характер по сравнению с социологическими индексами, выражаются в виде коннотаций и коннотативных комплексов, имеют прототипную природу и в определенной мере автономны по отношению к своему денотативному содержанию. Индикация стиля жизни выявляет степень социальной нагруженности предметов. Статусные индексы играют существенную роль в создании стереотипов разного порядка, являются оценочно-маркированными и поэтому активно используются в рекламе и пропаганде. Индикация непрестижного статуса в англоязычном обществе носит эвфемистический характер.

Индикация человеческих контактов имеет непосредственно-дистанционное и опосредованно-символическое измерение. Социальный статус маркируется на социальной и публичной дистанции и выражается в расстоянии между участниками общения, громкости голоса, использовании особого приватного кода и в учете личного пространства. Опосредованная индикация социального статуса выражается в коммуникативной сети. Чем ниже статус человека, тем более размытым для него является социальное пространство. Индексы стиля жизни проявляются в символических контактах людей и прослеживаются в этикетных манерах.

Индикация общения проявляется в невербальной и вербальной коммуникации, невербальные статусные индексы более значимы, чем вербальные. С точки зрения социального статуса человека употребление языка может быть стандартным, субстандартным и суперстандартным. Выделяются статусные индексы, свойственные речи мужчин и женщин, взрослых и детей, образованных и менее образованных людей, представителей разных социальных и этнических (расовых) групп англоязычного общества. Разграничивается внешняя и

внутренняя языковая компетенция, уровни языковой компетенции тесно связаны с социальным статусом человека.

1.4. ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА

Социальная стратификация связана с оценкой статусных признаков человека как представителя той или иной социальной группы. Статусная оценка является соотносительной: оценивается а) статус в системе социальной стратификации, т.е. стратификация в целом (стратификационная оценка), б) статусная позиция вышестоящего, нижестоящего и равного человека (дистанционная оценка), в) соответствие поведения человека статусной норме (ролевая оценка). Стратификационная оценка относится к справедливости и рациональности общественного устройства в целом, дистанционная оценка распространяется на собственный статус субъекта оценки и соотносимые с этим статусом позиции других людей, ролевая оценка связана с вариативностью статусной реализации, т.е. с допустимыми отклонениями от статусного прототипа. Стратификационная оценка разрабатывается в социально-экономических и этических теориях. Предметом социолингвистического изучения являются дистанционная и ролевая оценка статуса человека. при этом противопоставление дистанционной и ролевой оценки - это исследовательский прием, расчленение единого по своей природе объекта - статусной оценки.

Социально-психологическим основанием статусной оценки являются ожидания. Ожидания иерархически упорядочены. Абстрактные уровни ожиданий связаны, как считает Н.Луман, с понятиями лица, роли, программы и ценности. Зная какого-либо человека, мы можем прогнозировать его поступки, отношения и реакции. В более абстрактном плане, имея представление о людях, выполняющих определенную социальную роль, мы прогнозируем типовое поведение исполнителя социальной роли. Обобщением ролевого поведения является программа, программы устанавливают условия правильности поведения и способы достижения определенных состояний. Самым абстрактным уровнем является уровень ценностей, благодаря которым люди предпочитают одни состояния другим безотносительно к способам достижения этих состояний [Luhman, 1984: 428-430].

Статусная оценка проявляется в речевом поведении людей, делающих выбор - в демонстрации уважения либо неуважения и в соблюдении либо несоблюдении вежливости, а также в следовании определенным правилам поведения.

Уважение является признаком высокого положения другого человека и внутренним одобрением этого положения. Вежливость представляет собой прежде всего способы выражения уважения к другому человеку, хотя и не сводится

только к выражению уважения. В приведенном соотношении понятий уважение - это "то, что", а вежливость - "то, как".

1.4.1. УВАЖЕНИЕ КАК ОЦЕНКА СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА

Уважение, будучи оценочной категорией, является градуальной величиной и варьирует от максимального уважения, поклонения, до нулевой отметки (отсутствия уважения) и далее - до неуважения, презрения. Особенность шкалы уважения состоит в том, что полярные точки на этой шкале нагружены дополнительными значениями: любовью и ненавистью, трепетным страхом и насмешкой. Уважение как оценка статуса человека проявляется в вариативных способах выражения уважения: специализированной системе обращений, в предоставлении уважаемому человеку символических прерогатив и привилегий (например, почетного места, экспертного мнения, исключительных прав), в поддержании определенной дистанции между уважаемым человеком и другими людьми. Недостаточное уважение и неуважение часто выражаются в соответствующих способах обращения, в игнорировании человека как личности, а также в произвольном варьировании дистанции между собой и неуважаемым человеком и в символическом унижении людей.

Демонстрация уважения к кому-либо всегда связана с понятием самоуважения. Не случайно дистанцированность характеризует как уважительное поведение, так и поведение человека по отношению к партнеру по общению, чей статус неясен. Так, образованный кореец, владеющий литературным языком, использует эту подсистему национального языка в тех случаях, когда его собеседником является человек, стоящий на более высокой социальной позиции (старший по возрасту, должности и т.д.), и когда разговор ведется с малознакомыми людьми и иностранцами [Никольский, 1976:128].

Оценка статуса неразрывно связана с индикацией статуса человека. Оценочная характеристика статуса человека прослеживается в контрастных парах выражений, относящихся к поведению мужчин и женщин в англоязычном обществе: He's inquisitive - she's nosy; he shares information - she gossips; he discusses - she chatters; he explains - she complains; he's cool - she's frigid; he's reflective - she's moody; he's a lover - she's a tramp; he's resolute - she's stubborn; he loses his temper - she's hysterical; he's analytical - she uses feminine logic [Rothwell, 1982:181-182]. - "Он любознателен - она любопытна; он делится информацией - она сплетничает; он обсуждает - она болтает; он объясняет - она жалуется; он спокоен - она бесстрастна; он задумчив - она угрюма; он любовник - она потаскуха; он настойчив - она упряма; он теряет самообладание - она истерична; он аналитичен - она

использует женскую логику". Характеризуя поведение мужчин в нейтральном ключе, говорящий, использующий приведенные пары выражений, проявляет неуважение к женщинам. Статусная оценка пола прослеживается в сравнениях. Сравнения, в основе которых лежит признак мужского рода, содержат положительную оценку, а сравнения, в основе которых лежит признак женского рода, - отрицательную оценку: "Она - свой парень", но "Он ведет себя, как девчонка" [Smith, 1985:63]. Отмечено, что британцы склонны воспринимать информацию по радио с большей долей сомнения, если эту информацию передают дикторы-женщины [Erfurt, 1989:227].

Статусная оценка многообразна. В широком смысле любая нормативная оценка носит статусный характер. В узком смысле мы говорим о статусной оценке как уважении либо неуважении и способах проявления соответствующего отношения.

Уважение к профессиональным качествам человека раскрывается посредством сравнения с некоторой точкой отсчета. Распространенным типом подобного сравнения является автохарактеристика говорящего: "For my own part, I found Reich a fascinating man. My own mind is at home in any period from 2,500 BC to the end of the tenth century AD. Reich's mind was at home in any period from the Carboniferous age onward, and he could speak of the Pleistocene - a mere million years ago - as if it were recent history. I was present once when he examined a dinosaur tooth, and he remarked casually that it could not possibly be as recent as the Cretaceous age - that he would place it in the late Triassic - about fifty million years earlier. I was also present when a Geiger counter verified his guess." (C.Wilson). Повествование в фантастическом романе К.Уилсона "Паразиты мозга" ведется от имени профессора археологии Г.Остина, который рассказывает о своем коллеге профессоре Райхе. Г.Остин говорит, что хорошо знает период от 25 века до н.э. до 10 века н.э. Профессор Райх мог определить любой период в диапазоне миллиона лет, от каменноугольного периода до наших дней. Он смог определить возраст и время жизни динозавра с точностью до периода в пределах мезозойской эры по зубу вымершего животного, и счетчик Гейгера подтвердил его догадку. Это - высочайший уровень квалификации ученого, и субъектом оценки выступает специалист высокого ранга в научном мире. Предметом уважения является высокий статус ученого.

Уважение, оказываемое царственным особам, имеет иную природу: A small crowd meanwhile had gathered at the gates of Buckingham Palace. Listlessly, yet confidently, poor people all of them, they waited; looked at the Palace itself with the flag flying; ...and all the time let rumour accumulate in their veins and thrill the nerves in their thighs at the thought of Royalty looking at them; the Queen

bowing; the Prince saluting; at the thought of the heavenly life divinely bestowed upon Kings; of the equerries and deep curtsies. (V.Woolf). Толпа, собравшаяся у ворот Бэкингэмского дворца, официальной резиденции британских монархов, испытывает трепет, глядя на флаг, вспоминая, как им поклонилась королева и как их поприветствовал принц, замирая при мысли о божественной избранности королей, о королевских конных выездах и низких поклонах. Субъектом и объектом оценки в данном случае являются люди с почти несопоставимым статусом. Подданные боготворят королеву и принца, личные качества которых в принципе не существенны. Существенным является статус монарха и связанные с этим статусом внешние проявления предельно высокого уважения к живым символам государственной власти.

Степень уважения к власти относится к числу национально-специфических характеристик культуры. Так, в результате русско-болгарского сопоставительного анализа коннотаций слова "управляющий" выяснилось, что русские информанты дают больше положительных характеристик управляющему, касающихся нравственной и когнитивной сфер ("понимает людей", "умный"), а болгарские информанты выражают негативное и даже враждебное отношение к управляющему ("тупой", "коррупцированный", "ограниченный", "жестокий"). Негативное отношение болгар к власти является элементом национального характера [Пацаева, 1991:236]. Ясно, что такое отношение к власти у болгар сформировалось в результате длительного чужеземного ига. Сказанное свидетельствует о культурно-исторической обусловленности национальных стереотипов, мистическое истолкование подобных явлений представляется нам упрощением состояния дел.

Обоснование неуважения во многих случаях выражается как определение некоторого проступка со стороны объекта статусной оценки: "You have sinned, woman, search your heart, and you will know that you have sinned. You have not kept constant vigilance for impurity. So there has been a Deviation; and deviation, any deviation from the true image is a blasphemy - no less. You have produced a difilement."

"One poor little baby !"

"A baby which ...would grow up to breed, and, breeding, spread pollution until all around us there would be mutants and abominations. ...Shame on you, woman !"

(J.Windham)

В романе Дж.Уиндэма "Хризалиды" рассказывается об испытании людей, живущих в далеком будущем на земле после великой катастрофы. В большом количестве стали рождаться мутанты - люди, животные, растения с различными отклонениями. В ответ на это возникла религия, в центре которой было поклонение божественному образу, т.е. образу человека, животного или растения без отклонений. Соответственно любое отклонение

стало рассматриваться как происки дьявола. Мутанты должны были уничтожаться. У женщины родился ребенок-мутант, она хотела избежать обязательной инспекции и пришла за помощью к своей сестре. Муж сестры сурово отчитывает женщину, говоря, что она совершила святотатство, осквернив мир. "Маленькое бедное дитя !" - говорит женщина и слышит в ответ: "Дитя, которое могло бы вырасти, чтобы размножиться и, размножаясь, распространять осквернение повсюду, пока везде вокруг нас не оказались бы мутанты и всякая мерзость. Стыдись, женщина !" Речь идет о статусе человека. Женщину обвиняют в сатанинском заговоре против человека. Приведенный отрывок свидетельствует о том, что статусные признаки вариативны, что в определенных обстоятельствах любой признак человека может стать социально маркированным настолько, что все остальные признаки окажутся несущественными. Аллюзия Дж.Уиндэма очевидна: это - борьба за чистоту расы.

Неуважение как отрицательная оценка социального статуса может быть выражено в виде пародии уважения: The Sarcastic Bystander: I can tell you where you come from. You come from Anwell. Go back there. The Note Taker (helpfully): Hanwell. The Sarcastic Bystander (affecting great distinction of speech): Thank you, teacher. Haw, haw ! So long. (He touches his hat with mock respect and strolls off). (B. Shaw) .

В приведенном отрывке из пьесы Б.Шоу "Пигмалион" показано отношение людей к замечаниям, касающимся языка. Профессор Хиггинс поправляет своего случайного собеседника, неправильно произнесшего слово. До этого Хиггинс по акценту определял место жительства своих собеседников. Один из собеседников с сарказмом говорит: "Я могу сказать, откуда вы приходите. Из Хэнуэлла (лондонский район, где расположен дом для сумасшедших). Возвращайтесь туда." Слово Hanwell произнесено без начального звука h: так говорят носители городского просторечия кокни. Хиггинс показывает правильное произношение, а его собеседник, пытаясь тщательно произнести все звуки, допускает гиперкоррекцию в выражении thank you: в королевском английском языке гласные более закрыты, но разница между фонемами не должна стираться. "Спасибо, учитель ! Ха-ха ! Пока," - говорит собеседник, поднимая шляпу с пародируемым уважением, и уходит. Речь идет о статусе компетентного носителя языка. Люди отрицательно относятся к любым попыткам поучать их и высмеивают такие попытки.

Важным каналом выражения уважения являются стандартные формулы приветствия, начала диалога и завершения беседы. Интересно отметить, что начало общения и приветствие характерны не только для людей, но и для животных, а

завершение общения специальной формулой свойственно только людям [Goffman, 1972:107]. Формы приветствия в английском языке весьма вариативны и зависят от ряда факторов: от возраста говорящего и адресата, степени знакомства, родственных отношений, статуса и ранга адресата, официальности ситуации, а также времени и места прошлой встречи. Встречаясь каждый день с соседом, используют разговорную формулу "Hi !" (сокращение от "How are you ?"). Но если соседи не виделись в течение долгого времени, такая форма приветствия будет обидной. Обычно люди обмениваются словом "Hello !" и некоторое время беседуют друг с другом. На официальном приеме предполагается использование традиционной английской формулы "How do you do ?". Формулы приветствия являются семантически пустыми, не случайно вопросы воспринимаются как утвердительные идиоматические высказывания, а разговорный вопрос телескопически сжался в короткий слог "Hi !" Уважение в случае социального неравенства выражается в различной степени свободы участников общения. Вышестоящий коммуникант имеет право выбора более официального или более разговорного приветствия, нижестоящий коммуникант ограничен, как правило, только официальной формой приветствия: "Hello, Betty ! - Good morning, Mr.White." Формы приветствия символизируют контактную дистанцию: вышестоящий участник общения имеет право двигаться в диапазоне "персональная - социальная дистанция", нижестоящий участник общения вряд ли перейдет границу социальной дистанции. В случае нарушения такой границы происходит как бы стирание граней между персональной и интимной дистанцией общения, а вторжение на интимную территорию обычно вызывает протест.

Индексом социального неравенства в речи нижестоящего является частое использование вежливых обращений, описательных выражений уважения, множества модальных "упаковок" содержания и выражение отрицательного отношения к чему-либо в косвенной форме. М.Грейшон приводит следующие примеры: (1) "Sir, with due respect, sir, I venture to suggest, sir, that perhaps, conceivably, your suggestion might be capable of modification"; (2) "I regret, sir, that I have to suggest that, perhaps you are not absolutely correct"; (3) "I'm sorry, Ted, you're quite wrong" [Grayshon, 1977:61,69]. Первую фразу может произнести подчиненный своему шефу, при этом для слушателей одного ранга с шефом это будет сигналом должной социальной дистанции между руководителем и подчиненным, для слушателей одного ранга с подчиненным такая фраза будет отвратительным примером раболепия, а для самого говорящего - это маскировка для того, чтобы выполнить цель, в данном случае - добиться изменения позиции адресата. В этом высказывании трижды упоминается вежливое обращение "сэр", не принятое

между равными (либо принятое в церемониальной обстановке), употребляется формульное выражение "с должным уважением (к Вам)", используются разнообразные модальные "рессоры", смягчающие суть высказывания (Сравните: "Вы не правы" и "Я рискну предположить, что, возможно, Ваше предложение можно было бы модифицировать"). Вторая и третья фразы произнесены одним и тем же лицом, а именно - военным капитаном, который обращается к своему знакомому майору сначала на службе, а затем в неслужебной обстановке. Содержательная часть "Ты не прав" в официальной обстановке выражается как "Возможно, Вы не абсолютно правы..."

Уважение к адресату выражается в выборе и избегании определенных тем разговора. Существуют абсолютно табуированные, условно табуированные и ситуативно табуированные темы в общении. В первом случае избегаются упоминания о святынях, интимной жизни, биологических отправлениях и смерти, во втором случае используются стандартные и нестандартные эвфемизмы вместо неприятных предметов беседы, сюда же относятся запреты на неформальные обращения к старшим по возрасту или рангу, в третьем случае избегаются определенные ситуации и фразы (так, ситуативно табуируется фраза "До встречи!" при прощании пациента с врачом после выписки из больницы или освобождаемого заключенного - с персоналом тюрьмы) [Huang, Tian, 1990:79].

Уважение к адресату выражается также в длине высказывания: чем короче текст, тем меньше уважения. Имеются в виду, разумеется, тексты в определенной ситуации беседы. Отметим, что быстрый переход к основной теме диалога считается у многих народов невежливым. Для интерпретации акта общения как социально приемлемого необходимо сначала обменяться сведениями о здоровье, сне, своих делах, делах своих близких, о ближайших планах.

Приращение собственной позиции не связано с потерей лица, такая позиция не воспринимается как унижительная. Эта позиция достаточно точно передается, по мнению авторитетного специалиста по паралингвистике, идиомой *wrap yourself in something long* [Argyle, 1976:142] - "завернуться во что-то длинное". Сохранение лица, самоуважение сохраняется в восточной культуре в двух концептах репутации - *mien* и *lien*. Первый концепт - это репутация, которая закрепилась за человеком благодаря его успехам или знатному происхождению, второй концепт - это репутация человека, который выполнит свои обязательства, как бы трудно ему ни было это сделать. Речь идет о социальном и личном статусе. Социальный статус предписывает состоятельному человеку обеспечить богатое приданое для дочери, личный статус предписывает человеку быть честным, умным, благородным и т.д. [Шибутани, 1969:341-342].

1.4.2. ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ОЦЕНКА СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА

Вежливость по своей сути есть проявление уважения к другому человеку. Определение вежливости как хороших манер акцентирует процессуальную сторону (поведенческий, внешний план) этого явления. Внешняя сторона явления в известной мере автономна, и поэтому хорошие манеры могут сочетаться с низкими целями и отсутствием уважения к человеку. Это внутреннее напряжение в понятии "вежливость" находит в английском языке лексическое выражение: *polite* - "вежливый" и *courteous* - "вежливый, учтивый, обходительный" различаются тем, что первое слово в большей мере обозначает внешний аспект поведения, а второе слово - гармонию внешнего проявления и внутреннего доброго расположения к человеку.

Вежливость как предмет лингвистического изучения неоднократно привлекала к себе внимание языковедов [Altmann, Riska, 1966; Алпатов, 1973; Lakoff, 1973; Хохлова, 1973; Mohan, 1974; Ferguson, 1976; Скорбатьюк, 1977; Assadi, 1980; Hause, Kasper, 1981; Fraser, Nolen, 1981; Lange, 1984; Ogino, 1986; Brown, Levinson, 1987; Lavandera, 1988; Gu, 1990; Kasper, 1990]. В лингвистической литературе вежливость анализируется либо в плане исследования общих стратегий поведения, либо в плане выявления специфики выражения положительного отношения к человеку на материале частных речевых актов в конкретном языке (извинения, благодарности, комплименты, выражения сочувствия и т.д.). Первое направление является, на наш взгляд, пограничной областью между социолингвистикой и прагмалингвистикой и в наиболее полном виде представлено в монографии Пенелопы Браун и Стивена Левинсона "Вежливость: некоторые универсалии языкового употребления". Второе направление связано с изучением речевого этикета и речевых актов, являющихся предметом прагмалингвистики. По мнению Г. Каспер, проблематика вежливости как лингвистического феномена включает такие вопросы, как разработка концепции вежливости (стратегии ухода от конфликтов и типы социальной индикации); характеристика нарушений вежливости; социально-психологические факторы, определяющие формы и функции вежливого поведения; вежливость и типы дискурса; языковое выражение вежливости [Kasper, 1990:194].

В основе теоретической концепции П. Браун и С. Левинсона лежит понятие общественного лица как самоуважения индивида. Существуют два основных желания, связанных с самоуважением (сохранением лица): 1) желание не испытывать помех в своих действиях и 2) желание получить одобрение. Эти желания определяют общие поведенческие стратегии смягчения угрозы самоуважению человека, а именно: негативную и позитивную вежливость. Негативная вежливость связана с предоставлением

свободы человеку, позитивная вежливость – с демонстрацией единства и солидарности.

Выделяются три типа поведенческих актов, ограничивающих свободу человека: 1) предопределение будущего действия этого человека (приказы и просьбы, советы, напоминания, угрозы и предупреждения), 2) вовлечение человека в долг (предложения и обещания), 3) выражение желания что-либо получить от человека в будущем (комплименты, выражения зависти и восхищения, а также выражения ненависти, гнева, вожделения), и два типа поведенческих актов, ставящих под удар позитивную самооценку: 1) отрицательная оценка поступков или мнений человека (выражения неодобрения, критики, презрения, насмешки; жалобы, обвинения и оскорбления, а также возражение, несогласие и вызов) и 2) игнорирование достоинства человека (выражение бесконтрольных эмоций, использование табуированных тем, сообщение отрицательной информации о человеке и положительной информации о самом себе, создание чрезмерно эмоциональной атмосферы, явное невнимание к человеку, неправильное обращение к человеку).

Все поведенческие акты, ограничивающие свободу или ставящие под удар самооценку человека, реализуются в трех типовых стратегиях: 1) намеренная неясность, вуалирование смысла посредством метафоры, иронии, риторических вопросов, различных намеков, 2) прямое выражение смысла без смягчающих средств, 3) вежливое выражение смысла в виде негативной и позитивной вежливости.

Прямое выражение смысла в рассматриваемом вопросе реализуется, как правило, в трех случаях: а) в чрезвычайных обстоятельствах (Mind your head ! – "Берегите голову !"), б) в определенных формулах общения, не задевающих самоуважения человека (Come in ! – "Войдите !"), в) в случае руководства и приказа. Формульное общение допускает императивы в высказываниях типа "Excuse me; don't be sad; have fun, а также в различных рецептах [Brown, Levinson, 1987:13,24,61,65-67,69].

Стратегии позитивной вежливости состоят в выражении солидарности говорящего со слушающим и выражаются в 15 линиях поведения: 1) проявление внимания к человеку, 2) эмоциональная эмфаза (How absolutely marvellous !), 3) интенсификация интереса к слушателю (в частности, прямое цитирование и вовлечение слушателя в диалог выражениями You know ? Isn't it ?), 4) создание атмосферы внутригрупповой идентичности, использование диалекта, жаргона, диминутивов, обращения на "ты", эллиптических образований, 5) стремление к согласию ("надежные темы" в беседе, повторы в диалогах), 6) избегание несогласия (внешнее согласие: "Да, но..." лучше, чем "Нет."; использование ограничителей типа sort of, kind of, in a way, 7) создание "общей территории",

например, докторское "мы" в предложениях типа "Как мы сегодня себя чувствуем?", 8) шутки, 9) учет желаний и склонностей слушающего, 10) предложения и обещания, 11) выражение оптимизма в просьбе (в том смысле, что просьба легко выполнима), 12) вовлечение слушающего в деятельность (инклюзивное значение местоимения "мы"), 13) обоснование предложений и просьб как подчеркивание взаимодействия и сотрудничества, 14) утверждение взаимности обязательств ("Я сделаю это для тебя, а ты сделай то для меня"), 15) подарки слушающему в виде материальных предметов или знаков симпатии, понимания и солидарности.

Стратегии негативной вежливости состоят в предоставлении свободы действий слушающему, что в традициях западной культуры обычно и понимается как вежливость. Эти стратегии сводятся к 10 линиям поведения: 1) избегание прямых просьб, использование косвенных речевых актов, 2) формулирование высказываний в смягчающей модальной упаковке, 3) выражение пессимизма в просьбе (сомнение в том, что просьба выполнима), 4) минимизация возможного ущерба (так, нищие просят подать им хоть цент, но приходят в ярость, если им дают меньше, чем десять центов), 5) проявление уважения посредством принижения собственного положения и возвышения положения адресата, 6) готовность извиниться (констатация возможных неудобств, связанных с просьбой, констатация нежелания помешать адресату, объяснение причин просьбы, собственно извинение), 7) имперсонализация участников общения (использование пассива, неопределенно-личных местоимений, безличных конструкций и т.д.), 8) генерализация требований в виде независимых от говорящего норм: "I am sorry but late-comers cannot be seated till the next interval" - "Извините, но опоздавшим не могут быть предоставлены места до следующего антракта", 9) номинализация утверждений - перевод конкретных событий в разряд более общих явлений, 10) принятие на себя долга по отношению к адресату ("Я Вам буду очень благодарен, если...").

Стратегии вуалирования состоят в том, чтобы избежать навязывания своей позиции адресату, и будучи весьма близкими к стратегиям негативной вежливости, отличаются от последних тем, что говорящий, стремясь не задеть собеседника, в то же время заботится о том, чтобы сохранить свое лицо. Выделяются 15 поведенческих линий: 1) прямые намеки ("Скучный фильм!" -- "Давай уйдем!"), 2) ассоциативные ключи, отдаленные намеки ("Завтра, вероятно, будет ярмарка" -- "Подвезите меня туда"), 3) фокусирование ("Я сегодня снова вымыл машину." -- "А ты..."), 4) преуменьшение ("Как дела у Гарри?" - "Ничего опасного." -- "Не очень хороши у него дела"), 5) преувеличение ("Я сто раз пытался дозвониться"), 6) тавтология (Война есть

война), 7) противоречия ("Ты расстроился?" - "И да, и нет"), 8) ирония, 9) многозначная метафоризация (Harry is a real fish - "He drinks/ swims/ is slimy/ is cold-blooded like a fish" - "Гарри - настоящая рыба" - специфика идиоматики: пьет/ плавает/ скользкий/ холодный, как рыба), 10) риторические вопросы, 11) двусмысленность (John's a pretty sharp cookie! - "Джон - очень хитрый/ привлекательный" - от коннотации слова sharp зависит прочтение смысла фразы, которая может быть и комплиментом, и оскорблением), 12) неопределенность (Perhaps someone did something naughty - "Наверное, кто-то сделал что-то пакостное" - ясно, о ком идет речь и ясно, что сделано), 13) генерализация, использование пословиц (Mature people sometimes help to do the dishes - "Зрелые люди иногда помогают вымыть посуду"), 14) замещение адресата (например, просьба одной секретарши к другой передать брошюрователю; рядом стоит посторонний человек, если он захочет, он передаст этот предмет сам, просьба обращена фактически к нему), 15) неоконченные высказывания [Brown, Levinson, 1987:102,131,214].

Исследование П. Браун и С. Левинсона излагается нами подробно не только потому, что их модель рассматривается во многих работах как стандартная теория вежливости, но прежде всего потому, что эта модель раскрывает различные стороны статусной оценки человека. Можно не согласиться с некоторыми моментами в классификации поведенческих стратегий. Так, 15 линий позитивной вежливости группируются в шесть ветвей выражения а) заинтересованности в адресате, б) групповой общности, в) общности мнений и знаний, г) знания потребностей адресата, д) рефлексивности, е) взаимности. Представляется, что противопоставление рефлексивности и взаимности носит искусственный характер в рамках предложенной модели. Проявление симпатии к человеку или одаривание его подарками в ряду стратегий позитивной вежливости выглядит, на наш взгляд, несколько неуместно; если вежливость понимается столь широко, то можно было бы включить в поведенческие стратегии и оказание помощи адресату, и защиту, и просьбу о покровительстве и т.д. Речь идет о размытости критериев классификации. В ряде случаев авторы руководствовались тенденцией симметричности стратегий позитивной и негативной вежливости. Так рассматриваются стратегии оптимизма и пессимизма. Негативной вежливости, действительно, свойственен пессимизм в упаковке просьбы, использование отрицания или субъюнктива в вопросе с тем, чтобы у адресата было больше оснований ответить отрицательно и при этом не потерять лицо. Внутренняя логика такой упаковки может быть представлена следующим образом: "Исходя из того, что скорее всего у вас нет того, что я хотел бы попросить, я не буду на вас в

обиде, если вы ответите отрицательно." Оптимизм в упаковке просьбы соответствует, вероятно, следующей модели рассуждения: "Исходя из того, что вы с удовольствием выполните мою небольшую просьбу, которая для вас не связана ни с какими затруднениями, я хочу вам доставить радость, обратившись с этой просьбой." Пессимизм негативной вежливости предполагает большую вероятность отрицательного ответа, но допускает и положительный ответ. Оптимизм позитивной вежливости фактически не оставляет адресату возможности дать отрицательный ответ и не потерять лицо. Сравнимые стратегии не являются симметричными. Линии негативной вежливости также не образуют классификационного единства: по способу языковой упаковки выделяются линии модального смягчения просьбы, имперсонализации, номинализации; по соотношению стимула и реакции - линии пессимизма, минимизации ущерба, готовности к извинению, уважения; по признаку статусного неравенства - линии уважения и принятия на себя долга.

Приведенные классификационные несоответствия являются неизбежным следствием любой естественной классификации, которая по природе своей основывается на нескольких критериях одновременно в отличие от дихотомической классификации, представляющей собой формально-логическую схему, так или иначе упрощающую действительность. Ценность классификации, однако, состоит как в полноте, так и в непротиворечивости. Сильная сторона цитируемой классификации состоит, на наш взгляд, в ее полноте и эмпирической обоснованности, а также в большой объяснительной мощи основного концепта - лица в двух его ипостасях, учитываемых в позитивной и негативной вежливости, и не случайно эта работа входит в теоретическое обоснование многих социолингвистических и прагмалингвистических исследований.

С точки зрения социального статуса противопоставление позитивной и негативной вежливости соответствует противопоставлению персональной и социальной дистанции. Позитивная вежливость - это общение в среде "своих", негативная вежливость - общение в среде "чужих". Вопрос, связанный с оценочным статусом человека применительно к персональной и социальной дистанции, формулируется так: в чем состоит сходство и различие вежливого и невежливого (грубого) поведения человека в среде своих и в среде чужих? Мы предполагаем, что подобно различиям в позитивной и негативной вежливости существуют различия в позитивной и негативной невежливости, и эти различия обусловлены системой ценностей общества, культурными доминантами, обобщаемыми в абстрактном социологическом и антропологическом понятии "этнос". Этнос - это характер

культуры сообщества или группы, определяющий систему моральных норм - этику.

Для выделения сходства и различия в статусной оценке своих и чужих необходимо определить аспекты сопоставления поведенческих актов. Мы рассматриваем статусно-оценочное поведение в следующих аспектах: а) позиция говорящего, б) взаимосвязь говорящего и адресата, в) способ языкового выражения. Эти аспекты представляют собой разновидность стандартной схемы коммуникативной ситуации, включающей прежде всего участников общения и отношения между ними. Позиция говорящего включает следующие моменты: эмоционально-волевой самоконтроль говорящего, рефлексия говорящего, вектор самоуважения. Взаимосвязь говорящего и адресата выражается в реакции партнера и векторе зависимости.

Эмоционально-волевой самоконтроль говорящего выражается в степени искренности, т.е. в соотношении подлинного и предъявляемого чувства, и в степени волевого самоконтроля, т.е. в соотношении соблюдения предписаний и спонтанного проявления желаний.

Общение на персональной дистанции требует искренности и допускает определенную спонтанность в проявлении желаний. Неискреннее поведение подрывает целостность группы, с одной стороны, и быстро разоблачается на близкой дистанции, с другой стороны. По этим же причинам происходит спонтанное проявление желаний в малой группе. Общение на социальной дистанции требует формального соблюдения приличий и сдержанности. Уважение на персональной дистанции проявляется как симпатия, положительное эмоциональное отношение к конкретному человеку, неуважение - как антипатия, ненависть и презрение, не сдерживаемое правилами приличия. Уважение на социальной дистанции проявляется как признание превосходства, соблюдение дистанции по отношению к представителю более высокой статусной группы и характеризуется меньшей степенью искренности и высокой мерой волевого самоконтроля. Неуважение на социальной дистанции - это прежде всего игнорирование человека и избегание контактов с ним. В рассказе Д.Г.Лоуренса "Прусский офицер" говорится о взаимоотношениях прусского офицера с солдатами: *With the men...he was merely impersonal, though a devil when roused; so that, on the whole, they feared him, but had no great aversion from him.* (D.H.Lawrence). Холодное презрение офицера к рядовым выражается как бесстрастное, равнодушное отношение; он игнорирует людей, пока владеет собой, но в ярости, т.е. в состоянии эмоционального аффекта, беспощаден к подчиненным. Следовательно, неуважение может "соскальзывать" с социальной дистанции на персональную. Это свойственно и уважению, которое превращается в поклонение.

Для многих представителей западной цивилизации умение скрывать свои чувства и составляет признак цивилизованного человека. Так считает герой рассказа Р.Киплинга "Лиспет": *Being a savage by birth, she took no trouble to hide her feelings, and the Englishman was amused. (R.Kipling)*. - Будучи дикаркой по рождению, она (Лиспет) не старалась скрыть своих чувств, и это забавляло англичанина.

Рефлексия говорящего в той или иной степени может иметь место, совпадая и не совпадая с речевым актом. В нашем понимании рефлексия представляет собой рациональную сторону поведения, выражаясь как некоторая дистанцированность или отстраненность субъекта действия заранее (планирование), впоследствии (воспоминание) и во время самого действия (самонаблюдение). Самонаблюдение связано с самоконтролем, поэтому рефлексия во время беседы распространяется на речевые акты, связанные прежде всего с негативной вежливостью. Например: *He affected cheerful acceptance of my somewhat officious proposal to accompany him. (O.Henry)*. - "Он сделал вид, что с радостью принял мое несколько навязчивое предложение составить ему компанию". Герой рассказа О.Генри оценивает речевой акт, как бы со стороны наблюдая за собой и своим партнером. Примером контрастной рефлексии является начало 138 сонета В.Шекспира: *When my love swears that she is made of truth I do believe her, though I know she lies... (W.Shakespeare)* - "Когда клянешься мне, что вся ты сплошь служить достойна правды образцом, я верю, хоть и вижу, как ты лжешь..." (Пер.С.Маршака). На персональной дистанции рефлексия сочетается с мучительной двойственностью чувства - верить и в то же время не верить, сомневаться и в то же время пытаться устранить сомнения. На социальной дистанции рефлексия связана с расхождением предъявляемого и подлинного чувства. При этом предъявляемое чувство ритуализируется настолько, насколько это требуется для однозначной интерпретации в терминах приличий. Человек может пропустить сквозь зубы поздравление, если от него требуется лишь формальная дань нормам поведения. Рефлексия помогает людям сохранить свое внутреннее единство в ситуациях, когда нормы поведения заставляют человека подавлять в себе подлинные чувства и желания: *In business, I ruminated, I'd have to soft-soap people whom I despised. (J.Braine)*. Герой романа Дж.Брейна "Путь наверх" проектирует речевые акты лести, которые часто сопровождаются отрицательным отношением льстеца к предмету лести: "...мне придется подмазываться к людям, которых я презираю." Социальное взаимодействие требует демонстрации положительного отношения к партнеру. Напряжение между вынужденным поведением в обществе и естественными чувствами снимается рефлексивно: человек оправдывается перед собой,

приводя рациональные доводы в пользу вынужденного поведения. На персональной дистанции рефлексия отражает борьбу чувств, знаменитое *Odi et amo* Катулла - "Ненавижу, любя". На социальной дистанции рефлексия выражается в отстраненности человека от внешне формального проявления уважения, эта отстраненность может принять форму внутренней насмешки, рационального объяснения или констатации собственной несостоятельности. Теоретически допустимо внешнее выражение неуважения, рефлексивно опосредованное внутренним положительным отношением, своеобразное уважительное игнорирование. Но такое отношение является достаточно редким. Следует отметить, что уважительное игнорирование не тождественно понятию "вежливое невнимание" - *civil inattention* [Giddens, 1987:123]. Имеется в виду то обстоятельство, что излишнее внимание к незнакомым людям, пристальное их разглядывание вызывает отрицательные чувства. Чем ближе в транспорте или в толпе оказались друг к другу незнакомые или малознакомые люди, тем настоятельнее социальное требование "вежливого невнимания", т.е. требование, предписывающее отвести взгляды, не рассматривать человека и в общем делать вид, что рядом как будто бы никого нет.

Вектор самоуважения представляет собой соотношение заботы о своем лице и о репутации партнера. П. Браун и С. Левинсон не случайно выбрали термин "лицо" для понятия самоуважения: репутация - это мера уважения со стороны других людей, это - доброе имя человека, лицо же - это уважение к самому себе. Потеря репутации не всегда есть потеря лица, и наоборот. Мы говорим о репутации партнера, а не о его лице потому, что статусная оценка - это соотносительная оценка позиции людей с чьей-либо точки зрения. Субъект оценки играет центральную роль, он может быть вышестоящим и нижестоящим, но в любом случае находится в фокусе рассмотрения. Поэтому и лицо партнера раскрывается в восприятии центрального участника общения, а это уже взгляд со стороны, и, следовательно, правомерно говорить о репутации партнера.

Теоретически возможны следующие соотношения статусных оценок применительно к самоуважению участников общения: 1) А заботится только о своем собственном лице, 2) А заботится только о репутации Б, 3) А заботится в большей мере о своем лице, чем о репутации Б, 4) А заботится в меньшей мере о своем лице, чем о репутации Б, 5) А заботится как о своем лице, так и о репутации Б, 6) А не заботится ни о своем лице, ни о репутации Б. Вежливость подразумевает приоритетную заботу о репутации партнера, т.е. нормальной ситуацией вежливого общения является соотношение (4), акцентированная вежливость проявляется не только как возвышение адресата, но и как принижение говорящего,

соотношение (2). Соответственно, невежливое поведение выражено в соотношении (3), а предельно невежливое - в соотношении (1). Соотношение (5) является пограничным между вежливым и невежливым поведением. Этот вид поведения представлен во многих случаях вуалирования позиции говорящего. Соотношение (6) характеризует либо отсутствие контакта и общения, либо предельно аффективное общение на персональной и интимной дистанции. Приведем пример не очень вежливого приглашения: Miss Grier ...drew me aside with an irresistible vehemence, and standing against my ear said: "You are to come back here to-night. There will be some people in to a late supper whom I want you to meet. You can, can't you?" I made some show of protest, and the effect was appalling. "But, my dear young man," she cried, "I'll have to ask you to trust me. ...The fact is I have already telephoned a very dear friend of mine..." (T.Wilder). Приглашение герою романа Т.Уайлдера "Каббала" сделано в безапелляционной форме, с "непреодолимой горячностью" и особым выражением долженствования: форма you are to do something употребляется со значением распределения обязанностей. Услышав отказ, мисс Грие начинает кричать и объясняет герою, что он может ее подвести, если не вернется, так как она уже дала определенные обязательства. Планы и желания героя не очень интересуют мисс Грие, она озабочена только тем, чтобы собрать интересное общество.

Реакция партнера несомненно прогнозируется говорящим, сознательно или бессознательно, и в соответствии с имеющимся в литературе по коммуникативным ситуациям противопоставлением цели и результата речевого акта мы противопоставляем предполагаемую и фактическую реакцию партнера. Цель вежливого поведения - убедить партнера в добром отношении к нему и вызвать ответное доброе отношение. На персональном уровне ответная реакция должна быть личностной, на социальном уровне - формально приемлемой. Цель невежливого поведения определяется, на наш взгляд, сложнее. Это может быть стремление выйти на открытый конфликт и выяснить отношения с партнером на персональной дистанции, желание унижить партнера по общению и изменить статусное отношение на социальной дистанции; невежливое поведение может быть и бесцельным, в таком случае оно является показателем эмоционального срыва. Предполагаемая и фактическая реакция могут совпадать и не совпадать, вежливое обращение может вызвать неожиданную отрицательную реакцию, а намеренное оскорбление может не реализоваться. Примером несовпадения демонстрации явного неуважения и ответной предполагаемой реакции является обмен репликами персонажей из пьесы Б.Шоу: Louka (with searching scorn): "You have the soul of a servant, Nicola." Nicola

(complacently): "Yes: thats the secret of success in service." (B.Shaw). Реплика девушки носит оскорбительный характер ("У тебя - душа слуги"), но Никола не принимает оскорбления: он не видит ничего позорного в статусе слуги. Оскорбления воспринимаются как таковые только в том случае, когда участники общения разделяют единую систему ценностей.

Вектор зависимости показывает зависимость говорящего от адресата или адресата от говорящего. Этот вектор собственно и определяет позицию говорящего как статус вышестоящего или нижестоящего. Вежливое отношение вышестоящего к нижестоящему на персональной дистанции - это покровительство старшего и сильного младшему и слабому, защита, помощь и симпатия. На социальной дистанции вежливое отношение к нижестоящему партнеру представляет собой возвышение статуса этого партнера до своего собственного, т.е. учтливое общение на равных. Вежливое отношение нижестоящего к вышестоящему на персональной дистанции - это отношение доверия, признательности, подчинение человеку, который может защитить. На социальном уровне такой тип отношения выражается как строгое соблюдение дистанции и открытая демонстрация признания своего более низкого статуса. Невежливое отношение вышестоящего к нижестоящему на персональной дистанции выражается как отношение грубого доминирования, подчинения, не принимающего во внимание желания и чувства подчиненного человека. На социальной дистанции рассматриваемый тип отношения подобен персональному доминированию, но на первый план здесь выступает инструментальная функция, определяющая взаимоотношения руководителя и подчиненного. Для такого руководителя существуют только интересы дела, а люди выступают в качестве инструментов, средств для достижения цели. Невежливое отношение нижестоящего к вышестоящему на персональном уровне есть хамство в бытовом исполнении, т.е. дерзко-бесстыдное отношение к старшим. И, наконец, невежливое отношение к вышестоящему на социальной дистанции представляет собой попытку понижения статуса этого человека и предъявления претензии на право занимать более высокое положение. Отношения между приведенными типовыми поведенческими линиями характеризуются сочетаемостью и несочетаемостью, производностью и непроизводностью. Так, покровительство может перейти в деспотизм, игнорирование статусных различий - в хамство, деспотизм связан с инструментальным отношением к человеку, между покровительством и подчинением, а также между деспотизмом и хамством существуют отношения взаимодополнительности.

Способ языкового выражения статусно-оценочного поведения рассматривается нами в двух планах: а) прямое или косвенное выражение, б) развернутое или свернутое выражение. Например, жанровая специфика приказов выражается

в прямой и свернутой форме, косвенное выражение приказа смыкается с просьбой.

Вежливое поведение на персональной дистанции допускает как прямое, так и косвенное выражение, однако, принцип открытости, свойственный позитивной вежливости, делает более естественным прямое выражение просьбы, поддержки, извинения. Тезис о естественности ограниченного кода в замкнутой малой группе ведет к признанию свернутого, эллиптического способа выражения положительного отношения к адресату на персональной дистанции. Способы выражения такого поведения стандартны.

Невежливое поведение на персональной дистанции есть прежде всего выражение бесцеремонного отношения. Приведем пример из фантастической встречи моряков с Королем чумы в рассказе Э.По:

"It becomes our duty upon the present happy occasion
-"

"Avast there !" interrupted Legs, looking very serious, "avast there a bit, I say, and tell us who the devil ye all are, and what business ye have here, rigged off like the foul fiends..." (E.A.Poe) - "Пользуясь данной счастливой возможностью, считаю нашим долгом -" "Стоп !" - прервал Легс, с очень серьезным видом, "стоп, я говорю, и скажите нам, кто вы все, черт возьми, и что вы здесь делаете, разнаряженные как дьяволы..." Герой многократно нарушает правила поведения, переводя общение с незнакомцами на персональную дистанцию в грубом ключе: прерывается речь говорящего, отдаются приказы замолчать и отвечать на вопросы, сформулированные с использованием ругательства и неуважительных характеристик участников общения. Грубая речь героя контрастирует с церемонным началом фразы, которую собирался произнести Король чумы.

Вежливое поведение на социальной дистанции стремится к формульному выражению. При этом формульное общение, эвфемистически сглаживая возможные острые углы, отчасти затушевывает действительное положение дел, которое может быть словесно выражено на персональной дистанции. Например: "Sent down for indecent behaviour, eh ?" said Mr.Levy... "Well, I don't think we'll say anything about that. We call that sort of thing "Education discontinued for personal reasons", you understand." (E.Waugh). - "Исключен за недостойное поведение, а ?" - сказал м-р Леви... "Что ж, я не думаю, что мы будем об этом говорить. Мы называем такие вещи "Образование, прерванное по личным обстоятельствам", вы понимаете". Формульное общение выражается посредством прямых обозначений речевых актов, однако, в силу условности вежливых формул эти высказывания произносятся и воспринимаются как внешнее проявление норм общения. Действительное отношение говорящего к адресату является

намеренно размытым и выводится только из контекста и ситуации, и в этом смысле, вероятно, уместно говорить о косвенном выражении отношения говорящего к партнеру на социальной дистанции. Формулы вежливости могут быть как развернутыми, так и свернутыми.

Языковое выражение невежливого поведения на социальной дистанции в прямой форме соскальзывает на персональную дистанцию, а в косвенной форме сводится к различным намекам, оскорбительным для человека: "...the senator from Georgia has some ...ah...personal problems and might be inclined to imagine things under certain circumstances." (F.Knebel, C.Bailey). В приведенном примере из романа Ф.Нибела и Ч.Бейли "Семь дней в мае" модальность предположения эвфемистически камуфлирует уверенность говорящего: "У сенатора из Джорджии есть ...э...проблемы личного свойства, и он может быть склонен кое что представлять себе в определенных обстоятельствах." Речь идет о том, что сенатору якобы пригрезилась несуществующая военная база, поскольку он был пьян.

Существует особый тип светской беседы, относящийся к вежливому общению, постоянно балансирующий между насмешкой и выражением симпатии: Lord Augustus: "Now, really, Mrs.Erlyne, allow me to explain." Mrs.Erlyne: "No, dear Lord Augustus, you can't explain anything. It is your chief charm." (O.Wilde). - "Но, в самом деле, миссис Эрлин, разрешите мне объяснить." - "Нет, дорогой лорд Огастус, Вы ничего не можете объяснить. В этом - Ваше главное очарование." Открытая насмешка относительно интеллектуальной несостоятельности светского щеголя из пьесы О.Уайльда дополняется выражением к нему симпатии.

В обобщенном виде характеристики статусно-оценочного поведения могут быть представлены следующим образом:

1. Позиция говорящего

1.1. Эмоционально-волевой самоконтроль

1.1.1. Степень искренности

1.1.1.1. Уважительное отношение на персональной дистанции

1.1.1.2. Уважительное отношение на социальной дистанции

1.1.1.3. Неуважительное отношение на персональной дистанции

1.1.1.4. Неуважительное отношение на социальной дистанции

1.1.2. Степень волевого самоконтроля

1.1.2.1. Контроль положительного отношения на персональной дистанции

1.1.2.2. Контроль положительного отношения на социальной дистанции

1.1.2.3. Контроль отрицательного отношения на персональной дистанции

1.1.2.4. Контроль отрицательного отношения на социальной дистанции

1.2. Рефлексия говорящего

- 1.2.1. Рефлексия на персональной дистанции
 - 1.2.2. Рефлексия на социальной дистанции
 - 1.3. Вектор самоуважения
 - 1.3.1. Предельно вежливое отношение к партнеру
 - 1.3.2. Вежливое отношение к партнеру
 - 1.3.3. Невежливое отношение к партнеру
 - 1.3.4. Предельно невежливое отношение к партнеру
 - 1.3.5. Вуалирование отношения к партнеру
 - 1.3.6. Отсутствие контакта либо аффективное общение
 - 2. Взаимосвязь говорящего и адресата
 - 2.1. Реакция партнера
 - 2.1.1. Предполагаемая реакция партнера
 - 2.1.1.1. Вежливая реакция на персональной дистанции
 - 2.1.1.2. Вежливая реакция на социальной дистанции
 - 2.1.1.3. Невежливая реакция на персональной дистанции
 - 2.1.1.4. Невежливая реакция на социальной дистанции
 - 2.1.2. Фактическая реакция партнера
 - 2.1.2.1. Вежливая реакция на персональной дистанции
 - 2.1.2.2. Вежливая реакция на социальной дистанции
 - 2.1.2.3. Невежливая реакция на персональной дистанции
 - 2.1.2.4. Невежливая реакция на социальной дистанции
 - 2.2. Вектор зависимости
 - 2.2.1. Отношение вышестоящего к нижестоящему
 - 2.2.1.1. Вежливое отношение на персональной дистанции
 - 2.2.1.2. Вежливое отношение на социальной дистанции
 - 2.2.1.3. Невежливое отношение на персональной дистанции
 - 2.2.1.4. Невежливое отношение на социальной дистанции
 - 2.2.2. Отношение нижестоящего к вышестоящему
 - 2.2.2.1. Вежливое отношение на персональной дистанции
 - 2.2.2.2. Вежливое отношение на социальной дистанции
 - 2.2.2.3. Невежливое отношение на персональной дистанции
 - 2.2.2.4. Невежливое отношение на социальной дистанции
 - 3. Способ языкового выражения
 - 3.1. Прямое выражение
 - 3.1.1. Прямое развернутое выражение
 - 3.1.1.1. Вежливое поведение на персональной дистанции
 - 3.1.1.2. Вежливое поведение на социальной дистанции
 - 3.1.1.3. Невежливое поведение на персональной дистанции
 - 3.1.1.4. Невежливое поведение на социальной дистанции
 - 3.1.2. Прямое свернутое выражение
 - 3.2. Косвенное выражение
 - 3.2.1. Косвенное развернутое выражение
 - 3.2.2. Косвенное свернутое выражение
- Способы языкового выражения статусной оценки подробно рассматриваются в данной работе ниже.

Формулы вежливости характеризуются двойкой обусловленностью: с одной стороны, существует необходимость произнести определенную формулу в определенной ситуации, с другой стороны, отмечается необходимость произнести любое

приличествующее ситуации высказывание в определенных обстоятельствах. Так, после еды по-румынски, как и по-русски, обычно говорят "спасибо", а по-французски благодарность не является обязательной, но необходимость "что-то сказать" остается [Slama-Cazacu, 1986:49-50]. Иначе говоря, существуют относительно жесткие и относительно свободные формулы вежливости. Степень жесткости/ свободы зависит от ситуации общения: чем протокольнее, официальнее ситуация общения, чем более акцентируется статус участников, тем более жесткими будут формулы общения, включая формулы вежливости. Вместе с тем обусловленность той или иной формулы объясняется не только официальностью ситуации, но и содержанием соответствующего нормативного действия и традициями этноса. Первоначально многие формулы вежливости были магическими заклинаниями, призывавшими милость богов. Именно поэтому при встрече у многих народов необходим длинный обмен вопросами о здоровье близких с перечислением всех родственников. Не упомянуть кого-то значит не призвать благорасположения божества к этому человеку.

Нормы вежливости привязаны к каналу общения: в США, например, не принято, по свидетельству Р.Уордхау, звонить по телефону просто так, для поддержания контакта. Если сын звонит своей матери, чтобы просто сказать "Привет !" и услышать ее голос, то она начинает беспокоиться и спрашивает: "Почему ты звонишь ? У тебя что-нибудь случилось ?" [Wardhaugh, 1976:105]. Телефонный разговор приравнивается к телеграмме и непременно должен содержать некоторую информацию. Разумеется, такая норма разделяется не всеми американцами.

Нормы вежливости проявляются в соотношении выражаемой и подразумеваемой информации. Можно построить следующую модель выражения информации: 1) то, что обязательно должно быть сказано (этикетные формулы общения, а также собственно обмен информацией), 2) то, что не обязательно должно быть сказано (дополнительные этикетные формулы, произносимые для смягчения категоричности, демонстрации уважения и т.д., а также словесное выражение того, что обычно понимается ситуативно), 3) то, о чем обязательно следует умолчать (табуированные темы и формы выражения, включая паралингвистические способы передачи информации), 4) то, о чем не обязательно следует умолчать (не относящаяся к теме диалога информация).

Таким образом, статусная оценка переключается со статусной индикацией, характеризуя людей как представителей той или иной группы. В основе статусной оценки лежит точка отсчета, которая может совпадать или не совпадать со статусом говорящего. Статусная оценка может быть в большей и меньшей мере рациональной. Любой социально значимый

признак может стать основанием статусной оценки. Выделяются простые и сложные способы выражения статусной оценки, к сложным способам относится пародируемое уважение.

В основе вежливого поведения лежит понятие лица как самоуважения человека. Различие в стратегиях вежливости соответствует различию в статусной индикации на персональном и социальном уровнях. Статусная оценка рассматривается в аспектах коммуникативной ситуации, включающих эмоционально-волевой самоконтроль, рефлексивность говорящего, вектор самоуважения, реакцию партнера, вектор зависимости и способ языкового выражения. Установлены характеристики четырех типов статусной оценки: персональное уважение, персональное неуважение, социальное уважение, социальное неуважение. Центральным признаком для статусной оценки является вектор зависимости или статусный вектор, определяющий позиции вышестоящего и нижестоящего коммуникантов.

1.5. ЭТИКЕТ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА

Этикет, регулирующий поведение людей в стандартных ситуациях, является важной составной частью культуры. Проблематика, связанная с понятием этикета, активно разрабатывается в этнографии [Бгажноков, 1978; Geertz, 1982; Байбурин, 1988], в семиотике [Цивьян, 1965; Почепцов (мл.), 1980], в лингвистике [Гольдин, 1978; Ступин, Игнатъев, 1980; Формановская, 1982; Гурочкина, Давыдова, 1990 и др.]. В лингвистике под этикетом понимается "микросистема национально-специфических вербальных единиц, принятых и предписываемых обществом для установления контакта собеседников, поддержания общения в желательной тональности соответственно правилам речевого поведения" [Формановская, 1982:2]. Примером лингвистического изучения этикета является исследование, в котором рассматриваются формулы речевого этикета: обращение, привлечение внимания; приветствие; прощание; знакомство; извинение; благодарность; поздравление и пожелание; утешение, сочувствие, соболезнование; просьба; приглашение; совет; комплимент, одобрение [Гурочкина, Давыдова, 1990:48]. В семиотическом плане существенным является выделение наблюдателя как реального или потенциального участника этикетного общения [Цивьян, 1965:144]. Социолингвистическое изучение этикета включает, на наш взгляд, освещение как языковых, так и неязыковых средств общения для выявления социально значимых различий в коммуникативных ситуациях, установление универсальных и национально-специфических характеристик этикетного поведения, определение параметров этикетной вариативности. Изучение этикета как явления,

связанного с социальным статусом человека, проводится в данной работе в индексальном и оценочном аспектах, т.е. рассматривается этикет как поведение и этикет как норма.

1.5.1. ЭТИКЕТ КАК ПОВЕДЕНИЕ

Поведенческий аспект этикета предполагает рассмотрение отличий между этикетным и неэтикетным поведением, выявление обозначения этикетного поведения и определение типов этикетного поведения, в частности, соотношения между этикетом и ритуалом.

Этикет есть динамическая характеристика человека. Поведение как таковое всегда связано с каким-либо действием или состоянием. Нельзя сказать: "Он был занят тем, что вел себя". Когда говорят, что кто-то не умеет себя вести, это значит - вести себя должным образом. Поведение соотносимо с понятием стиля в широком смысле слова, т.е. с условиями целенаправленного выбора в определенных пределах и вытекающей из этого выбора характеристики, отличительных качеств субъекта. Поведение выражается в манерах и поступках, социально значимых формах поведения. Но если поведение, манеры и поступки могут быть как индивидуальными, так и присущими определенной группе общества, то этикет индивидуальным быть не может. Этикетное поведение представляет собой супериндивидуальную характеристику субъекта, его принадлежность к определенной части общества.

Поведение человека складывается из стандартных и нестандартных поведенческих актов. Под стандартным поведенческим актом понимается повторяющаяся реакция человека на внешние обстоятельства. Соответственно, нестандартное поведение представляет собой новую реакцию. В литературе, посвященной критике бихевиоризма, аргументированно доказывается упрощенный характер схемы "стимул - реакция". Реакция вызывается не только стимулом, но и всей ситуацией в контексте ситуативного тезауруса человека как носителя культуры. Ситуативный тезаурус (схематически закрепленный в памяти жизненный опыт) организован таким образом, что сгруппированные по определенным типам ситуации вызывают сходную реакцию. Эта сходная реакция, повторяясь, становится стандартной. Нестандартное поведение базируется на элементах стандартного поведения.

Стандартное поведение реализуется на разных дистанциях. Возникает вопрос: определяет ли тип дистанции (персональной и социальной) стандартность поведения? Если мы признаем, что стандартное поведение присуще только социальному уровню общения, поскольку на социальном уровне прежде всего проявляются формальные отношения, то тогда

нужно будет признать, что на персональном, личностном уровне общения люди не прибегают к стандартным формам выражения межличностных отношений. Это не так, определенные повторяющиеся ситуации на персональном уровне (встречи, прощания, угрозы и т.д.) стандартизируются, хотя стандартизация на персональной и социальной дистанции различна. Если стандартное поведение присуще персональному и социальному уровню общения, то какова специфика этикетного поведения? Если мы признаем определяющим признаком этикетного поведения стандартность его формы, то понятия этикетного и стандартного поведения сольются, и одно из этих понятий окажется лишним. Такая точка зрения является вполне оправданной в тех случаях, когда проводится психологический анализ этикетного поведения. В социальном плане, однако, представляется целесообразным противопоставлять стандартное этикетное и стандартное неэтикетное поведение. Поэтому мы противопоставляем стандартное персональное и стандартное социальное общение как неэтикетное и этикетное.

Назначение этикета не сводится к какой-то одной функции. Этикетное общение позволяет в силу стандартных, формульных средств переключить внимание коммуникантов на содержательную сторону межличностных отношений либо на информационный обмен. Этикетное общение позволяет установить границы коммуникативной дистанции и тем самым дает возможность участникам общения сохранить лицо в условиях контакта представителей разных социальных групп или недостаточно знакомых людей. Этикетное общение поддерживает традиционные формы межличностных отношений, т.е. является одним из оснований культурной традиции речевого коллектива.

Этикет как поведение включает различные формы выражения типичных социально-закрепленных реакций. К числу таких форм относится, в частности, молчание, воздержание от речи. Знаковая сущность молчания в этикете проявляется в том, что значение молчания зависит от обстоятельств общения. Молчание слушателей в лекционной аудитории, в зале заседания суда, в храме предписывается нормами поведения, молчание за столом на званом вечере считается грубым нарушением приличий в англоязычном обществе. Молчание как предоставление права партнеру начать общение является признаком уважения статуса партнера, молчание в ответ на реплику партнера в диалоге часто оценивается как оскорбление. У индейцев племени апачей молчание служит способом определения намерений человека. Если незнакомый соплеменник оказывается чрезмерно разговорчивым, на него смотрят с подозрением: предполагается, что такому человеку что-то нужно (деньги, жилье, работа), или делается вывод, что он пьян. Разговорчивый белый человек, не апач, дает

основания считать, что он хочет поучать людей или "быстро подружиться". И то, и другое вызывает неприязненное отношение апачей. Особый этикетно значимый запрет на речь накладывается на девушек, их разговорчивость с юношами интерпретируется как развращенность. Когда дети апачей приезжают домой к родителям из городских школ-интернатов, родители в течение нескольких дней выдерживают молчание, наблюдая, насколько изменились их дети, и проверяя, не стали ли их дети заносчивыми [Basso, 1979:73-77].

Коммуникативная многозначность молчания как нулевого речевого акта объясняется 1) вербальной невыразимостью некоторого содержания (хотя есть мнение, что невыразимость есть индивидуальная неспособность выразить идею), 2) наличием большого общего коммуникативного тезауруса у коммуникантов, 3) наличием ситуации, однозначно определяющей тему и тональность общения, 4) этикетными причинами, 5) индивидуальными особенностями коммуникантов [Богданов, 1986:14-15].

Этикет складывается из формульных моделей поведения. Дж. Гамперц приводит следующий эпизод. Один американец, будучи в гостях у своего знакомого, который недавно женился на англичанке, обратил внимание на небольшую картину, висевшую на стене. Последовал диалог:

- Who is the artist ?

_ The painter is not too well known. He's a modern London painter named -

- I was wondering if someone in the family was an artist...

Данный пример иллюстрирует несостоявшийся комплимент.

Вопросы типа Who's the artist ? Who's the cook ? Who's the gardener ? являются этикетным американским комплиментом.

Обычно такие вопросы задает гость хозяину во время осмотра дома или сада. Хозяин или хозяйка в таких случаях говорят:

"It's just a hobby", "I'm just a fan", т.е. косвенно

принимают косвенно выраженный комплимент, скромно снижая оценку. Гость же в соответствии с формулой комплимента

говорит: "But it's really very good." Англичанка,

незнакомая с этой этикетной формулой, интерпретирует вежливый вопрос как выражение интереса к картине.

Аналогичным формульным выражением у чернокожих американцев являются фразы "I can't do this", "I don't know". Эти фразы выражают желание получить дружескую поддержку и сочувствие [Gumperz, 1982:144-145, 150].

Формульное поведение основывается на нормах интерпретации. Так, в момент неуверенности, волнения, замешательства белые граждане США склонны заполнять паузы сигналами типа uh, eh, mm и т.д., а негры в таких случаях повторяют высказывания, порой неоднократно, с самого начала [Швейцер, Никольский, 1978:160]. Этикетные нормы в разных культурах могут быть диаметрально противоположны. Так,

согласно европейскому гостевому этикету хозяин приглашает гостя войти в дом, но не может предложить гостю уйти. При встрече на улице диалог завершается этикетными формулами прощания, но подобно гостевому этикету говорящий не имеет права первым сказать партнеру: "Ну, иди." Обычно говорят что-то вроде "Извини, спешу". На Филиппинах по-якански считается вполне вежливым завершить диалог выражением, эквивалентным фразе "You go now." [Frake, 1975:33]. Такая фраза не воспринимается как оскорбление и не ассоциируется со статусным неравенством.

Нормы этикета в Бурунди требуют четкого соблюдения принципа старшинства в беседе. Старший по возрасту или по рангу первым получает слово. Следующий за ним оратор, выступая в общественном месте, обычно начинает свою речь с этикетной формулы: "Я полностью согласен с выступившим передо мной, он прав, он старше меня и более сведущ." А затем, в зависимости от обстоятельств и предмета речи, выступающий излагает свою точку зрения, которая может диаметрально расходиться с мнением предыдущего оратора [Albert, 1964:41].

Формульное общение распространяется и на невербальный план коммуникации. Так, установлено существенное различие в направлениях взгляда говорящего и слушающего в диалогах белых и негров США. Белые американцы, говоря с собеседником, обычно смотрят в сторону и лишь изредка посматривают на слушателя, который, напротив, внимательно смотрит на говорящего. Афроамериканцы ведут себя иначе: говорящий внимательно смотрит на партнера, а тот лишь изредка встречается глазами с говорящим. Отсюда возможны и часто случаются коммуникативные затруднения в диалоге чернокожих и белых американцев. Белый отправитель речи, заметив, что негр его не слушает, повторяет свое высказывание несколько раз подряд. Негры обижаются, считая, что их принимают за несообразительных людей, растолковывая им одно и то же. Если же отправитель речи негр, то у него возникает неприятное чувство из-за внимательного взгляда белого получателя речи, такой взгляд часто интерпретируется как вызов. А белому кажется, что постоянный визуальный контроль со стороны чернокожего говорящего - знак нервозности [Erickson, 1979:104-105].

Этикет идиоматичен, и формульное использование языка всегда составляет проблему для тех, кто говорит не на родном языке. Однако, и говоря на одном и том же языке, представители разных диалектов и социолектов часто не понимают речеповеденческих формул, свойственных тому или иному варианту языка.

Значимые признаки этикетных ситуаций закреплены в словах, обозначающих социальное общение людей. Изучая естественную дескрипцию этикета в лексической семантике, мы

раскрываем информацию о типичных проявлениях этикетного общения. Например: *declare1 - to make known publicly or officially, according to rules, custom, etc: Our government has tonight declared war on Ruritania (LDCE)*. Словарная дефиниция глагола *declare* - "заявлять, объявлять" содержит дескриптивную и характеризующую части: первая обозначает тематику действия "извещать, делать известным", а вторая косвенно обозначает субъекта, который официально обращается к широкой публике в соответствии с принятыми правилами. В словарном иллюстративном примере официальное действие уточняется содержательно - объявление войны. Правом объявлять войну пользуется правительство. Характеристика субъекта этикетного акта - это характеристика права субъекта на соответствующее поведение. Таким образом, способом выражения признака этикета в значении слова является указание на официальный, публичный (не приватный) характер действия.

Этикетный акт есть автохарактеристика: *nominate1 - to suggest or name (someone) officially for election to a position, office, honour, etc: I wish to nominate Jane Morrison for the president of the club (LDCE)*. Субъект речевого действия, официально выдвигая кандидатуру на выборную должность, тем самым характеризует себя как имеющего право на этот поступок. Из приведенного примера с очевидностью следует, что говорящий является членом клуба. В качестве адресата сообщения выступают, вероятно, другие члены клуба. Важнейшей характеристикой этикетного значения является наличие слушателя или зрителя. "Наблюдатель рассматривается как носитель нормы, как представитель нормирующего коллектива, как выражение социального окружения, на фоне которого протекает конкретный коммуникативный акт" [Гольдин, 1987:42]. Так, если человек официально бреется, это означает, что данное действие осуществляется в присутствии или как бы в присутствии участников такого события, имеет цель, выходящую за рамки значения соответствующего бытового акта, и свидетельствует об особом праве на такой поступок со стороны субъекта действия.

Этикетное действие, посвященное особенно важному событию и выполняемое с соблюдением всех деталей, квалифицируется как церемония: *ceremony1 - a special formal, solemn and well-established action or set of actions used for marking an important private or public, social or religious event: The wedding ceremony was beautiful (LDCE)*. В дефиниции подчеркивается торжественный характер церемонии, ее особенная важность в жизни субъекта действия. Церемония сближается с ритуальным, т.е. священным действием: *confirmation3 - a religious service in which a person is made a full member of the church (LDCE)*.

Конфирмация, приобщение к церкви у католиков - это таинство миропомазания, совершаемое над детьми в возрасте 7 - 12 лет, у протестантов - обряд приобщения к церкви юношей и девушек, достигших 16 лет. Сакральный характер ритуальной ситуации состоит в том, что ее участником является божество. Таким образом, этикетная ситуация в словарном определении обозначается при помощи обстоятельственных индексов "официально", "публично", "формально", "церемониально".

В ряде случаев в словарной дефиниции не содержится индекса этикета в виде обстоятельства, но в качестве такого индекса выступает характеристика субъекта этикетного действия: knight - make (someone) a knight; knight2 - a man who has been given a certain title of honour by the king or queen of England, which title has a rank below the rank of lord: Sir George (Smith) was made a knight for his service to his country (LDCE). Право присвоения британским подданным почетного рыцарского звания принадлежит монарху, который реализует это право официальным этикетным актом: ежегодно в день рождения королевы и по случаю наступления Нового года публикуется наградной список, Honours List. Фиксированный статус субъекта и объекта позволяет отнести рассматриваемую ситуацию к этикетным. Закрепленные статусные отличия характеризуют устройство сложившихся государственных структур - политическую систему, армию, суд, полицию, образовательные и медицинские учреждения: rusticate2 - to send (a student) away from university for a while as a punishment (LDCE). Исключить на время студента из университета имеет право университетское руководство, и это право реализуется специальным актом.

Признак этикета является характеристикой социального статуса человека. Объяснение социального неравенства актантов требует анализа пресуппозиций значения слова: confiscate - to seize (private property) from someone without payment in order to keep, destroy, give to others, etc (LDCE); to seize as forfeited to the public domain; appropriate, by way of penalty, for public use (RHD). В ситуации, описываемой глаголом "конфисковать", выделяется субъект, имеющий право по своему статусу присвоить собственность лица, подвергаемого конфискации. Ситуация конфискации является частным случаем ситуации присвоения, но не всякая ситуация присвоения может квалифицироваться как этикетная. В пресуппозицию значения глагола take - "брать" входит информация о субъекте-агенте, присваиваемом объекте, контрагентах (брать у кого-то и для кого-то), способе присвоения, сопутствующих действиях и т.д. Глагол "брать" находится в центре обширной тематической группы, и одно из направлений конкретизации значения данного глагола связано с проявлением признака этикета. Это направление как

развертывание семантики глагола "брать" в интересующем нас направлении может быть представлено следующим образом: брать₁ свое - брать₂ не свое (чужое), брать₃ чужое с согласия контрагента - брать₄ чужое без его согласия, брать₅ чужое без согласия контрагента легально - брать₆ чужое без согласия контрагента нелегально. В данном случае для нас не являются релевантными противопоставления типа "брать в постоянное владение - брать на время", "брать нелегально открыто - брать тайно" и др. Ситуации покупки, одалживания, грабежа не предполагают сопоставления статусов взаимодействующих лиц. Нормальным положением является ситуация "брать₃", нелегальное присвоение противоречит нормам. Присвоение собственности контрагента без его согласия нуждается в мотивировке, в качестве которой и выступает признак "легально". Этот признак имеет деонтическую природу и может быть интерпретирован следующим образом: "Хотя вообще подобное действие не разрешается, в данном случае его следует признать правильным, поскольку субъектом конфискации является лицо, имеющее особые полномочия, а контрагентом конфискации - лицо, собственность которого получена или хранится незаконно." Поэтому возможно "Полиция конфисковала наркотики и оружие", но вряд ли допустимо "Были конфискованы честно заработанные деньги", если не интерпретировать последний пример расширительно.

Этикетная ситуация тяготеет к точности, поэтому актанты подобных ситуаций конкретизируются. "Накладывать вето" имеет право только представитель государственной власти, в то время как "разрешать" или "запрещать" то или иное действие может любое лицо.

Предикат, описывающий этикетную ситуацию, стремится к терминологичности: extraditel - to send (someone who may be guilty of a crime and who escaped to another country) back for trial (LDCE); to give (a fugitive or prisoner) to another nation or authority (RHD). В приведенном примере юридический термин закрепляет ситуацию экстрадиции, высылки бежавших за границу преступников в страну, где было совершено преступление. Субъектом ситуации является государственная власть в лице ее представителей. В словаре отмечено, что данный глагол обычно употребляется в пассивном залоге. В ситуации, когда командир отправляет солдат в бой, отношение солдат к приказу не принимается во внимание, они обязаны подчиниться, в случае неповиновения их поведение осуждается. Но если человек спасся бегством от опасности, его нежелание возвращаться туда, откуда он бежал, психологически вполне понятно. Поэтому возникает необходимость мотивировать данное отступление от неписанной нормы морали ("Нельзя отказывать в помощи терпящему бедствие") указанием на преступление как причину побега.

Этикетная ситуация регламентирует особые случаи, которые нуждаются в специальной мотивировке. В известном смысле нормы юриспруденции сложнее норм морали: моральное не нуждается в мотивировке, юридическое же может содержать нормативный конфликт и требует обоснования.

Глаголы внешней оценки статусных различий противопоставляются глаголам этикетного значения и могут рассматриваться как описания антиэтикетных ситуаций: *deign* - (sometimes derog.) *to be gracious enough or to lower oneself to* (LDCE); *condescend* (RHD); *domineer* - (usu. derog.) *to show a desire to control others, usu. without any consideration of their feelings or wishes* (LDCE); *to rule arbitrarily or despotically*; *tyrannize* (RHD). Ситуации снисходительного и деспотического поведения осуждаются, поскольку право субъекта на подобное поведение находится под вопросом. Этикетная ситуация стремится канонизировать правила общения субъектов, отличающихся существенным образом и сохраняющих свои отличия. Цель этикетной ситуации сводится к тому, чтобы общение поддерживалось, и неравенство сохранялось. Нарушение этикетного правила в случае снисходительного поведения может интерпретироваться следующим образом: кто-либо стремится якобы принизить свой статус, делает вид, что принижает свой статус, т.е. фактически подчеркивает статусное превосходство. Человек, акцентирующий свое право на особое поведение, тем самым ставит это право под вопрос. Этические нормы, лежащие в основе оценочных стереотипов, часто кристаллизуются в пословицах. Уместно привести пословицу, иллюстрирующую коммуникативный постулат количества по П.Грайсу ("Не говори более, чем достаточно"): "Ты сказал один раз, и я поверил, ты сказал два раза, и я усомнился, ты сказал три раза, и я понял, что ты лжешь." Ситуация деспотического поведения также не может быть отнесена к этикетному общению: некто произвольно увеличивает свой "статусный вес" и поэтому теряет право на статусное превосходство. Приведенные глаголы являются оценочно-характеризующими и не могут употребляться перформативно.

Совпадение признака этикета и статусного вектора наблюдается в семантике глаголов с нижестоящим агенсом: *pray1* - *to speak, often silently, to God (or gods), privately or with others, showing love, giving thanks, or asking for something* (LDCE); *petition* - *to make a written (respectful) demand to a government or other body, usu. signed by many people* (LDCE). В ситуациях молитвы или подачи петиции проводится четкое статусное различие между субъектом и адресатом обращения. Ситуация обращения с просьбой допускает возможность внутреннего конфликта между социальным и ситуативным статусом: *beg1* - *to ask humbly*

(LDCE); request - to demand politely (LDCE); demand - to claim as if by right; ask or ask for and not take "No" for an answer (LDCE); interrogate - to question formally for a special purpose (LDCE). В глаголе beg - "умолять" статусный и ситуативный векторный признак совпадают, субъект зависит от адресата по условиям коммуникации и характеризует себя как нижестоящего в социальном плане. В глаголе request - "спрашивать, просить" акцентируется ситуативный признак. В значении глагола demand - "требовать" ситуативный вектор вступает в противоречие с социальным вектором, так как у субъекта нет актуального права на получение ответа, субъект претендует на это право. Глагол interrogate - "допрашивать" представляет собой пример пересечения социального и ситуативного векторов, но признак социального статуса является более актуальным, поскольку субъект действия четко определен - право вести допрос имеют представители государственной власти. Несовпадение статусного и ситуативного векторов приводит к коммуникативным затруднениям, природа которых удачно схвачена в английском афоризме: *By savages politeness is often taken for servility* - У дикарей вежливость часто принимается за раболепие.

Некоторые глаголы восходящего статусного вектора содержат признак внешней отрицательной оценки: *toady* - (derog.) *to be too nice to someone of a higher rank, esp. for personal advantage* (LDCE). Поджалимство осуждается за корыстные устремления и неискренность.

Особую разновидность глаголов восходящего статусного вектора составляют единицы, описывающие стремление субъекта ликвидировать статусное превосходство адресата или объекта: *rebel* - *to fight with violence (against anyone in power, esp. the government)* (LDCE); *to reject, resist, or rise in arms against one's government or ruler* (RHD). Ситуация восстания, мятежа, бунта, неподчинения предполагает исходное статусное неравенство субъекта и вышестоящего объекта.

Наряду с глаголами, в значении которых наблюдается синкретизм признаков социально-ситуативного статуса и этикета, в английском языке выделяются глаголы собственно этикетного значения. Например: *disrobe* - (fml) *to take off (esp. ceremonial outer) clothing* (LDCE); *asseverate* - (fml) *to declare solemnly and forcefully* (LDCE). Лексические единицы, отмеченные в словаре пометой fml - "формальное", обозначают ситуации, требующие этикетного, церемониального выполнения. К таким ситуациям относится, в частности, торжественное снятие особой верхней одежды, обозначающее окончание церемонии (*disrobe*), торжественное заявление (*asseverate*) и т.д. Слова, относящиеся к высокому стилю, неоднородны. Разграничиваются глаголы, характеризующие

субъектов этикетного действия и субъектов этикетной оценки действия. Иллюстрацией формальной оценки служит следующий пример: *prevaricate* - (fml) to try to hide the truth by not answering questions clearly or completely truthfully (LDCE); to speak falsely or misleadingly, deliberately misstate or create an incorrect impression (RHD). Осуждая тех, кто уклоняется от прямого ответа, говорящий подчеркивает свое право получить такой ответ.

К числу этикетно-маркированных слов высокого стиля в английском языке относится большое количество единиц типа *commence, endeavour, remunerate*. Такие слова являются этикетными по происхождению и обозначают действия, субъектом которых первоначально была противопоставляемая народу знать. Приведенные глаголы являются уточнением своих коррелятов *begin, try, pay*. В значении глаголов высокого стиля противопоставляются субъект ситуации и субъект действия. Субъект ситуации характеризуется особым высоким статусом.

Этикетно-маркированные глаголы высокого стиля распадаются на две группы единиц: слова общей и специфической тематики. У слов общей тематики имеются нейтральные корреляты, а слова специфической тематики относятся к конкретным этикетным ситуациям и могут не иметь нейтральных соответствий. Слова специфической тематики сближаются с глаголами юридической сферы: *assassinate* - to murder (a ruler, politician, etc) for political reasons or reward (LDCE). Объектом покушения является общественное лицо. Индексом признака этикета в значении глагола является отнесение ситуации к разряду юридически квалифицируемых: *murder1* - to kill unlawfully, esp. on purpose (LDCE); *kidnap* - to take (someone) away unlawfully in order to demand money or something else for his safe return (LDCE). Приведенные слова ("убить" и "похитить") описывают в строгом смысле антиэтикетные ситуации. Перечень преступлений, составляющий диспозиционную часть юридического кодекса, уравнивается списком санкций, принятых в обществе карательных мер по отношению к преступникам. Любопытно отметить, что многие санкции приводятся в словарях как устаревшие явления, в то время как преступления не устаревают. К числу устаревших санкций относится, например, *ducking stool* - "позорный стул" (укрепленный на подвижном бревне стул, к которому привязывали женщин дурного поведения или мошенников и опускали в воду).

К этикетным словам юридической сферы примыкают слова, обозначающие религиозные действия. Например: *beatify* - (in the Roman Catholic Church) to declare (a dead person) blessed (LDCE); *canonize* - to declare (a dead person) a saint (LDCE); *consecrate1* - to declare, make, or set apart

in a special ceremony as holy (LDCE). В результате церемоний беатификации и канонизации религиозные подвижники посмертно признаются блаженными или святыми, церемония консекрации (освящение храма, либо предметов, связанных с отправлением культа) меняет качество соответствующих предметов. Субъектом действия в рассматриваемых этикетных ситуациях выступает церковь в лице духовенства. Ситуации юридической и религиозной сферы тесно смыкаются, противопоставляясь другим этикетным ситуациям, особенность которых заключается, на наш взгляд, в их фоновой природе и, следовательно, контекстуальной обусловленности. В этом смысле противопоставляются собственно поведенческие акты ("приветствовать") и фоновые поведенческие акты ("маршировать"), или этикетные и этикетно-связанные действия.

1.5.2. ЭТИКЕТ КАК НОРМА

Объяснение этикетной ситуации требует ценностного сравнения альтернатив, т.е. связано с понятием нормы и оценки. Нормы этикета базируются на универсальных и идиоэтнических ценностях. Во всех социумах осуждается трусость, неуважение к старшим, нескромность, но есть приоритетные добродетели и пороки и есть своеобразные формы выражения этических норм. Сравните: "Лучше умереть стоя, чем жить на коленях" и "Живой пес лучше мертвого льва". Уважение к гостю может проявляться в подчеркивании его роли гостя, либо наоборот - в сознательном игнорировании этой роли. В логике норм (деонтической логике) разграничиваются содержание, условия, субъект и характер нормы. Содержание обозначает действие, которое может, должно или не должно быть выполнено; условия приложения характеризуют ситуацию, определяющую реализацию нормативного действия; под субъектом понимается лицо или группа лиц, которым адресована норма; характер нормы традиционно описывается в терминах нормативных противоположностей: обязательно - необязательно, разрешено - запрещено [Ивин, 1973:23]. Разграничиваются запрещающие и предписывающие нормы, выделяется класс людей, которым адресована норма, и класс людей, которые следят за выполнением нормы. Например, в высказывании "Children should be seen and not heard" - "Детям следует быть на виду и вести себя тихо" определяются лица, которым адресована норма (дети и их родители), и лица, контролирующие выполнение нормы (люди, требующие строгости в отношении с детьми) [Coleman, 1990:247]. Существуют моральные и юридические нормы, нарушение моральных норм порицается и осуждается, нарушение юридических норм влечет за собой определенные действия общества в лице его полномочных представителей по отношению

к нарушителю. Юридические нормы кодифицируются, моральные нормы не выражены в исчерпывающем списке.

Этикет представляет собой систему формальных поведенческих актов, и поскольку форма в известной мере автономна по отношению к содержанию, правила этикета не эквивалентны нормам морали. Например, нормы морали требуют обмена приветствиями между знакомыми людьми при встрече. При этом существенно различие по статусу, возрасту, полу, важно место и время встречи. Но моральные нормы не регламентируют средств выражения приветствия - вербальных и невербальных. Иначе говоря, можно нарушить этикет, соблюдая моральные нормы (помахать рукой в ответ на воинское отдание чести, если оба участника общения - военнослужащие), можно нарушить нормы морали, соблюдая этикет (холодно кивнуть в ответ на сердечное приветствие), можно нарушить нормы морали и правила этикета, намеренно не ответив на приветствие знакомого человека.

Основу этикета составляют правила хорошего тона, которые сводятся, по мнению Эмили Пост, автора одного из наиболее авторитетных в англоязычном мире руководств по этикету, к четырем качествам личности человека: инстинктивной порядочности, нравственной целостности, самоуважению и лояльности. Порядочность обозначает не только правильность речи и поведения, но честность и надежность в обязательствах. Нравственная целостность наряду с честностью включает утонченность мотивов и справедливость в оценке мотивов других людей. Самоуважение проявляется в отказе от обязательств, которые не будут выполнены. Лояльность выражается в верности не только друзьям, но и принципам [Post, 1950:4]. В книгах по этикету постоянно делаются ссылки на понятия искренности, скромности, такта, аккуратности, пунктуальности, самообладания [Lange, 1984:11]. Иначе говоря, авторы практических руководств по этикету акцентируют необходимость внутренней потребности человека вести себя уважительно по отношению к другим людям. Специфика этикетных приоритетов показывает определенную статусную иерархию людей в том или ином обществе.

Правила англоязычного этикета детально регламентируют порядок знакомства людей. Молодого человека представляют старшему, джентльмена представляют леди, даже если джентльмен значительно старше и является выдающимся человеком, а леди исполнилось только 18 лет. Женщину представляют мужчине только в трех случаях: если мужчина является монархом (членом королевской семьи), президентом страны или церковным иерархом. Если же леди не достигла 18 лет, ее представляют гостю.

Носители титулов весьма чувствительны к использованию титулов. К доктору, судье и епископу предписывается

обращаться, соответственно называя их звания. К протестантским священникам обращаются со словом Mr., например, Mr. Jones. Если же священнослужители носят звания Доктора, Декана или Каноника, то этикет рекомендует обращаться к ним с указанием звания, например, Dean Jones. Католического священника следует называть Father: Father Kelly. Обратиться к нему Mr. Kelly значит проявить невежливость. Такая невежливость имеет не только этикетную, но и политическую сторону: англиканская и католическая церковь находятся в неравном положении в англоязычном обществе, как в Великобритании, так и в США. Католики - это, в основном, ирландцы, а также выходцы из Италии, Испании и стран Латинской Америки. Проигнорировать сан католического священника в англоязычном обществе значит презрительно отнестись к большой группе людей, занимающих, как правило, более низкую ступень в социальной иерархии.

Особое внимание в США оказывается членам Сената. К сенатору США обращаются со словом Senator независимо от того, занимает ли он этот государственный пост или уже стал бывшим сенатором. Бывший президент США в обращении - это Mister, а не Ex-President. Приставка Ex- используется в качестве "префикса вежливости" применительно к ушедшим в отставку губернаторам штатов и послам (Ex-Governor, Ex-Ambassador), хотя допустимым является и обращение к ним the Honorable - "достопочтенный", принятое в отношении конгрессменов, судей, а также некоторых других лиц, занимающих высокие посты.

Этикет предписывает проявление особой степени уважения к монарху: Her Majesty, with His Royal Highness, honoured Captain Robin Woodall (Master of "Queen Elizabeth 2") with her presence at lunch and afterwards toured the liner. (The Times). В газетном сообщении говорится, что английская королева Елизавета II посетила корабль, названный ее именем: "Ее Величество... оказала честь капитану своим присутствием."

В том случае, если в официальной или полуофициальной обстановке знакомятся люди, стоящие на равных социальных позициях, третье лицо обычно называет их по фамилиям: "Mr. Brown. Mr. Jones." В неофициальной обстановке называются имена, однако, в последнем случае важна степень знакомства и разница в возрасте. Новичку не рекомендуется называть людей по имени, пока они не обратятся по имени к нему. Употребление имени с фамилией несет дополнительный смысл: мать, представляя свою замужнюю дочь кому-либо, называет ее имя и фамилию, если же дочь незамужем, называется только имя. Леди, представляя своего мужа друзьям, называет его по имени, знакомым она скажет: "My husband". Сказать Mr. Smith в этой ситуации считается грубым нарушением этикета: так представляют младших старшим, вышестоящих нижестоящим.

Допустимой формой знакомства леди с джентльменом считается вопрос к джентльмену, знаком ли он с этой леди, однако, подобный вопрос к леди считается грубым нарушением этикета [Post, 1950:5-11].

Из приведенных правил этикета вытекают следующие обобщения: 1) приоритетными позициями в англоязычном обществе являются позиции высшего государственного лица, старшего по возрасту (на поколение) и женщины. 2) существует порядок приоритетов: высшее государственное лицо, женщина, старший по возрасту, 3) к людям, занимающим престижные в обществе должности, следует обращаться с использованием титула, 4) титулование является идиоматичным и распространяется как на людей, занимающих престижные должности, так и на людей, которые занимали такие должности в прошлом, 5) приоритетной является позиция известного члена группы, а не новичка, 6) в развернутом имени, включающем имя и фамилию, содержится дополнительная информация социального характера, 7) существуют этикетные формы представления людей на персональной и социальной дистанции, 8) имя не употребляется на социальной дистанции, фамилия и титул - на персональной. Фактическое статусное неравенство констатируется также и в так называемых полупредставлениях (half way introductions): "If you ring two times, Dawson will look after you." Полупредставления относятся к слугам, которых хозяева характеризуют с функциональной стороны. Гостей слугам обычно не представляют. Отсутствие представления содержит, таким образом, указание на статусное неравенство.

Рукопожатие в англоязычном обществе символизирует общение на социальной дистанции. Молодежь или близкие друзья не пользуются рукопожатием. На званом вечере хозяйка дома приветствует рукопожатием каждого приглашенного гостя. Джентльмены в официальной обстановке всегда обмениваются рукопожатием, даже если для этого нужно встать и пересечь комнату. Леди, если она этого пожелает, предлагает свою руку джентльмену, но не наоборот. Старший предлагает руку младшему. Считается оскорблением не ответить на протянутую для рукопожатия руку. Вместе с тем держаться за руки означает в англоязычном обществе то, что люди находятся на интимной дистанции. Затянувшееся рукопожатие принимает, таким образом, дополнительный смысл. По нормам этикета джентльмен должен встать, разговаривая с леди или другим джентльменом, стоящим рядом. Леди не обязана вставать при рукопожатии или приветствии на расстоянии. Паралингвистические знаки этикета функционируют в пространстве, включающем 1) приоритет позиции, 2) тип дистанции, 3) алгоритм поведения, 4) требуемые и запрещаемые формы поведения, 5) степень допустимых отклонений от требуемых и запрещаемых форм поведения.

Как языковые, так и неязыковые знаки этикета имеют множество идиоматичных проявлений. Так, по нормам этикета начала XX века джентльмен должен был чуть приподнять шляпу, приветствуя отдаленного знакомого, с друзьями и близкими знакомыми обычно обменивались поклонами. Приветствуя незнакомую даму, идущую рядом со знакомым джентльменом, джентльмен ни в коем случае не должен был кланяться или прямо смотреть на нее. Прямой взгляд на женщину запрещается нормами этикета, а поклон незнакомой даме является знаком знакомства, т.е. может повредить ее репутации. В настоящее время в англоязычных странах поклоны считаются несколько устаревшим способом выражения уважения и используются в церемониях или пародируемых церемониях. В Германии легкий поклон широко распространен как знак уважения, а в Японии различаются три типа поклонов: низкий поклон, предназначенный императору, обычный поклон (наклон туловища на 30 градусов), легкий поклон (наклон туловища на 15 градусов) [Montagu, Matson, 1979:33]. Нормы американского этикета не предписывают джентльменам целовать руку даме, однако, если леди дает руку иностранцу, этикет рекомендует ей быть готовой к тому, что иностранец поднесет руку к губам. С точки зрения американцев, отмечает Г.Д.Томахин, неприлично причесываться на виду у всех, как это делается, например, в вестибюлях наших театров (для этого существуют дамские комнаты - powder rooms). Нельзя смотреться в зеркало на людях [Томахин, 1988:63]. Этикетная идиоматика свойственна социальным группам. Так, для многих рабочих в США костюм с галстуком ассоциируется только с ситуацией свадьбы [LeMasters, 1975:37]. По дипломатическому протоколу черный костюм обычно связан с ситуацией траура. Нарушение этикетной идиоматики сигнализирует либо о принадлежности человека к иной общности, либо о намеренном игнорировании сложившихся норм поведения и, следовательно, требует актуализации статусных отношений.

Правила этикета обычно являются символическими обобщениями здравого смысла. Так, джентльмен обязан сойти первым и предложить даме руку, когда она выходит из автомобиля или из автобуса. Этот обычай восходит к тем временам, когда транспорт был конным, и лошади могли внезапно сдвинуться с места. Аналогичное правило здравого смысла рекомендует джентльмену не находиться между двумя дамами, с которыми он беседует: будучи посередине, он не сможет одновременно держать в поле зрения обеих своих собеседниц. Джентльмен всегда должен предоставить даме место справа: в свое время это диктовалось тем, что проезжая часть дороги оставалась слева, и поэтому джентльмен следил за тем, чтобы проезжающий экипаж не задел или не испачкал даму. Место справа считается более почетным, посадить гостя справа от хозяина расценивается

как знак уважения. Даме нельзя садиться слева от джентльмена: according to etiquette a lady "on the left" was "not a lady". Оказавшись случайно вместе с малознакомой дамой в поезде или на пароходе, джентльмен не должен платить за даму, если она захочет что-либо купить: этикет предписывает не ставить даму в положение обязанной по отношению к джентльмену. Это правило соответствует принципу негативной вежливости - не ограничивать свободу партнера.

Между правилами поведения и этикетом нет четко проведенной границы, и то, и другое основано на общих этических принципах. В частности, не рекомендуется привлекать к себе внимание кричащей одеждой, громким разговором, необычными манерами. Английское слово conspicuous - "видимый, заметный, бросающийся в глаза" часто используется в правилах поведения. Например: Not to be conspicuous, do not wear conspicuous clothes. Словарные определения этого слова - more noticeable or more likely to look at than the other people or things around, usually because of their size, colour, or position (CBUD); attracting attention; easily seen (LDCE); attracting special attention, as by outstanding qualities, eccentricities, etc (RHD) - не раскрывают в полной мере негативной коннотации, присущей этому слову. Такая коннотация выводится из синонимического толкования: It is ...used to describe what strikes the eye or the mind, often unpleasantly, through its singularity (wear conspicuous clothes; made himself conspicuous by his affectations; conspicuous waste) (WNDS). Не рекомендуется привлекать к себе внимание неконтролируемыми эмоциями, громко смеяться, выставлять напоказ проявления чувства интимного характера (reserve "affectionate demonstration" for appropriate places), есть на улице или в общественном месте, за исключением ресторанов, кафе и буфетов, разглядывать людей или показывать на них. Правило "не привлекать к себе внимания" имеет и обратное прочтение: "не обращать внимания на тех, кто чем-то хочет выделиться из общей массы". Социокультурное требование к поведению человека на людях формулируется Ф.Слейтером следующим образом: "Clothes must be inconspicuous, colors of low intensity, smells nonexistent, sounds should be quiet, words should lack affect" [Kochman, 1984:204]. Неброские одежды, спокойные цвета, отсутствующие запахи, тихие звуки и лишенная аффекта речь - таковы требования англоязычного этикета.

Нежелательно в беседе затрагивать темы, которые могут вызвать эмоциональную реакцию участников общения; к числу таких тем относится прежде всего политика, религия и секс.

Измерить степень национальной специфики тех качеств, которые образуют стереотип носителя культуры, очень трудно. Велика опасность упрощений и карикатурных обобщений. Одним

из надежных показателей культурного своеобразия речевого коллектива является язык.

Правило поведения, не рекомендуемое громко смеяться, отражает национально-специфическую особенность английского языка: в английском языке словари выделяют только два глагола со значением "громко смеяться" - *guffaw, roar*, в то время как в русском языке такое значение объединяет глаголы и глагольные выражения "хохотать, заливаться смехом, смеяться до упаду, грохотать, гоготать, реготать, ржать, умирать со смеху" и др. В то же время русскому глаголу "посмеиваться" соответствуют пять английских глаголов - *chuckle, chortle, snicker, snigger, titter*. Общее значение этих слов - "смеяться сдвленным смехом", т.е. смеяться тихо, стараясь не привлечь к себе внимания.

Дифференциальные признаки этих слов - "с удовольствием" (*chortle*), "нервно" (*titter*), "неуважительно" (*snicker, snigger*). В данном случае мы сталкиваемся с проявлением семантического закона, согласно которому актуальный для говорящих комплекс идей привлекает для своего наименования все новые способы выражения [Карцевский, 1965:90].

Образование коннотаций подчиняется своеобразным силовым полям, образующимся вокруг семантической доминанты.

Демонстрация неуважения по-английски часто выражается как высмеивание, презрительная усмешка. В словарях выделяется 12 глаголов с общим значением "показывать неуважение к кому/чему-либо, высмеивая, презрительно усмехаясь": *sneer, scoff, jeer, gird, flout, gibe/jibe, fleer, taunt, twit, mock, ridicule, deride*.

Дифференциальные признаки этих слов - "злбно" (*ridicule, deride, taunt, sneer*), "жестоко" (*twit*), "оскорбительно" (*scoff*), "цинично, грубо" (*sneer, jeer, gird*), "злорадно" (*taunt*), "вопреки нормам поведения" (*mock, taunt*), "унижая" (*ridicule*), "громко" (*jeer*), "гримасничая" (*fleer*), "с кривой усмешкой" (*sneer*), "с презрительным смехом" (*deride*), "передразнивая" (*mock, taunt, twit, gibe*), "иногда добродушно" (*gibe*) (WNDS, SBED, LDCE, RHD). В русском языке идея высмеивания также выражается многими словами - "высмеивать, осмеивать, насмехаться, глумиться, издеваться, измываться, ехидничать, язвить, иронизировать, тешиться, подтрунивать, подшучивать, зубоскалить". В этом ряду несколько слов объединены признаком "беззлбно подразнивая". Для англичан насмешка - это сильное и часто неодобряемое средство понижения статуса объекта насмешки, не случайно толкования значений многих слов включают признак отрицательной оценки этого действия ("злбно, жестоко, передразнивая, громко и т.д. насмехаться - плохо"). В русском языке, на наш взгляд, идея смеха как способа оскорбительного унижения не столь ярко выражена. Иначе говоря, в английском языке связь между понятиями

"смех - насмешка", судя по данным словарей, выражена в большей мере, чем в русском языке. Это наблюдение, разумеется, нуждается в более основательном доказательстве. В социолингвистическом плане здесь важно подчеркнуть обусловленность норм характером народа. Обусловленность норм и характера, этики и этоса является взаимной, но данные словаря (а словарь - совокупность словарей - представляет собой культурный тезаурус народа) свидетельствуют о приоритете этоса.

Эмоционально-волевой самоконтроль, характерный для британцев, объясняется как действием норм поведения, так и характером людей. В этом смысле отметим, что качества этоса не могут получить отрицательную самооценку. Горячий темперамент и несдержанность эмоций ассоциируются с искренностью и сердечностью, а сдержанность (в глазах темпераментных соседей англичан) порой расценивается как неискренность и бесчувственность. Известное высказывание иллюстрирует различие в оценках: *To the Englishman things are hopeless but never desperate but to the Irish, things are always desperate but never hopeless*. Англичане могут потерять надежду, но не приходят в отчаяние; ирландцы легко приходят в отчаяние, но никогда не теряют надежду. Разумеется, речь идет о стереотипах.

Эмоциональный самоконтроль и соблюдение этикета не исключают случаев выражения отрицательного отношения к партнеру. На персональной дистанции такое отношение выражается вербально и невербально, вербальный способ включает различные усилители, выбор которых определяется ситуацией общения, культурным уровнем говорящего, отношениями между участниками общения. На социальной дистанции отрицательное отношение также выражается вербально и невербально, однако, стратегия поведения характеризуется большей дистанцированностью, ледяным тоном и формульным раскрытием дистанцированного диапазона. Под формульным раскрытием мы понимаем систему идиоматических смыслов, интерпретация которых определена этикетными нормами. Так, слово *concern* - "беспокойство, забота, тревога" имеет специфическое употребление в языке дипломатических документов и переводится как "обеспокоенность". Под обеспокоенностью понимается дипломатический протест, выраженный в мягкой форме. Формульное раскрытие отрицательного отношения в английском языке часто реализуется в виде коротких, едких, недоверчивых вопросов. Например: *"Mr. Starr has denied the allegation of his previous contact with the committee."* - *"Has he ?"* Короткий вопрос, ставящий под сомнение истинность предыдущего высказывания, является сильным средством выражения отрицательного отношения человека к предмету речи или партнеру. Многие здесь, впрочем, зависят

от интонации и индивидуальных особенностей участников общения.

Важной этикетной характеристикой англоязычного стиля общения в конфликтной ситуации является взятие вины на себя. Эта стратегия выражается фразой "It's my fault". Если человек в чем-либо виноват, он стремится сразу же признаться в этом партнеру. Логика такого общения ведет к тому, что второй участник коммуникации сразу же говорит, что он тоже виноват. Конфликт оказывается смещенным в безопасную сферу соревнования в большом великодушии. Эта стратегия сублимации конфликта составляет специфически английский стиль поведения.

Известно, что британцы чтут свои традиции.

Традиционализм поведения выражается в значительном числе ритуалов. Понятия этикета и ритуала совпадают в том плане, что оба понятия относятся к системе закрепленных форм поведения, представляют собой регламентированные действия [Шрейдер, 1979], противопоставлены целенаправленному действию (естественному поведению), поскольку для ритуала и этикета форма важнее цели. Вместе с тем ритуал и этикет различны по своей сущности. Главное отличие между этими понятиями состоит, по мнению А.К.Байбурина, в повседневном характере этикета и сакральном характере ритуала. Этикет выражает норму обыденных отношений в условиях биосоциальной стратификации коллектива. Ритуал подтверждает истинность, правомерность этой стратификации [Байбурин, 1988:18]. Этикет вариативен, в то время как ритуал стремится к абсолютному воспроизведению формы определенного действия. Так, согласно традиции, британский монарх назначает шерифов (высших должностных лиц в графствах, ответственных за общее поддержание порядка, руководство судами, выборами и т.д.) интересным методом: в списке кандидатов на назначение фамилии, получившие одобрение короля или королевы, отмечаются игольным проколом. Этот обычай был установлен королевой Елизаветой I, которая занималась шитьем в тот момент, когда ей принесли список возможных шерифов, и, не найдя пера с чернилами, воспользовалась иглой. Согласно британскому парламентскому ритуалу после избрания Спикера, председателя Палаты общин, два члена парламента силой тащат избранного спикера на его председательское место, а он делает вид, что сопротивляется. Этот ритуал восходит к тому времени, когда должность спикера как представителя народа в диалоге с королем была очень опасной: спикер рисковал своей свободой и жизнью. Галантное отношение к даме, составляющее важную часть рыцарского кодекса, отражено в девизе Ордена Подвязки, высшего британского ордена: *Honi soit qui mal y pense* - "Позор тому, кто плохо об этом подумает". Во время бала в 1348 году придворная дама, с которой танцевал король, потеряла подвязку и вызвала смех присутствующих.

Рассерженный на бестактных придворных, король Эдуард III основал Орден Подвязки, члены которого, представители высшей знати числом не более 24 человек, носили символическую подвязку на ноге, а девиз ордена стал частью королевского герба (ВЛС). Ритуалы и традиции отражают ценности культуры народа, и даже если суть ритуала сводится к специфическому нейтральному действию типа прокола иглой листа бумаги, смысл ритуала глубже обозначаемого действия: ритуал обеспечивает идентичность народа, а идентичность народа проявляется в культурных нормах, в том числе и в нормах этикета.

Церемониал занимает промежуточное положение между этикетом и ритуалом. С одной стороны, это - нормы не священного, а торжественного общения, в качестве партнеров общения выступают либо представители государств (дипломатический церемониал), либо представители высших государственных органов (церемониал награждения). В ходе церемониала сущность статуса не меняется. В ходе ритуала меняется сущность статуса людей, которые выполняют нечто священное (отсюда ритуальное понимание обрядов погребения, бракосочетания и др.). С другой стороны, церемониал стремится к жесткому повторению всех предписанных действий, не допускает вариантов и в этом отношении сходен с ритуалом. Р.Мертон отмечает, что "церемонии выполняют функцию усиления групповой идентичности при помощи повторяющихся мероприятий, во время которых разъединенные члены сообщества объединяются в общей деятельности [Karlan, Manners, 1972:58]. Рукопожатие может быть этикетным, церемониальным и ритуальным. В первом случае - это знак уважения, во втором случае - знак особого уважения в торжественной ситуации, в третьем случае - знак принадлежности партнеров к некоторой вневременной общности.

Нормы дипломатического церемониала кодифицируются в протоколе. Согласно дипломатическому протоколу новый представитель иностранного государства считается инкогнито, пока он не вручит своих верительных грамот главе государства [Вуд, Серре, 1976:64]. Иначе говоря, новый посол прибывает в страну как частное лицо и лишь после официальной церемонии представления получает права представителя руководства страны (дипломатический иммунитет, знаки отличия, официальные знаки уважения). В этой связи можно сказать, что дипломатический протокол определяет общение людей на суперсоциальной дистанции: стилизация жестов и знаков статусного соответствия становится предельно условной и в максимальной мере формульной. Так, официальное письмо представителя государства главе страны, министру или другому послу должно включать обращение, адрес-титул, собственно текст письма, комплимент, подпись, дату в полном виде и свой адрес.

Сокращенная дата в официальном письме может быть интерпретирована как знак неуважения, а в письме дипломата – это неуважение страны к стране. Традиционной формой комплимента, завершающей текст дипломатического письма, является фраза: I have the honour to be, with high consideration, your Excellency's obedient servant. Таким образом, этикет как норма представляет собой многомерное образование, включающее универсальный этический план, план приоритетных порядков, план этикетного выражения, дистанционный план, план вариативности, культурно-специфический план и т.д.

Подведем некоторые итоги.

Этикет как стандартное официальное поведение людей является специфическим способом выражения социального статуса человека. Разворачиваясь на социальной дистанции между участниками общения, этикет включает вербальные и невербальные средства выражения и проявляется в поведенческом и нормативном аспектах.

Этикет как поведение представляет собой систему способов поддержания общения между людьми, относящимися к разным группам общества. Этикет национально специфичен. Способы этикетного общения обусловлены этикетной системой и этикетной ситуацией и вне контекста являются содержательно пустыми. Способы этикетного общения представляют собой формульные модели поведения, включающие несколько последовательных ходов и интерпретируемые в рамках культуры, присущей речевому коллективу.

Признак этикета объективно наличествует в значении слов и получает систематическое выражение в словарных дефинициях в виде индексов официальности и фиксированных актантов. Индекс официальности раскрывается как формальное, публичное и церемониальное поведение. Фиксированные актанты обозначают официальных должностных лиц. Признак этикета во многих случаях проявляется в синкретичном единстве с признаком социального статуса человека и связан с признаком стилистического регистра (высокий стиль общения). Языковые характеристики этикета отражены в словаре как тематическая отнесенность лексики (поведение: этикетное поведение: юридическое и ритуальное поведение).

Этикет как норма представляет собой преломление культурных ценностей общества в правилах хорошего тона. Выделяются поведенческие приоритеты, свойственные различным речевым коллективам. Специфика англоязычного этикета состоит в эмоционально-волевом самоконтроле, традиционализме, сублимации конфликта, сдержанно-рыцарском отношении к даме. Этикетные правила определяют этикетное пространство в виде требуемых и запрещаемых форм поведения и характеризуют степень допустимых отклонений от канонических норм. Особым видом этикета является

церемониал, представляющий собой общение на суперсоциальной дистанции.

ВЫВОДЫ

Социальный статус человека является одним из основных понятий социолингвистики, обусловлен социально-экономическими и культурно-этическими характеристиками общества, с одной стороны, и ролевыми, дистанционными, нормативными характеристиками социальной стратификации, с другой стороны. Эти характеристики или параметры могут рассматриваться синхронно и диахронически, в онтогенезе и филогенезе. Социальный статус человека может быть измерен социометрическими методами и определен на основе типологических корреляций различных статусных признаков. Источником для социолингвистического анализа статуса человека являются различные тексты (включая тексты словарных дефиниций), кодексы поведения, этикет.

Концептуальный анализ социального статуса человека в социолингвистике раскрывает три системообразующих признака этого понятия: поведение, стратификационную позицию и стиль жизни. Эти признаки соответствуют внутренним факторам социальной стратификации. Социальный статус человека в английском языке рассматривается в плане индикации статуса, т.е. помимовольного проявления статусного соотношения людей, и в плане оценки статуса, т.е. намеренного выбора поведения.

Индикация социального статуса человека включает обозначение статусно-релевантных зон стиля жизни, контактов и речи людей. Статусные индексы стиля жизни представляют собой систему отличительных признаков, по которым противопоставляются в стратификационном отношении группы людей. Осознание статусных индексов превращает эти индексы в оценочную категорию. Статусные индексы активно используются при создании стереотипных образов в политике и рекламе. Индикация человеческих контактов отражает дистанционную природу общения, которое - с точки зрения социального статуса - является либо персонально-ориентированным, либо социально-ориентированным. Установлена корреляция между типом коммуникативной дистанции и стратификационной позицией людей: те, кто занимает низкую стратификационную позицию, избегают общения на социальной дистанции, те, кто занимает высокую стратификационную позицию, не избегают такого общения. Индикация речи выявляет престижные и непрестижные варианты языка и находит выражение в противопоставлении речевого поведения мужчин и женщин, взрослых и детей, образованных и менее образованных людей, представителей разных социально-

этнических групп населения, а также людей, владеющих языком на разных уровнях речевой компетенции.

Оценка социального статуса человека проявляется в демонстрации уважения и соблюдении вежливости. В условиях статусного неравенства уважение к адресату реализуется в соотносительной степени свободы участников общения: нижестоящий участник общения пользуется меньшей свободой выбора моделей поведения, чем вышестоящий партнер. Любой социально-релевантный признак может стать основанием для уважения или неуважения человека. Уважение может быть рационально аргументированным и эмоционально переживаемым.

Стратегии вежливости состоят в ненарушении свободы либо в проявлении солидарности. Этикетная вежливость англоязычного общества, обобщающая нормы поведения среднего класса, относится преимущественно к первому типу. Статусная оценка человека выражается в параметрах эмоционально-волевого самоконтроля и рефлексии говорящего, вектора самоуважения, реакции партнера, вектора зависимости и способа языкового выражения. Установлены основные типы статусной оценки, образуемые пересечением параметров персональной и социальной дистанции, уважения и неуважения, нисходящего и восходящего статусного вектора.

Индикация и оценка социального статуса человека концентрированно выражаются в этикете - стандартном официальном поведении людей. Поведенческий аспект этикета представляет собой формульные модели поведения, специфичные для данной речевой общности людей. Эти модели отражены в лексических значениях слов и могут быть описаны в виде индексов официальности и фиксированных актантов. Этикетное поведение соотносится с юридическим и ритуальным поведением. Нормативный аспект этикета отражается в поведенческих приоритетах речевого коллектива, степени самоконтроля, традиционализма и т.д. Поведенческие приоритеты обусловлены этосом, характером народа, и отражены в традициях, культурных ценностях, словаре.

Изучение социального статуса человека в социолингвистике дает возможность раскрыть существенные стороны языка как явления культуры и установить характеристики речевого поведения людей.

ГЛАВА 2.

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА

Рассматривая прагмалингвистические характеристики социального статуса человека, мы ставим перед собой следующие задачи:

- 1) установить место понятия социального статуса человека в системе категорий прагмалингвистики,
- 2) охарактеризовать статусно-маркированные ситуации на материале современного английского языка.

2.1. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА КАК ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Прагмалингвистическое изучение социального статуса человека отчасти смыкается с социалингвистическим, будучи уточнением последнего. Для того, чтобы охарактеризовать значение в плане прагматики, т.е. в относительной полноте смысла, раскрывающейся в конкретной ситуации общения с учетом межличностных отношений, необходимо сделать обзор основных положений прагмалингвистики. Наша задача облегчается тем, что имеется ряд фундаментальных работ, в которых дан обстоятельный анализ этого направления языкознания¹³.
Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики: Сборник обзоров. М.: ИНИОН АН СССР, 1985; Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985; Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986; Syntax and Semantics. Vol.9. Pragmatics. New York: Academic Press, 1978. В самом общем плане прагмалингвистику, вероятно, можно охарактеризовать как последовательное развитие содержательной лингвистики, т.е. лингвистики, обращенной к значению. Постепенно в сферу интересов языковедов вошли данные, которые раньше относились к компетенции иных наук - страноведческая, энциклопедическая, социологическая, психологическая информация. Эти данные адресативны, с их учетом модель общения становится более адекватной. Разумеется, прежние достижения как формальной, так и содержательной лингвистики не отбрасываются, а входят в концепцию более широкого подхода к языку.

Дискуссия о сущности лингвистической прагматики показывает, что прагматика понимается в широком смысле, включая социалингвистику, психолингвистику и другие области языкознания, связанные с функционированием языка в обществе, т.е. как лингвистика речи, и в узком смысле - как отношение знака к человеку [Levinson, 1983:3]. В семиотической модели Ч. Морриса прагматика трактуется как отношение знака к интерпретатору в отличие от отношения знака к предмету (семантика) и к другим знакам (синтактика) [Моррис, 1983:42].

Показательно так называемое "резидуальное", остаточное отношение к прагматике: сюда часто относят все то, что не вписывается в рубрики фонологии, синтаксиса и семантики. Так в прагматическом разделе языкознания оказываются весьма

разнородные предметы - пресуппозиции, речевые акты, кросс-культурные несовпадения, перформативы, дейксис, стратегии вежливости и аргументации, переключение кодов [Ferrara, 1985:138]. В логическом анализе к прагматике относят элементы, находящиеся за скобками пропозиции, а именно - показатели времени, места и индексы участников речи.

Определение прагматики в значительной мере зависит от исходных позиций исследователя и значительно различается в трудах лингвистов, разрабатывающих проблемы синтаксиса (прагматика - остаток при синтаксическом и семантическом анализе, в частности - нестандартные или аномальные предложения), семантики (прагматика - оценочные и примыкающие к оценочным значения, а также вытекающие из контекста ассоциации и коннотации), стилистики и риторики (прагматика - коммуникативная семантика, а также использование языка с целью воздействия, язык политики, рекламы, психотерапии и т.д.), речевой деятельности (прагматика - теория пресуппозиций, коммуникативных постулатов, речевых актов). В одной из новейших работ выделяются три направления в понимании прагматики - разговорное (речеактовое), функциональное (риторико-стилистическое) и психолингвистическое (порождение и восприятие речи) [Horn, 1988].

Знаковые стороны - семантика, синтактика и прагматика - представляют собой научную абстракцию единого лингвистического объекта. Ценность научной абстракции определяется способностью понятия стать теорией. Прагмалингвистика как теория противопоставляется по многим позициям структурной лингвистике. Так, один из видных представителей амстердамской школы неофункционализма, С. Дик, сравнивая формальную и функциональную грамматику, выделяет принципиальные отличия в двух научных парадигмах (Таблица 6).

Таблица 6.

Формальная и функциональная модель языка

Аспекты сравнения	Формальная модель языка	Функциональная модель языка
Определение языка	Язык - набор предложений	Язык - инструмент социального взаимодействия
Основная функция языка	Выражение мысли	Общение
Психологический коррелят	Компетенция: способность производить, интерпретиро-	Коммуникативная компетенция: способность выполнять социальное

	вать и оцени- вать высказы- вания	взаимодействие посредством языка
Система и ее использование	Приоритет ком- петенции над употреблением	Система как внут- ренняя часть упо- требления
Язык и условия	Независимость описания пред- ложений от кон- текста и ситуа- ции их исполь- зования	Описание предло- жений в условиях их функциониро- вания
Усвоение языка	Конструирование автономной грамматики	Усвоение системы в естественных условиях общения
Языковые уни- версалии	Внутренние ка- чества человека	Цели общения, би- осоциальные хара- ктеристики, усло- вия общения
Отношения между синтаксисом, семантикой и прагматикой	Синтаксис - семантика - прагматика	Прагматика - семантика - синтаксис

[Dik, 1979:4].

В структурной модели языка, построенной на основе формального синтаксиса, последовательность рассмотрения языковых явлений приводит к фактическому отождествлению прагматики и стилистики. Под прагматикой в данном узком понимании имеются в виду особые, стилистически маркированные способы употребления высказываний. Функциональная или коммуникативная модель языка предлагает иную последовательность изучения языковых фактов. Прагматика в широком понимании мыслится как система правил общения, включающих и языковое общение.

Показательна полемика, которую ведет С. Дик с Ф. Ньюмейером, защищающим идеи трансформационной генеративной грамматики. По мнению Ф. Ньюмейера, "трансформационная генеративная теория является единственным нередукционистским подходом к грамматике" в противовес редукционистам, которые полагают, что "грамматические феномены могут быть непосредственно сведены (directly reduced to or deduced from) к экстраграмматическим (т.е. коммуникативным, прагматическим и т.д.) принципам" [Цит. по: Dik, 1986:21]. С. Дик считает, что главная цель естественного языка - установление общения между людьми, что это общение протекает в обстоятельствах, обусловленных физическими, социально-культурными и лингвистическими факторами. К физическим факторам

амстердамский ученый относит специфику номинации, обусловленную приоритетами общества (например, множество слов для обозначения снега у эскимосов), к лингвистическим факторам - переключение языков в многоязычной среде, к социокультурным факторам - поддержание контакта между коммуникантами и установление того или иного типа социальных отношений между ними. Социокультурные параметры языкового поведения описываются в рассматриваемой работе в терминах а) вежливости и уважения, б) солидарности, в) престижа и порицания. Вежливость и уважение рассматриваются как аспекты социальной дистанции между адресантом и адресатом. Чем формальнее общение и чем больше дистанция между коммуникантами, тем более вероятно, что адресант прибегнет к двум основным приемам этикетизации: а) повышение статуса партнера и понижение собственного статуса и б) выбор косвенных способов оформления речи (косвенные формы обращения, косвенные речевые акты, косвенное упоминание об определенных темах, эвфемизация, косвенное выражение несогласия и т.д.). Речь нижестоящего в статусно-маркированном диалоге характеризуется относительно большей сложностью и длиной. Солидарность трактуется в статье С. Дика как сигнал внутригрупповой идентичности, как противопоставление "нас" "им". Солидарность в таком понимании является фактором языковой дифференциации. Престиж и порицание связаны с определенными языковыми формами, принятыми либо осуждаемыми в определенных референтных группах [Dik, 1986:21-28]. Как видим, социально-культурные факторы общения непосредственно связаны с социальным статусом человека.

Теория порождения синтаксически правильных высказываний теряет свою объяснительную силу при анализе сложных явлений прагматического плана в языке. Несовпадение семантико-синтаксических и прагматических планов высказывания реализуется, как показывает Дж. Газдар, в пользу прагматической интерпретации: Canon: "Do you mind if I use your two-way radio?" Police Officer (hanging microphone to Canon): "Sure.". Правильный положительный ответ на вопрос "Do you mind..?" - "Не возражаете ли Вы..?" в английском языке выражается как отрицание ("Нет, не возражаю"), а утверждение формально означает несогласие. В приведенном примере полицейский фактически нейтрализует форму вопроса своим утвердительным ответом - невербальным и вербальным [Gazdar, 1981:75].

Приоритетное положение прагматики в коммуникативной модели языка, широкое понимание прагматики созвучно психолингвистическим концепциям речевого общения: "Вербальная часть сообщения накладывается на предварительно выраженную невербальную систему коммуникации" [Горелов, 1980:81]. Вербальная и невербальная часть сообщения

реализуются только в контексте индивидуального и социального опыта человека [Залевская, 1990:100]. В теории речевой деятельности принципиальное внимание уделяется исследованию ситуативного момента в реальной жизни языка [Сахарный, 1985:6]. "Взаимодействие речевого акта и контекста составляет основной стержень прагматических исследований" [Арутюнова, Падучева, 1985:5].

Одним из направлений лингвопрагматики является изучение постулатов общения, т.е. принципов или правил нормальной человеческой коммуникации. Коммуникативные постулаты или максимы представляют собой правила поведения, касающиеся речи. Они могут быть универсальными и специфическими. Их разработка была вызвана необходимостью обоснования понятия "правильный текст" в диалоге человека и машины. Г.П.Грайс, который ввел коммуникативные постулаты в научный обиход, сформулировал их в виде основного принципа кооперации или сотрудничества и четырех правил, вытекающих из этого принципа: 1) высказывание должно быть достаточно информативным (правило количества), 2) высказывание не должно быть заведомо ложным (правило качества), 3) высказывание должно быть по существу (правило отношения или релевантности), 4) высказывание должно быть ясным, недвусмысленным, кратким и упорядоченным [Grice, 1975:45-47]. Эти правила дополняются и корректируются принципами вежливости, интереса, добродушной шутки. Принцип вежливости включает шесть симметричных постулатов: 1) постулат такта (причиняй минимум неудобств и оказывай максимум удобств другому), 2) постулат великодушия (оказывай минимум удобств себе и максимум удобств другому), 3) постулат одобрения (своди к минимуму отрицательную оценку других, стремись к максимально положительной оценке других), 4) постулат скромности (минимально хвали себя, максимально порицай себя), 5) постулат согласия (своди к минимуму разногласие между собой и другим, стремись к максимальному согласию между собой и другим), 6) постулат симпатии (своди к минимуму антипатию между собой и другим, стремись к максимальной симпатии между собой и другим) [Leech, 1983:132]. Р.Лакофф дополняет эти принципы более общими исходными принципами рациональности и блага (исходи из того, что в общении участвуют разумные люди и что они не стремятся нанести друг другу вред) [Lakoff, 1983:308]. Принципы и постулаты общения носят разнородный характер, включают как этические нормы, так и модели языкового поведения: "старайся говорить идиоматично" [Searle, 1975:76], "придерживайся одного способа ведения беседы, одного жанра", "говори согласно норме и как принято", "избегай штампов" и др. [Шмелева, 1983:76]. В основе коммуникативных постулатов лежит здравый смысл. Приведем для сравнения советы из известной книги Дейла

Карнеги: "шесть способов понравиться людям" - 1) проявляйте к людям искренний интерес, 2) улыбайтесь, 3) помните, что имя человека является для него лучшим словом из всего человеческого запаса, 4) умеете внимательно слушать и воодушевлять собеседника на разговор, 5) заводите разговор о том, что интересует вашего собеседника, 6) старайтесь дать человеку почувствовать его превосходство и делайте это искренне"; "как заставить человека стать на вашу точку зрения" - 1) единственный способ одержать победу в споре - это избегать его, 2) никогда не говорите человеку прямо, что он неправ, 3) если вы неправы, признавайтесь в этом быстро и в категоричной форме, 4) начинайте с дружеского тона, 5) старайтесь получить от вашего собеседника утвердительный ответ в самом начале вашей беседы, 6) дайте возможность другому человеку больше говорить, а сами старайтесь говорить меньше, 7) дайте человеку почувствовать, что идея, которую вы ему подали, принадлежит ему, а не вам, 8) старайтесь смотреть на вещи глазами другого человека, 9) относитесь с сочувствием к идеям и желаниям другого человека, 10) прибегайте к благородным мотивам, 11) используйте принцип наглядности для доказательства своей правоты, 12) если вы хотите заставить волевого человека встать на вашу точку зрения, бросьте ему вызов"¹⁴. 14Д.Карнеги. Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей. /Пер. с англ. М.,1968. С.79-108. Эти советы сводятся к стратегиям вежливости и в плане статусных отношений могут быть обобщены как требования увеличивать статусный вес партнера и демонстрировать свое уважение к собеседнику.

Нарушения коммуникативных постулатов делают общение невозможным. Англичане говорят: "Don't use a 14-letter word to your child and a 4-letter word to your mother-in-law". Длинные слова в английском языке как правило являются книжной лексикой и поэтому неуместны в разговоре с детьми, а выражение "четырёхбуквенное слово" эвфемистически указывает на ругательство.

Но в ряде случаев постулаты общения нарушаются намеренно. Это происходит, во-первых, в силу противоречивости самих постулатов, например, "будь вежлив" и "будь краток". Формулы вежливости в информативном отношении избыточны. Во-вторых, нарушения постулатов общения бывают вызваны так называемыми коммуникативными манипуляциями, т.е. ходами, цель которых - поставить партнера по общению в неудобное положение. Например: "У вас не найдется двушки?" - "А что еще вас интересует?" Отвечающий дает понять, что вопрос был неуместен, и делает это в язвительной форме, унижая своего собеседника, который якобы не осознает своего статуса. В-третьих, о некоторых нарушениях коммуникативных правил мы говорим тогда, когда

общение носит особый характер. Например, в пьесе абсурда встречается такая фраза: "A nose that can see is worth two that sniff." (E.Ionesco). Высказывание абсурдно, поскольку в приведенном примере нарушен постулат способа выражения - слова должны употребляться в их нормальном значении, как в прямом, так и в метафоричном (нос - это орган обоняния, а не зрения). Нарушение постулатов общения преследует особые цели воздействия на адресата. На этом правиле построены стилистические приемы, а также приемы, выходящие за пределы стилистики и риторики. Так, в школах медитации по системе Дзен используются так называемые коаны, алогичные предложения, содержащие какой-то намек: "Хлопок двух ладоней издает звук, а что такое звук одной ладони ?" [Налимов, 1979:107]. Намеренное разрушение значений слов преследует цель выйти на интуитивный, нелогический уровень сознания, сломать сложившиеся стереотипы, в том числе - стереотипы статусных отношений.

Коммуникативные постулаты позволяют выделить конститутивные признаки текста. Системообразующим признаком текста как как продукта общения является интерпретируемость. Известно, что что любая фраза, построенная по правилам грамматики, может получить интерпретацию. Подобные опыты успешно осуществлялись с классическим примером "Зеленые идеи яростно спят". Примеры из модернистской поэзии также доказывают данный тезис: He sang his didn't he danced his did (E.Cummings) - "он пел свою жизнь танцевал свой труд" (пер.В.Британишского). Интерпретируемость текста зависит от компетенции получателя речи. Вместе с тем существуют стандартные ситуации и стереотипные установки, на фоне которых выделяются отклонения от предполагаемого текста. Применительно к определенному типу и жанру общения существует текст-образец (прототипный текст), по отношению к которому определяются тексты-варианты, допускающие частичное отклонение от канонических характеристик прототипа. Прагматическая или "текст-типическая" компетенция носителя языка заключается "во владении различными типами текста как социально нормированными схемами речевого поведения в определенных ситуациях" [Трошина,1984:9]. Например: A genuine blackmailing letter comprises: a) a demand for money or other advantage which is apparently well within the capacity of their victim to pay, b) practical instructions to ensure the passage of the money from the victim to the blackmailer, c) some reasons why the victim should be mulcted, d) a threat to ensure complience¹⁵. 15W.R.Harrison. Forgery Detection (A Practical Guide). London,1964. P.160. В приведенном отрывке из учебника по криминалистике содержатся необходимые характеристики писем, целью которых является шантаж, а именно: цель шантажа,

практические инструкции, обоснования требований (компрометирующая информация) и угрозы в адрес жертвы. Если цель шантажа сформулирована абстрактно либо невыполнима для адресата, угрозы очень значительны, практические инструкции по реализации требований отсутствуют, то, как указано в руководстве, есть основания считать, что жертва шантажа и автор письма - одно лицо. Такой текст выходит за рамки типового варьирования письма, содержащего шантаж, и включается в иную, более широкую парадигму текстов.

Нарушения коммуникативных постулатов в естественной речи несут дополнительную нагрузку, связанную с уточнением статусов отправителя и получателя речи. Так, нарушение постулата количества в сторону недостаточной либо избыточной информативности имеет дополнительный прагматический смысл, который можно истолковать следующим образом: 1) я говорю тебе общеизвестную истину, поскольку считаю, что имею право поучать, 2) я говорю тебе о том, что для тебя непонятно, чтобы подчеркнуть свое превосходство. Известно, что в современной английской речи пословицы часто употребляются иронически, чтобы избежать назидательного тона, либо пародируются: *Early to rise and early to bed makes men healthy, wealthy and dead.* (В оригинале - *healthy, wealthy and wise*). Нарушение постулата качества - "Не лги!" - также может быть двуплановым, в сторону недостаточной либо избыточной искренности. Неискренность и недостаточная искренность свидетельствуют об отрицательном отношении говорящего к адресату. Избыточная искренность, претендующая на интимизацию общения, раскрывает стремление говорящего войти в круг людей, близких адресату, не имея на это объективных оснований. Одним из показателей избыточной искренности служит употребление сниженной лексики, сленга, жаргона. Не случайно иностранцам не рекомендуется употреблять жаргонные слова и вульгаризмы: эта сфера языка зарезервирована только для "своих".

Неожиданный сбой в теме высказывания нарушает целостность текста и свидетельствует либо об особой стратегии отправителя речи, актуализации подтекстовой информации, либо указывает на отсутствие стратегии, пределом такого неконтролируемого речевого потока является разорванная речь. Разорванная речь может включать "соскальзывания", не имеющие отношения к теме беседы, неадекватные фразы в ответах, на более тяжелой стадии заболевания переходит в так называемый "монолог" - неостанавливаемый поток слов и выражений, в котором нельзя установить логическое содержание, и, наконец, приобретает форму шизофазии - стереотипного нанизывания слов, когда высказывания не облекаются в форму предложений¹⁶.
А.Б.Савицкая. Расстройства речи у больных параноидной формой шизофрении. Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1975.

- 34 с. (С.8). Разумеется, не всякое нарушение логики в тексте носит клинический характер. Как правило, неожиданное изменение темы диалога содержит имплицитную информацию. Например: "Что сегодня по телевизору?" - "У меня неприятности на работе." Ответ может быть истолкован следующим образом: то, что я говорю, важнее, чем то, что говоришь ты.

Существенной с точки зрения лингвопрагматики является теория речевых актов. Речевые акты рассматриваются в работах многих авторов [Austin, 1962; Searle, 1975; Beck, 1980; Ballmer, Brennenstuhl, 1981; Kreckel, 1981; Clark, Carlson, 1982; Partridge, 1982; Weigand, 1989; О.Г.Почепцов, 1986; Романов, 1988 и др.]. Раскрывая методологические основы теории речевых актов, В.В.Лазарев доказывает, что модусно-пропозициональное единство есть языковое выражение субъектно-объектных отношений в познавательно-практической деятельности человека: "Отношение говорящего к коммуникативному факту представляет собой либо его оценку, либо активную деятельность, направленную на адресата" [Лазарев, 1986:3]. Смысл высказывания распадается в речеактовой модели на три составляющих: 1) что говорится (локуция), 2) какой поведенческий смысл выражается (иллокуция), 3) каков эффект или результат речи (перлокуция) [Остин, 1986:86-88]. Центральным моментом в речевом акте является иллокуция, тип речевого воздействия. Тип речевого акта непосредственно связан со статусом говорящего: Cleopatra: "Ftataetea, dear: you must go away - just for a little." Caesar: "You are not commanding her to go away; you are begging her. You are no Queen." (B.Shaw). В реплике Цезаря противопоставляются речевые акты просьбы и приказания. "Ты не приказываешь ей уйти, ты просишь ее. Ты - не королева," - говорит Цезарь Клеопатре. Статус монарха должен подтверждаться речевым актом приказа.

В лингвистической литературе предложены различные критерии измерения иллокутивных актов, например, различия в цели данного типа акта, в выраженных психологических состояниях, в статусе говорящего и слушающего, в перформативном и неперформативном употреблении иллокутивного глагола и др. [Серль, 1986:172-177]. Речевые акты - обязательства, угрозы, упреки, приказы, поздравления и др. - разбиваются на классы, пересекающиеся в работах различных авторов.

Создатель теории речевых актов английский философ Джон Остин выделял такие речевые действия, как вердиктивы (вердикт - приговор), экзерситивы (акты осуществления власти), комиссивы (акты обязательств), бегахбитивы (акты общественного поведения - извинение, ругань и т.д.) и экспозитивы (акты-объяснения типа "Я доказываю", "Я

признаю") [Остин,1986:119]. Д.Серль, разграничивая иллокутивный и пропозициональный компоненты высказывания, предлагает более стройную классификацию иллокутивных актов: 1) репрезентативы или ассертивы (X убежден, что А - "Я утверждаю"), 2) директивы (X оказывает влияние на Y, чтобы Y совершил А - "Я приказываю", 3) комиссивы (X принимает на себя обязательства совершить А - "Я обещаю"), 4) экспрессивы (X выражает свое психологическое состояние по поводу А - "Я благодарю"), 5) декларации (X, говоря А, делает А фактом - "Я увольняю вас") [Серль,1986:181-185]. Д.Вундерлих разграничивает речевые акты по их функциям, выделяя директивы, комиссивы, эротетивы (вопросы), репрезентативы, сатисфактивы (в известной мере соответствуют экспрессивам), ретрактивы (заявления о невозможности выполнить обещания), декларации и вокативы (обращения) [Сусов,1980:44-45]. М.Крекель классифицирует речевые акты по трем признакам: 1) ориентация на говорящего либо на слушающего, 2) ориентация на когнитивную интерактивную или акциональную сферу, 3) ориентация на настоящее, прошлое или будущее. Так, обвинение относится к речевым актам, ориентированным на слушающего, на интерактивную сферу, на прошлое, а обещание признается ориентированным на говорящего, на акциональную сферу, на будущее [Kreckel,1981:188]. В работе А.А.Романова дана детальная классификация речевых актов, включающая 14 типов речевых действий: комиссивы (обещания, пари), экспозитивы (разъяснения, угрозы), пермиссивы (согласия), сатисфактивы (упреки, акты похвалы), регламентативы (формулы социального этикета), инъюнктивы (приказы, требования), реквестивы (просьбы, мольбы), инструктивы (предписания, запреты), суггестивы (советы, предупреждения), инвитивы (приглашения), дескриптивы (описания), аргументативы (доводы), констативы (утверждения), нарративы (повествования) [Романов,1988:55]. Речевые действия неоднородны и имеют сложную природу. Например, в разряде комиссивов выделяется четыре разновидности речевого акта обещания: нейтральное обещание, обещание-уверение, обещание-уступка, клятвенное обещание [Восканян,1985:8-9].

Речевые акты выделяются и изучаются как со стороны дедуктивного моделирования, так и со стороны индуктивно-эмпирического описания. В первом случае строится схема отношений между коммуникантами. Например, речевые акты делятся на информативные и неинформативные и далее - информативные констативные и информативные неконстативные. Во втором случае проводится сплошная словарная и текстовая выборка глаголов поведения и общения или описательных коррелятов речевых действий. Например, речевые акты похвалы, самопохвалы и лести, будучи принципиально имплицитными, в значительной мере определяются путем

анализа паралингвистических средств выражения [Петелина, 1985:151]. В работе Н.В.Возияновой [1991] глаголы речи делятся на глаголы сообщения, общения и речевого воздействия, в свою очередь глаголы воздействия подразделяются на глаголы побуждения (совет, наставление, просьба, приказ и др.) и глаголы эмоционального воздействия (насмешка, ирония, упрек, брань, похвала, лесть).

Выделяются два полярных подхода к классификации речевых актов. Т.Балльмер и В.Бренненштуль считают, что классификация речевых актов строится на основании глаголов, называющих соответствующие речевые акты. В работе немецких исследователей 4800 глаголов речевых актов группируются под рубриками четырех видов речевой деятельности - экспрессия, обращение, интеракция, дискурс [Ballmer, Brennenstuhl, 1981:30]. По мнению Й.Майбауэра, семантический анализ глаголов речевых актов и классификация самих речевых актов совершенно независимы друг от друга [Цит. по: Weigand, 1989:53]. Э.Вайганд занимает промежуточную позицию, полагая, что названные подходы не тождественны, но и не изолированы друг от друга. На наш взгляд, отождествление приведенных подходов объясняется индуктивно-эмпирическим описанием, а выделение специфического речеактового подхода, не сводимого к классификации глаголов речевых актов, - дедуктивным моделированием объекта. Пересечение различных классификационных аспектов позволяет выделить три области описания: 1) речевые акты, имеющие глагольные корреляты-названия, 2) речевые акты, не имеющие особых глагольных коррелятов-названий и обозначаемые развернутыми описаниями, 3) поведенческие акты, имеющие глагольные корреляты-названия и выходящие за пределы собственно речевых актов. Слова с признаком социального статуса человека в значении относятся к поведенческим актам, отраженным в лексической семантике, а поведенческие акты включают речевые акты.

Теория речевых актов позволяет выделить характеристики ситуаций общения: информативность/ неинформативность, официальность/ неофициальность общения, зависимость/ независимость автора от адресата и наоборот, постоянный/ переменный статус говорящего и адресата, констативная/ перформативная ситуация, эксплицитная/ имплицитная перформативность, эмоциональное/ рациональное воздействие на адресата и др. Эти характеристики относятся также и к ситуациям статусного неравенства.

Речеактовое измерение смысла слова дает возможность учесть факторы построения речи, относящиеся к сфере коммуникантов: характерные признаки личности, интенции, установки, межличностные отношения собеседников [Девкин, 1979:25]. Применительно к смыслу слова сфера коммуникантов преломляется как жанрово-стилистическая характеристика текста. Жанровая направленность текста определяет стратегию

его интерпретации: мы не ждем иносказания в общении с кассиром гастронома или при чтении медицинского рецепта. Существует иллокутивный стандарт жанра, соответствующий определенному жанрово-стилистическому прототипу. Например, иллокутивный стандарт служебной характеристики может быть сформулирован следующим образом: "Я, будучи должностным лицом и имея соответствующие полномочия, даю оценку деятельности известного мне по совместной службе лица X и сообщаю следующее." Служебная характеристика является сплавом декларации, сатисфактива (или экспрессива) и дескриптива. В жестко канонизированных текстах отсутствие штампов несет большую прагматическую нагрузку. Например, отсутствие фразы "морально устойчив и политически грамотен" в тексте характеристики могло существенным образом повлиять на судьбу характеризуемого. Включение просьбы в текст характеристики превращает этот документ в ходатайство, а подробное изложение фактов из жизни характеризуемого лица приводит к переключению жанра и переводит характеристику в биографию. Иллокутивный стандарт текста зависит от ситуации общения и макротекста. Так, в романе Дж.Апдайк "Кентавр" приводится развернутый текст некролога (гл.5), смысл которого значительно шире смысла прототипной статьи об умершем человеке.

С точки зрения статусных отношений коммуникантов, речевые акты могут быть разделены на два класса: статусно-маркированные и статусно-нейтральные. К статусно-нейтральным речевым актам относятся констативы (утверждения), нарративы (повествования), дескриптивы (описания), к статусно-маркированным - инъюнктивы (приказы, требования), реквестивы (просьбы, мольбы), инструктивы (предписания, запреты) и др. Статусно-маркированные речевые акты могут быть далее разделены на статусно-фиксированные и статусно-лабильные речевые акты, к первым относятся речевые акты с заданной позицией адресата (директивы, реквестивы, пермиссивы), ко вторым - речевые акты с переменным статусным вектором, т.е. те акты, в которых статусный вектор зависит от ситуации общения (вокативы, комиссивы, экспрессивы). Статусно-фиксированные речевые акты в зависимости от статусного вектора разделяются на речевые акты с нисходящим и восходящим статусным вектором говорящего (адресанта), а именно - директивы и реквестивы. Приведенная классификация показана на схеме 5.

Схема 5.

Классификация речевых актов на основании статуса участников

Речевые акты

статусно-маркированные

статусно-нейтральные

с нисходящим статусным
вектором говорящего

с восходящим статусным
вектором говорящего

В основу предложенной классификации положено три критерия: 1) маркированность статуса, 2) фиксированность статуса, 3) вектор статуса. Первый критерий позволяет выделить статусно-маркированные речевые акты, второй и третий критерий дают возможность провести их классификацию на основании статуса участников.

Приведенная схема многократно усложняется с учетом косвенных или транспонированных речевых актов, например, приказ в виде просьбы, упрек в виде благодарности и т.д. Транспонированные речевые акты представляют собой распространенные этикетно-закрепленные формы общения [Гурочкина, Давыдова, 1990:48]. В некоторых сообществах транспонированные речевые акты существенным образом ограничивают спонтанную речь говорящего: у индейцев оджибва не принято вербально выражать просьбу, адресат должен догадаться об этом сам. Поэтому определенные темы в разговоре избегаются, чтобы не возникло предположение о просьбе [Nymes, 1986:55].

В основе речевого акта лежит интенция говорящего, т.е. желание, для реализации которого будут предприняты определенные шаги. Интенция может быть манифестируемая (проявляемая) и латентная (скрытая). Латентная интенция, как пишет О.Г.Почепцов [1986:74,82], лингвистическому анализу не поддается, а манифестируемая интенция может быть заданной и выводимой. Косвенные речевые акты соотносятся с выводимой интенцией. Общение на уровне выводимого смысла всегда присутствует в нормальном человеческом взаимодействии, участники общения всегда что-то домысливают. Однако мера явно выраженного и мера подразумеваемого смысла могут выходить за рамки ожиданий адресата. Многое зависит от жанра и условий общения. Повышенное использование в речи импликатур, выводимых смыслов, отмечает В.В.Богданов, повышает статус говорящего в глазах адресата и статус адресата в собственных глазах: говорящий выглядит умным, разбирающимся в тонкостях речевого общения, и адресат понимает, что говорящий доверяет его догадливости. "Общение на уровне импликатур - это более престижный вид вербальной коммуникации, поэтому он широко используется среди образованной части населения, поскольку для понимания многих импликатур адресат должен располагать соответствующим уровнем интеллектуального развития" [Богданов, 1990:21]. Античный ритор Деметрий высказывается по этому поводу следующим образом: "Ведь тот, кто понял недосказанное вами, тот уже не просто слушатель, но ваш свидетель, и притом доброжелательный. Ведь он самому

себе кажется понятливым, потому что вы предоставили ему повод проявить свой ум. А если все втолковывать слушателю, как дураку, то будет похоже, что вы плохого мнения о нем" [Деметрий, 1978:273].

Речевая стратегия намек заключается не только в повышении уровня общения. Намек дает возможность говорящему сохранить лицо в случае просьбы, высказать просьбу и вроде бы не высказать ее. По наблюдениям Э.Вейцман, возможны три типовых реакции партнера на просьбу, сделанную в виде намек: 1) получатель речи не поймет намек, но по собственной инициативе сделает то, что входило в намерения отправителя речи, 2) получатель речи может сделать вид, что не понял намек, 3) получатель речи может показать, что он понял намек, но при этом он рискует, поскольку отправитель речи вправе сказать, что никакого второго смысла у высказывания не было [Weizman, 1989:93-94]. Подобная стратегия вуалирования просьбы связана со статусной неуверенностью говорящего, с переживанием неопределенности и обостренным вниманием к соблюдению дистанции: просьба в виде намек говорит о том, что говорящий не хочет попасть в зависимость от адресата. Часто в таких случаях говорящий страшится и комментирует свое высказывание, замечая, что он ни на что не намекает, что его слова не надо понимать как просьбу, и партнер должен так или иначе прореагировать на заранее дезавуируемую информацию. Получатель речи вынужден в такой ситуации продемонстрировать коммуникативную инициативу и предложить собеседнику то, о чем собеседник вроде бы не собирался просить.

Косвенные речевые акты проявляются как рассогласование между значением и смыслом высказывания, между выраженным и подразумеваемым содержанием, между собственным и контекстуально обусловленным (ситуативно обусловленным) значением. При этом рассогласование может варьировать в определенных пределах: приказ может быть выражен в виде просьбы, совета, вопроса или констатации, но мало вероятен в виде комплимента. Существуют типовые интерпретативные стратегии, которые телескопически вкладываются друг в друга в соответствии с прагматическими постулатами и принципами общения по Дж.Личу. Постулаты такта, великодушия, скромности и т.д. замещаются принципами ироничной интерпретации или интерпретации в виде шутки. Названные принципы или ключи интерпретации замещаются принципами первого порядка - принципами кооперации, вежливости, интереса, доброго расположения, рациональности. Телескопичность коммуникативных принципов, проявляемых в виде игры косвенных смыслов, показана на примере фразы "Хороший ты друг !" во время карточной игры. Говорящий, вероятно, проигрывая, говорит своему партнеру эту фразу, которая получает тройную интерпретацию: 1) буквальное

значение, 2) ироническое осмысление, 3) шутливое переосмысление. Иначе говоря, ироническое осмысление включает буквальное значение и включается в шутливое переосмысление [Leech, 1983:145]. Интерпретация, впрочем, не сводится к статической схеме: "интерпретация управляет своим ходом: промежуточные результаты могут (пусть не всегда) значительно менять промежуточные и глобальные цели интерпретации" [Демьянков, 1989:46].

Нарушение конвенций общения приводит к тому, что речь партнера интерпретируется как насмешка. возможное оскорбление и т.д. В романе Т.Уайлдера "К небу мой путь" молодой человек, которого привели к полицейскому фотографу для оформления судебного дела, просит фотографа продать ему одну из фотографий:

- "There, now, I guess, we got some good pictures."

- "Do you sell copies of these, Mr.Bohardus ?"

- "We're not allowed to, I reckon. Leastways there never was no great demand."

- "I was thinking I could buy some extra. I haven't been taken for more than two years. I know my mother's like some".

Bohardus stared at him narrowly. "I don't think it shows a good spirit to make fun of this work, Mr.Brown, and I tell you I don't like it. In fifteen years here nobody's made fun of it, not even murderers haven't."

"Believe me, Mr.Bohardus," said Brush, turning red, "I wasn't making fun of anything. I knew you made good photos, and that's all I thought about."

Bohardus maintained an angry silence, and when Brush was led away refused to return his greeting. (T.Wilder).

Фотограф говорит, что у него получились хорошие снимки.

Браш, герой романа, хочет приобрести одну из фотографий для своей матери. Вопрос "Вы не продаете лишние копии ?" имеет второй смысл - смысл комплимента. У комплиментов есть

ограниченная сфера реализации, и полицейский фотограф своим отрицательным ответом показывает, что в подобной ситуации с подобными вопросами не обращаются. Дан отрицательный ответ, и комплимент отклонен, причем, в дружелюбном тоне. Но Браш нарушает стандартную схему косвенного речевого акта и переводит возможный комплимент в план буквальной просьбы.

Тем самым ситуация становится абсурдной, и статус полицейского фотографа ставится под сомнение. Полицейский оскорблен, его работе демонстрируется открытое неуважение: "За пятнадцать лет никто здесь над этим не шутил, даже убийцы". Браш пытается оправдаться, но безуспешно.

Аналогичным образом люди воспринимают не к месту сказанную поговорку или сентенцию как оскорбительный выпад в свой адрес.

Помимо прямых и косвенных выделяются системные речевые акты. Для понимания системного речевого акта недостаточно включиться в контекст ситуации, необходимо включение в контекст определенного коммуникативного стиля, характерного для той или иной цивилизации и эпохи. Так, в средневековье все было погружено в чувство вечной вины, и даже имени своего не подписывали без добавления слова "грешник" [Почепцов (мл.), 1987:34-35]. В рассказе Р.Киплинга "Моти Гадж - бунтовщик" погонщик слона обращается к своему умному животному, полярно варьируя оценку при обращении: "Light of my heart, mountain of might, give ear," said Deesa. "I am going away." "But you, fussy old pig, must stay behind and work. I shall be gone for ten days, o delectable one. Hold up your near foot, warty toad of a dried mud-puddle. ...Be still, hog of the back woods. ...O my lord, my king! Jewel of all created elephants, lily of the herd, preserve your honoured health; be virtuous." (R.Kipling). Обращения "свет моего сердца", "гора мощи", "моя услада", "мой господин, мой царь", "драгоценнейший из всех слонов" чередуются с обращениями "старая занудливая свинья", "бородавчатая жаба из высохшей грязной лужи", "лесной кабан". При этом известно, что погонщик очень привязан к своему животному. Оскорбления шутивы, возвышенные обращения ироничны. Такое пересечение переносных смыслов образует как картину идиостиля персонажа, так и тип системного речевого акта, свойственного речи индусов с точки зрения колонизаторов-англичан. Создается колорит востока с его удивительной для западного мира иррациональностью.

Системный речевой акт представляет собой культурно обусловленное явление, для интерпретации которого необходима значительная информация. Таковы ритуальные формулы. Примером подобных формул являются выражения, которыми открывались собрания, посвященные критике ревизионизма в период "культурной революции" в Китае: "Восточный ветер мощно дует, все больше новостей о победе", "Без разрушения нет созидания", "Друг есть друг, враг есть враг, и нужно четко их различать". После таких фраз начиналась критика в адрес конкретного человека, обвиняемого в ревизионизме, затем обвиняемый долго перечислял свои заблуждения и ошибки и просил товарищей критикой помочь ему. Сложились формулы завершения речи: "Прошу покритиковать и помочь", "Приветствую критику" [Ji et al., 1990:74].

Косвенный смысл выражения четко проявляется в статусно-лабильных речевых актах комплиментов. Данные речевые акты привлекали к себе внимание исследователей главным образом в культурно-сопоставительном плане

(Pomerantz, 1978; Manes, 1983; Wolfson, 1983; Петелина, 1985; Herbert, 1989; Lewandowska-Tomaszczyk, 1989). Комплимент представляет собой похвалу, выражаемую в отличие от лести бескорыстно [Петелина, 1985:150]. Похвала выражается эксплицитно и имплицитно. Речевой акт комплимента представляет собой двухходовое образование: комплимент - ответ на комплимент. Типы таких речевых актов принципиально различаются в зависимости от дистанции между участниками общения. В работе Р.Герберта предложена схема типовых ответов на комплимент, включающая 11 типовых ответных реакций [Herbert, 1989:18]. Приведем эту схему в некоторой модификации (Схема 6).

Схема 6.

Типы ответов на комплимент

А. Положительный ответ на комплимент

согласие

	принятие	мотивировка	перевод	
знак	комментарий		переадресовка	возврат
	простой	завышенный		

Б. Отрицательный ответ на комплимент

несогласие

	реагирование		отсутствие реагирования	
понижение	вопрос	неприятие		
		возражение	уступительность	

Формальным знаком принятия комплимента обычно бывает улыбка, благодарность, кивок. При этом эксплицитная похвала часто вызывает замешательство адресата:

M1: Nice shirt.

M2: (suspicious look) (pause) (nod).

Подозрительный взгляд и пауза свидетельствуют о попытке адресата определить причину комплимента. Отмечено, что обмен комплиментами в виде эксплицитных знаков характерен прежде всего для малознакомых людей. Комментарий в ответе подтверждает комплимент: "Хорошее пальто !" - "Да, в нем тепло." Завышенный комментарий бывает шутливым и отмечен только в общении между друзьями: "Красивое платье !" - "Я и

сама красивая." Мотивировка представляет собой детализированный комментарий. Переадресовка и возврат комплимента являются опосредованным принятием похвалы: "Ты отлично сыграл !" - "Ты тоже был на высоте". Несогласие с комплиментом может быть выражено как понижение ("Какая у тебя прическа !" - "Как обычно."), как вопрос ("Какое красивое кольцо !" - "Иронизируешь ?"), как уступительность ("Ты отлично ответил !" - "Нет, другие отвечали лучше."), как возражение ("Красивые туфли !" - "Сильно жмут.") и как отсутствие реакции, переключение темы. Сравнив данные по ответам на комплимент в США и ЮАР, Р.Герберт пришел к выводу о значительной специфике комплиментов в этих странах: принятие комплимента в США составляет 32 % всех реакций, в ЮАР - 76 %, несогласие с комплиментом в США - 28 %, в ЮАР - 11 %, открытое возражение в США - 10 %, в ЮАР - нет [Herbert, 1989:23]. Мера этикетности общения, как следует из приведенных данных, является меньшей в США, чем в ЮАР. Мера этикетности отражает стремление поддерживать дистанцированное общение. Иначе говоря, сравнивая меру этикетности на материале различных речевых актов применительно к различным сообществам, можно прийти к выводу о большей или меньшей иерархичности в культуре общества.

В США комплименты обычно относятся к сфере общения между представителями разного пола, комплимент мужчины мужчине считается странным, а женщины женщине - неискренним. Как правило, содержанием комплимента является внешний вид женщины (78 % всех случаев) [Chaika, 1989:128]. Слишком явно выраженный комплимент часто воспринимается как попытка что-либо получить и вызывает неодобрительную реакцию.

Реализация речевого акта часто включает несколько коммуникативных ходов. Так, статусно-фиксированный речевой акт просьбы содержит пять типовых компонентов: 1) начало разговора, 2) обращение, 3) просьба о просьбе ("Нельзя ли обратиться к Вам с просьбой ?"), 4) мотивировка просьбы, 5) собственно просьба [Rintell, 1981:19]. Типовые компоненты речевого акта не равноценны: ядро речевого действия составляет собственно просьба, начало разговора и обращение представляют собой фатическую коммуникацию, а просьба о просьбе и мотивировка являются дополнительными компонентами собственно просьбы. Дополнительные компоненты реализуются в условиях, осложняющих общение (различие в статусе коммуникантов, недостаточное знакомство, осложненные личные отношения и т.д.). В исследовании Э.Ринтелл проводилось сравнение речевого акта просьбы в англоязычной и испаноязычной аудитории с учетом возрастных и половых различий между участниками общения. Выяснилось, что испаноязычные коммуниканты были значительно вежливее,

обращаясь с просьбой к партнеру противоположного пола. Обращение с просьбой к людям, старшим по возрасту, обычно включает развернутое обоснование просьбы, уважительную формулу вокатива, например, *sir*, уважительную форму начала разговора (обычно в виде извинения) и вежливое оформление просьбы о просьбе (*Could you do me a favour and / receive the package for my mother ?*). Обращение старших к младшим характеризуется вежливостью, но в меньшей степени, обращение младших к младшим обычно содержит минимум дополнительных компонентов просьбы.

В ином исследовательском ракурсе речевой акт просьбы разворачивается как трехчастное образование: 1) привлечение внимания, 2) вспомогательные ходы и 3) собственно просьба. Вспомогательные ходы включают поддержание контакта ("Вы сейчас очень заняты?"), просьбу о просьбе ("Не могли бы Вы мне помочь?"), обоснование просьбы ("Я пропустил занятия вчера, нельзя ли мне взять у Вас до завтра текст лекции?"), обещания или угрозы ("Я завтра же верну разработку" или "Иначе мне придется обратиться к другому преподавателю") [Blum-Kulka et al., 1989:17].

Речевой акт извинения интересен тем, пишет Э.Гоффман, что человек, совершивший проступок и признающийся в своей вине, как бы играет две роли одновременно: виноватого и осуждающего самого себя. В речевом акте извинения выделяются пять типовых компонентов: 1) выражение огорчения, 2) признание своей вины, 3) самоосуждение, 4) обещание исправиться, 5) предложение компенсировать ущерб [Goffman, 1972:144]. В иной трактовке компоненты извинения выглядят как 1) собственно извинение, 2) объяснение причины, 3) признание ответственности, 4) предложение компенсировать ущерб, 5) обещание исправиться [Cohen et al., 1986:52]. Чем больше дистанция между участниками общения, тем более вероятно использование развернутой схемы извинения с приведением причин, признанием ответственности и - в определенных обстоятельствах - обещанием вести себя лучше. Предложение компенсировать ущерб, однако, нейтрализует статусное различие.

Интересен речевой акт совета: тот, кто советует, ситуативно наделен статусом вышестоящего; тот, кому дается совет, находится в затруднительном положении; советуемый выражает положительное отношение к тому, кто нуждается в совете [Hudson, 1990:286]. Пересечение названных условий речевого акта совета заставляет говорящего избегать категоричности в суждениях, подчеркивать свою субъективную, личную точку зрения и общаться с партнером как бы на равных, намеренно игнорируя статусное различие. Тот, к кому обращен совет, вынужден примириться с ролью нижестоящего, обязан согласиться с констатирующей частью совета (т.е. признать долю своей вины или неумения справиться с

обстоятельствами) и должен прореагировать на рекомендательную часть совета.

Совокупность конвенций, относящихся к социальному лицу, самоуважению человека, определяется взаимодействием трех параметров: 1) социальной дистанцией между участниками общения, 2) отношениями социального доминирования между ними в контексте высказывания (например, просьба врача к полицейскому будет оформлена иначе в кабинете приема и на перекрестке), 3) относительным рангом того или иного коммуникативного акта в высказывании (например, просьба одолжить автомобиль в чрезвычайной или обычной ситуации) [Allan, 1986:58]. Чрезвычайные обстоятельства общения или перевод общения в экстремальный эмоциональный режим нейтрализуют статусные различия [Grayshon, 1977:73; Почепцов (мл.), 1987:50]. В чрезвычайных обстоятельствах устанавливается нестандартная иерархия участников общения.

Интересное исследование выполнила Ш. Линде, которая проследила динамику статусных отношений в диаде приблизительно равных по статусу людей – полицейских, несущих патрульную службу на вертолете. Оба полицейских являются "начальниками": один выступает в функции ответственного за дежурство, другой – в функции пилота, т.е. командира экипажа. Установлено, что статус пилота несколько выше, общение поддерживается на дружеской, персональной дистанции, и в качестве немногих показателей статусного неравенства выступают шутовское поддразнивание и начало новых тем в диалоге. Как правило, инициатором в обоих случаях выступает человек с более высоким статусом [Linde, 1988:147].

Речевые акты имеют полевое строение, существуют прототипные речевые акты приказа, просьбы, извинения и более сложные "размытые" речевые акты, которые с известными оговорками можно отнести к той или иной группе. Так, ядро императивов составляют приказы (волеятативные императивы), основанные на узаконенной социальной власти. Следующий слой императивов составляют неволеятативные императивы – советы, инструкции, рецепты, предупреждения. Еще дальше от системообразующего ядра императивов находятся предложения, в которых оговариваются условия осуществления действия, и, наконец, выделяются параимперативы, включающие обещания и клятвы, планы и схемы, намерения и желания [Hamblin, 1984:84]. В лингвистической литературе, впрочем, высказано аргументированное суждение о том, что приказание не может затрагивать сферу интеллектуальной деятельности человека [Adler, 1980:46].

Социальный статус человека непосредственно связан с использованием языка как средства воздействия. Речь идет о перлокутивном аспекте статусных отношений в языке. Механика перлокутивного акта очень сложна и включает а) агента, б)

объект, в) способ совершения, г) орудие совершения, д) факторы совершения. "В роли факторов превращения аспектов речевого акта в орудие совершения перлокутивного акта выступают культурные универсалии" [О.Г.Почепцов,1986:59]. Воздействие распространяется на ценностную сферу личности, а статус человека является ценностной категорией. Выделяются три типа речевого воздействия: 1) изменение отношения субъекта к объекту, изменение коннотативного значения объекта для субъекта; выражается в призывах, лозунгах, рекламе, 2) формирование общего эмоционального настроения, мироощущения реципиента воздействия; выражается в лирике, гипнотическом воздействии, политическом воззвании; 3) перестройка категориальной структуры индивидуального сознания, введение в нее новых категорий, проявляющихся в классификации, формах упорядочивания объектов, событий окружающей предметной и социальной действительности; выражается в научных и методологических текстах [Петренко,1990:19-26]. Отметим, что приведенная типология в полной мере применима к изменению статусного самосознания человека как объекта воздействия. Вместе с тем в рассматриваемой типологии не вполне четко определена перестройка категориальной структуры на уровне обыденного сознания: такое воздействие происходит не только посредством научных и методологических текстов, но и в результате изменения стиля жизни определенных общественных групп.

Воздействие на человека прямо и косвенно связано с контролем поведения человека. Контроль - центральное понятие социологии в интерпретации Дж.Гиббса - определяется как поведение человека, влияющее на желательные изменения в объекте, одушевленном и неодушевленном, наблюдаемом и ненаблюдаемом. Контроль над человеческим поведением может быть внутренним (самоконтроль) и внешним, внешний контроль бывает непосредственным (приказ и просьба), последовательным (цепочка команд в армии) и социальным (включающим третье лицо); социальный контроль в свою очередь подразделяется на подтипы, различающиеся по степени вовлеченности третьего лица, по способу воздействия на него, а также по способности самого контролирующего выполнить контролируемое действие [Gibbs,1989:52-59].

Воздействие может быть намеренным (интенциональным) и ненамеренным (неинтенциональным). Интенциональное воздействие осуществляется четырьмя способами: 1) посредством авторитета, законной власти, носителя институционального более высокого статуса, 2) посредством манипуляции, т.е. маскируемой власти, 3) посредством убеждения, аргументации, 4) посредством силы, физической и психической [Kramarae et al.,1984:11].

Манипуляция как способ воздействия активно используется в политике и направлена на сохранение или изменение статусно-ролевых норм. Анализируя семиотику фашизма, К.Элих отмечает, что в условиях третьего рейха адресат как объект пропаганды постоянно вовлекался в активную фатическую коммуникацию. Это давало адресату иллюзию активного участия в общественной жизни, а государство получало возможность постоянного действенного контроля над людьми. Кроме того, активное участие в делах рейха приводило людей к мысли о росте своего статуса и вело к изменению ценностной системы [Ehlich, 1989:21]. В этой измененной системе ценностей возникли такие образования, как "простой" мир - *die einfache Welt*, приказ - *der Befehl* и т.д. В основе такой манипуляции лежала идея полного растворения индивида в массе: "*Du bist nichts, dein Volk ist alles*" - "Ты - ничто, твой народ - все". Эта идея закрепляет жесткую статусную иерархию: вождь как выразитель интересов народа обладает абсолютным статусом, а рядовой член общества - нулевым статусом. Отсюда и сверхсимволизация понятия "приказ". Жизнь в условиях тоталитарного государства требует актерской экзальтации в проявлении верности режиму. Не случайно вся языковая политика "Третьего рейха" отмечена "проклятием суперлатива": превосходная форма прилагательного - типичная грамматическая форма в речах фашистских лидеров и агитаторов. Слова *gross, welt* ("великий", "мировой") приобретают характер гиперболизирующего префикса. Например - большевики - *Weltfeinde*, встречи фюрера и дуче - *welthistorische Stunden*, всякое новое наступление - *Grossoffensive* [Комарова, 1990:77].

Тоталитарное мышление, пишет Ю.В.Манн, неизбежно закрепляется в языке - в виде пропагандистских кавычек и их эквивалентов ("гуманизм" = так называемый или пресловутый гуманизм), в виде иерархичности, которая пропитывает весь быт ("главная площадь страны", "главная елка", "главный пионерлагерь"), в виде неперемного двоемыслия (у нас - "нравственность", у них - "нравы"), при этом "язык тоталитарного режима предпочитает только две краски - черную и белую, не терпит полутонов, самые разнообразные явления приводит к одному знаменателю, чаще всего - воинского толка ("битвы за урожай", "идеологические диверсанты")", а также в виде речевой компенсации унижений, которым подвергаются люди (повышенная чувствительность к словам типа "последний")¹⁷. 17Ю.Манн. Говорим, как думаем. Заметки о языке, истории и о нас самих. // Известия. - 19 января 1991. Тоталитарный стиль жизни характеризуется тем, что социальный статус человека, во-первых, становится единственным релевантным признаком личности, и, во-вторых,

стремится к схематичному упрощению. Чем проще схема, тем глубже она внедряется в массовое сознание.

Различные типы речевых манипуляций находят применение в пропаганде и в обыденном общении. К числу таких манипуляций как приемов воздействия относятся амфиболия (намеренная двусмысленность, например, ответ дельфийского оракула царю Крезу перед войной с персами: "Если начнешь войну, разрушишь могучее царство"; Крез начал войну и потерпел поражение, разрушив тем самым могучее царство - свое собственное), персонификация (так, в знаменитом высказывании Джона Кеннеди "Не спрашивайте, что может ваша страна сделать для вас, спрашивайте, что можете вы сделать для вашей страны" словом "страна" фактически обозначается "руководство страны"), эквивокация (уклончивый перевод в другую область, например, интеллектуализация эмоций в психотерапии: вместо фразы "Меня раздражает твой крик !" лучше сказать "Зачем кричать ? Цивилизованные люди не кричат"), контрастирование (например, в рекламе: "Вольво - автомобиль для людей, которые мыслят"), подстановка ("Я богат, потому что у меня много денег"), наклеивание ярлыков (сравните: "Этот преступник виновен в убийстве" и "Этот человек обвиняется в совершении тяжкого преступления") и др. [Engel, 1984:22,31,70]. В основе манипуляций лежит интенция понижения статуса либо адресата, либо третьего лица, сравниваемого с адресатом.

Критически анализируя язык средств массовой коммуникации, британский лингвист и политолог П.Чилтон замечает, что "новояз" Дж.Оруэлла поразительно похож на ограниченный код Б.Бернстайна: упрощение, минимум абстракций, отсутствие самообозначения для того, чтобы не возникла мысль о возможной самокритики. Вводится понятие "институциональный голос" (institutional voice), который отстранен от личных характеристик носителя этого голоса и связан с должностью или ролью. Давая определения событиям и людям, институциональный голос приписывает им моральную ценность. Есть две ключевых темы общения в названном определении ценностей, а именно: что представляет угрозу и что составляет безопасность [Chilton, 1988:37-38]. Политики, манипулируя общественным сознанием, часто прибегают к двусмысленным формулировкам, поскольку речь политиков обращена к противоборствующим группам людей. В условиях кризиса ошибочная интерпретация обычной для политика двусмысленности может привести к незапланированным последствиям, поскольку в кризисной обстановке нарушен баланс рационального и иррационального в массовом сознании - в сторону иррационального [Chilton, 1990:203]. Соответственно, происходит редукция четырех способов интенционального воздействия к двум: авторитет замещается силой, а аргументация - манипуляцией. Следующая ступень

редукции состоит в замещении манипуляции силой. В этой связи представляют интерес основные компоненты риторического понятия убеждения, выводимые из "Риторики" Аристотеля - технические способы убеждения: а) этические (связанные с говорящим) - добродетельность, доброжелательность, здравомыслие, б) патетические (связанные со слушающим) - эмоции, типы аудитории, в) логические (связанные с предметом речи) - примеры (индукция), энтимемы (дедукция) и топы (способы аргументации - определение, перечисление, сопоставление, контрастирование и др.) и нетехнические способы убеждения: попытка, клятвы, законы, договоры, свидетели [Kinneavy, 1987:49]. Аргументация как способ убеждения противопоставляется ссылкам на авторитетное лицо или на всеобщее мнение [Gnamus, 1987:103].

В целях направленного воздействия на адресата общественная власть использует в политическом дискурсе различные экспрессивные возможности языка: 1) выбор слов и выражений, референциально одинаковых, но прагматически относящихся к различным мировосприятиям и системам ценностей (так, если убийство называется "трагедией", а не "преступлением", значит с преступников снимается вина), 2) создание новых слов и выражений, например, *luxurious bomb shelter* - "роскошное бомбоубежище", 3) выбор грамматических форм - использование грамматической пассивной конструкции с целью маскировки агенса, 4) выбор последовательностей в характеристике (сравните: "дорогое, хоть и эффективное средство" и "эффективное, хоть и дорогое средство"), 5) использование супрасегментных средств - эмфаза, тон (серьезный, ироничный, безучастный и т.д.), 6) выбор имплицитных оснований (сравните: *Everything is politics - I refuse to discuss it because it is politics* - "Все есть политика" и "Я отказываюсь это обсуждать, потому что это - политика") [Blakar, 1979:147-154]. Сюда же можно отнести стилистически окрашенную комбинаторику слов, например, в газетной статье, посвященной теневой экономике, называются три "основных, стабильно действующих канала черного рынка: несуны, везуны и госторговля" [Трошина, 1990:68]. Слово "госторговля" приобретает отрицательную коннотацию, будучи употреблено в одном понятийном ряду со словами "несуны" и "везуны". К сказанному выше примыкают пять типов дискурсивных стратегий: 1) стратегии установления фона для обсуждаемой проблемы (создание презумпций), 2) стратегии введения (установление темы), эти стратегии могут быть прямыми и косвенными, 3) стратегии разработки темы (обобщение, сужение, морализирование, резюмирование и т.д.), 4) стратегии фокусирования (сужение фокуса), 5) стратегии отвлечения внимания (переключение внимания, придание сообщению иной тональности) [Zamuner, 1981:34].

В терапевтическом воздействии на первый план выступает устранение конфликтов, т.е. противоречий между партнерами по общению. Эти противоречия могут иметь различный характер: двусмысленность, различное понимание природы вещей, различное отношение к достоверности сообщаемого, различная оценка явлений. Выделяются несколько речевых средств терапевтического воздействия, в частности, 1) использование вводных слов и выражений: парантеза-контакт (обращения, согласия, выражения внимания и солидарности, междометия) и парантеза-комментарий (формулировка, членение текста, использование тех или иных выражений), 2) использование средств референции: обобщение ("Руками есть не принято" вместо "Не ешь руками!"), коллективное замещение ("Как мы сегодня себя чувствуем?"), уклонение ("Возникает вопрос" вместо "Я вас спрашиваю"), 3) использование смягчающих частиц ("только", "лишь" и др.), 4) управление тематикой беседы [Cremer, 1989: 63-70]. Стратегии терапевтического воздействия направлены на нейтрализацию статусных различий между участниками общения и создание тональности дружеского общения, атмосферы солидарности, способствующей восстановлению психического равновесия пациента.

Многие характеристики политического и рекламного воздействия совпадают. Так, в коммерческой рекламе выбираются слова с положительной оценкой и вытесняются слова с отрицательной оценкой, либо нейтральные слова. Д. Болинджер приводит список наиболее частотных прилагательных в американских телерекламах - new, better, extra, fresh, clean, beautiful, free, good, great, light [Bolinger, 1980].

Воздействие на человека представляет собой комплексное влияние на его эмоциональную и рациональную сферу, на сферу знания и поведения. Можно выделить три типа воздействия - на культурологическом, социальном и психологическом уровне. Воздействие на культурологическом уровне осуществляется всем контекстом культуры, в котором находится человек, в том числе - системой значений слов в языке. Воздействие на социальном уровне представляет собой влияние на человека как представителя той или иной общности, группы и осуществляется целенаправленным выбором средств воздействия - авторитетом, манипуляциями, аргументацией, силой. Воздействие на психологическом уровне представляет собой личностное, индивидуальное влияние на человека и осуществляется как эмпатия и переход в область личностных смыслов. Типы воздействия не являются рядоположенными, предметом воздействия всегда является личность, речь идет о социально-психологическом воздействии, которое реализуется только в контексте культуры. Выделение типов или аспектов воздействия представляет собой исследовательский прием, целью которого является установление специфики различных

средств воздействия. Прослеживается определенная аналогия между типами воздействия и стилем мышления эпохи. Е.И.Кукушкина моделирует стиль мышления эпохи как четырехуровневое образование, включающее 1) логический строй, ведущие тенденции рационального осмысления действительности, 2) совокупность специфических для каждой эпохи особенностей духовной стилистики (эстетические вкусы, научные идеи и т.д.), 3) совокупность черт стиля, формируемых на основе общественной психологии (ценности, определяющие социальную, этническую, профессиональную дифференциацию общества), 4) стиль мышления индивида, который всегда есть сплав личностного и надличностного [Кукушкина, 1984:124-125]. На наш взгляд, воздействие на социальном уровне соответствует стилю мышления на уровне общественной психологии. Именно на этом уровне актуализируются статусные характеристики человека.

Прагмалингвистика в широком понимании как теория общения предполагает изучение параметров общения. В данном аспекте прагмалингвистика тесно смыкается с социалингвистикой. Прагматические характеристики речи выделены в десяти параметрах коммуникации: 1) виды речи: естественная речь (спонтанная либо подготовленная) и "неестественная" речь (фиктивная, либо вымышленная, либо инсценированная), 2) ситуационные (пространственно-временные) характеристики речи: контактная речь (беседа лицом к лицу) и дистантная речь (беседа по телефону), 3) количественные характеристики партнеров речи: межличностное общение в диаде и в группе (малой и большой группе), 4) степень открытости: приватное, относительно открытое и полностью открытое для других общение, 5) социальные отношения между партнерами общения: симметричные и асимметричные (неравенство обусловлено либо антропологическими, либо социокультурными, либо предметно-ситуативными факторами), 6) жанровые характеристики речи: директив, нарратив, дискурсив, 7) степень знакомства партнеров: близость, дружеское знакомство, поверхностное знакомство, отсутствие знакомства, 8) степень подготовленности партнеров к беседе: неподготовленная, незначительно подготовленная, специально подготовленная беседа, 9) степень определенности темы беседы: отсутствие определенной темы, общее направление темы, специализация темы, 10) отношение между общением и условиями общения: в большей и меньшей мере обусловленное обстоятельствами общения [Henne, Rehbock, 1979:32-33]. Схема Х.Хенне и Х.Ребока уточняется в других исследованиях, в частности, выделяются такие параметры, как число речевых ходов,

меняющих тему беседы (большее или меньшее), способ изменения темы (намеренное либо естественное, исходящее из содержания беседы изменение темы), соотношение между участниками и активными участниками общения (совпадение или несовпадение коммуникативной роли участника и говорящего) [Cremer, 1989:42].

Параметры коммуникации, по мнению Й.Крауса, отражены в трех типах стилеобразующих факторов - объективных, субъективных и внешних. Объективные стилеобразующие факторы связаны с компонентами речевой ситуации и проявляются в следующих показателях стиля: 1) речевая функция как цель общения (поэтический стиль - эстетическая функция, разговорный стиль - фатическая функция, ораторский стиль - функция воздействия и т.д.), 2) форма речи (устная или письменная речь, чтение вслух или про себя и т.д.), 3) степень спонтанности и подготовленности речи, 4) показатели приватности или официальности общения, 5) число и взаиморасположение участников общения, действительных и потенциальных, 6) непрерывность и прерывность речевого акта (диалог или монолог, возможность смены коммуникативных ролей между участниками общения), 7) прямой контакт или опосредованное общение, например, с использованием телефона, микрофона и т.д., 8) отражение обстановки общения в тексте (общение за круглым столом переговоров, на театральной сцене, с трибуны и т.д.). Субъективные стилеобразующие факторы отражают персональные характеристики коммуникантов и проявляются в следующих показателях стиля: 1) социальный статус, роль, пол и возраст коммуникантов, 2) их жизненный опыт, образование, 3) их психологические характеристики, темперамент, способности, языковые и коммуникативные умения, вежливость, 4) авторские интенции и реализация этих интенций в интерпретации адресата, 5) отношение участников общения к теме разговора (серьезное, юмористическое, ироничное, презрительное и т.д.), 6) восприятие коммуникантами мира сквозь призму идеологии (реальный или ожидаемый мир). Внешние стилеобразующие факторы включают, с одной стороны, культурный уровень общества, традицию жанровых форм, социальный, идеологический и культурный аспект общения и, с другой стороны, технические возможности общения (частное письмо, массовая коммуникация, телевизионная передача) [Kraus, 1987:86-87]. Ценность приведенной модели заключается, на наш взгляд, в оригинальной трактовке стандартного социолингвистического понимания ситуации (участники общения + обстоятельства).

К.А.Долинин выделяет четыре группы признаков, с помощью которых можно охарактеризовать как содержание и структуру любого сообщения, так и основные параметры коммуникативной ситуации, определяющие его свойства: 1)

признаки, связанные с адресантом: а) конкретное лицо / группа, б) личность / носитель роли, 2) признаки, связанные с адресатом и характером восприятия сообщения: а) определенная / неопределенная адресованность, б) установка на актуальное / долговременное использование сообщения, в) практическая направленность сообщения / отсутствие такой направленности, г) предписывающий / непредписывающий характер сообщения, 3) признаки, связанные с каналом связи и внешними условиями общения: а) устная / письменная форма реализации, б) диалогичность / монологичность, в) контактность / дистантность общения, г) многоканальность / одноканальность общения, д) одновременность / разновременность отправления и восприятия сообщения, 4) признаки, связанные с самим сообщением: а) конкретность / абстрактность содержания, б) представляющий / аргументативный характер сообщения, в) предметно-пространственный / событийно-темпоральный характер содержания, г) реальность / фиктивность референтного пространства, д) отсутствие / наличие фиксированной тематики и жесткой схемы построения, е) отсутствие / наличие внутренней содержательной структуры, ж) незаданность / заданность по объему, з) спонтанность / неспонтанность порождения, и) эмоциональность / неэмоциональность сообщения, к) фигуративность / нефигуративность сообщения [Долинин, 1989:25-26].

С иных позиций определяются параметры речи, выделяемые по признаку "официальная/ разговорная речь" (Таблица 7).

Таблица 7.

Параметры официальной и разговорной речи

Определяющий фактор	Официальная речь	Разговорная речь
1) форма речи	преимущественно письменная	почти исключительно устная
2) партнер	а) неопределенный (читатель), б) определенный (в официальной беседе)	конкретный
3) круг носителей	ограниченный	неограниченный
4) отношения собеседников	часто нивелированы, усреднены	дифференцированы
5) субъективность	необязательная	ярко выраженная
6) подготовленность речи	достаточная	минимальная
7) реакция слушателя	не решающая	решающая
8) сфера применения	официальная	неофициальная
9) этикетная скованность	сильная	слабая
10) тематика	преимущественно	преимущественно

11) логическая стройность	небытовая обязательная	бытовая нарушаемая
12) степень отвлеченности и обобщения	сильная	слабая
13) ситуативная зависимость	чаще слабая	чаще сильная
14) паралингвистические факторы	ничтожны	значительны
15) структурная завершенность	максимальная	необязательная
16) выраженность	полная	частичная
17) импульс развития	искусственный, преднамеренный	стихийный

[Девкин, 1979: 11]

Прагматика общения в значительной мере определяется спецификой жанра: существуют жанровые каноны, допускающие ту или иную степень вариативности, но выход за рамки таких канонов сводит общение на нет. "Некоторые люди, великолепно владеющие языком, чувствуют себя беспомощными в некоторых сферах общения именно потому, что не владеют практически жанровыми формами данных сфер" [Бахтин, 1986: 273]. Владение речевым жанром есть одна из статусных характеристик личности, поскольку речевой жанр представляет собой (с точки зрения социолингвистики) ситуативный стандарт. Попадая в стандартные условия общения, люди вырабатывают оптимальные для этих условий способы общения. В речевом жанре неизбежно отражается статус участников общения. В этом смысле жанр зависит от людей, вовлеченных в ситуацию общения. Но вместе с тем участники общения непременно включаются в выработанные обществом каноны общения применительно к определенным ситуациям, и в этом смысле люди оказываются зависимыми от жанра. Таким образом, речевой жанр содержит, как минимум, два различных признака социального статуса человека: признак исходного статуса человека (пол, возраст, образование, доминирующая либо подчиненная позиция и т.д.) и признак жанровой компетенции, несомненно связанный с исходным статусным признаком, но в то же время имеющий свою специфику. Наряду с речевыми жанрами в лингвистике выделяются языковые жанры, трактуемые, в частности, как ситуационно-тематические группы (применительно к разговорной речи это - диалог, монолог, полилог, рассказ и городские стереотипы) [Капанадзе, 1988: 230]. В качестве критериев выделения таких языковых жанров выступают цель коммуникации, количество партнеров и психологическая установка речи. Языковой жанр - это стилистическая редакция текста.

По признакам "устный / письменный", "монологичный / немонологичный", "спонтанный / неспонтанный" Б.Зандиг выделяет восемь типов текстов (Таблица 8).

Таблица 8.

Характеристики производства текстов

Типы текстов	Признаки производства текстов		
	устный/ письменный (+/-)	монологи- чный/ не- монологи- чный (+/-)	спонтан- ный/ под- готовлен- ный (+/-)
говорение с самим собой	+	+	+
лекция, публичная речь, передача "Последние известия", проповедь	+	+	-
непринужденная беседа, разговор по телефону	+	-	+
научная дискуссия	+	-	-
дружеское письмо, запись в дневнике	-	+	+
официальное письмо, научный текст, кулинарный рецепт, газетное объявление	-	+	-
дружеская переписка, запись дискуссии (необработанная)	-	-	+
запись дискуссии (обработанная), официальная переписка	-	-	-

[Цит. по: Трошина, 1984:22].

Подход к выделению прагматических признаков со стороны диалогического текста представлен в работе А.К.Соловьевой, положившей в основу выделения типов диалога набор различных параметров: преобладающая экспрессивная окрашенность либо логическая упорядоченность, монологичность либо диалогичность реплик, прерывание либо подхватывание мыслей собеседника и др. Комбинаторика этих параметров позволяет выделить диалог-спор, диалог-объяснение, диалог-ссору и

диалог-унисон [Соловьева, 1965:110]. По признаку цели (информирование, координация поведения, воздействие) диалоги разбиваются на три типа: комплементарные, координативные и компетивные [Franke, 1987:87].

Параметры коммуникации разнородны. В самом общем плане можно противопоставить признаки текста и признаки ситуации, т.е. можно охарактеризовать текст, отталкиваясь от ситуации общения, и можно охарактеризовать ситуацию общения, отталкиваясь от текста. И в том, и в другом случае признак социального статуса человека получит освещение. Прагмалингвистический подход дополняет социолингвистический подход в том плане, что прагмалингвистика отталкивается в первую очередь от текста, а социолингвистика исходит из анализа условий общения как исходного момента исследования. Отметим, что при сравнении прагмалингвистического и лингвосемантического анализа соотношение изменится, поскольку прагмалингвистика занимает промежуточное положение между социолингвистикой и лингвистической семантикой: социолингвистика (прагмалингвистика (лингвосемантика)).

Статусный признак по природе своей есть величина социолингвистическая, стратификационная, и поэтому данный признак преломляется в различных ситуативных характеристиках речи. Эти характеристики неравноценны в плане экспликации статусного признака. К первичным статусным признакам относятся характеристики говорящего и адресата, ко вторичным - все остальные ситуативные признаки.

Характеристики речевой ситуации моделируются в исследованиях, посвященных изучению модуса. Существует определенное сходство между прагматическим и модусным значением. Разграничивая диктум и модус, т.е. представление и отношение мыслящего человека к представлению, Ш.Балли в соответствии с традицией логического анализа противопоставил языковой коррелят суждения (пропозицию Р) и языковой коррелят модальной квалификации суждения (модус М): "Я думаю (М), что этот человек невиновен (Р)" [Балли, 1955:44-46]. При этом Ш.Балли подчеркивал, что модус и диктум взаимообусловлены и взаимодополнительны. Речь идет о модусе и диктуме высказывания. Дальнейшее развитие концепции модуса и диктума оказалось весьма плодотворным. Были выделены различные компоненты модуса, которые в общем виде сводятся к формуле $M_1(M_2(M_3(P)))$, например, цель сообщения (степень информированности собеседника (обозначение позиции говорящего (факт))). Число, последовательность и характер компонентов модуса являются предметом дискуссии. Приведенная формула именуется модальной рамкой. Диктальное содержание (пропозиция, факт, дескриптивный, асертивный, утвердительный компонент

значения) как бы заключается в скобки, а различные модусные (неассертивные, квалификативные) компоненты выносятся за скобки.

Типы модуса детально разработаны В.Г.Гаком, который выделяет шесть компонентов речевого акта: 1) говорящий, 2) адресат речи, 3) исходный материал высказывания (пресуппозиция), 4) цель сообщения, 5) развитие, внутренняя организация речевого акта, 6) контекст и ситуация общения. Каждый из компонентов в свою очередь имеет сложную природу. Специфическое положение говорящего обозначается следующими категориями: а) локализация по оси "Я - здесь - теперь", б) модальность объективная и субъективная, в) оценка, г) эмотивность, д) степень заинтересованности говорящего в сообщаемом или дистантность. На адресата сориентированы категории: а) информативность (тема и рема, средства выделения), б) экспрессивность, в) прозрачность или ясность, г) социальный аспект общения (вежливость, стиль и др.). Пресуппозиции включают знания о мире, об обстоятельствах ситуации и о языке. Цель сообщения конкретизируется в виде коммуникативной установки (сообщение, вопрос, побуждение) и типа речевого акта, который может быть констатирующим, перформативным, контактоустанавливающим и эмоционально-оценочным. Течение речевого акта отражено в специальных словах, обозначающих начало, продолжение и прекращение, а также внутреннее членение речи. И, наконец, связь с другими высказываниями осуществляется при помощи различных анафорических и связующих средств (местоимения, артикли, союзы, частицы и др.) [Гак, 1982:12-13].

Весьма интересная концепция модуса в теории семантического синтаксиса разработана Т.В.Шмелевой, которая устанавливает следующие характеристики выражения модуса: 1) тенденция к имплицитности, т.е. вербальной невыраженности, 2) эксплицитная расплывчатость, выражение модуса неоднородным кругом языковых средств, 3) комплексность модусных показателей, которые выражают сразу несколько модусных значений. Неоднородность модуса выражается в неоднородности его категорий. Выделяются метакатегории, актуализационные, квалификативные и социальные категории модуса. Метакатегории модуса включают смыслы говорения, называния, коммуникативного намерения, мотива и цели речевого действия, речевого жанра, выполнения правил речевого поведения. Актуализационные категории - это лицо, грамматическая модальность, время и пространство. Кваликативные категории модуса - авторизация и персуазивность - характеризуют источник информации и субъективную оценку достоверности информации. Сюда же относится оценочность - выражение авторского позитивного или негативного отношения к диктумному содержанию.

Социальные категории модуса выражают степень официальности или фамильярности, уважительности или пренебрежения, деликатности или категоричности [Шмелева, 1988:28-41].

И.П.Сусов моделирует прагматическую структуру высказывания как восьмичленное образование: "Я - сообщаю - тебе - в данном месте - в данное время - посредством данного высказывания - о данном предмете - в силу такого-то мотива и причины - с такой-то целью и намерением - при наличии таких-то предпосылок и условий - таким-то способом - в рамках таких-то социально-ролевых и межличностных отношений". Компоненты "сообщаю" и "о предмете" являются семантическими, все остальные компоненты относятся к прагматике. Интенциональный компонент включает цель, намерение, мотив, причину высказывания. Ориентационный компонент характеризует пространственно-временной и социальный континуум. Пресуппозиционный компонент раскрывает предпосылки и условия общения. Кооперативный компонент - это способы высказывания в соответствии с правилами общения. Оценочно-экспрессивный и функционально-стилистический компоненты относятся к выбору языковых средств со стороны говорящего в зависимости от ситуации общения. Модальный и коммуникативно-информационный компоненты определяют связь прагматической и семантической структур [Сусов, 1986:9-11].

Приведенные типы и виды модуса образуют категориальную систему коммуникативной грамматики. Некоторые категории коммуникативной грамматики в известной мере совпадают с категориями традиционной формальной грамматики (модальность, персональность, определенность / неопределенность и др.), но такое совпадение носит поверхностный характер, так как принципиально различаются теоретические модели. Другие категории модуса рассматривались раньше в стилистике (экспрессивность, социальный аспект общения). Третьи категории развивались в относительно изолированных теориях - актуального членения предложения, речевых актов, оценочных структур, эмотивности. Прагмалингвистика явилась интегральным научным направлением, в котором синтезировались достижения теории речевой деятельности, коммуникативной грамматики, теории речевых актов. Категории прагмалингвистики находятся в состоянии разработки, они взаимопересекаются и получают различное толкование в работах исследователей. В прагмалингвистике по-новому освещаются категории риторики: изобретение содержания речи (*inventio*), расположение материала (*dispositio*), словесное выражение (*elocutio*), запоминание (*memoria*), произнесение (*actio*). Отмечено, что риторика ориентируется на перлокутивный эффект убеждения, тогда как интересы прагматики сосредоточены на иллокутивных функциях самого различного типа - просьба, приказ,

извинение и др. "Прагмалингвистика шире риторики в той части, которая касается речевых актов и правил речевого взаимодействия, и уже риторики в той сфере, которая относится к средствам воздействия в целях убеждения" [Богданов, 1988:13].

К числу важнейших понятий прагмалингвистики относятся категории участников общения. Представляет большой интерес выделение типов адресатов: 1) собственно адресат, которому предназначено высказывание, 2) квазиадресат (предмет или воображаемое лицо, к которому обращена речь), 3) адресат-ретранслятор, который должен передать информацию действительному адресату, 4) косвенный адресат, слушатель, присутствующий при акте коммуникации [Г.Г.Почепцов, 1986:11-15]. Типология участников общения строится по различным признакам. Во-первых, коммуниканты противопоставляются по признаку степени активности (наиболее активная роль - у говорящего): говорящий - адресат - косвенный адресат или молчаливый участник, третье лицо. Это противопоставление отражено в грамматике как дифференциация первого, второго и третьего лица. С учетом включенности любого общения в систему социальных норм предлагается также считать "третьим собеседником" в диалоге "стандартные для данного сообщества установки, регулятивы и эталоны" [Гусев, 1990:77], т.е. общественное мнение. Во-вторых, косвенные адресаты могут быть выделены по признаку степени включения, т.е. могут быть актуальными (изначально включенными в круг общения) и случайными; случайные участники общения подразделяются на "зевак" и "подслушивающих" [Clark, 1987]. В-третьих, адресат выделяется по признаку степени известности говорящему. Чем менее известен адресат, тем более вероятно общение в строгих статусно определенных рамках представительства. В-четвертых, адресат выделяется по признаку речевого жанра. В рамках художественного текста противопоставляются адресат-критик и адресат-эмпатик (различие состоит в способности и готовности эмоционально воспринимать мир автора, быть сторонним наблюдателем либо вживаться в авторское "Я") [Мышкина, 1991:96]. Типология адресата художественного текста строится на основе коммуникативно-текстовых, социально-типологических и индивидуально-личностных параметров [Воробьева, 1989:41]. В-пятых, адресат выделяется по признаку величины или числа (общение один на один, в малой группе, в большой группе, массовая коммуникация). В-шестых, адресат выделяется по признаку опосредованности (адресат-ретранслятор). В комбинации с вектором социального статуса возможны два типа ретрансляторов: ретрансляторы, выражающие волю и мнение вышестоящих, и ретрансляторы, выступающие в качестве представителей нижестоящих. Служители культа объединяют в себе оба статусных вектора. В-седьмых, адресат выделяется по признаку рефлексивности

(разговор с самим собой или как бы с самим собой; говоря как бы с самим собой, адресант обращается к косвенному адресату). Сюда же, на наш взгляд, относятся случаи контролируемой "утечки информации". В-осьмых, реальным адресатам могут быть противопоставлены вымышленные и олицетворенные адресаты, а также удвоенные адресаты (например, актеры, играющие ту или иную роль на сцене).

В случае целенаправленного воздействия учитываются типы адресатов по признаку их общественного веса. В массовой коммуникации выделяются три группы слушателей или зрителей: 1) "неграмотные", умеющие читать и писать, но не принимающие активного участия в общественной жизни, некритические, настроенные на развлечение, обычно относящиеся к менее состоятельным слоям населения и составляющие в США около 60 % всей потенциальной аудитории, 2) "прагматики", наиболее активная часть населения, участвующая в общественной жизни. Эти люди работают в общественных организациях, активно читают, смотрят телевидение, слушают радио, характеризуются честолюбием, относятся к среднему классу, для них очень важен социальный статус, именно к ним в первую очередь обращена реклама, они составляют в США 30 % потенциальной аудитории; "прагматики" сближаются с "неграмотными" в том, что и тех, и других не очень интересуют абстрактные идеи, 3) "интеллектуалы", которых интересуют в первую очередь философские, эстетические, научные проблемы. Это представители интеллектуальной элиты, не очень общительные, весьма критично настроенные люди, антидемократичные (презирающие массу) по своей базисной ориентации, хотя они в этом и не признаются; к средствам массовой информации относятся с пренебрежением и составляют в США около 10 % потенциальной аудитории [Merrill, Lowenstein, 1971:125-130]. В ином ключе адресаты массового воздействия подразделяются на "общую публику", "внимательную публику" и политическую элиту [Davison, 1965].

Направленность на адресата является важнейшей характеристикой говорящего, поэтому типы адресатов при всем их многообразии соотносимы с типами говорящих. Это наиболее четко выражено в том случае, когда говорящий является автором художественного, публицистического, философского или научного текста. Так, например, позиция говорящего раскрывается в следующей сентенции: One of the vices of democracy is that it tolerates mediocrity - "Один из пороков демократии заключается в том, что она терпима к посредственности". Логика автора, по-видимому, такова: 1) демократия считается социальной ценностью, 2) демократия имеет свои недостатки, в частности, терпимость к посредственности, 3) терпимость к посредственности заслуживает осуждения, 4) ценность демократии сомнительна.

Автор явно не относит себя к посредственности – в основе приведенной сентенции лежит оправдание статусного неравенства людей. Адресатом подобной сентенции должен стать, вероятно, представитель интеллектуальной элиты.

Прагматический подход к изучению явлений, традиционно рассматриваемых в семантике или синтаксисе, позволяет выявить новые существенные характеристики соответствующих явлений. Так, в грамматике различаются общие и специальные вопросы, при этом в английском языке общие вопросы делятся на собственно общие, альтернативные и присоединенные [Г.Г.Почепцов, 1981:180]. По признаку запроса информации вопросы делятся на информативные и риторические. Между информативными и риторическими вопросами существует градуальное пространство, заполняемое модальными, эмоционально-оценочными и отрицательными компонентами, например: "Ты себе желаешь зла?" – "Ты ведь не желаешь себе зла?" – "Разве ты желаешь себе зла?" На принципиально иной основе подразделяются вопросы к модальной (модусной) и диктальной части высказывания: "Думаю, что сегодня он уже не придет." – Вопросы к модальной части высказывания: "Почему ты в этом уверен? Почему ты говоришь об этом сейчас? Ты на самом деле так считаешь?" Вопросы к диктальной части высказывания: "А когда же он придет? Не случилось ли чего? Может быть, все же подождем?" [Арутюнова, 1970:45]. С коммуникативной точки зрения выделяются верификативные, апеллятивные, переспрашивающие, уточняющие, эксплицирующие и идентифицирующие вопросы [Чахоян, 1979:80-87]. В содержательном отношении с ориентацией на модальную часть высказывания можно выделить вопросы уточнения, возражения, недоумения и т.д. Прагматическая теория вопроса построена Э.Гуди, в исследовании которой в качестве концептуальной модели вопроса используется пересечение двух осей: информационность – риторичность и уважение – контроль. Различные виды вопросов занимают определенное место в пространстве, образуемом пересечением названных осей (Схема 7).

Схема 7.

Прагматические типы вопросов

информационные вопросы	
вопросы к божеству	вопросы- загадки
вопросы заин- тересованности	экзаменацион- ные вопросы
вежливые вопросы	вопросы на допросе
вежливые	судебно-риту-

просьбы	альные вопросы
приказы в виде вопросов	воспитательные вопросы
шутливые вопросы-вызовы	вопросы-приветствия
риторические вопросы	

[Goody, 1978:27].

Ось "уважение - контроль" (по горизонтали) выражает статусные отношения. Не случайно к полку контроля примыкают институциональные типы вопросов: вопросы на экзамене и в суде. Право задавать такие вопросы принадлежит лицам с закрепленным общественным статусом вышестоящего по отношению к нижестоящему (преподаватель - студент, судебный чиновник или представитель власти - ответчик или пленный). Вопросы-загадки также являются разновидностью контроля, поскольку предполагается, что спрашивающему известен ответ. В этой связи следует отметить, что метод сократической беседы, подведения ученика к выводу посредством серии вопросов, психологически не является безупречным: ученик постоянно чувствует себя в состоянии лишенного инициативы, связанного, и, следовательно, унижаемого. Вероятно, Сократ понимал, что враждебное отношение к нему со стороны некоторых сограждан отчасти имело объективные основания. У афроамериканцев вопросы взрослых к детям ассоциируются главным образом с воспитательно-нормативными целями. Чернокожие ребята воспринимают вопросы со стороны взрослых (обычно в семье) как знак того, что взрослые заметили какие-то нарушения в поведении детей и собираются наказать этих детей [Gay, Abrahams, 1973:333]. Вопросы, выражающие интерес к собеседнику, являются, по сути дела, знаками доброго расположения, "поглаживаниями", в терминологии Э.Берна. Классическим примером восьмифазового ритуала встречи хорошо знакомых американцев в неформальной ситуации является следующий диалог:

A: Hi !

B: Hi !

A: Warm enough for ya ?

B: Sure is. Looks like rain, though.

A: Well, take care yourself.

B: I'll be seeing you.

A: So long.

B: So long. [Berne, 1980:34-35].

Вопрос, выражающий интерес к собеседнику, тематически оформлен в виде вопроса о погоде. Беседа о погоде играет роль фатической коммуникации, и не случайно обмен репликами на тему погоды ограничен двумя ходами. В этом диалоге представлены три фазы: начало, окончание и в промежутке - выражение доброго расположения к партнеру, сначала в виде беседы о погоде, а затем - в виде обмена знаками внимания

(в диалектном произношении): "Ну, давай, смотри." - "Я загляну к тебе." В первом случае выражается симпатия как забота о товарище, во втором случае - симпатия как желание продолжить общение. Такой диалог характеризуется нейтрализацией статусных различий участников общения.

Вежливые вопросы и вежливые просьбы представляют собой один из способов снижения категоричности высказывания. Снижение категоричности непосредственно связано с увеличением дистанции между участниками общения, а увеличение дистанции есть актуализация статусных различий. Снижение категоричности высказываний осуществляется при помощи различных модальных слов со значением предположения, модальной предикатной группы ("я думаю/ я боюсь/ я надеюсь, что"), модальных глаголов, вводных элементов, форм сослагательного наклонения, придаточных условия ("Если я не ошибаюсь / Если я Вас правильно понял"), утвердительных предложений в функции вопроса [Старикова, 1985:72-77], различных способов приблизительной номинации [Сахно, 1983:31], эвфемизмов и вопросительных предложений с модально-отрицательными компонентами.

Прагматическая информация выражается грамматически и лексически. В лингвистической литературе выделены типы прагматических значений, закрепленных в языковых единицах: общая оценка, оценка по параметрам количества, желательности / нежелательности, истинности, иллокутивной функции и статусных отношений [Апресян, 1988:10-14].

Подведем некоторые итоги.

Важнейшей характеристикой прагматического значения является позиция говорящего по отношению к адресату, социально-ситуативный статус человека. В различных лингвистических моделях прагматического значения отмечены такие его характеристики, как ситуативная обусловленность, адресативность, субъективность, сложная и очень подвижная структура, неразрывная связь с невербальным смыслом, тенденция к имплицитному выражению и вытекающая отсюда необходимость особого толкования прагматического значения.

Категории прагмалингвистики весьма разнородны. Социальный статус участников общения находит выражение, специфически преломляясь, в принципах и сферах общения, в речевых актах и речевых жанрах, в способах воздействия и прагматических значениях языковых единиц, в типах адресатов и в модусе высказывания. Отношения предмета нашего изучения с другими категориями прагмалингвистики показаны на схеме 8.

Схема 8.

Социальный статус человека в системе прагмалингвистических категорий

Принципы

Участники общения

Сферы

общения	(говорящий - адре- сат - третье лицо)	общения
Речевые акты	Социальный статус участников общения	Речевые жанры
Способы воз- действия	Модус высказывания	Прагмати- ческие значения языковых единиц

Социальный статус участников общения является одной из характеристик участников общения, непосредственно связан с речевым актом и речевым жанром и проявляется в модусе высказывания. Речевые акты обусловлены принципами общения и непосредственно связаны со способами воздействия (связь иллокуции и перлокуции). Речевые жанры обусловлены сферами общения и диктуют выбор языковых единиц. Категории принципов, участников и сфер общения относятся к числу факторов общения, категории речевых актов и речевых жанров - к числу типов общения, категории способов воздействия, модуса высказывания и значений языковых единиц - к числу средств общения. Социальный статус человека является специфической факторной категорией прагмалингвистики.

2.2. СТРУКТУРА СТАТУСНО-МАРКИРОВАННОЙ СИТУАЦИИ

Моделирование структуры статусных отношений представляет собой конкретизацию понятия социального статуса человека. В данной работе выделяются следующие компоненты статусно-маркированной ситуации: 1) партнеры коммуникации, 2) статусные векторы партнеров, 3) мотивация статусных векторов, 4) динамика статусных отношений, 5) статусно-связанные и статусно-нейтральные обстоятельства.

Статусные отношения выводятся из статусно-маркированной или статусно-мотивирующей ситуации, т.е. такой ситуации, когда взаимодействие участников общения обусловлено связывающим их неравенством. Противопоставляется ситуативное и социальное неравенство участников общения. Примерами ситуативного неравенства являются ситуации, когда один человек просит прощения у другого, ведет себя невежливо по отношению к другим людям либо хамит им. Ситуативное неравенство часто совпадает с закрепленным социальным неравенством. Например, судья

приговаривает полсудимого к наказанию, полномочные представители церкви причисляют подвижника к лику святых, хозяин увольняет работников. В то же время ситуация социального неравенства может накладываться на ситуативное равенство участников общения. Например, министр беседует с подчиненным, командир благодарит солдат за службу, заключенный дает взятку охраннику. Остальные ситуации являются статусно-нейтральными. Типы ситуаций взаимоотношений коммуникантов с точки зрения социального статуса человека показаны на схеме 9.

Схема 9.

Ситуации взаимоотношений коммуникантов

Коммуникативные ситуации

статусно-маркированные		статусно-нейтральные	
ситуации	ситуации	ситуации	ситуации
социального	социально-	ситуативного	ситуативного
неравенства	ситуативного	неравенства	неравенства
	неравенства		

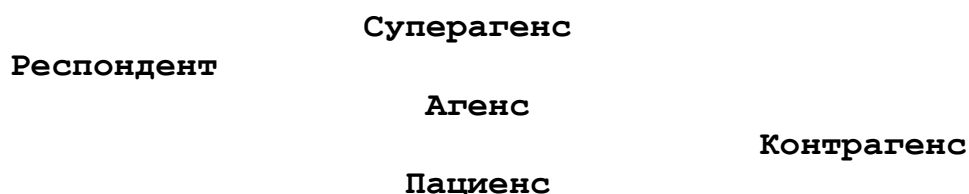
Примером иного подхода к классификации социальных ситуаций является модель Е.Ф.Тарасова. В этой модели социальные ситуации противопоставляются а) по признаку определенности ролевой структуры: нормативные - ненормативные (роли коммуникантов определены, иерархически организованы и разыгрываются в официальных структурах общества либо роли не определены, не организованы и не относятся к официальным структурам), б) по признаку соблюдения социальных (этических) норм: санкционируемые - несанкционируемые, в) по признаку частотности, типичности для данного общества: стандартные - нестандартные. Например, отношение "врач - пациент" является (для носителей русского языка и современной речевой культуры) нормативным, санкционированным, стандартным [Тарасов, 1974:272].

Партнеры коммуникации обобщенно моделируются при помощи категорий падежной грамматики [Филлмор, 1981]. Главным партнером статусно-маркированной ситуации является агенс, действие которого направлено на других одушевленных участников ситуации. Основной характеристикой партнеров статусной ситуации является степень их свободы по отношению к агенсу. Если агенс А награждает Б или конфискует у Б имущество, то Б по отношению к А выступает как пациенс, одушевленный предмет целенаправленных усилий А. Иное соотношение статусов наблюдается в ситуациях разрешения и запрета. Степень свободы второго партнера В такой ситуации является более высокой по сравнению с соответствующей характеристикой пациенса Б. Такой партнер В выступает в

качестве контрагенса. Если же второй партнер в статусной ситуации обладает равной или большей степенью свободы, чем агент (например, в ситуации просьбы), то мы выделяем роль респондента Г. В некоторых статусных ситуациях выделяется роль суперагенса Д, от имени и по поручению которого агент выполняет то или иное действие по отношению ко второму партнеру - пациенту, контрагенту или респонденту. Частным случаем статусной триады является ситуация, включающая адресата-ретранслятора, увеличивающего разрыв в статусе между источником и конечным получателем информации: жрецы возвещают народу волю божества, комментаторы развивают идеи директивных органов. Отношения между партнерами статусно-маркированной ситуации показаны на схеме 10.

Схема 10.

Партнеры статусно-маркированной ситуации

Отношения между суперагентом и агентом, агентом и пациентом выступают как жесткие поведенческие нормы. Сравните: (1) "Приказываю Вам молчать !" - "А кто Вы такой, чтобы мне приказывать ?" и (2) "По поручению моего правительства объявляю о денонсации договора между нашими государствами." - * "А имеет ли Ваше правительство такие полномочия ?" Приказ (1) может быть оспорен, хотя за этим последует наказание. Приказ отдается контрагенту, т.е. партнеру, имеющему некоторую свободу действия. Посол, сообщая о прекращении действия договора от имени своего правительства (2), не в праве оспорить или сомневаться в правомочности решения суперагента. Единственное, что может себе позволить такой адресат-ретранслятор, это - выразить свое личное отношение к соответствующему государственному акту, сожаление или непонимание мотивов своего руководства. Заметим, что в случае разрешения, запрета, приказа, просьбы, т.е. отношений между агентом и контрагентом, агентом и респондентом, выражение дополнительной личной оценки представляется сомнительным: "Я запрещаю Вам пользоваться моими материалами, хотя и не одобряю этого запрета." Волеизъявление пациента не существенно для статусной ситуации. Важен результат: человека наградили, лишили привилегий, оправдали. Позиция контрагента и респондента не результативна и не самодостаточна: *ему приказали, *ему разрешили, *его попросили. Мы не говорим здесь о ситуативном эллипсисе.

Наблюдается определенное расхождение между актантами по линии "агнс - респондент": "Пленных допрашивали в штабе" и "Кафедра ходатайствует перед ректоратом о направлении И.В.Петровой в аспирантуру". Респондент-допрашиваемый ниже по ситуативному статусу, чем агнс, ведущий допрос. Вместе с тем данный агнс зависит от респондента, так как нуждается в его показаниях. Респондент-ректорат выше по статусу, чем агнс, который обращается с ходатайством. Позиции контрагенса и респондента иногда сближаются, например, в случае совета: "Врач посоветовал мне изменить режим дня." В ситуации "врач - пациент" врач по статусу выше пациента, пациент обращается к врачу с просьбой и получает рекомендации, т.е. между позициями респондента и контрагенса прослеживаются деривативные отношения. Выделенные нами типы партнеров статусной ситуации условны и требуют дальнейших уточнений. В этой связи обратим внимание на каузативное значение типа "заставить": "Его заставили подписать письмо". Пациент, которого награждают или свергают с престола, как бы лишен своего волеизъявления. Контрагнс, которому предписано то или иное действие, сохраняет право поступать так, как приказано, или нарушить приказ. Актант, которого заставляют что-либо сделать, приближается к пациенту с точки зрения результата действия, но имеет сходство с контрагнсом в силу наличия волеизъявления.

Отношения между партнерами в статусно-маркированной ситуации осложняются, если агнс получает модальную или оценочную квалификацию, например, в случае снисходительного или деспотического поведения.

Статусный вектор может быть нисходящим и восходящим. Изучение семантики социального статуса человека позволило нам определить основные типы партнеров в ситуации с маркированным статусом с точки зрения их номинативного выделения. Методика работы состояла в том, что по результатам сплошной выборки глаголов из толковых словарей английского языка были выделены те единицы, в дефинициях которых был ограничен круг актантов. Например, разжаловать или перевести офицера из строя в штаб может только военное руководство, вынести приговор или оправдать - судьи, экзаменовывать и отчислять из колледжа - профессора и преподаватели. Нисходящий вектор преобладает в значении слов с признаком социального статуса человека (79,5 %). На наш взгляд, этот факт объясняется несколькими причинами. Во-первых, отношения неравенства выражаются прежде всего как подчинение, воздействие либо возможность воздействия. Известно, что носитель активного начала получает преимущественное право наименования. Во-вторых, значение нисходящего статусного вектора выводится из конкретной семантики глаголов типа "казнить". Статусный признак

является компонентом значения таких глаголов. Количество глаголов с компонентным выражением признака значительно превышает число глаголов, специализированно выражающих признак статуса человека. В-третьих, меньшее число единиц восходящего статуса объясняется вторичностью, производностью этого вектора по отношению к нисходящему вектору. Некто ведет себя с послушанием по отношению к другому лицу, поскольку соответствующее лицо имеет право на руководство или пользуется авторитетом. Вторичное значение номинируется реже.

Статусный вектор субъекта может ставиться под сомнение. Субъект, который имеет право вести себя определенным образом, противопоставляется субъекту, который считает, что имеет право на особый статусный ранг. Единицы первого типа обозначают действия, например: назначать, руководить, повышать в звании. Единицы второго типа обозначают описания действий: претендовать, снисходить, позволять себе. Единицы первого типа выступают в речи в качестве перформативных и описательных глаголов, единицы второго типа перформативами быть не могут. Реальный статус лица не оспаривается, претендуемый статус ставится под сомнение. Например: Edmund: "Sir, I thought it fit to send the old and miserable king to some retention and appointed guard." ... Albany: "Sir, by your patience, I hold you but a subject of this war, not as a brother." (W.Shakespeare). В приведенном отрывке из трагедии В.Шекспира "Король Лир" Эдмунд, полководец Реганы, герцогини Корнуэльской, сообщает герцогу Альбанскому о том, что старый король Лир арестован. Герцог Альбанский говорит Эдмунду, что считает его подчиненным, а не братом, т.е. не равным себе. Арестовать короля могли только руководители страны, поделенной между двумя дочерьями короля Лира, женами герцогов Корнуэльского и Альбанского. Тем самым герцог Альбанский показывает, что Эдмунд не имел права брать под стражу короля.

Мотивация статусных векторов основывается на знании ситуативной обусловленности и социального устройства. Сущность статусной мотивации состоит в зависимости одного партнера от другого. Взаимосвязь неравноправных партнеров распространяется на достаточно большой и в то же время конечный список ситуаций, который можно разбить на следующие группы статусно-маркированных актов: 1) юридические и церемониальные акты, 2) акты морального воздействия, 3) акты руководства, подчинения и изменения подчинения, 4) акты поведения, получающие внешнюю оценку. Данные четыре группы статусно-маркированных актов выделяются на основе признаков официальности, динамики, конкретности, имманентности.

По признаку официальности противопоставляются юридические и моральные / эмоционально-волевые акты

(отречься от престола, арестовать, присудить степень - извинить, отшлепать, отругать). По признаку динамики выделяются дискретные акты поведения и менее дискретные акты руководства (разжаловать, поклониться, уволить - поработить, инструктировать, контролировать). По признаку конкретности сравниваются фрагменты действия и действия в целом (разрешить, заставить, осмелиться - потворствовать, национализировать, заключить в тюрьму). По признаку имманентности разграничиваются действия, не получающие и получающие внешнюю оценку (запретить, назначить, судить - раболепствовать, снизить, претендовать).

Группа юридических и церемониальных актов наиболее четко очерчена в ряду статусно-маркированных действий. Слова, обозначающие соответствующие акты, тяготеют к терминологизации. Например: *accredit* - to send abroad as an official representing the government (LDCE); *disfranchise* - to take away the rights of citizenship, esp. the right to vote from (LDCE). Послать официального представителя правительства за рубеж или лишить кого-либо гражданского права голосования - это прерогатива руководства страны. Юридические акты имеют ряд формальных особенностей, объясняемых часто соблюдением традиции. Формализация юридических актов обусловлена стремлением выделить их значимость. При этом детали соответствующих актов приобретают смыслоразличительный характер. Если, например, в коммюнике по итогам переговоров подчеркивается их откровенный характер без указания плодотворности, то имеются основания сделать вывод о расхождении позиций сторон.

Значимость церемониальных актов выражается номинационно: *inaugurate* - to introduce (someone important) into a new place or job by holding a special ceremony (LDCE); *admit* (person, esp. President of U.S.) to office etc. with ceremony (COD). Акт торжественного приведения президента США к исполнению служебных обязанностей - инаугурация - выделен в словаре как особое явление в жизни американцев.

По своей тематике юридические и церемониальные акты распадаются на акты государственных должностных лиц, дипломатические, судебные, ритуально-военные, религиозные, образовательные, спортивные. Эти сферы общественной жизни весьма значимы для англоязычного социума. Перечисленные церемониальные акты включают 1) неравноправных участников, в том числе активных участников - партнеров и пассивных участников - зрителей, 2) определенную последовательность действий, имеющих двойной план содержания - обыденное и сакральное значение, 3) качественное изменение статусов партнеров церемонии (некто становится президентом,

удостаивается титула, лишается гражданских прав и имущества и т.д.).

Мы говорим о статусном векторе юридических актов и в том случае, когда агент будто бы и не имеет партнеров. Например, король отрекается от трона. Но сама ситуация отречения предполагает, что существует некто, занимающий высший пост в стране, и окружение этого человека. Роль короля, как известно, создается отношением подданных. Двойной план содержания церемониального действия объясняется общей характеристикой любого поведенческого акта: поведенческий акт есть дополнительная характеристика какого-либо действия, выступающего в качестве материального носителя соответствующего акта. Так, выпускники престижных частных школ и колледжей в Англии безошибочно определяют друг друга по некоторым особенностям произношения. Сначала поведенческий акт является дополнительной характеристикой своего субстрата. По мере ритуализации первичное значение исходного материального или конкретно-бытового акта как бы выветривается. Усиливается символическая сторона церемониального акта. Свидетель в суде отвечает на протокольные, казалось бы, бессмысленные вопросы председательствующего, взрослые люди стоят смиренно перед отрезком цветной материи на древке, отдавая честь знамени, британская королева, заканчивая чтение речи, написанной для нее премьер-министром, произносит формулу: "My Lords and the Members of Commons, I pray that the blessing of Almighty God may rest upon your counsels." Призывая благословение всевышнего, английский монарх тем самым напоминает о своем статусе главы англиканской церкви.

Средневековая церемония посвящения молодого человека в рыцари включала несколько действий: *dubl - to make (someone) a knight by a ceremonial touch on the shoulder with a sword while kneeling (LDCE)*. Сын дворянина должен был воспитываться с определенного возраста в семье другого дворянина, должен был научиться ратному делу и другим необходимым для рыцаря искусствам, и, когда подходил срок, воспитатель и опекун в торжественной обстановке посвящал своего воспитанника в рыцари: произносил сакральную формулу и легко ударял коленопреклоненного юношу по плечу лезвием меча. Нетрудно увидеть в легком ударе плашмя символическую инициацию - первоначально нужно было в бою доказать свое право быть рыцарем, пройти боевое крещение. Этот бой имел дополнительный церемониальный смысл, который впоследствии вытеснил первичную функцию боя и привел к ритуальному стилизованному действию. После этого акта новый рыцарь имел право выступить с гербом в полном боевом облачении на поле боя, т.е. приобретал новое статусное качество.

Современные церемониальные акты весьма разнообразны. Примером может послужить политический церемониальный акт:

Lord Plumb called on Sir John to produce evidence to back his claims if he had any, and then ceremoniously cut up his institute membership card. (Morning Star). В газетном сообщении говорится о том, что член института директоров ушел в отставку, обидевшись на критику генерального директора, и в знак протеста публично порвал на клочки свой членский билет.

Акты морального воздействия имеют ситуативную природу и не требуют символических формальностей для установления нового качества партнеров. Межличностные моральные акты можно условно разделить на эмоционально-каузативные и волитивно-каузативные акты. К первым относятся поощрения, порицания, похвала, лесть, оскорбление. Ко вторым мы причисляем приказы, просьбы, разрешения, запреты.

Различие между моральными и юридическими актами не является абсолютным. Наиболее важные моральные отношения в обществе кодифицируются юридически: власть и особые категории людей, относящихся к власти, жизнь и здоровье, имущество, общественный порядок, безопасность государства. С точки зрения общественного устройства юридические статусные отношения являются показателем оформленности группы. Не случайно первая библейская заповедь - это заповедь лояльности: "Да не будет у тебя других богов..." (Исход, 20). Оскорбление словом или действием вышестоящего лица относится к числу серьезных нарушений общественного порядка.

Отраженные в языке особенности моральных актов неоднократно подвергались лингвистическому анализу. Слова, обозначающие отношения морального воздействия, представляют собой своеобразный полигон для проверки теории ролевых структур или семантических падежей [Fillmore, 1969], кластерного анализа по шкалам Ч.Осгуда [Fillenbaum, Rapoport, 1971], концепций речеактовой теории [Остин, 1986 и др], теории экстенционального анализа [Графова, 1991]. В данной работе группа глаголов морального и юридического воздействия анализируется с позиций статусных отношений. Нас интересует то, какие дифференциальные признаки уточняют статусный вектор.

Группа слов со значением "обвинять" - accuse - "обвинять", charge - "юр. обвинять", incriminate - "юр. инкриминировать, вменять в вину", indict - "юр. предавать (кого-либо) суду на основании обвинительного акта (по решению большого жюри)", impeach - "юр. обвинять в совершении тяжкого преступления", arraign - "привлекать к суду по уголовному делу" - относится скорее к юридическому, чем к моральному воздействию. Но обвинение тесно связано с порицанием, и юридические нормы вытекают из моральных. Общее значение глаголов обвинения - считать кого-либо виновным, заявить об этом официально и публично и привлечь

обвиняемого к суду. Основание для признания чьей-либо вины – совершение кем-либо проступка или преступления, т.е. нарушение норм закона. Нарушение норм влечет за собой ответственность, необходимость отвечать за совершенные поступки перед людьми, имеющими право принимать решения. Схема ситуации обвинения представляется нам следующей: Субъект оценки А, зная, что такое хорошо и что такое плохо, считает, что нарушитель Б поступил плохо по отношению к жертве В, и обращается к судье Г, чтобы Г определил, что сделал Б и что будет сделано с Б силами исполнителя Д. Ситуация обвинения показана на схеме 11.

Схема 11.

Участники ситуации обвинения

Судья, субъект власти

Обвинитель, субъект
оценки

Исполнитель,
наказания

Жертва, потерпевший,
объект нарушения

Обвиняемый, субъект
нарушения и объект
наказания

Субъект оценки и жертва могут совпадать. Если субъект оценки, потерпевший, судья и исполнитель совпадают в одном лице, то перед нами ситуация мести, возмездия. Потерпевший присваивает себе право наказывать. Статусные отношения в этом случае носят сугубо ситуативный характер. Нарушитель, признавая свою вину, может обратиться к потерпевшему с извинениями или с компенсацией. Если потерпевший не имеет возможности наказать нарушителя или не принимает компенсацию ущерба, то потерпевший обращается к более сильному лицу, и мы имеем дело с ситуацией жалобы. Сильное лицо, которому принадлежит власть, рассматривает жалобу, определяя факт и причины нарушения, свойства субъекта нарушения и степень его вины, и на основании системы принятых норм выносит решение, выполнение которого является обязательным. В судопроизводстве субъект оценки разделяется на обвинение и защиту, а потерпевший рассматривается в контексте ситуации правонарушения с привлечением свидетелей, улик и нормативного кодекса. Субъект власти подразделяется на субъекта решения и субъекта исполнения решения. Агнс приведенных глаголов обвинения имеет двойную статусную характеристику: он осуждает другое лицо, выступая субъектом оценки, и привлекает осуждаемого к суду, выступая в качестве представителя власти, судьи. Для ситуации юридического обвинения релевантны (по данным Вебстеровского словаря синонимов) такие признаки, как оценка степени

серьезности нарушения (charge), признание факта вовлеченности в преступление (incriminate), указание на рассмотрение дела большим судом присяжных (indict), подчеркивание особого статуса суда и особого высокого статуса нарушителя (impeach), привод обвиняемого в суд для ответов на вопросы (arraign). Заметим, что суд присяжных - jury - состоит из заседателей, которые дают клятву выносить честные решения по рассматриваемым делам. Большое жюри (от 12 до 33 человек) решает вопрос о предании кого-либо суду, малое жюри (12 человек) выносит решение по вопросам факта в уголовных и гражданских делах. Военные преступления рассматриваются военным трибуналом (court-martial).

Взвесив обстоятельства дела, суд принимает решение - оправдать или осудить. В случае оправдания, реабилитации (acquit, exculpate, exonerate, absolve, vindicate) невиновность обвиняемого уточняется в процессуальном юридическом плане (acquit), в моральном отношении - восстановление чести (exonerate), как освобождение от ответственности (absolve), как снятие незначительной вины (exculpate), как восстановление доброго имени путем доказательства несправедливости обвинения (vindicate) (WNDS). В случае осуждения суд выносит приговор (sentence), в котором определено наказание для преступника. Исполнителем наказания выступает специальный орган общества. Ситуация наказания является иллюстрацией статусного соотношения "суперагенса - агенса - пациента".

Синонимический ряд со значением "наказывать" в английском языке включает слова punish - "наказывать", chastise - "подвергать наказанию (особ. телесному), пороть", castigate - "бичевать (порок)", chasten - "качать", discipline - "наказывать, пороть", correct - "наказывать, исправлять". В значении доминанты ряда - punish - акцентируется причина наказания: нарушение закона, неподчинение власти, намеренное правонарушение. Конкретизация наказания осмысливается как выделение способа, степени и цели причинения страданий. По способу наказание может быть моральным и физическим и выражается в виде причинения боли, лишения прав, имущества, жизни. Наказание может быть публичным или же закрытым, тайным. В семантике приведенных синонимов выделены признаки физического наказания (chastise), сурового публичного наказания, которое не обязательно является физическим (castigate), испытания характера человека (chasten), подчинения как цели наказания (discipline), исправления как цели наказания (correct) (WNDS). Лишение свободы отражено в английских глаголах arrest - "арестовывать", apprehend - "арестовывать", attach - "арестовывать (имущество)", detain - "задерживать", imprison - "заключать в тюрьму", jail - "заключать в тюрьму", incarcerate - "заключать в тюрьму",

immure - "заточать (в тюрьму)", intern - "интернировать".
 Синонимы различаются следующими признаками: лишение свободы (arrest), за преступление (apprehend), лишение права распоряжаться имуществом (attach), задержание для проверки (detain), заключение под стражу (imprison), в карцер (incarcerate), на время (jail), погребение заживо - замуровать в стене (immure), интернирование, заключение в лагерь для военнопленных (intern) (WNDS). Суровым наказанием является ссылка, изгнание. Различные аспекты изгнания раскрываются в синонимическом ряду banish - "изгонять, ссылать, высылать", exile - "изгонять, ссылать", expatriate - "лишать гражданства", ostracise - "подвергать ostracism, изгонять из общества", deport - "депортировать", extradite - "выдавать иностранному государству лицо, нарушившее законы этого государства". Общая идея изгнания в глаголе banish уточняется как изгнание из собственной страны (exile), с потерей гражданства (expatriate), выражая мнение большинства (ostracise), из чужой страны (deport), по просьбе иностранного государства (extradite) (WNDS). К числу наказаний относится лишение собственности, выраженное в словах penalize, fine, amerce, mulct - "штрафовать" и confiscate - "конфисковать". Различия между оттенками значения "штрафовать" заключаются в том, что штраф может принять форму лишения преимуществ или льгот (penalize), может взыскиваться по закону (fine), по постановлению судьи (amerce), может носить не вполне законный характер (mulct) (WNDS). Лишение жизни по закону - это смертная казнь в виде расстрела, повешения, умерщвления на электрическом стуле и т.д. Примером современной казни является "дефенестрация": People were executed all the time for being ungrateful. They were defenestrated. They were thrown out of altitudinous windows. (K.Vonnegut). В наши дни список казней пополнился выбрасыванием людей из окон высотных домов. Отметим, что помимо мирских наказаний есть и религиозные, например, анафема - отлучение от церкви. Ситуация юридического обвинения уточняется, как мы видим, главным образом в плане результата. Моральное обвинение варьирует в иной плоскости.

Рассмотрим синонимический ряд criticize - "критиковать", reprehend - "делать выговор, порицать", blame - "винить", censure - "порицать, осуждать", reprobate - "порицать, корить", condemn - "осуждать, порицать", denounce - "осуждать, обвинять". Эти слова объединены общим значением "открыто выносить отрицательную оценку кому-либо или чему-либо" и различаются такими признаками, как сравнение плюсов и минусов оцениваемого объекта (criticize), выражение значительного неодобрения (reprehend), подчеркивание ответственности обвиняемого (blame) и компетенции осуждающего (censure), нетерпимость

по отношению к обвиняемому (reprobate), беспощадное осуждение (condemn), публичное выражение своего отношения (denounce) (WNDS). Значение критического высказывания, имеющего целью предупреждение или исправление ошибки, объединяет синонимы reprove - "делать выговор, корить", rebuke - "упрекать, укорять", reprimand - "объявлять выговор", admonish - "наставлять, предостерегать", reproach - "упрекать, укорять", chide - "упрекать". Общее значение упрека уточняется добрым отношением говорящего (reprove), строгостью (rebuke), официальным характером (reprimand), стремлением дать совет (admonish), придирчивостью (reproach), мягкостью выражения (chide) (WNDS). Критика часто бывает оскорбительной, задевающей достоинство критикуемого. Дифференциальные признаки таких эмотивно-каузативных актов отражены в значении слов scold - "ругать, бранить", upbraid - "придираться", rate - "отчитывать", berate - "(амер.) бранить, поносить", tongue-lash - "поносить", jaw - "отчитывать", bawl - "вопить, выкрикивать", chew out - "нудно ворчать", wig - "(разг.) давать взбучку", rail - "ругаться, браниться", revile - "осыпать бранью", vituperate - "поносить, злобно бранить". Для говорящих релевантны такие характеристики, как раздражение субъекта (scold), его обоснованный гнев (upbraid), длительность (rate, berate), эффективность (tongue-lash), напыщенность и громкость (jaw, bawl, chew out, wig), насмешка и глумление (rail), непристойность выражений (revile), злобность (vituperate) (WNDS). В другом словаре слова с выражением осуждения сравниваются по линии нарастания резкости обвинения (reprove - rebuke - reprimand), степени вины (rebuke - chide - upbraid), гнева (scold - rate, berate). The mother reproves her child. We rebuke for more serious cause. To be rebuked cuts us; to be reproved makes us reproach ourselves. Reprimand is stronger than rebuke. A manager reprimands, not reproves or rebukes, a subordinate who has blundered; an officer is reprimanded by his superior (SBED). В приведенных примерах даны типичные случаи статусных реализаций партнеров в эмотивно-каузативных актах. Мать может пожуричь ребенка, подчиненный же получит выговор от начальника. Вместе с тем эффективность воздействия критики не зависит от резкости выражений: благожелательная критика часто оказывается более действенной. Глаголы морального воздействия варьируют в плоскости субъективного отношения к предмету критики - от пристрастно доброго до пристрастно недоброжелательного по содержанию и от мягкого до грубого по форме. Глаголы юридического воздействия выражают беспристрастное и ровное отношение к осуждаемому.

Ситуация осуждения и обвинения контрастирует с ситуацией одобрения и похвалы. И в том, и в другом случае

агенса присваивает себе право выносить оценку. Различие между выражением отношения и вынесением оценки является очень тонким и в ряде случаев почти неуловимым, но оно есть, и суть его, на наш взгляд, состоит в подчеркивании статуса агенса. Испытывать чувство любви, ненависти, восторга, страха значит находиться под влиянием своих впечатлений и ощущений, эмоционально переживать свое состояние, которое в известной мере не зависит от воли человека и общества. Человек может стыдиться некоторых чувств, т.е. оценивать их и стараться не выразить их. Выносить оценку значит выразить мнение о достоинствах и недостатках объекта оценки в соответствии с имеющейся у человека осознанной или неосознанной системой ценностей. Ценности имеют общественную значимость. Давая оценку, индивид тем самым присваивает себе право представлять общество. Говорят о стремлении к объективной, т.е. минимально зависимой от субъекта оценке. Стремясь к уточнению своей позиции, говорящий может подчеркнуть: "Я убежден/ на мой взгляд/ мне представляется, что это хорошо". И в то же время вряд ли можно сказать: "Я убежден, что мне нравится этот человек". Имеет место смысловая тавтология: мне нравится = мне лично нравится. С другой стороны, возможен тест на объективизацию позиции говорящего: "Это объективно хороший человек" :: * "Я объективно ненавижу этого человека". Нельзя объективно ненавидеть или любить, можно лишь находить объяснения для чувства, т.е. оценивать чувства. Иначе говоря, человек выражает свое отношение как независимый от общества субъект и выносит оценку как представитель общества. Представительская функция оценки придает говорящему маркированный статус.

Глаголы со значением одобрения и похвалы образуют несколько синонимических рядов. В ряду слов approve - "одобрять", endorse - "одобрять, поддерживать", sanction - "санкционировать", accredit - "уполномочивать", certify - "удостоверять", объединенных общим значением выражения положительного мнения о ком-либо или о чем-либо, выделяются такие специализирующие признаки, как положительное отношение, чувство уважения и восхищения (approve), поддержка того, кто нуждается в одобрении (endorse), подчеркиваемый статус лица, имеющего право выносить оценку (sanction), соответствие объекта оценки стандартам (certify), выделение общего мнения как основания оценки (accredit) (WNDS). К рассмотренным словам близки по значению глаголы commend - "хвалить", recommend - "рекомендовать, хвалить", applaud - "восхищаться, одобрять", compliment - "говорить комплименты". Эти слова объединены способом выражения положительной оценки. Отличительные признаки синонимов - обоснованность похвалы (commend), подчеркивание

положительных последствий (recommend), массовый характер и высокая степень положительной оценки (applaud), наличие особой коммуникативной стратегии - соблюдение правил вежливости или использование положительной оценки для лестии (compliment) (WNDS). Отдельный синонимический ряд образуют глаголы высокой положительной оценки: praise - "хвалить", laud - "восхвалять", acclaim - "бурно приветствовать", extol - "превозносить, расхваливать", eulogize - "превозносить, произносить панегирики". Толкователи синонимов выделяют следующие дифференциальные признаки у сравниваемых глаголов: статусное превосходство субъекта похвалы (praise), очень высокую степень похвалы (laud), восторженное и публичное выражение похвалы (acclaim), контрастирование восхваляемого и противоположного ему объекта (extol), формальный характер и особая ситуация восхваления (eulogize) (WNDS).

Рассматривая синонимы, мы отвлекаемся от их существенных характеристик - тесной взаимосвязи, нейтрализации в определенных контекстах, структурных и идиоматических особенностей. Разумеется, не всегда идеографические различия релевантны. В какой-то мере справедливы упреки в субъективизме по отношению к лексикографам, стоящим на позициях компонентного анализа. Вместе с тем дифференциальные признаки отражают объективные характеристики ситуаций и могут быть обобщены в категориальные типы.

Сопоставив различные синонимические ряды глаголов, описывающих ситуацию оценочного суждения, мы приходим к следующей модели.

1. Б совершил поступок, имеющий отношение к А.
2. А квалифицирует этот поступок как положительный или отрицательный.
3. А высказывает свое мнение об этом поступке.
4. А совершает действие, связанное с оценкой, по отношению к Б.

А квалифицирует некоторый поступок Б как положительный, испытывая доброе чувство к Б, признавая более высокий статус Б, основываясь на своем более высоком статусе по отношению к Б, основываясь на мнении большинства, основываясь на соответствии поступка Б стандартам или нормам, подчеркивая высокую степень положительной оценки, обращая внимание на последствия поступка, сравнивая Б с другими лицами.

А квалифицирует некоторый поступок Б как отрицательный, испытывая доброе чувство по отношению к Б, испытывая недоброе чувство по отношению к Б, сравнив плюсы и минусы в поступке Б, основываясь на своем более высоком статусе по отношению к Б, подчеркивая высокую степень отрицательной оценки, обращая внимание на последствия

поступка Б, основываясь на соответствии поступка Б нормам, т.е. подчеркивая ответственность Б.

А высказывает положительное мнение о поступке Б публично, формально, восхищенно, в соответствии с правилами вежливости.

А высказывает отрицательное мнение о поступке Б в мягкой форме, публично, формально, строго, сдержанно, раздраженно, долго, с важным видом (напыщенно), громко, грубо, оскорбительно, т.е. несправедливо причиняя огорчения.

А высказывает положительное мнение о поступке Б и при этом оказывает поддержку Б, преследует корыстные цели.

А высказывает отрицательное мнение о поступке Б и при этом обращается к судье Г, который принимает решение относительно Б, в результате чего Б либо оправдан, либо осужден. В случае оправдания поступок Б не квалифицируется как отрицательный, при этом восстанавливается доброе имя Б, доказываемая несправедливость обвинения, снимается ответственность за поступок. Отметим, что ситуация прощения, амнистирования сходна по результату с ситуацией оправдания - на человеке больше нет вины, но принципиально отличается от оправдания по условию - факту нарушения норм. Установление вины влечет за собой наказание, которое выносит исполнитель Д от имени общества по поручению суда. Исполнитель наказания заставляет нарушителя страдать, испытывать отрицательные эмоции за нарушение норм закона с целью исправления, подчинения, при этом наказание осуществляется физически, публично, сурово, путем лишения свободы, имущества, жизни; лишение свободы выражается в аресте, заключении в тюрьму или в лагерь, высылке из страны; лишение собственности имеет форму штрафа и конфискации; лишение жизни определяется способами легализованного убийства.

Данная модель представляет собой разновидность фрейма, т.е. некоторую структуру данных, образ [Минский, 1979:7]. Фрейм соотносим с известной моделью Л.Теньера (глагол и связанные с ним актаны и сирконстанты) и ролевой моделью Ч.Филлмора (глагол и связанные с ним "падежи" - агентив, инструменталис и др.). Более полное или развернутое объективное содержание основного номинативного значения глагола представляет собой конкретизацию его характеристик. Например, объективное содержание глагола walk - "передвигаться, переступая" уточняется 19 признаками: направление, манера, способ, темп, время, место, расстояние, цель, сопряженность с другим процессом, оценка, фазисность, модальность, кратность, результативность, спутник, состояние, переносимый предмет, средство ходьбы, звуковое сопровождение [Сентенберг, 1984:26-27]. Развертывание значения слова соответствует вербализации

фрейма. Достоинство фреймовой модели описания значения состоит в развертывании узлов, когда подчиненный признак становится доминирующим признаком ситуации. Например, ходьба переходит в бег, одобрение - в разрешение, обвинение - в наказание.

Маркированный статусный вектор не является интегральным признаком ситуации оценочного суждения. В значении многих глаголов нисходящий статусный вектор подразумевается, но в ряде случаев он подчеркивается (*sanction, censure, reprimand*). Восходящий статусный вектор подчеркивается у слов со значением уважения и поклонения (*respect, honour, esteem, revere, venerate, worship, idolize*) [Шейгал, 1977:177], а также у глаголов лести [Петелина, 1985]. Представляют интерес и другие характеристики оценочной квалификации, выраженные в синонимах: нормативный характер оценки, наличие оценочной градации, сопряженность оценки и эмоции, аналитичность оценки, прогностическая функция оценки. Рассмотренный нами материал свидетельствует о некоторой асимметричности положительной и отрицательной оценочной квалификации в суждениях. Асимметричность оценки объясняется психологически: не отмечены ситуации отрицательной оценки адресата, имеющего более высокий статус (нет глагола со значением "призирать, сознавая свой низкий статус"), и ситуации положительной оценки, сопряженной с отрицательной эмоцией (нет глагола со значением "положительно оценивать, испытывая недоброе чувство"). Заметим, что в ситуации лести акцент делается не на оценке, а на ее выражении.

Выражение оценки в значительной степени зависит от оценочного знака. Как положительная, так и отрицательная оценка высказывается публично и с глазу на глаз, формально и неформально. При этом способы выражения отрицательной оценки в значительной степени превосходят способы выражения положительной оценки. Похвала получает отдельное наименование, если она высказывается с восхищением или же по правилам вежливости. Порицание называется отдельным словом, если оно сделано в мягкой форме (мы помним, что маркируется более редкий знак в любом бинарном сопоставлении, и, значит, порицание в резкой форме осознается как более типичное). Доказательством того, что резкое порицание более типично, является тот факт, что в английском языке нет одного глагола со значением "высказать отрицательную оценку в резкой форме", но есть несколько более конкретных слов, уточняющих способ резкого выражения оценки. Порицание может носить грубый и оскорбительный характер, группа слов с таким значением относится не только к литературному, но и к разговорному стилю. Заметим, что в словаре нам не встретился глагол со значением похвалы, который бы относился к разговорному стилю или сленгу.

Слова, описывающие выражение отрицательной оценки в оскорбительной форме, выражают двойную оценку – внутреннюю и внешнюю. Их общая формула такова: "Некто поступает плохо, говоря о ком-то плохо". Оскорбление обычно бывает намеренным и преследует цель понизить статус адресата. "Смысл оскорбления – в том числе вербального – вызвать у оскорбляемой стороны негативные чувства, причинить ей моральный урон, понизить уровень ее (само)оценки" [Жельвис, 1985:296]. Вместе с тем выражение отрицательной оценки может быть в значительной степени неконтролируемым, т.е. сливаться с отрицательными эмоциями. Поэтому имеются специальные слова, описывающие эмоциональное состояние человека, выносящего отрицательную оценку – "ругать кого-либо раздраженно, громко". Выслушивать брань неприятно и утомительно, такая реакция адресата отражена в словах со значением "отчитывать кого-либо долго". Внешняя оценка может иметь и более сложную природу, если речь идет о напыщенном поведении. В случае оскорбления говорящий стремится понизить статус адресата, в случае напыщенной брани – повысить свой собственный статус. Общая формула такой ситуации, на наш взгляд, такова: "Некто ведет себя так, как будто бы он является вышестоящим по отношению к адресату, но на самом деле этого нет, и поэтому поведение такого человека заслуживает отрицательной оценки". Оскорбление по своей сути несправедливо, стремление поучать – безосновательно. В конкретной ситуации оскорбление и высокомерие могут сливаться, поскольку статусный вектор отражает динамику отношений между статусом агенса и адресата. Однако названные нюансы статусных отношений представляются важными для говорящего коллектива и последовательно выражаются в семантике слов.

Действия, связанные с высказыванием оценки, весьма разнообразны и не сводятся лишь к поддержке адресата, либо к его обману, либо к жалобе. Кваликативная деятельность лежит в основе человеческого поведения, и поэтому для анализа соответствующих слов пришлось бы привлечь значительную часть словаря. Ситуация жалобы в суд интересна для нас в том отношении, что здесь происходит качественное изменение статуса оценивающего лица. Оценка приобретает юридический характер, ее выносит облеченное особыми полномочиями лицо – судья, и последствия такой оценки строго регламентированы. Регламентация связанных с оценкой действий и составляет специфику юридической оценки. Наказание в моральном плане варьирует по степени и цели причиняемых страданий, в юридическом плане уточняется по способу и типу ответственности. Наказание в юридическом плане направлено преимущественно ретроспективно: у контрабандиста, например, конфискуют собственность, поскольку имел место незаконный перевоз товаров.

Сомнительно высказывание: "У него конфисковали контрабанду, чтобы он больше этим не занимался". Нерегламентированное наказание выделяет прежде всего перспективную направленность этого акта: "Пусть наказание послужит вам уроком."

Моральное наказание, варьируя по степени причинения страдания, допускает внешнее оценочное суждение: He was severely punished - "Он был сурово наказан". Допустимо выражение He was severely penalized - "Он подвергся значительному штрафу". В данном случае оценочная характеристика относится к величине штрафа, а не к факту оштрафования. Но вряд ли допустимо He was severely banished - * "Он был сурово изгнан из страны". Регламентированное наказание слишком конкретно для оценки его степени. Вместе с тем практика наказания включала злоупотребления, особенно в области штрафов, что отражено в английском глаголе to mulct: 1) (fml) to punish by taking away (money); fine, 2) to cheat by taking away money. Смысловая связь "наказывать, отнимая деньги" - "обманывать, отнимая деньги" свидетельствует о распространенных поборах со стороны тех, кто должен подвергать нарушителей штрафу.

Обратимся к речевым характеристикам глаголов оценочного суждения и соответствующим речевым актам. Показательны примеры из детективного романа А.Кристи "Убийства по алфавиту".

I found him installed in one of the newest type of service flats in London. I accused him (and he admitted the fact) of having chosen this particular building entirely on account of its strictly geometrical appearance and proportions. ... I said that I thought there could be too much squareness and alluding to an old joke, I asked if in this super-modern hostelry they managed to induce hens to lay square eggs. (A.Christie). Капитан Гастингс приходит к своему старому приятелю Эркюлю Пуаро, живущему в современном многоквартирном здании, и обвиняет своего друга в том, что тот выбрал такой дом из любви к строгим геометрическим пропорциям. Гастингсу не нравятся дома-коробки, и он вспоминает старую шутку о том, что в таких прямоугольных домах и куры станут нести квадратные яйца. Речевой смысл глагола accuse - "обвинять" в приведенном отрывке как будто соответствует содержательному минимуму слова, зафиксированному в толковом словаре: открыто и официально заявлять о том, что некто нарушил закон или моральные нормы. Но при этом уточняется нарушение - поступок, в основе которого лежит личное предпочтение человека (любовь к четким пропорциям), и поэтому обвинение произносится и воспринимается как шутка. В данном отрывке реализуется один из коммуникативных постулатов по Дж.Личу - "принцип добродушной шутки". Приведенный пример интересен

своим партитурным строением, т.е. одновременным роазвертыванием нескольких планов подобно партитурной записи голосов музыкального произведения. На самом поверхностном уровне, если отвлечься от дружеских отношений между собеседниками, особой интонации шутки, мимики и т.д., имеет место обвинение, и в соответствии с логикой ситуации обвинения обвиняемый должен признать или опровергнуть инкриминируемый ему поступок. Пуаро признает факт. Но параллельно разворачивается вторая линия - линия здравого смысла, согласно которому человека нельзя обвинять за предпочтения, не относящиеся к известным в обществе порокам. Третья параллельная линия выражает личное предпочтение капитана Гастингса, и здесь происходит, на наш взгляд, юмористическое переосмысление статусных отношений. Гастингс, вынося оценку, как бы присваивает своему личному предпочтению (ему больше нравятся старинные особняки в пригороде) статус нормы, но при этом сам же ставит свою статусную позицию под сомнение. Поэтому и приводится шуточное абсурдное утверждение.

Оценочное суждение может быть высказано без юмора: He paused and then added on a deep note of reproach: "Is it that you have not in any degree the common sense, Hastings ? I say to you: "Make a purchase quelconque" - and you deliberately chose the strawberries ! Already they commence to creep through their bag and endanger your good suit." (A.Christie). Пуаро укоряет своего друга за отсутствие здравого смысла: нужно было сделать какую-нибудь покупку в овощной лавке, завязав беседу с продавцом, и капитан Гастингс купил клубнику, которая сразу же потекла и могла испачкать костюм. Это - дружеский упрек, отрицательные последствия поступка незначительны и угрожают тому, кто этот поступок совершил. У Пуаро есть моральное право обратиться к своему приятелю с назиданием в виде упрека. Гастингс принимает критику без возражения как должное.

Упрек или замечание адресуют друг другу приятеля за небрежность, невнимание, нежелание объяснить мотивы своего поведения: "You are always the true knight - ready to come to the rescue of damsels in distress - good-looking damsels." "How ridiculous you are, Poirot," I said, unable to keep from laughing. (A.Christie). "Вы - настоящий рыцарь," говорит Пуаро Гастингсу, "всегда готовы прийти на помощь дамам в затруднительной ситуации - хорошеньким дамам." Гастингс рассмеялся в ответ. Пуаро не ошибся. Мягкое ироничное замечание содержит оценочное суждение: рыцарь должен помогать любой даме, а не только красивой. Вместе с тем поведение Гастингса вполне прозрачно, и упрек Пуаро заключается в том, что другу не следует маскировать

свои поступки высокими мотивами, если в основе поступков лежат мотивы иного рода.

Вычислив убийцу, сыщик Пуаро характеризует его качества следующим образом: "I had to deal with an intensely clever, resourceful murderer - reckless, daring and a thorough gambler. ...a man with a ruthless disregard for human life." (A.Christie). Обвинение в умышленном убийстве сопровождается оценкой личности преступника - исключительно умный, отчаянный убийца, дерзкий прожженный игрок, с безжалостным пренебрежением к человеческой жизни. Эти слова сказаны в лицо человеку, убившему своего брата для получения наследства и еще несколько человек по алфавиту, чтобы запутать следствие. Особая жестокость и изобретательность убийцы квалифицируются как отягчающие обстоятельства. Вынося оценку, частный детектив Пуаро выступает как представитель общества и как человек, защищающий общество от преступников.

Ситуация оценочного суждения включает перлокутивную характеристику оценки, т.е. ответный шаг адресата, который подвергся критике или обвинению. Такой ответный шаг может быть выражен вербально и невербально. Если критика носит характер укора, замечания, сделанного по-дружески, то ответная реплика выражает согласие адресата с замечанием, извинение, стремление разрядить напряжение шуткой. Если адресату предъявлено серьезное обвинение, то ответная реакция часто выражает несогласие с оценочным суждением, стремление "спасти лицо", и это может быть сделано как в рациональной, так и в аффективной форме. Рассмотрим диалог между Эркюлем Пуаро и молодой секретаршей покойного богача Торой Грей, которая рассчитывала выйти замуж за своего патрона или за его брата, ставшего наследником состояния: "And now your second expectation is disappointed. Franklin Clarke will not inherit his brother's money." She flung up her head. "Is there any need for me to stay here and be insulted ?" (A.Christie). Тора Грей считает замечание Пуаро оскорбительным. Пуаро вскрыл мотивы ее поведения. Такое поведение не попадает под юридическую квалификацию, но холодная расчетливость осуждается людьми.

Развернутое оценочное суждение с выраженной мотивировкой оценки и маркированным статусным отличием между отправителем и получателем речи представлено в следующем отрывке из романа С.Мозма "Луна и грош":
I saw myself calling on Charles Strickland and sending in my card; I saw him come into the room, holding it between finger and thumb:
"To what do I owe this honour ?"
"I've come to see you about your wife."
"Really. When you are a little older you will doubtless learn the advantage of minding your own business. If you

will be so good as to turn your head slightly to the left, you will see the door. I wish you good afternoon."

I foresaw that it would be difficult to make my exit with dignity. (S. Maugham). Герой представляет себе ситуацию, в которой ему по просьбе миссис Стрикленд придется вести разговор с Чарльзом Стриклендом, внезапно уехавшим от своей жены. Стрикленд с ледяной вежливостью выставляет посетителя вон, говоря: "Когда Вы станете немного старше, Вы несомненно усвоите, что благоразумнее в чужие дела не вмешиваться." Рассказчик вполне отдает себе отчет в том, что ему будет трудно уйти, не уронив при этом своего достоинства. В основе данного оценочного речевого акта лежит выраженное правило поведения: нельзя вмешиваться в дела других людей. Стрикленд, отчитывая неудачливого визитера, делает акцент на возрасте посетителя. Язвительное подчеркивание возраста (молодой, т.е. глупый) ставит адресата в унижительное положение поучаемого. Положение осложняется тем, что рассказчик практически не знаком со Стриклендом, т.е. приходит к чужому человеку для разговора на весьма щекотливую тему, и, кроме того, герой действительно значительно моложе своего собеседника. Поэтому рассказчику не удастся сохранить лицо в этом воображаемом диалоге. Мы видим, что определение причины, лежащей в основе нарушения правил поведения, связано с установлением статусных различий.

Реальный диалог между рассказчиком и Стриклендом оказался вовсе не таким, каким его себе представлял молодой человек. Стрикленд не пытался поучать своего собеседника, наоборот, рассказчик формулировал моральные нормы, тщетно стараясь склонить бывшего биржевого служащего на свою сторону:

"Hang it all, one can't leave a woman without a bob."

"Why not?"

"There are your children to think of."

"They've had a good many years of comfort. ... Besides, somebody will look after them."

"Everyone will think you a perfect swine."

"Let them." (S. Maugham).

Герой приводит веские аргументы, составляющие фундамент обычных моральных норм: "Нельзя оставлять женщину без гроша", "Нужно думать о детях", "Все будут считать Вас настоящей свиньей". Выясняется, что для Стрикленда этих норм не существует, у него есть высшая цель - писать картины. Отсутствие общих оценочных норм нейтрализует статусные отношения между участниками беседы. Отсюда мы делаем вывод, что маркируемый статус собеседников свидетельствует об их общем этическом кодексе.

Статусная адресативность в оценочных суждениях многомерна. Оценочное суждение может относиться ко второму

лицу (адресату), третьему лицу (объекту) и к первому лицу (агенту). В последнем случае оценка носит рефлексивный характер. Получатель речи, адресат, может разделять систему моральных ценностей отправителя речи и может придерживаться других взглядов. Преуспевающий английский хирург рассказывает о своем способном университетском однокурснике, который отказался от выгодного места в Англии, внезапно уехал в Александрию и стал там простым санитарным врачом. Собеседник этого хирурга - рассказчик - слушает и вроде бы соглашается с ним, но затем высказывает свое мнение:

"The fact is, I suppose, that it's not enough to have brains. The thing that counts is character."
Character ? I should have thought it needed a good deal of character to throw up a career after half an hour's meditation, because you saw in another way of living a more intense significance. (S. Maugham).

В приведенном примере пациент или объект оценки по-разному квалифицируется персонажем и рассказчиком, при этом рассказчик во время беседы маскирует свое действительное отношение к ситуации. Поддерживая мнение своего собеседника, рассказчик участвует тем самым в установлении статусных отношений между агентом и пациентом. В основе такого статусного неравноправия лежит несколько мотивационных предпочтений: "Лучше работать в Англии, чем за границей", "Лучше зарабатывать больше денег", "Лучше не принимать внезапных решений" и др. Эти правила сводятся к некоторым стереотипам поведения и могут быть сформулированы в виде следующей заповеди: "Надо жить так, как живут люди нашего круга." Рассказчик же ставит эту заповедь под сомнение.

Оценочно-статусное значение выводится из кодекса поведения, заданного в языке. Вместе с тем этические нормы в языке и в сознании индивида могут несколько расходиться. В этом плане статусно-оценочный смысл так же связан со статусно-оценочным значением, как смысл вообще связан со значением слова.

Речевые характеристики оценочного суждения позволяют выделить определенную систему признаков, связанных с признаком социального статуса человека.

Статусное значение связано с оценочной мотивировкой. Человек, выносящий оценочное суждение, если это суждение имеет моральную или юридическую природу, опирается на определенные нормы человеческого поведения. Осуждение, обвинение выносятся как бы от имени общества, которое выступает в качестве суперагенса по отношению к отправителю и получателю речи. Обвинение, построенное сугубо на личных пристрастиях, а не на социальных нормах, носит абсурдный характер.

Статусное значение связано с модальностью выражения оценки (категоричная/ некатегоричная, юмористическая/ серьезная, отвлеченная/ конкретная оценка). Оценка, связанная с нисходящим статусным вектором, имеет тенденцию быть категоричной, серьезной, конкретной. Нейтрализация статусных различий выражается в некатегоричных, юмористических, отвлеченных оценках.

Статусное значение связано с перлокутивностью оценочного высказывания. Результат морального воздействия выражается в признании вины (т.е. в подчинении) и в неподчинении, в протесте, который может быть направлен либо в сторону факта, либо в сторону интерпретации факта. Протест по факту не связан с актуализацией статусных различий между адресатом и агенсом. Протест по интерпретации факта ставит под вопрос право агенса выносить соответствующую оценку. Протест по интерпретации реализуется как контробвинение в намеренном оскорблении и унижении.

ВЫВОДЫ

В прагмалингвистической модели описания языка социальный статус человека является одним из основных параметров коммуникации, проявляется в постулатах общения и речевых актах, сферах общения и речевых жанрах, способах воздействия и характеристиках модуса высказывания, а также прагматических значениях языковых единиц. Динамика статусных отношений между говорящим и адресатом представляет собой особую линию общения, которая накладывается на линию развития темы.

Статусно-маркированные речевые акты являются частью статусно-маркированных актов поведения, противопоставляются статусно-нейтральным речевым актам и подразделяются на статусно-фиксированные и статусно-лабильные речевые акты. Статусно-фиксированные речевые акты противопоставляются по признаку статусного вектора на речевые акты с нисходящим и восходящим статусным вектором. Статусно-маркированные поведенческие акты противопоставляются по признаку статусной обусловленности на акты социального, ситуативного и социально-ситуативного статуса человека.

Признак социального статуса человека актуализируется в условиях общения на социальной дистанции, а также при нарушении коммуникативных постулатов. Социальный статус человека является одним из оснований воздействия говорящего (адресанта) на адресата. В экстремальных условиях по мере возрастания иррациональности в обществе происходит редукция способов воздействия: авторитет замещается силой и аргументация замещается манипуляцией (первая ступень) и манипуляция замещается силой (вторая ступень). Приоритетные

типы воздействия на уровне массовой информации обусловлены типами адресатов: пассивное большинство объектов воздействия откликается преимущественно на эмоциональные способы воздействия. Выделяются культурологический, социальный и психологический уровни воздействия, воздействие на социальном уровне направлено на актуализацию статусного самосознания человека.

Статусно-маркированные речевые акты включают несколько ходов, которые подразделяются на основные и дополнительные. Основные ходы выражают сущность конкретного речевого акта извинения, просьбы, комплимента и др. Дополнительные ходы представляют собой выражение мотивировки, демонстрацию уважительного отношения и обозначение намерения (в косвенной или прямой форме) совершить тот или иной речевой акт. Дополнительные ходы реализуются на социальной дистанции и сворачиваются на персональной дистанции.

Важнейшими компонентами статусно-маркированной ситуации являются участники или актанты поведенческого акта: Агенс, Пациенс, Контрагенс, Респондент, Суперагенс. Статусно-маркированные ситуации, отраженные в значении английских глаголов, классифицируются на основании критериев официальности/ неофициальности, динамики/ статичности, конкретности/ абстракции, имманентности/ квалифицируемости. Выделяются четыре типа статусных ситуаций: юридические и церемониальные статусные ситуации, статусные ситуации руководства, подчинения и изменения подчинения, статусные ситуации, получающие внешнюю оценку. Статусно-оценочный признак обусловлен диктальной семантикой глагола (конкретным видом действия) и моделируется на основе фрейма соответствующей статусной (статусно-маркированной) ситуации.

Совокупность оценочных признаков в лексических значениях слов образует аксиологический кодекс языка, составляющий ценностную основу культуры общества. Аксиологический кодекс выражается в ценностных суждениях (как правило, пословицах), соответствующих предпочтениям общества. Право на вынесение оценки соответствует статусу выразителя норм общества, поэтому субъект оценочной квалификации характеризуется нисходящим статусным вектором.

Прагмалингвистические характеристики социального статуса человека выражаются в трех типах категорий: категориях-факторах, имеющих социолингвистическую природу, категориях-типах, имеющих собственно прагмалингвистическую природу, и категориях-средствах, имеющих лингвосемантическую природу.

ЛИНГВОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА

Анализируя лингвосемантические характеристики социального статуса человека, мы ставим перед собой следующие задачи:

- 1) определить социальный статус человека как семантическую категорию, выявить специфику и способы выделения и описания категориального признака социального статуса человека,
- 2) установить основные способы выражения признака социального статуса человека в лексической семантике на материале английского языка,
- 3) рассмотреть комбинаторику признака социального статуса человека в значении слова и высказывания с признаками модальности, персональности, оценки и стилистического регистра.

3.1. СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

3.1.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ

Семантический план языка представляет собой континуум, в котором выделяются в силу объективной отдельности предметов семантические признаки разного уровня абстракции. Некоторые из этих признаков являются категориальными. Категориальный признак как предмет изучения требует предварительного определения того, что есть признак и что есть категория.

Признак - это показатель, примета, знак. Назначение знака - передавать информацию, знак обусловлен коммуникативной потребностью человека, и поэтому главное в знаке - его целевая природа. Коммуникативная потребность приводит к использованию чего-либо в качестве знака (барабанный бой - тревога, поклон - уважение). Следовательно, знак по своему назначению заместителен, т.е. противопоставлен наличному - и шире - означаемому явлению. Важнейшими отношениями знака являются отношения цели и замещения: знак используется для чего-то и вместо чего-то.

В языке условно разграничивается план содержания и план выражения, и, следовательно, выделяются единицы этих планов. Содержательный план языка представляет собой систему семантических признаков, формальный план языка сводится к системам фонетических и формально-грамматических признаков. Содержание и форма знака пребывают в состоянии подвижного равновесия и характеризуются, как доказал С.О.Карцевский, стремлением к нарушению такого равновесия: потребности общения заставляют нас искать новые способы обозначения для прежнего содержания, и те же потребности

толкают говорящих к переосмыслению формы, ее наполнению новым содержанием [Карцевский, 1965:85].

Семантический признак представляет собой компонент семантической системы. Его содержание - указание на замещаемую действительность, его выражение - передаваемый смысл, который никогда не передается исчерпывающе, так как общение необходимо строится на домысливании. В условиях нормального общения семантические признаки выступают в качестве вех взаимопонимания.

В семантическом признаке выделяются его стабильная и вариативная части, иначе говоря, малое и большое содержание. Благодаря малому содержанию семантических признаков мы можем понимать друг друга в целом, основываясь на социально-закрепленных значениях слов. Большое содержание семантического признака включает ассоциативные связи и обеспечивает необходимую вариативность и более тонкую настройку общения. Малое содержание семантических признаков характеризуется тенденцией однозначных соответствий, большое содержание имеет вероятностную природу (интенционал и импликационал, по М.В.Никитину [1988:61]). Большое и малое содержание признака вытекают из прототипной природы значения. Имеется в виду то обстоятельство, что в памяти людей хранятся не дифференциальные признаки предметов и явлений, а некие целостные образы, прототипы, гештальты, с которыми сопоставляются предметы. Например, типичная птица (малиновка, воробей), менее типичная птица (сова, попугай), нетипичная птица (пингвин, страус) [Rosch, 1975]. Сказанное относится не только к обозначению предметов, но и к обозначению событий, процессов, качеств и моделируется в теории фреймов. Искажение предметных прототипов есть абсурд (например, птица, у которой четыре ноги), искажение более сложных прототипов представляет собой ломку социальных ценностей (например, смех во время похорон). Целостные образы в памяти поддаются научному (и обыденному или наивному) анализу, в результате чего выделяются различные сопоставимые характеристики этих образов или семантические признаки.

Природа ментального лексикона, членения, хранения и переработки значения в человеческом мозгу остается неясной. Отмечено, что в ментальном лексиконе, по-видимому, нет четких значений, хранение информации организовано по принципу прототипов, а прототипы сопоставляются по некоторым правилам предпочтений [Aitchison, 1988:356]; в механизме порождения речи нет точных аналогов слова, нет подобия нормативной грамматической системы; слово - окончательный продукт порождения, в механизме же порождения наличествуют иные функциональные единицы [Красиков, 1990:202]; информация в мозгу, вероятно, хранится

и считается голографически, т.е. организована по принципу голограммы (характеризуется многомерностью, выводимостью целого из части и возможностью совместимости и выделимости информации) [Залевская, 1990:160]. Отождествление ментального лексикона и словаря (идеографического) представляет собой некоторое упрощение действительности. Вместе с тем и полный разрыв этих двух сущностей в научной теории, на наш взгляд, также мало продуктивен; задача состоит в поисках взаимосвязей и опосредующих образований между ментальным лексиконом человека и словарем, существующим независимо от конкретного носителя языка (Словарем как универсальной таксономией семантики, по Ю.С. Степанову [1981:7]). В этом смысле семантические признаки как статические и динамические образования представляются продуктивной научной абстракцией, с помощью которой можно выявить природу значения и означивания.

В исследовании общих проблем значения противопоставляются три направления: 1) изучение информации (проблемы референции и условий истинности), 2) изучение представления информации (семантические операции, когнитивные процессы), 3) изучение переработки информации (понимание текста, хранение и представление знаний и т.д.) [von Stechow, 1988:4]. Семантические признаки имеют и референтное, и операциональное, и интерпретативное измерение. Эти три вида измерений вытекают из триединой сущности знака - из семантики, синтактики и прагматики знака. Прототипная модель значения в некоторых работах сталкивается с компонентной моделью представления значения [Dahlgren, 1988; Persson, 1990]. Существо дела четко показано в "Семантике" Дж. Лича: выделяются три различных уровня, на которых можно проанализировать значение слова: 1) словозначение как некоторая целостность представляет собой "упакованный опыт", 2) эту единицу можно разложить на компоненты или признаки посредством компонентного анализа, 3) как словозначения, так и признаки можно представить в виде нечетких множеств атрибутов [Leech, 1974:121]. Речь идет о модели "категориальный концепт + типичные атрибуты". Например: lady = a human adult female + of good social position - "леди = взрослый человек женского пола + с высоким социальным статусом". В компромиссной модели атрибутов анализируется пространство между малым и большим содержанием значения, выявляется иерархия семантических признаков, характеризующих концепт.

Определить семантический признак можно путем его толкования. Возможны различные типы толкований: предметное и понятийное, самодостаточное и отсылочное, краткое и развернутое. Например, признак цвета толкуется предметно, самодостаточно и кратко, а признак официальности - понятийно, развернуто и при помощи отсылок к ситуациям,

обычно характеризуемым как официальные. Различные типы семантических признаков требуют различных типов толкования. Необходимо отметить, что в практике общения краткие определения удовлетворяют требованиям взаимного понимания, но не исчерпывают большого - в принципе неисчерпаемого - содержания семантического признака.

Семантические признаки существуют в памяти носителей языка и реализуются в речевой деятельности, закрепляясь в устных и письменных текстах. Сосредоточив наше внимание на письменном тексте как месте проявления семантических признаков, мы условно разграничиваем два типа такого проявления: дефинитивный и недефинитивный тексты. В первом случае речь идет о словарном толковании семантического признака, а словари, как известно, выделяют ядерную часть значений, т.е. определяют малое содержание (ближайшее значение слова по А.А.Потебне) [Потебня, 1964:146]. Ассоциативный тезаурус нами не рассматривается. Во втором случае мы говорим о текстовом наведении определенного смысла на слово или словосочетание, которым не присущ такой смысл по словарным определениям. В дефинитивном тексте реализуется узуальный смысл, в недефинитивном тексте - окказиональный смысл семантического признака. С точки зрения выявления того или иного признака недефинитивный текст является специализирующим. Задача конкретного описания семантических признаков сводится, на наш взгляд, к выявлению и характеристике типов словарных (дефинитивных) и специализирующих (недефинитивных) текстов для соответствующих признаков.

Категориальный признак понимается в данной работе как семантический признак особого типа, признак категориального замещения действительности. Какова специфика категориального замещения ?

Термин "категория" активно используется в различных науках. В философии категории трактуются как "наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности, познания" [Спиркин, Ярошевский, 1983:251]. Говоря о категориях, обычно имеют в виду разряд, группу явлений, объединенных общностью признаков. В лингвистике категории рассматриваются как "наивысшие обобщения одновременно в трех сферах - мышления, психики и языка" [Степанов, 1981:36]. Языковая категория в широком смысле - это "любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле - некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака (например, "категория падежа", "категория одушевленности/ неодушевленности", "категория вида",

"категория звонкости/ глухости")" [Булыгина, Крылов, 1990:215].

Лингвистическая традиция связывает с изучением категорий прежде всего освещение грамматического строя языка. Грамматическая категория определяется как "обобщенное значение, последовательно выражаемое в данном языке системой грамматических форм, структура которых зависит от морфологического типа языка" [Ярцева, 1975:5]. Подчеркивается относительная самостоятельность и вариативность планов содержания и выражения грамматической категории: "Та или иная единица, имеющая только в высшей степени общее значение, представленное отдельными, объединяемыми и обобщаемыми в нем (т.е. относительно более частными) видовыми значениями, и выражающая это свое общее значение в систематическом противопоставлении различных форм, и может быть с наибольшим основанием определена как формальная категория языка" [Смирницкий, 1957:29]. Смысловая и формальная вариативность внутри категории носит системный характер. Категории грамматики (например, лицо, число, склонение, время) выражаются специфическими грамматическими способами: служебными словами, флексиями, повторами, порядком слов и др. Вместе с тем значение грамматических категорий может быть выражено (или, если говорить точнее, описано) лексически. В частности, категория числа представляет собой как бы вершину пирамиды, образуемой понятием множественности, которое находит различные способы выражения в лексике и грамматике. В таком случае мы говорим не о формальной грамматической, а о функциональной семантической категории.

Семантические или понятийные категории обобщают и вариативно представляют в языке такие понятия, как множественность, вещественность, одушевленность, модальность [Мещанинов, 1978:238]. Проблема понятийных категорий интересует не только лингвистов, но и логиков и психологов, поскольку затрагивает сущность речемыслительного процесса. Категории языка тесно связаны с категориями мышления: "Мысль не выражается в слове, но совершается в слове" [Выготский, 1956:330]. Заметим, что в слове выражается не только мысль в логическом понимании, поскольку сознание включает наряду с мышлением чувства и волю. Кроме того, мысль совершается не только в слове, так как существуют и невербальные формы мышления. Категории языка разноплановы и обобщают как логические, так и чувственно-волевые моменты языкового освоения мира. Имеется в виду содержательная сложность понятийных категорий, выражающих диалектическое соотношение общего и особенного в языке как абстракции и в конкретных языках. Смысловое ядро понятийных категорий универсально, а околядерное пространство, своеобразное силовое поле категорий

специфично. Эта специфика определяется двойкой обусловленностью. С одной стороны, ядро понятийных категорий обусловлено более частными и своеобразными значениями, вбирающими в себя ассоциативный фон определенных культурно-исторических общностей людей. Речь идет о семантической специфике, о языковой картине мира. С другой стороны, языковые понятия обусловлены конкретным языком как инструментом познания мира, приоритетными для данного языка грамматическими способами, их комбинаторикой, их взаимодействием со всеми остальными способами выражения содержания в языке. Форма влияет на содержание категорий: "само членение смыслового континуума возможно лишь при опоре на формальные единицы, на дискретность единиц плана выражения" [Гуревич, 1987:24]. Изучая категориальные признаки в лексическом значении, мы рассматриваем не ядро, а околоядерное пространство, периферийные способы выражения категориального значения и, следовательно, анализируем специфические виды категоризации. В данной работе языковая категоризация понимается как вариативность проявления семантической категории в языке. Существует и другое понимание категоризации, которая трактуется как классификация мира средствами языка.

Теория понятийных категорий последовательно развивается в функциональной грамматике. Основным принципом моделирования языка является в таком случае направление "от функции к средству" [Слюсарева, 1986:10]. Функциональная грамматика строится как описание функционально-семантических полей, т.е. "семантических категорий, опирающихся на различные средства грамматического выражения в данном языке в их взаимодействии со средствами лексическими и контекстуальными" [Бондарко, 1983:32]. Функциональный подход к грамматике дает возможность получить целостное представление о языковой технике. В качестве одного из узловых понятий функциональной грамматики выступает "семантическая зона", которая, применительно к категориальному признаку, "в принципе состоит из трех компонентов: 1) грамматическая категория, специально предназначенная для выражения значений данного семантического признака, и/ или грамматическая категория, выражающая эти значения попутно, окказионально, 2) подклассы слов той или другой части речи, сочетающиеся с данным семантическим признаком, 3) слова, лексически выражающие значения данного семантического признака" [Храковский, 1985:73]. Наряду с функционально-семантическими полями и функционально-семантическими категориями выделяются функционально-прагматические поля и соответствующие категории [Беляева, 1990:23].

Вариативность содержания и формы языковой категории рассматривается нами прежде всего как категориальная

градация, функциональная иерархия категории. Функциональная иерархия категориального признака определяется его системными способами выражения. В языке отдельными словами и словосочетаниями обозначается то, что актуально для человека. Плотность обозначения различных сфер объективной и субъективной действительности неодинакова. Называя предметы и их признаки - качества, свойства и отношения, человечество аккумулирует в языке знания о мире. Например, признак одушевленности очень важен для познания и освоения мира, поэтому этот признак пронизывает большое число слов (т.е. характеризуется высокой семантической плотностью) и получает многоступенчатую и разнонаправленную систему способов выражения: определяет сочетаемостные характеристики слов, выражается в служебных и полуслужебных морфемах, является основным и неосновным в значении слов, имеет множество уточнений в языке. Иерархия категориального признака предполагает не только функциональную общность между лексическими и грамматическими средствами выражения семантической категории, но и цепь опосредований внутри грамматического и внутри лексического значений. Изучение функциональной иерархии категориальных признаков уточняет наши знания о семантической организации языка, о языковых категориях и средствах языковой техники.

Вопросы соотношения лексического и грамматического значения неоднократно привлекали к себе внимание лингвистов. Наиболее релевантные для нас выводы относительно содержания и выражения грамматического значения сводятся в тезисной форме к следующим положениям:

1. При рассмотрении грамматической категории от лексики и семантики к грамматике обнаружено, что грамматическое значение представляет собой значение отношения (релятивное значение), складывающееся из трех различных типов абстракции, соотносимых с общими характеристиками знака (семантика, синтактика и прагматика) [Моррис, 1983:42]. Отношения или стороны знака взаимодополнительны, не обусловлены друг другом, не находятся в причинно-следственных отношениях [Литвин, 1984:105]. Три стороны знака преломляются в различных типах абстракции как номинация (абстракция предметов, признаков и действий), предикация (абстракция связей между предметами) и локация (абстракция отношений человека к месту и времени речи) [Степанов, 1975:122]. Как в семантике высказывания, так и в семантике слова противопоставляются модус и диктум, по Ш.Балли.

2. "Грамматичность" имеет градуальный характер, можно говорить о более грамматичных и менее грамматичных значениях данного языка [Булыгина, 1981:330]. Грамматический строй языка имеет лексическую сторону [Виноградов, 1972:12]. Существуют выраженные (эксплицитные) и скрытые

(имплицитные) грамматические значения. Первые получают категориальное значение в репертуаре грамматических способов, вторые выделяются косвенно, благодаря ограничениям в сочетаемости слов [Арутюнова, Булыгина, 1972:211; Шведова, 1984:11].

Изучение категориальных признаков в значении слова позволяет объяснить лексическую обусловленность грамматической системы языка, поскольку если семантический признак непосредственно соотносится с грамматическим формантом, то такой признак должен опираться на функционально-семантическое поле. Отсюда следует необходимость установления рангов категориальной градации. Мы принимаем грамматический способ выражения категориального признака за высший ранг языковой категоризации, лексический способ выражения - за низший ранг вариативности семантической категории в языке и рассматриваем как полярные, так и промежуточные ранги категоризации признака социального статуса человека в семантической системе языка. Необходимо заметить, что наличие функционально-семантической базы, лексических способов выражения некоторого признака не является гарантией морфолого-синтаксического проявления такого признака. В любом языке есть, например, группа слов и словосочетаний, выражающих удивление и восхищение, но грамматически это понятие выражено в албанском языке как особая формальная категория адмиративности. Формальные категории обусловлены не только семантическим основанием категориальных признаков в лексике, но и типологическими доминантами грамматической системы. В этом плане особый интерес для нашего анализа представляют скрытые категории, промежуточный тип между собственно лексической и формально-грамматической категоризацией.

Категориальные признаки в значении слова объясняют организацию лексико-семантической системы языка. Эти признаки имеют различный удельный вес в семантике слова. Например, в значении слов "изгнанник" и "прочь" наличествует указательный признак "от субъекта". Методика выделения признака рассматривается нами ниже, здесь же важно подчеркнуть различный удельный вес указательного признака в значении сравниваемых слов. В значении слова "прочь" этот признак является доминирующим, в значении слова "изгнанник" - подчиненным. Отсюда вытекает тезис о специализации категориального признака в значении слова: признак может получить специализированный способ выражения, т.е. быть смысловой доминантой слова, и неспециализированный способ выражения, т.е. занимать подчиненное положение в значении. Применительно к семантике слова правомерно, на наш взгляд, вести речь о максимальной, минимальной и промежуточной специализации признака.

Таким образом, признак в семантической системе языка можно определить как категориальный, если этот признак выражает значение отношения, является специализированным по отношению к большой группе неспециализированных близких по значению признаков, обозначающих актуальные для общественной практики темы, имеет в качестве одного из способов выражения грамматический способ или (в случае скрытой категории) регулярно проявляется в правилах и ограничениях сочетаемости слов.

Определение категориального признака раскрывает основные аспекты построения его типологии: 1) типы релятивных значений, поскольку в языке существует система разнородных категорий, каждая из которых опирается на определенный вид значения отношения, 2) типы категориальной вариативности, поскольку различные категории имеют специфические способы выражения применительно к классам слов, 3) типы грамматикализации признака, поскольку на высшем уровне категоризации признак получает специфический грамматический способ выражения. Говоря о категориальном признаке в значении слова, мы тем самым ограничиваем диапазон изучения категориального признака социального статуса человека типологией категориальной вариативности в лексике.

3.1.2. ВЫДЕЛЕНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ

Проблема категориальных признаков имеет в самом общем плане две стороны: что есть категориальный признак и каковы пути его изучения. Выше мы попытались доказать, что категориальные признаки объективно существуют в содержательной системе языка, поскольку объективно существуют языковые категории. Теперь необходимо определить критерии выделения категориальных признаков, показать пути изучения предмета нашего рассмотрения.

В данной работе предлагаются три подхода к решению поставленного вопроса: дедуктивное, индуктивно-формальное и индуктивно-содержательное моделирование.

Имеющиеся в лингвистической литературе модели языковых категорий, построенные на дедуктивной основе, весьма разнообразны, и их подробный анализ есть по сути дела анализ лингвистической теории как таковой. Поэтому мы ограничимся некоторыми моделями применительно к тематике социального статуса человека.

Дедуктивное рассуждение базируется на исходной ячейке абстракции. В данной работе мы опираемся в качестве точки отсчета на знаковые отношения – отношение знака к человеку, к миру и к системе знаков (прагматика, семантика и синтактика). Соответственно, строятся три модели выделения

категорий на дедуктивной основе: коммуникативная, когнитивная и структурная модели.

Коммуникативная модель, представленная в различных прагмалингвистических и социалингвистических теориях, строится как абстрактная формула ситуации общения, в которой выделяются говорящий, слушающий (адресат), предмет речи и обстоятельства общения. Далее эта формула конкретизируется по линии говорящего, слушающего и т.д., а также по линиям взаимосвязи между ними. Указательное уточнение говорящего разворачивается в категориях дейксиса (указания) - "Я" - "здесь" - "сейчас" [Ерзинкян, 1988]. Целевое уточнение говорящего уточняется при помощи категории интенции - констатация, вопрос, побуждение [Старикова, 1985]. Конкретизация позиции слушающего происходит в категориях установки - информативность, экспрессивность, прозрачность, вежливость [Гак, 1982]. Конкретизация предмета речи реализуется при помощи категорий актуального членения информации - тема и рема, пресуппозиции, предварительные и действительные сведения [Слюсарева, 1981]. Конкретизация обстоятельств общения осуществляется при помощи категорий стилистики - регистр, стиль, жанр общения. Конкретизация связи между говорящим и слушающим происходит в категориях модальности, социального статуса и др.

Когнитивная модель строится как абстрактная формула ситуации действия или состояния. В наиболее абстрактном виде эта формула сводится к логическому определению "субъект + предикат". Последовательная конкретизация субъекта и вычленяемого из предиката объекта приводит к установлению категорий аналогового синтаксиса, в наиболее рельефной форме представленных в падежной грамматике [Филлмор, 1981]. Конкретизация предикатной связки приводит к выделению типов действий, состояний, процессов и их обстоятельственных уточнений [Слюсарева, 1986].

Структурная модель строится на основании линейных взаимозависимостей в тексте. Существуют статические и динамические структурные модели. В статических моделях разграничивается сочинение и подчинение, уточняются виды подчинения - согласование, управление и примыкание. В динамических моделях рассматриваются трансформации в терминах категорий замещения, свертывания, развертывания и др. [Г.Г.Почепцов, 1981].

Признак социального статуса человека определяется, как было показано выше, в различных вариантах коммуникативной модели знаковых категорий.

Категории, выделенные на основе дедуктивного подхода, уточняются и проверяются при помощи индуктивного обобщения данных.

Каковы пути и процедуры выделения категориальных признаков при индуктивно-формальном моделировании ? Индуктивно-формальное моделирование заключается в инвентаризации выраженных и выявлении скрытых категорий.

Инвентаризация выраженных категорий представляет собой принятое в нормативных и теоретических грамматиках перечисление категорий на основе выраженных категориальных форм и обычно выливается в формальную или формально-содержательную классификацию категорий. Цель построения таких классификаций состоит, по-видимому, в сопоставлении различных грамматик и типологическом осмыслении языка, в выявлении языковой техники, в определении универсальных и специфических способов выражения грамматического значения. Индуктивно-формальный подход направлен от формы к содержанию, и хотя в любом случае процедура лингвистического описания является челночной (выражение - содержание - выражение или форма - значение - форма), такой подход фиксирует внимание исследователя на поиске содержательных различий. Приведем параллель: индуктивно-формальный подход к синонимам направлен на выявление тонких дифференциальных признаков и установление значимости каждого члена синонимического ряда в той или иной микросистеме. Индуктивно-формальный подход к языковым явлениям представляет собой необходимую ступень при построении лингвистической теории.

В традиционной грамматике противопоставляются морфологические и синтаксические категории. Основанием для выделения категорий является их форма, значение и функция (значение как системно значимое внутреннее свойство, функция как обращенность к внеязыковым целям - смыслу) [Бондарко, 1985:21]. Например, в английском языке выделяется категория перфекта, иначе именуемая категорией (временной) отнесенности или таксиса. формой выражения этой категории является сочетание вспомогательного глагола и причастия смыслового глагола, основное значение перфекта - это выражение ретроспекции или связи между прошедшим и настоящим, а функция перфекта заключается в контекстуальном указании на завершенность и/ или предшествование. Важно отметить принципиальное различие между двумя классами морфологических категорий - инвариантными и вариативными. К первым относятся категории частей речи, рода существительных, переходности глагола и др. (т.е. лексико-грамматические разряды слов по А.И.Смирницкому), ко вторым - категории числа, падежа, времени и др. (т.е. регулярные типы формоизменений). Весьма существенно в этом отношении различие между собственным (имманентным) и отраженным (рефлексивным) характером признака [Блох, 1986:91]: глагол спрягается по лицам и числам (рефлексивный признак) и

склоняется по времени, виду, залогу и наклонению (имманентный признак).

Категориальные признаки вариативных категорий детально анализируются в работах по функциональной грамматике. Так, на основании позиционных и содержательных характеристик выделяются четыре группировки функционально-семантических полей - с акциональным, предметным, квалитативно-квантитативным и обстоятельственным ядром. В пределах каждой группировки выделяются конститутивные признаки категорий. Например, внутри функционально-семантического поля с акциональным ядром выделяются аспектуально-темпоральные, модально-бытийные, акционально-субъектные/объектные отношения [Бондарко, 1983: 42-42].

Категориальные признаки в синтаксисе освещаются в работах по синтаксемному анализу [Мухин, 1980]. Установлено свыше 70 синтаксико-семантических признаков, составляющих в определенных сочетаниях содержание единиц глубинной структуры предложения - синтаксем. Это такие признаки, как вокативный, градуальный, инструментальный, компаративный, модальный, темпоральный и др. С иных позиций рассматриваются категориальные признаки, установленные на основе анализа смысловых отношений в структуре языка (например, отношений принадлежности, соединительности, разделительности [Варшавская, 1985]). Синтаксические категориальные признаки, выделяемые при анализе словосочетаний, предложений и целого текста (дискурса), могут сближаться с морфологическими категориальными признаками (определенность, персональность, модальность), но во многих случаях принципиально отличаются от морфологических признаков (атрибутивность, односоставность, когезия). Следует отметить, что говорить о формально-индуктивном моделировании целого текста можно, как нам представляется, только в единстве с содержательно-индуктивным моделированием. В английском языке, как и в русском, нет эксплицитной категории социального статуса человека. Предмет нашего изучения выступает в английской грамматике в виде имплицитной категории. Имплицитные категории проявляются опосредованно через эксплицитные категории. Та или иная эксплицитная категория выступает в виде категориального контекста для конкретной имплицитной категории, поэтому для изучения специфики проявления категории социального статуса человека в английском языке необходимо рассмотрение категорий, являющихся категориальным контекстом или категориальным носителем для имплицитной категории социального статуса.

Формальный критерий выделения категориального признака применительно к скрытым категориям заключается в поиске синтаксических показателей этих категорий. Например, показателем категории отчуждаемости является наличие

необходимого характеризующего слова: "дед с красным носом" - * "дед с носом" [Михневич, 1969:103].

В типологическом плане возможно формальное выделение категориальных признаков скрытых категорий путем полной инвентаризации выраженных категорий во всех языках. Скрытая категория в одном языке может оказаться выраженной в другом. Например, в турецком языке выделяется 12 морфологических категорий глагола, в том числе взаимосовместность/ несовместность, интенсивность (мгновенная, продолжительная, сверхпродолжительная), стадия (моментальность, намерение, привычность, результативность, законченность), аспект (положительный, отрицательный, возможности, невозможности), акт (очный, заочный)¹⁸.
18 Джанашиа Н.Н. Морфология турецкого глагола. Тбилиси, 1981. - 251 с. Эти значения, вероятно, в любом языке находят лексическое выражение, а в некоторых языках выражаются грамматически, но в ином категориальном контексте. В русском языке стадийное значение турецкого глагола может быть передано при помощи средств выражения аспекта применительно к значению "привычность" (ходил - хаживал). В английском языке в данном случае используется конструкция с предикатным актантом: *green fields where we used to wander*.

Эксплицитная категория социального статуса человека представлена в языках народов Юго-Восточной Азии - японском, корейском, яванском и др. [Harada, 1976:499; Головин, 1986:161-167]. В японском языке выделяется категория адрессива, выражающая отношение говорящего к собеседнику (адрессивные формы - с суффиксом -мас и неадрессивные формы - без этого суффикса в глаголах), и категория гоноратива/ депрециатива, выражающая отношение к лицу, о котором идет речь в предложении (гоноративные, почтительные формы образуются суффиксальным путем в системе глагола, депрециативные, уничижительные формы образуются аналитически в системе глагола; депрециатив употребляется только тогда, когда речь идет о собственных действиях или о действиях человека, тесно связанного с говорящим по родству или по свойству) [Алпатов, 1973:13, 51, 53]. Система гоноратива/ депрециатива дублируется в лексике: сравните, с одной стороны, "Ваше почтенное имя" - соммэй, "Ваше благоуханное имя" - гохомэй и, с другой стороны, "моя неумелая работа" - сэссаку, "моя глупая сестра" - гумай, "мое жалкое жилище" - сэттаку [Неверов, 1977:322]. Лексические способы выражения ядерного грамматического значения характеризуют те же самые смысловые линии "Не я - я", "Возвышение - принижение". Наблюдается сложная градация гоноративных, депрециативных и адрессивных форм в высказывании в зависимости от степени знакомства коммуникантов, возраста и пола говорящего и адресата (женщины более вежливы, чем мужчины)¹⁹, 19У малагасийцев -

наоборот. для мужчин степень вежливости в первую очередь определяется возрастом адресата, для женщин - степенью знакомства) [Ogino, 1986:41-45]. Эта же категориальная система представлена в системе местоимений корейского [Kim-Renaud, 1987] и персидского [Узина, 1980] языков. В персидском языке выделяется ряд вежливых эквивалентов местоимений, выражающихся существительными, прилагательными, причастиями и некоторыми словосочетаниями, которые в данной функции теряют свое значение и выражают дейктический смысл: вместо ман - "я" употребляется бандэ - "раб" или ин джанэб - "эта сторона". Ман говорят о себе, только когда обращаются к лицам значительно более низкого социального положения [Узина, 1980:127]. Сравните в русском языке "Ваш покорный слуга".

Самоуничижение и возвышение другого выражается в системном противопоставлении лексики. Такое противопоставление обычно рассматривается в стилистике. Это - стилистический план выражения единой языковой категории. Так, в персидском языке выделяются два слоя синонимичной глагольной лексики: нейтральная и глумилятивно-гонорифическая (депрециативно-гоноративная в терминах Алпатовой). Нейтральная лексика представлена простыми глаголами персидского происхождения, статусно-маркированные синонимы представляют собой комбинацию персидского связочного глагола (типа "делать") и субстантивного элемента арабского происхождения. Например, простому глаголу дадан - "давать" соответствует глумилятивный комплекс такдим кардан (этимологически - "подношение делать") и гонорифические комплексы лофт кардан, махармат кардан, мохаббат кардан (субстантивные компоненты этимологически обозначают понятия "милость", "позволение", "доброта") [Веeman, 1986:142-143]. Из приведенных данных следует, что наличие категориального ядра поддерживается мощной категориальной периферией, сохраняющей основную структурную формулу категории.

В типологическом плане можно выделить наиболее характерологические категории для данного языка. Для русского языка одной из таких категорий, вероятно, будет аспектуальность, для английского языка - модальность, для некоторых других языков - категория социального статуса.

Категории существуют не изолированно, а в категориальных комплексах. Так, в русском языке функционирует единый комплекс вида, залога, наклонения, времени и лица в системе глагола. Вид и залог - независимые категории, определяющие наклонение, которое, в свою очередь, определяет время глагола, а последнее определяет лицо [Пупынин, 1990:6]. Форма и содержание категорий тесно связаны, но в силу комплексной организации категорий в известной мере автономны. В языке возможны пустые

категориальные ряды, выражающие значение, которое по некоторым причинам осталось потенциальным в данном языке. В русском языке, например, структурно разрешены, но не функционируют причастия будущего времени, образованные от глаголов совершенного вида: "побегущий", "испепелящий", "умрущий" и др. Возможен контекст: "Сегодня смеются беспечно умрущие завтра в бою". В латыни, как известно, причастия будущего времени существовали. В английском языке к подобным пустым категориальным рядам относятся сверхсложные видо-временные образования, например, *future continuous passive*. Дело значительно осложнится, если речь пойдет о категориях применительно к регистру общения: так, в русской разговорной речи деепричастие почти не употребляется либо употребляется в ненормативных формах с точки зрения литературного языка. Пустые категориальные ряды свидетельствуют о коммуникативной избыточности соответствующей категории для данного языка. Но такой ответ вряд ли удовлетворит нас, если мы знаем, что в других языках соответствующая категория является действующей.

Категориальные комплексы в конкретном языке включают несколько категорий, неравноценных по своей категориальной мощности. Их можно было бы назвать категории большей и меньшей яркости. Например, категориальный комплекс модальности/ темпоральности в русском языке включает категорию засвидетельствованности (пересказывательности), выражаемую отдельно в балканских языках (имперцептивная модальность) [Литвинов, 1986:76]. В русском языке это значение выражается посредством особых частиц и модальных слов: "Он-де не хотел идти, а его, мол, заставили и якобы уговорили никому не звонить." Аналогичным образом передается в русском языке и категория притворности глагольного действия, выделяемая в морфологии удмуртского глагола. Эта категория обозначает притворность, фиктивность, неполноту действия и выражается суффиксально ("был болен" - "притворялся/ казался больным")²⁰.
20 Г.А. Ушаков. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск, 1982 - 144 с. Категория социального статуса передается в английском и русском языках некоторыми периферийными средствами категориальных комплексов модальности, определенности/ неопределенности, диатезы и др.

Содержание категории в терминах внутренних оппозиций и вхождения в тот или иной категориальный комплекс представляет собой семантическую категориальную формулу. Можно разграничить внешнюю и внутреннюю формулу категории. Схематически внешняя категориальная формула социального статуса человека может быть представлена следующим образом: МОДУС (ДИКТУМ), т.е. МОДУС = социальный статус + модальность + оценка + стилистический регистр + эмотивность

+ экспрессивность + акцентирование + дейксис + ... (ДИКТУМ = действие / процесс / состояние / событие + актанты: Агенс + Пациенс + Инструмент + ...). Внутренняя формула категории социального статуса имеет, на наш взгляд, следующий вид: Статус = Индекс (Вектор (Репрезентация)), где статусный индекс - это отношение "говорящий - адресат/ третье лицо", статусный вектор - отношение "от вышестоящего - к нижестоящему" и "от нижестоящего - к вышестоящему" (нисходящий и восходящий вектор), статусная репрезентация - отношение с восходящим вектором по линии возвышения адресата и самоуничижения говорящего (гоноратив и гумилиатив).

Применительно к внешней категориальной формуле статуса следует подчеркнуть, что некоторые категории проявляются в функционально-грамматической и функционально-стилистической сферах языка. Модус (модальность в широком смысле) принадлежит, как нам представляется, именно к этим категориям. Значения диатезы и темпоральности относятся преимущественно к функционально-грамматической сфере, хотя могут иметь определенные стилистические коннотации (например, настоящее историческое время), значения эмотивности и экспрессивности относятся только к функционально-стилистической сфере. Функционально-семантические и функционально-стилистические категории принципиально различны [Кожина, 1983:22], но, на наш взгляд, возможен общий знаменатель для этих типов категорий, и таким общим знаменателем является категория (или суперкатегория) модуса. Распределение способов выражения категории статуса в разных языках обнаруживает либо полное (грамматическое, лексическое и стилистическое) представление категориальных значений, либо частичное (лексическое и стилистическое) представление значений. Мы не затрагиваем здесь проблему соотношения категорий или точек отсчета: является ли модальность частью оценки и наоборот. Обе точки зрения имеют право на существование в определенных категориальных системах. Мы также не строим категориальной формулы модуса: проблема суперкатегорий составляет отдельный важный вопрос общего языкознания.

Внутренняя формула категории социального статуса имеет три глубины измерения (коммуникативная, социальная и репрезентативная). Если репрезентативное измерение статуса формально представлено в языке, значит, в этом языке категория социального статуса находит многообразные способы выражения в грамматике и лексике и относится к числу характерологических категорий для данного языка. Если же репрезентативное измерение статуса формально не представлено, то категория статуса выражается лексически, стилистически и имплицитно-грамматически.

Скрытые категории могут выявляться и, так сказать, "на чужой территории". Имеется в виду одушевленность у прилагательных [Марусенко, 1979], залоговость у существительных [Ковалева, 1984], темпоральность у существительных [Шмелев, 1983]. Например, "пассажир", "пациент", "экзаменатор" могут реализовать свои функциональные возможности в названных качествах только в условиях процесса, происходящего в определенный момент данной ситуации. В английском языке такая ситуация является системообразующей для продолженного вида глагола. Продолженный вид может получить экспрессивное переосмысление (субъективную постоянную характеристику): *She is always crying*. Аналогичная транспозиция происходит и с категориальным признаком ситуативной конкретизации в значении существительных: "постоянный пациент", "вечный жених". Существительные, категориальный признак в значении которых характеризуется всевременностью или вневременностью, подобных трансформ не допускают: * "постоянный брат", * "вечный англичанин". Существуют промежуточные случаи с предпочтительным выделением либо невыделением темпорального признака ситуативной конкретизации у существительных типа "филолог", "коллекционер". В значении существительных выделяется также темпоральный признак результата, соответствующий категориальному признаку перфектной корреляции в системе глагола. Результативное значение отмечается в семантике слов "автор", "убийца", "лауреат" и не отмечается в значении слов "мальчик", "мечтатель", "храбрец".

Категориальная транспозиция статусного признака в английском языке проявляется на базе категории определенности/ неопределенности, а именно в случае употребления артиклей с именами собственными, которые в норме с артиклями не употребляются. Неопределенный артикль перед именем собственным понижает статус носителя этого имени: а *Mr. Brown*, а *Smith* - некий м-р Браун, некий Смит. Транспонированное проявление категории характеризуется нечеткостью и связано с ближайшими категориальными признаками в пределах категориального комплекса - с оценкой и модальностью. Некоторые виды транспонирования статуса проявляются как выход за пределы семантико-стилистической нормы, например: "В этом классе - сорок пять штук учеников !" Экспрессивное использование энумератива "штука", употребляемого только с предметными неодушевленными существительными, понижает статус учеников как людей, объектов обучения и воспитания.

К числу менее экзотичных способов транспозиции статусного признака относится маскирующий пассив ("Против демонстрантов были использованы водометы" - Кем и по чьему распоряжению ?), сложные виды модально-темпоральных

сочетаний в просьбах и приказах (снижение категоричности высказывания сближается со статусной репрезентацией), например: "Вы не могли бы помочь мне перевести эту фразу?", косвенное обращение: "Некоторые могли бы и помолчать" (о присутствующих).

Категориальная транспозиция, перенос категориального признака на класс слов, не являющийся базой для соответствующего признака, показывает взаимосвязь и динамику семантических признаков в лексике и грамматике. Категориальные транспозиции видоизменяют категориальный признак в совокупности его характеристик. В этом плане уместно различать широкие и узкие категориальные значения, активно либо ограниченно переносимые на другие разряды слов.

В лингвистической литературе высказано мнение о том, что скрытые категории выражают субкатегориальные значения, характеризующие подклассы частей речи: одушевленность/неодушевленность, конкретность/ абстрактность, лицо/ нелицо, движение/ неподвижность, постоянный/ переменный признак и др. [Харитоновна, 1982:9]. В этой связи обсуждается также проблема суперкатегорий [Басманова, 1977:4]. На наш взгляд, подобное понимание не противоречит развиваемой в данной работе концепции категориальной транспозиции и категориального контекста как способа проявления скрытой категории.

Индуктивно-формальный критерий выделения категориальных признаков дает, таким образом, в руки исследователя несколько вариантов исчисления категорий: 1) перечисление выраженных категорий, 2) выявление скрытых категорий, 3) типологический анализ категориального фонда языков, 4) анализ категориальной транспозиции. Думается, что эти варианты взаимодополнительны.

Процедура выделения категориального признака в лексическом значении на основании формального критерия заключается в определении лексического выражения соответствующего категориального признака, принимаемого как данный. Например: expect1 - to think (that something will happen) (LDCE); partly1 - not completely (LDCE); general - an officer of very high rank in the army (LDCE). В определениях слов expect - "ожидать", partly - "частично", general - "генерал" непосредственно выражены темпоральный признак будущего времени, модально-бытийный признак отрицания, статусный признак ранга. Аналогичным образом выделяются другие категориальные признаки, непосредственно данные в словарных дефинициях.

В ряде случаев категориальный признак не выражается непосредственно в составе словарной дефиниции и выявляется методом семантического развертывания: blame1 - consider (someone) responsible (for something bad) (LDCE);

responsible1 - having the duty of looking after someone or something so that one can be blamed (by the stated person) if the things go wrong (LDCE); duty1 - what one must do either because of one's job or because one thinks it right (LDCE). В приведенном примере в значении глагола blame - "обвинять, порицать" устанавливается модальный компонент долженствования (must - "должен").

Формально-индуктивный критерий выделения категориальных признаков в значении слова аксиоматичен. Для начального этапа построения теории аксиоматичность - это, вероятно, оптимальный (самый экономный) способ рассуждения. Следующим этапом является объяснение. Следовательно, формально-индуктивное моделирование должно быть дополнено содержательно-индуктивным моделированием.

Содержательно-индуктивный критерий выделения категориальных признаков складывается, как нам представляется, из трех направлений доказательства, соответствующих трем сторонам знака - классификация, трансформация, интерпретация.

Рассмотрим содержательно-индуктивный критерий выделения категориальных признаков на примере категоризации инструментального признака в классификационном объяснении: dagger1 - a short pointed knife used as a weapon (LDCE); knifel - a blade fixed in a handle used for cutting as a tool or weapon (LDCE); weapon - a tool for harming or killing in attack or defence (LDCE); tool1 - any instrument held in the hands for doing special job (LDCE); instrument1 - an object used to help in work (LDCE); object1 - a thing (LDCE). Слово dagger - "кинжал" объясняется в словаре как "короткий остроконечный нож, используемый в качестве оружия". Нож (knife) определяется как "лезвие, укрепленное в рукояти, используемое для резания в качестве инструмента, оружия". Далее уточняются значения слов "оружие" (weapon) и "инструмент" (tool) и пределом вычленения является абстрактное понятие "предмет" (thing). Устанавливается естественная иерархия признаков-классификаторов: кинжал - нож - оружие - инструмент - предмет. Эти системные отношения рассматриваются в работах, посвященных гиперонимии и гипонимии [Дяченко, 1976], суперординатным связям слов [Залевская, 1990]. Классификаторы высших рангов, не получающие толкования в словаре, по-видимому, могут рассматриваться как категориальные признаки, выделяемые на классификационной основе.

Процедура выделения категориальных признаков заключается в анализе словарных дефиниций и выборке высших гиперонимов. Выполнение этой задачи на материале английского языка в значительной мере облегчено благодаря составителям словаря LDCE, в котором все дефиниции (около

55 000) толкуются только при помощи 2 000 опорных слов, список которых прилагается к тексту словаря.

Классификаторы по своей природе - признаковые слова, обозначающие признаки, по которым объединяются группы слов с более конкретной семантикой (животное: лев, слон, обезьяна; обезьяна: макака, шимпанзе, горилла).

Классификаторы являются знаками гиперо-гипонимических отношений в словаре. По мнению К.Дальгрена, реальные концепты в "наивной семантике" классифицируются по семи признакам "индивидуальное", "коллективное", "природное", "социальное", "физическое", "чувствующее", "протяженное во времени" (таблица 9)

Таблица 9.

Классификация реальных концептов

	Индивидуальные		Коллективные	
	природные	социальные	природные	социальные
Физические	камень	нож	песок	флот
Чувствующие	человек	программа	толпа	клиника
Временные	ураган	вечеринка	зима	эпоха

[Dahlgren, 1988:50].

Мы противопоставляем два типа классификационных признаков: классификаторы-конструкты и классификаторы-концепты. Конструкты лежат в основе различных идеографических словарей, представляя собой дедуктивно установленные рубрики для классификации слов по тематическому принципу. Так, в словаре Роже выделяются шесть основных рубрик (абстрактные отношения, пространство, вещество, интеллект, волеизъявления, чувства) (RTh), в словаре Т.Мак-Артура - 14 главных рубрик (жизнь, организм, люди, строения, пища, чувства и т.д.) (LLCE). Конструкты направлены в сторону субклассификации и завершаются отдельными словами. Концепты представляют собой обратное движение. Говоря о признаке-классификаторе в словаре, мы имеем в виду классификатор-концепт.

Наряду с классификаторами в дефинитивном тексте выделяются классификаторы в недефинитивном тексте: Мы шелком лун, как ризами, одеты, нам ведом день немеркнущих ночей, - полночных Солнц к себе нас манят светы. (М.А.Волошин). Контраст значений "день::ночь, свет::тьма" в приведенном фрагменте сонета с учетом названия произведения ("Звездный венец") свидетельствует, на наш взгляд, о классифицирующем признаке "космичность". Классифицирующие признаки поэтического текста имеют, впрочем, принципиально иную природу по сравнению с признаками в составе

определений. В словаре наблюдается минимальное расхождение содержания и выражения языкового знака, поэтому классификатор-признак в словаре стремится к соответствию с классификатором-словом. В недефинитивном поэтическом тексте действует, по-видимому, обратная тенденция.

Классификаторы в словаре противопоставлены признакам, назначение которых состоит в конкретизации при обозначении внеязыковой действительности. Классификация и конкретизация органически связаны в диктальном компоненте семантики, противопоставляемом модусному компоненту. Так, нельзя найти классификатор-концепт для слов "ох, ах, эх, подлец, негодяй, мерзавец". Классификаторы отражают логическую сторону системы семантических признаков, эта сторона - не единственная, и поэтому классификационный подход к выделению категориальных признаков должен быть дополнен другими подходами.

Вопрос о предельных классификаторах в языке связан с вопросом специфики знаковых систем. Толкование предельных классификаторов, например, каузации, как это показал Ч.Филлмор, приводит к неразрешимым проблемам в рамках одной и той же системы описания: "The word CAUSE itself seems to have a substructure: to say that John caused a cat to die is to say that John engaged in some activity and that activity directly resulted in the death of the cat." [Fillmore, 1972:9]. "Каузировать умереть" (разложение значения "убивать") представляется сложным образованием, поскольку означает "быть вовлеченным в некоторую деятельность, в результате чего наступает смерть". Признак "каузировать" является предельным классификатором для многих лексических значений типа "разрешить", "убить", "толкнуть" (класс каузативных глаголов в понимании Г.Г.Сильницкого включает в английском языке более 7 000 единиц, т.е. около 75 % всех глаголов) [Сильницкий, 1974:6], но классификаторы самого этого признака выражаются путем развернутых определений. Перенос в лингвистику методологического положения физики о неисчерпаемости атома способствовал поиску единиц языка, меньших, чем семантический признак. Но, как видим, однозначных соответствий в мире физическом и знаковом нет: попытка разложить предельные классификаторы оказывается попыткой шагнуть сквозь зеркало. "Представление об атомах смысла, столь необходимое для построения логической семантики, в психологическом плане не более, чем некоторая иллюзия" [Налимов, 1979:217].

Вопрос об объективности выделения категориальных признаков на содержательной основе в значительной мере зависит от объективности метода компонентного анализа в лексике. При помощи компонентного анализа удалось установить закономерности семантической статистики словаря,

выявить тонкие оттенки значений и, наконец, увидеть ограниченность этого метода и необходимость динамического осмысления семантической системы [Кузнецов, 1986].

Содержательный критерий выделения категориальных признаков включает синтаксические трансформации, дающие возможность определить границы варьирования значения. Например: "Рад сообщить Вам о положительном решении вопроса" - "С радостью сообщаю Вам о том, что вопрос решен положительно" - (?) "Рад и сообщаю Вам о том, что считаю решение вопроса положительным". В первом исходном предложении трансформации подлежат способы выражения информирования и результативности. В преобразованном втором предложении сохраняется семантическое содержание исходного предложения. В преобразованном третьем предложении исходное содержание искажено (устранена субординативная связь компонентов при выражении информирования и внесена дополнительная модальная характеристика при выражении результативности). Существует определенное сходство между классификационным и трансформационным объяснением: цель объяснения - обозначение объема и содержания класса лингвистических явлений.

Наиболее сложным видом содержательного моделирования является интерпретация. Интерпретация включает классификацию и трансформацию, но не сводится к этим видам объяснения. Например: X feels envious - X feels as one does when one thinks that what happened to someone else is better than what happens to one, and when one desires that it should happen to one, not to the other person; X feels jealous - X feels as one does when one thinks that someone else is getting from someone what one should be getting oneself, and when one wants to be given to oneself, not to the other person [Wierzbicka, 1972:64]. - "Я испытываю зависть - это значит, я испытываю такое чувство, когда я думаю, что то, что случилось с кем-то, - лучше, чем то, что случилось со мной, и когда я хочу, чтобы это случилось со мной, а не с другим человеком; Я испытываю ревность - это значит, я испытываю такое чувство, когда я думаю, что кто-то другой получает от кого-то то, что должен был получить я, и когда я хочу, чтобы это досталось мне, а не другому." Приведенные примеры показывают, что интерпретация является оптимальным видом моделирования модальных значений - оценки, модальности, социального статуса и др. Интерпретация включает ассоциативную зону признаков и пресуппозиции, моделируемые при помощи модальной рамки [Апресян, 1974:67]. Интерпретация позволяет осветить лингвострановедческую специфику значения. Так, в русском языке беду "накаркивают" вороны, а в английском - "наквакивают" лягушки. Интерпретация дает возможность осветить пути метафоризации, а "метафора как модель - продуктивный способ пополнения

языкового инвентаря. И не только лексикона, но и грамматики" [Телия, 1988:202]. Принципиальное отличие интерпретации от других видов содержательного моделирования заключается в динамике семантических признаков, в изменении базы знаний интерпретатора по ходу понимания речи [Демьянков, 1985:66].

Выделяемые на основании содержательного критерия признаки соотносимы с признаками, выделяемыми по формальному основанию, и дедуктивно определяемыми признаками. Анализ лингвистической литературы и наши наблюдения показывают, что к числу категориальных признаков относятся все признаки, выделяемые в составе категории модуса - признаки социального статуса человека, модальности, оценки, дейксиса, эмотивности, экспрессивности и др.

3.1.3. ОПИСАНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ

Значение как предмет лингвистического описания выводится из текста и из корпуса экспериментальных психолингвистических данных. В данной работе мы рассматриваем текстовое значение. Текст может быть равен слову, словосочетанию, предложению или высказыванию, совокупности высказываний и, наконец, крупному речевому произведению. Обычно, говоря о тексте, имеют в виду целый художественный или научный текст. Особым типом текста является толковый словарь. В словарном или дефинитивном тексте фиксируются признаки содержательного минимума слова. Признаки содержательного максимума, ассоциативные характеристики значения, устанавливаются в недефинитивном тексте.

Деятельностный подход к общению выдвигает на первый план субъекта деятельности. Субъект общения по своему определению двойственен: это одновременно отправитель и получатель информации. Интерпретация традиционно рассматривается как деятельность адресата, направленная на извлечение смысла из сообщения. Если мы определяем некоторую интерпретацию как прагматическую, то тем самым мы выделяем семантическую и синтактическую интерпретацию. Семантическая интерпретация - это абстракция, которую можно определить как "информация минус модальная рамка". Синтактическая интерпретация - это информация о способе выражения информации. Прагматическая информация в узком смысле сводится к модальной рамке и ее разворачиванию, а в широком смысле представляет собой стратегию понимания. Интерпретация в широком смысле представляет собой процесс, в результате которого происходит модификация внутреннего

мира интерпретатора [Демьянков,1988:16]. Стратегия понимания реализуется как выделение значимой для адресата информации.

Значимость информации многоаспектна, можно выделить, в частности, яркость и глубину смысла. Яркость смысла - это информативная ценность сообщения для адресата. Этот параметр значимости смысла в известной мере индивидуален (например, фамилия в списке) и соотносим с яркостью семы в структуре значения слова [Стернин,1985:61]. Глубина смысла - это последовательное или одновременное осмысление нескольких содержательных планов высказывания. Глубина смысла связана с прозрачностью высказывания, степенью ясности для адресата. Высказывание может быть прозрачным и неглубоким, прозрачным и глубоким, непрозрачным и глубоким, непрозрачным и неглубоким. Тривиальным является прозрачное неглубокое высказывание ("Обед с двух до трех"). Высказывание может быть прозрачным и глубоким: Тот, кто сам себя щечочет, хохочет, когда хочет. Типичными представителями этого класса высказываний являются паремии. Примером совпадения глубины и непрозрачности являются эзотерические тексты, тексты для посвященных, например, "Мертвые сильнее спящих", а также метафорически насыщенные тексты: Не слышно птиц. Бессмертник не цветет. Прозрачны гривы табуна ночного. В сухой реке пустой челнок плывет. Среди кузнечиков беспмятствует слово. (О.Э.Мандельштам). К непрозрачным и неглубоким высказываниям относятся условные фразы (например, пароль). Многоплановый смысл соотносим с речевой многозначностью слова, с каламбуром и цитацией [Литвин,1984]. С известными оговорками допустима квантификация глубины смысла при помощи объяснительных трансформаций и соответствующая типология интерпретационных ходов. Пределом семантической глубины смысла является картина мира, пределом прагматической глубины смысла - кодекс предпочтений и поведения. Глубина смысла в значительной мере зависит от тезауруса адресата и способности интерпретатора к раскрытию аллюзий (например, на одном из высочайших перевалов Тибета высечена надпись: "Научились ли Вы радоваться препятствиям ?").

Осмысление текста может быть преимущественно прагматическим, либо семантическим, либо синтаксическим в том плане, что в первом случае наиболее релевантным для получателя речи оказывается назначение текста, во втором случае приоритет отдается содержанию, в третьем случае - форме или технике текста.

С точки зрения специфики человеческого восприятия и соотношения эмоционального и рационального факторов можно выделить преимущественно фасцинативное либо информативное осмысление. Информативное содержание легко расширяется и сжимается, его ценность при вторичном предъявлении

снижается. Фасцинация – очарование – обнаруживает неразрывную связь формы и содержания текста и при вторичном предъявлении увеличивается. Пересечение названных аспектов дает возможность построить классификацию смыслов текста по признаку соотношения рациональности и эмоциональности (Таблица 10).

Таблица

10.

Типы текстовых смыслов

Аспект осмысления	Прагматика	Семантика	Синтактика
Фасцинация	магический	поэтический	
стилистиче-	смысл	смысл	ский смысл
Информация	перлокутив-	дескриптив-	
реляционный	ный смысл	ный смысл	смысл

Магическим смыслом характеризуются ритуальные тексты, заклинания, девизы (например, СВОБОДА РАВЕНСТВО БРАТСТВО). Поэтическое осмысление относится к текстам, квалифицируемым как произведения искусства. Например, японское классическое трехстишие – хайку: Вот если к луне приделать длинную ручку, получится веер... (Сокан). При специальном внимании к форме такого текста анализируется его стилистический смысл. Перлокутивный смысл выводим из предписаний, приказов, инструкций (например: "Не высываться!"). Дескриптивное осмысление распространяется на тексты общебытовой и специальной тематики. Под реляционным смыслом понимается уяснение содержания средств общения в случае коммуникативного затруднения (например, фраза из рецензии: "Под прагматическим компонентом значения автор, очевидно, понимает принадлежность слова к определенному стилистическому регистру").

Осмысление текста базируется на узуальных значениях слов. Граница между узуальным и окказиональным текстом подвижна, и в этой связи представляет интерес вопрос о соотношении определения и толкования лексического значения. Известна продуктивная концепция толкования лексического значения как перевода слова на особый семантический язык [Апресян, 1974]. В более широком плане толкование значения осуществляется в герменевтике: толкование выступает в качестве одного из видов интерпретации наряду с переводом, пониманием и объяснением [Рузавин, 1983:62]. Определение значения, дефиниция, с одной стороны, понимается как раскрытие этого значения и в некоторой степени сливается с толкованием и, с другой стороны, трактуется как "логическая операция, в ходе которой раскрывается содержание понятия"

[Кондаков, 1976:409]. Определение как логический прием раскрывает существенные признаки понятия и дополняется шестью другими приемами: указанием, объяснением, описанием, характеристикой, сравнением, различением.

Рассматривая типы дефиниций в естественном языке, М.Бирвиш и Ф.Кифер выделяют остенсивные (указательные) и интродуктивные (описательно-характеризующие) определения, при этом последние могут быть полными и частичными, достаточными и избыточными [Bierwisch, Kiefer, 1969:73]. Например: (1) Это - тарантул, (2) Тарантул - крупный ядовитый паук, (3) Тарантул - паук, (4) Тарантул - крупный ядовитый паук, укусы которого, как считали жители южной Италии, излечиваются быстрым танцем - тарантеллой. Указание (1) относится только ко внеязыковой реальности, интродуктивное полное достаточное определение (2) отличается от неполного определения (3) существенным признаком в дефиниции, избыточное определение (4) содержит энциклопедическую информацию.

Каким образом типы дефиниций соотносятся с типами толкований? Назначение словарей состоит, как известно, в определении основных смыслов слов. Но определения могут быть различного характера не только по своему способу, но и по своей направленности. Одно и то же явление может быть освещено с позиций семантики, либо синтактики, либо прагматики. Семантические характеристики языкового содержания наиболее "открыты" для подробного описания в силу специфики семантического отношения, сущностью которого является замещение, в то время как сущностью синтактического отношения является связь, а сущность прагматического отношения состоит в воздействии. Существуют единицы, преимущественным назначением которых является выражение в языке одного из трех знаковых аспектов. Так, междометия по своему назначению - единицы прагматического характера. В этой связи возникает необходимость противопоставить при лингвистическом описании и объяснении содержательную основу и аспекты рассмотрения языковых явлений. Для того, чтобы избежать терминологически неудобных формулировок типа "семантический анализ семантических единиц", мы предлагаем оставить названия знаковых сторон для единиц изучения. Аспекты изучения языковых единиц могут быть названы по основным семиотическим направлениям исследования. Мы выделяем классификационное объяснение, целью которого является семантическая характеристика, трансформационное объяснение, цель которого состоит в синтактической характеристике, и интерпретационное объяснение, цель которого состоит в прагматической характеристике. Семиотически ориентированное объяснение приобретает, таким образом, более полный характер.

Для выявления зон классификации, трансформации и интерпретации в лексическом значении обратимся к определению и толкованию семантики слова "преступление". Сравним определения: (1) Преступление - действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности (СО), (2) Преступление - это когда зарезали. Определение по словарю С.И.Ожегова (1) соответствует требованиям, предъявляемым к дефинициям: является интродуктивным определением, содержит родовый признак и его видовую характеристику. Детское определение (2) выделяет один из внешних признаков, связанных с одним из преступлений. Словарное определение представляет собой пример классификационного определения значения слова. Детское определение - разновидность иллюстративной интерпретации значения. В Уголовном Кодексе РСФСР преступлением признается "предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса" (УК РСФСР, ст.7). Определяя преступление, юристы выделяют его конституирующие признаки: общественную опасность, виновность, противоправность, наказуемость, аморальность. По степени общественной опасности преступление противопоставляется проступку либо правонарушению. Виновность обозначает доказанное участие в преступлении, противоправность - соответствие опасного деяния предусмотренным статьям закона, отсюда же вытекает и наказуемость, поскольку каждая статья уголовного кодекса состоит из диспозиции (описания конкретного преступления) и санкции (вида и размера наказания). Аморальность характеризует субъекта преступления и выражает взаимосвязь этики и юриспруденции. Юридическая квалификация преступления представляет собой интерпретацию энциклопедического типа, раскрывающую существенные признаки понятия в конкретный исторический период в конкретном государстве.

В англоязычных словарях "преступление" определяется следующим образом: crime - an act which is against the law (LLCE); a serious offence against the public law (MWD); act (usu. grave offence) punishable by law; evil act; such acts collectively; (colloq.) shameful act (COD); 1) an action or an instance of negligence that is deemed injurious to the public welfare or morals or to the interests of the state and that is legally prohibited; 2) the habitual or frequent performance of crimes; 3) criminal activity and those

engaged in it; 4) any offence, esp. one of great character; 5) serious wrongdoing, sin; 6) (informal) a foolish, senseless or shameful act. Syn.: wrong, misdemeanor, tort, felony. Crime, offence agree in meaning a breaking of law. Crime usually means any serious violation of human laws: the crime of treason, or robbery. Offence is used of an infraction of either human or divine law (RHD). Offence, sin, vice, crime, scandal are comparable as general terms denoting a more or less serious or conspicuous infraction or transgression of law or custom. Offence is the term of widest application, being referable to a violation of any law, including the law of the state, the law of the church, natural law, moral law, or standards of propriety and taste set up (as by society or the arts). Sin primarily applies to an offence against the moral law especially as laid down in the Ten Commandments, its essential character is disobedience of the divine will and wilful opposition to the law of God. Vice...imputes to such offences a character suggestive of moral depravity, corruption, or degradation. Crime applies to an infraction of law, esp. of common law or statute law that is punishable by the state or by any power that constitutes itself as the guardian of such law; it is not a technical legal term, but it comprehends the distinguished types of offences (as a misdemeanor, a felony, or an act of treason) (WNDS); felony - crime regarded by the law as grave, and usu. involving violence (COD); misdemeanour - (Law) indictable offence, (in U.K. formerly) less heinous than felony; offence, misdeed (COD). В определениях выделены признаки "противозаконное действие", "серьезное нарушение закона", "наказуемое законом", "действие или проявление преступной халатности", "наносщее ущерб общественному благосостоянию, или нравственности, или интересам государства", "злодеяние", "грех", "глупое, бессмысленное или бессовестное действие". Синонимические толкования уточняют место слова crime - "преступление" в ряду юридических терминов (это слово термином не является и выступает в качестве гиперонима по отношению к словам felony - "уголовное преступление" и misdemeanour - "мелкое преступление"). Синонимы уточняют также место слова "преступление" в общем ряду нарушений норм поведения - "преступление", "грех", "порок".

Сравнение определений и толкований различных словарей показывает, что содержательный минимум значения слова "преступление" определяется признаками "серьезное противозаконное действие". Эти признаки определяют значение слова "преступление" в аспекте классификации и могут рассматриваться в качестве классификатора значения. Классификатор допускает углубление на один шаг: противозаконное действие - нарушение закона. Определение

признаков "нарушение" и "закон" выливается в развернутые толкования понятий. В аспекте трансформации значение данного слова уточняется при помощи синонимов и соотнесенных слов. В процессе интерпретации значения слова "преступление" устанавливаются, с одной стороны, юридические характеристики этого понятия, а также характеристики законодательных систем соответствующих государств и, с другой стороны, моральные характеристики субъектов преступлений и этические нормы тех, кто выносит оценку этим субъектам. Если мы представим значение рассматриваемого слова в виде фрейма, то к числу единиц, связанных с понятием "преступление", нужно будет отнести значения слов "воровать", "тюрьма", "обвинение" и др. Эти слова представляют собой интерпретационное поле значения данного слова.

Сравнивая центральные и дополнительные признаки основы значения слова, выраженной в словарном определении, мы приходим к выводу о том, что функции соответствующих признаков в дефиниции различны. Центральные признаки являются классификационными, дополнительные признаки - интерпретационными. В правильной логической дефиниции предикат состоит из родового признака и видовой характеристики. Соответственно, классификационные признаки основы значения слова делятся на родовые и видовые. В наибольшей степени поддаются родо-видовой характеристике словозначения, образующие гиперо-гипонимические ряды. Критерием классифицируемости значения слова можно, по-видимому, считать достаточность родового признака для первичного понимания значения. Например, инспектор - должностное лицо, индикатор - прибор, гульден - монета. Родовой признак выражается в виде классификатора-прототипа для соотнесенных с ним значений. Вместе с тем многие словозначения включают в дефинициях классификатор, приближающийся по функции к служебному десемантизированному компоненту. Например, классификатор "человек, который" в дефинициях слов "аферист", "буквоед", "подлец" играет роль указателя типа "тот, кто". Такие классификаторы являются вырожденными прототипами. Классификатор-прототип наиболее характерен для слов предметного значения. Слова, относящиеся не к миру, а к человеческому суждению о мире, определяются при помощи классификаторов, которые можно было бы назвать тематизаторами. Например, "выпендриваться" - о поведении, "особа" - о человеке. Вырожденные классификаторы переходят в тематизаторы. Приведенные примеры показывают, что тематизаторы являются способом описания прагматического значения. Подчеркнем, что, говоря о тематизаторах, мы имеем в виду классификационную (т.е. семантическую) сторону прагматических значений. Пределом вырожденного классификатора является указание на принадлежность слова к

определенному классу слов (это, как правило, служебные слова, а также аффективы, слова для выражения эмоций без их названия [Шаховский, 1987:25]). Такой вид классификаторов мы называем дескриптором.

Определения могут включать и неклассификационные признаки. Речь идет в первую очередь о синонимах, характеризующих значение в его трансформационном аспекте. Существуют описания значений, целиком построенные на трансформационной основе. Например: positive - 1) (of a statement) direct; 2) certain; beyond any doubt; 3) (of people) sure; having no doubt about something; 4) (informal) complete; thorough; real (LDCE). Несколько перечисленных значений слова positive - "определенный; несомненный; уверенный; абсолютный" выражены посредством приблизительных соответствий. Подобные словозначения с большим трудом поддаются классификационному объяснению в силу размытости содержания и избирательной закреплённости своих линейных связей. Трансформационное объяснение служебных слов является перифразом: though - in spite of the fact that; even if (LDCE). Перифрастическое выражение значения слова though - "хотя" ("несмотря на то, что; даже если") вряд ли можно считать синонимом служебного слова: синонимы взаимнообратимы. Особым видом объяснительной трансформации является определение прагматически маркированных слов, например, bloody - damned. Такое определение выступает как коррелят, прагматический эквивалент определяемого слова. Прагматическое значение в словаре описывается при помощи помет и примеров. По мнению Ю.Д.Апресяна, описание прагматического значения в словаре включает 1) стилистические пометы типа "вульг.", "вежл.", 2) прагматические признаки лексемы (например, перформативность), 3) нетривиальные иллокутивные функции лексем (например, императив у стативных глаголов: "Стыдись !" = "Ты должен стыдиться !"), 4) статус говорящего и адресата (например, "ты" детское, хамское, панибратское и т.д.), 5) коннотации (например, свинья - грязная, боров - толстый) [Апресян, 1988:22-41].

Интерпретационное описание накладывается на классификационное объяснение и трансформационное соответствие. Например: thistle - any of several types of wild plant with prickly leaves and yellow, white, or esp. purple flowers. The thistle is the national emblem of Scotland (LDCE); prickly composite herbaceous plant of genus Carduus etc. usu. with globular heads of purple flowers; (figure of this as) Scottish national emblem (COD). Чертополох - сорное колючее растение (CO). В словарных дефинициях приводится родовой признак - "растение" и различные видовые характеристики: "сорное, с колючими листьями и шарообразными, преимущественно

пурпурными цветами". Приводится также таксономическое определение в ботанике (осот, семейство сложноцветных) и национально-культурная символическая характеристика значения этого слова: чертополох - символ Шотландии. Согласно легенде завоеватели-викинги чуть было не захватили врасплох спящих шотландских воинов, но, подкрадываясь к лагерю шотландцев босиком, один из викингов наступил на колючку и закричал от боли. Шотландцы проснулись и выиграли сражение²¹. 21Tenson I.A., Voitova G.A. Habits and Ways in Great Britain and in the United States. М., 1978. - 216 p. (P.76). Чертополох для шотландцев сыграл ту же роль, что гуси для древнего Рима. Эта информация необходима для понимания символических ассоциаций и относится не к определению, а к толкованию значения слова. Такую информацию о значении слова мы предлагаем назвать экспликатором значения.

Особую роль интерпретационное объяснение играет в определении значения служебного слова: and1 - (used to show connection or addition, esp. of words of the same type or sentences of the same importance) as well as; together with; with; also; besides: He started to shout and sing (LDCE). В приведенном примере интерпретация значения соединительного союза представляет собой инструкцию его употребления. Такая информация может быть названа регулятором значения. Прагматические единицы разнородны, некоторые из них сближаются со служебными словами. Например, титул перед именем аналогичен префиксу: Lord Charles, Lady Augusta, Sir Winston Churchill. Типичным регулятором значения является информация о формах обращения: U.S.Senator - Name: The Honorable James Dodd; Salutation: Sir; or Dear Sir; or, less formal, Dear Mr.Dodd. Cardinal - Name: His Eminence Julius Faber; Salutation: Your Eminence. Professor at a college or university - Professor David Candlestick; Salutation: Dear Professor / Dear Dr.Candlestick. В письмах к сенатору США рекомендуется в адресной части письма использовать слово honorable - "достопочтенному" + Имя + фамилия, обращение в письме может иметь форму "сэр" или "уважаемый сэр" или (менее официально) "уважаемый мистер + фамилия". В письмах кардиналу используют титул "Его Преосвященству" и соответствующее обращение "Ваше Преосвященство". В официальных письмах к профессору университета рекомендуется указывать ученое звание адресата. Существуют, как мы видим, канонизированные формы косвенных и прямых обращений. В этих формах выражаются характеристики социального статуса человека.

Расширение коннотаций выходит за рамки словарного текста. В этом случае интерпретация прагматического значения направлена на раскрытие субъективного смысла и

поэтому может быть определена как импликатор значения. Рассмотрим афоризм: Пьедестал – самый крупный камень преткновения (Р.Тумановский). Приведенный афоризм внешне построен по правилам реальной дефиниции. Сходство с дефиницией усиливается благодаря слову "камень", так как пьедестал, подножие статуи, обычно делается из камня. Пьедесталы часто бывают высокими, их назначение – возвысить статую для обозрения, и отсюда пьедестал в переносном значении – то, что способствует возвышению. Камень преткновения – помеха, препятствие. Следовательно, стремление возвыситься над людьми – самая крупная помеха для человека. Интерпретация афоризма содержит моральную оценку, в данном случае осуждающую честолюбие.

Наряду с дефинициями, содержание которых целиком выводится из подтекста, встречаются определения с выраженными интерпретационными компонентами: History – an account mostly false, of events mostly unimportant, which are brought about by rulers mostly knaves, and soldiers mostly fools. (A.Bierce). – "История – это описание, большей частью фальшивое, событий, большей частью несущественных, вызванных правителями, большей частью мошенниками, и солдатами, большей частью дураками". В этом язвительном афоризме А.Бирса из "Словаря Сатаны" интерпретационная часть дополняет якобы классификационную часть определения. В отличие от словарей, стремящихся к объективной интерпретации значения, интерпретационная направленность дефиниции-афоризма является субъективной. В словарном тексте интерпретационный компонент подчинен классификационному компоненту дефиниции, в художественном тексте, назначение которого – воздействие на читателя, приоритетным является интерпретационный компонент.

Полученные нами типы описания лексического значения на основании знаковых отношений показаны в таблице 11.

Таблица

11.

Семиотические типы описания лексического значения

Единицы изучения	Аспекты изучения		
	Классификация	Трансформация	
Интерпретация			
Семантические единицы	прототип	синоним	эксplikатор
Синтактические единицы	дескриптор	перифраз	регулятор
Прагматические единицы	тематизатор	коррелят	импликатор

Определение значений, ориентированных на диктум, на мир, осуществляется при помощи прототипов в классификационном освещении либо синонимов в трансформационном объяснении и дополняющих прототипы и синонимы экспликаторов, интерпретирующих значение в языковом и энциклопедическом аспектах. Типология экспликаторов является наиболее важной частью определений семантических единиц для выявления специфики обозначения социального статуса человека и включает социокультурные и научно-таксономические сведения. Определение значений синтаксического типа (служебные слова и приближающиеся к ним единицы) производится в классификационном плане как отнесение этих слов к формальному классу при помощи особой пометы, дескриптора, соотносит значение определяемого слова с другими словами посредством эквивалента-перифраза и в интерпретационном плане является инструкцией употребления слова (регулятором). Определение значений, выражающих модус, отношение человека к миру, собеседнику и сообщению, в классификационном плане реализуется как тематическое указание (тематизатор), трансформационно дополняемое приблизительным соответствием (коррелятом). Интерпретация прагматического значения раскрывает окказиональный смысл слова.

Резюмируем сказанное.

Категория социального статуса человека в лингвистической семантике определяется как модусный признак неравноправия участников общения, выделяется посредством дедуктивного и индуктивного моделирования и описывается в семиотических типах толкования лексического значения. Данная категория относится к числу скрытых категорий в английском и русском языках, проявляется в категориальном контексте модальности, моделируется при помощи инвентаризации категориальных дифференциальных признаков, конституирующих категорию социального статуса в языках Юго-Восточной Азии и в персидском языке. Установлена внешняя и внутренняя категориальная формула социального статуса человека. Внешняя формула определяет связь категориального признака социального статуса человека с другими модусными признаками, внутренняя формула раскрывает конститутивные признаки категории социального статуса человека: статусный индекс, статусный вектор и статусную репрезентацию. Статусный индекс представляет собой самую общую характеристику статусно-маркированного общения, включая статусно-лабильное и статусно-фиксированное общение. Статусный индекс есть выделение говорящего и/или адресата в аспекте представительства (пол, возраст, профессия и т.д.). Статусный вектор является системообразующим признаком категории социального статуса человека и выражается в виде нисходящего и восходящего статусного вектора. Статусная

репрезентация является уточняющей характеристикой статусного вектора, раскрывая признак восходящего вектора в двух вариантах: гоноративном (возвышение адресата) и гумилиативном (принижение говорящего). Таким образом, категориальный признак социального статуса человека представляет собой признаковый комплекс.

Внешняя формула категории социального статуса человека показывает тройную направленность этой категории: с одной стороны, социальный статус через категорию модальности входит в систему функционально-семантических категорий языка, с другой стороны, предмет нашего изучения относится к функционально-стилистическим категориям речи, с третьей стороны, социальный статус человека является категорией социолингвистики. Многомерность категории социального статуса отражается в различных типах обозначения соответствующего категориального признака в значении слова. Будучи прагматическим по своей природе, признак социального статуса проявляется в толкованиях значений в классификационном, трансформационном и интерпретационном аспектах. Вместе с тем описание этого признака распространяется и на слова с преимущественно семантическим и преимущественно синтаксическим содержанием.

3.2. СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА

Категориальный признак социального статуса человека в лексической семантике может быть представлен в качестве основного и дополнительного значения. Мы говорим об основном значении в том случае, когда то или иное слово вызвано к жизни функцией выражения социального статуса. К числу таких слов относятся единицы двух типов: слова, выступающие в функции обращения и выражающие характеристики статусного признака (индекс, вектор, репрезентация), и слова, обозначающие иерархию в той или иной системе социальных учреждений (например, армейские чины). Слова второго типа также могут быть использованы в функции обращения.

Единицы обращения, именуемые далее вокативами, включают подкласс статусных вокативов. Для выявления системной обусловленности статусных вокативов мы рассматриваем вокативность как парадигму.

Обращение как предмет изучения привлекает многих исследователей. Об этом свидетельствует, в частности, изданная в Тюбингене комментированная библиография по данной проблеме, включающая более 1100 источников [Braun et al., 1986]. В монографии, посвященной проблеме обращения в разных языках, Ф.Браун отмечает, что слова, используемые в качестве обращения, выражают не только отношение говорящего

к адресату, но и несут коннотацию о самом говорящем, о его воспитании, умении вести себя и социальном положении [Braun, 1988:36]. Установлено, что вокативы существуют во всех языках, специфично отражают национально-культурные особенности языков, неоднородны по своему составу и имеют сложное содержательное строение.

Функциональный подход к изучению вокативов предполагает определение их назначения в языке и установление их места в ряду однопорядковых единиц, освещение их связей и взаимосвязей с единицами других классов, выявление пределов их вариативности и построение парадигмы вокативности - динамической модели класса рассматриваемых слов и выражений.

Понятие "парадигма" в лингвистике по-разному интерпретируется применительно к различным единицам описания: морфологическая парадигма представляет собой образец формоизменения слова, деривационная парадигма трактуется как правило порождения новых образований по аналогии с существующими, лексико-семантическая парадигма понимается как динамическая система взаимосвязанных словозначений [Кубрякова, Соболева, 1979; Сентенберг, 1984]. Мы говорим о некотором классе единиц как о парадигме, если существует общее значение (смысловый инвариант класса), выделяются взаимосвязанные элементы множества, включающие инвариантную и вариативную (дифференциальную) часть, совокупность дифференциальных признаков класса представляет собой алгоритм развертывания класса, единицы класса находятся между собой в отношении дополнительной дистрибуции. Морфологические парадигмы относятся к классу жестких парадигм в том смысле, что элементы множества сводятся к закрытому, количественно определенному, обычно малому составу единиц, и алгоритм развертывания класса включает несколько шагов в одной плоскости. Лексико-семантические парадигмы относятся к классу нежестких парадигм, поскольку их состав принципиально открыт, и алгоритм их развертывания является многомерным.

Целесообразность дифференциации понятий "система", "поле", "категория" и "парадигма" применительно к лексической семантике объясняется, на наш взгляд, исследовательской задачей. Изучение системы связано с выделением класса, доказательством специфичности множества и определением его общесистемных характеристик - целостности, элементов, структуры; изучение поля предполагает выделение и описание ядра и периферии исследуемой группы единиц, а также освещение их избирательного взаимодействия для реализации общей функции; изучение лексико-семантической категории раскрывается как определение категориального значения, выделение семантических признаков высокой степени абстракции,

связанных или сопоставимых с конститутивными признаками грамматических категорий; изучение лексико-семантической парадигмы сводится к установлению направлений и алгоритмов развертывания смыслового инварианта класса. Системно-полевое исследование является необходимой предпосылкой категориально-парадигмального изучения лексической семантики. Наряду с лексико-семантическими парадигмами выделяются лексико-стилистические парадигмы [Медникова, 1974:54]. Парадигмальная организация лексики и семантики объясняется комбинаторной природой языковых единиц: "Лексемный и семантический спектры являются континуумами, в которых отдельные элементы занимают определенную топологическую позицию как внутри данного континуума, так и в пределах смежных и пересекающихся континуумов" [Маковский, 1988:43].

Назначение вокативов в языке - выполнение апеллятивной функции, установление и поддержание контакта между участниками общения. Привлечение внимания адресата может достигаться как вербальным, так и невербальным способом; мы говорим о вокативах как о вербальной форме привлечения внимания адресата. По своей функции вокативы относятся к неинформативным речевым действиям (не сообщают ничего нового) и выражают регулятивное, индексальное и эмоциональное содержание. Регулятивное содержание связано с установлением, поддержанием и размыканием контакта, индексальное содержание характеризует психологический склад и социальный статус говорящего [Белл, 1981:102], эмоциональное содержание является дополнительным в аккорде значений обращения. Вокативы, разумеется, могут быть информативными в той мере, в какой мы извлекаем информацию из единиц прагматического плана языка: в норме эти единицы неинформативны, поэтому любое отклонение от шаблона несет новую информацию индексального либо эмоционального характера. Так, нестандартное обращение заставляет адресата искать причины такого речевого действия и формулировать их в терминах прагматической интерпретации.

Однопорядковыми единицами по отношению к вокативам выступают другие неинформативные речевые акты: формулы социального этикета (регламентативы), акты фатической коммуникации (заполнение пауз, светская беседа ни о чем и т.д.), эмоционально-экспрессивные речевые акты. Отметим, что термином "вокативы" мы обозначаем как речевые акты, так и языковые единицы, посредством которых выражаются соответствующие речевые акты. Обращение как предмет изучения предполагает выделение единиц изучения, обозначаемых в данной работе как вокативы. Эти единицы могли бы быть названы адресативами или апеллятивами, но, на наш взгляд, направленность на адресата (и, следовательно, термин "адресатив") характеризует значительно большее

количество языковых явлений, чем обращение, и апеллятив в понимании К.Бюлера [Бюлер, 1965:26] также имеет очень широкое значение (направленность языкового знака на слушающего в отличие от направленности знака на говорящего и на внешний мир). В узком смысле апеллятив относится к знакам привлечения внимания, отличным от обращения. Вокатив (звательный падеж) представляется наиболее адекватным термином для обозначения рассматриваемого языкового явления - обращения.

Полевая модель описания языка предполагает наличие стандартных и нестандартных вокативов.

Стандартные вокативы включают два типа единиц, которые предлагается обозначить как неопределенные и определенные вокативы. К первым относятся междометия, посредством которых привлекают внимание людей (типа "Эй!", "Ау!"), а также некоторые виды местоимений ("Всем привет!"). Вторые составляют класс, в который входят различного рода титулы, звания, термины родства, личные местоимения второго лица, имена собственные, а также эмоционально-экспрессивные обращения.

К нестандартным вокативам относятся любые слова, которые могут быть употреблены в функции обращения. Подстановочные эксперименты показывают, что в этой функции, соответствующей звательному падежу в некоторых языках, употребляются имена существительные, прилагательные и номинализованные комплексы. Для определения границ вокативов как класса необходимо установление вокативных ограничений. Эти ограничения являются формальными (частеречными) и содержательными. Содержательные ограничения носят вероятностный характер и отражают степень отдаленности от вокативного прототипа, которым обычно является живой человек. Условно содержательные ограничения можно разделить на семантические и прагматические. К семантическим вокативным ограничениям относятся те случаи, когда в языке существуют коррелятивные пары слов: вокатив и его описание (гипероним, синоним и т.д.). Например, "государь" и "монарх". Слово "государь" являлось в русском языке стандартным определенным вокативом, слово "монарх" - терминологическим описанием-гиперонимом (монарх: император, царь, король, шах, хан, микадо и др.). Аналогично: "доктор" и "отоларинголог", "отец/батюшка" и "священнослужитель". Отношения между вокативами и их описаниями в известной мере подобны отношениям между перформативными и описательными глаголами. Остальные типы вокативных ограничений относятся, на наш взгляд, к прагматическим. Выделяются коннотативные ограничения ("Спасибо, сапожник!"), а также распространенные случаи нестандартных эмоционально-экспрессивных обращений ("Здравствуй, гордость института!"). Прагматические ограничения определяют однородность

стиля и соблюдение традиционных норм обращения. Параллельная сочетаемость существительных в вокативной функции (т.е. с окказиональным признаком вокативности) экспрессивна как стилистический прием перечисления: He turned to the people and said, "Mohammedans, neighbours, the world, heaven above, fish in the sea, soldiers, and all others, behold, a goose." (W.Saroyan). Перечисление в одном ряду "Мусульмане, соседи, мир, небеса, рыбы в море, солдаты и все остальные, смотрите - гусь" создает эффект всеобщего внимания к обращающемуся.

Стандартные определенные вокативы в английском языке распадаются на четыре класса. Критерием отнесения слова к одному из этих классов является тот или иной категориальный признак, связанный с признаком вокативности - статусный, дейктический, антропонимический и эмотивный.

Статусный признак (признак социального статуса человека) устанавливается в значении слов, употребляемых в функции обращения и выражающих соотносительную позицию человека в социальной иерархии. Этот класс слов предлагается назвать социальными вокативами. Социальные вокативы в английском языке распадаются на две неравных группы. К первой относятся общие вокативы (Mr., Sir), ко второй группе - специальные вокативы (Colonel, Father, Your Majesty). Общие вокативы являются универсальной формой этикетного контакта равных либо неравных по статусу людей. В английском языке отмечены вокативы только с восходящим статусным вектором (речь идет только о стандартных социальных вокативах). Общие вокативы являются знаком общения на социальной дистанции. Нормы вежливости проявляются в признаке статусной репрезентации, в возвышении партнера. Этимологически общие вокативы обозначают понятия "старший" (sir - senior) и "господин, хозяин" (Mister - master). Словарные дефиниции иллюстрируют признак социального статуса и его мотивированность: Mr.1 - a title for a man who has no other title (LDCE); Sir1 - a respectful address to an older man or one of a higher rank; to an officer by a soldier; to a male teacher by a British school child; to a male buyer in a shop; etc (LDCE). Вежливая форма обращения к мужчине в англоязычном обществе объясняется в словаре путем указания типичных ситуаций социального неравенства: обращения младшего к старшему, солдата к офицеру, британского ученика к учителю, продавца к покупателю. Общий вокатив Mr. выступает в качестве нулевого титула, употребление таких титулов по отношению к незнакомым людям блокируется правилами нормативного этикетного употребления обращений: слова Mr. и Mrs. употребляются только с фамилиями людей, но не изолированно и не с именами. Нарушение такого правила свидетельствует о низком социальном статусе говорящего: так говорят только

дети и слуги. Исключение составляет слово Miss (стандартное обращение к незамужней женщине), используемое без фамилии в британских школах при обращении учащихся к учительнице, а также при обращении покупателей к продавщице. Изолированный вокатив Miss при обращении к незнакомым девушкам многими считается невежливым. Впрочем, в США посетитель бара может услышать от незнакомой барменши обращение "Well, honey?" - "Ну, милый?" Некоторые считают, что профессиональные вокативы типа waiter - "официант" или driver - "водитель" звучат невежливо, хотя обращения nurse - "медсестра" или operator - "телефонный оператор" приемлемы: Operator, could you put through a call to Copenhagen, please? [Leech, Svartvik, 1983:138]. Англоязычный этикет требует употребления общих вокативов в определенных официальных ситуациях с указанием должности человека без употребления фамилии: Mr. President, Mr. Secretary, Mr. Speaker. Список таких должностей ограничен и распространяется только в отношении социально-престижных позиций.

Специальные вокативы приняты по отношению к лицам, занимающим престижные должности в сложных автономных общественных образованиях% в армии, в государственных учреждениях (суде, полиции и т.д.), в образовательных и медицинских учреждениях, в церкви. В разных общественных подсистемах действуют разные правила обращения. Дело осложняется региональным (диалектным) и социолектным варьированием. Так, по правилам американского этикета к врачу можно обратиться с использованием слова doctor без фамилии, но к лицам, имеющим докторскую степень (PhD, MD, EdD, DD), следует обращаться только с указанием фамилии. Нарушение правил обращения в высшей школе (обращение без фамилии) свидетельствует о том, что говорящий скорее всего относится к вспомогательному персоналу [Ervin-Tripp, 1976:21].

Использование вокативов во многих случаях бывает помимовольным:

"It's quite permanent," she said.

"Yes, ma'am," I said.

"Men in tuxedos as beautifully made as yours is should never call anyone but the Queen of England `ma'am`," she said.

"I'll try to remember that," I said.

"You are only a child, of course," she said.

"Yes, ma'am," I said. (K. Vonnegut).

Слово ma'am - "госпожа" используется как вежливое обращение к лицам более высокого социального уровня и уместно в речи слуг. Если такое обращение звучит в устах человека в модном дорогом смокинге, то возникает сомнение относительно социального статуса говорящего. В приведенном примере из романа К. Воннегута "Заклученный" герою иронично советуют

пользоваться таким обращением только в разговоре с королевой, но он не может сразу изменить привычное поведение и машинально повторяет прежнее слово.

Некоторые специальные вокативы развивают двойную вокативную систему - прямую и опосредованную (King - Your Majesty). Двойная вокативная система свидетельствует о высоком социальном статусе адресата и распространяется на монарха и его близких, высшее дворянство, церковных иерархов, руководителей государства, высших чиновников. Обращения в двойной вокативной системе могут сосуществовать (например, "Государь !" и "Ваше Величество !"), могут иметь свою сферу употребления, например, быть своеобразным предварительным вокативом: His Excellency the Spanish ambassador. В английском языке не принята прямая форма обращения к монарху. Такая форма используется при передаче чужих обычаев и нравов: "Be careful, o king, we are not easy to slay !" (R. Haggard). Адресатом является африканский царь. В качестве опосредованных вокативов используются слова с положительным ценностным значением: Majesty, Highness, Eminence, Holiness, Grace, Honour, Excellency, Reverend, Right Reverend, Most Reverend и др. Отметим, что в средневековых немецких университетах к ректору и декану следовало обращаться по опосредованной форме: Ihre Magnifizenz - "Ваше Великолепие" и Ihre Respektabilitat - "Ваша Почтенность" соответственно.

Общие вокативы проявляют тенденцию к грамматикализации. Эта тенденция выражается в том, что такие слова произносятся всегда в безударной позиции и становятся своего рода морфемами вежливости. В русском языке дореволюционной эпохи обращение "государь" в устной речи сократилось в "сударь" и затем превратилось в "слово-ер" (по названию букв "с" и "ъ" в старой орфографии): "Да-сь." Речь без вежливого -сь расценивалась как дерзкая и вызывающая: "Сосед наш неуч, сумасбродит, Он фармазон; он пьет одно Стаканом красное вино; Он дамам к ручке не подходит; Все ДА да НЕТ; не скажет ДА-С Иль НЕТ-С." Таков был общий глас. (А.С. Пушкин). Отсутствие вежливого -с в речи Евгения Онегина приравнивалось его соседями к другим формам возмутительного неуважения к людям.

Дейктический признак в сочетании с признаком вокативности характеризует английское личное местоимение you. В современном английском языке нет противопоставления фамильярного и вежливого местоимения второго лица. Антиномия "Ты - Вы" (фамильярность - вежливость) составляет одну из языковых универсалий и интерпретируется в исследовании Р. Брауна и А. Гилмана в терминах "власть" и "солидарность". В древних языках, включая латынь, отсутствовала форма множественного числа применительно к одному человеку. Возникновение такой формы связывается с

императорским употреблением "Мы" вместо "я" и последующим обращением "Вы". Исторически обращение на Вы относилось только к первому лицу в государстве, затем так стали обращаться друг к другу представители дворянства и потребовали к себе такого обращения. В XII-XIII веках европейское культурное сообщество однозначно интерпретировало выбор "Ты - Вы": "Вы" по отношению к вышестоящему или равному нормативно, по отношению к слуге - выражение похвалы; "ты" по отношению к слуге нормативно, по отношению к равному или вышестоящему - выражение презрения или гнева. Обращение на "ты" было равно оскорблению. В 1603 году на судебном заседании прозвучала следующая реплика: "All that he did, was at thy instigation, thou viper; for I thou thee, thou traitor." [Brown, Gilman, 1979:254,257]. - "Все, что он сделал, было из-за твоего подстрекательства, ты, змея; ибо я называю тебя на "ты", ты, предатель." В обществе с жесткой иерархией было принято обращаться на Вы (без права получить такое обращение) в социальных диадах: солдат - к офицеру, работник - к работодателю, официант - к посетителю, сын - к отцу, младший брат - к старшему и слуга к хозяину. Постепенно в обществе стало распространяться демократическое употребление "ты", которое закрепилось прежде всего в семье, а также в религиозной сфере. Так, квакеры использовали слово thee для друзей, т.е. членов своего религиозного сообщества, и местоимение you для чужих людей. Нормы религиозного братства были перенесены на правила партийной этики: в бывшей Германской Демократической Республике члены бывшей правящей Социалистической Единой партии Германии обращались друг к другу со словом du - "ты" независимо от пола, возраста и степени знакомства. Любопытно отметить, что и в Федеративной Республике Германия обращение на "ты" стало распространенным вокативом в высших сферах: выпускники университетов сохранили верность студенческой солидарности [Hartmann, 1978:94].

Сочетание социального статуса и дейксиса в английском языке не имеет столь многообразных языковых способов выражения, как в некоторых восточных языках. В корейском языке местоимения противопоставляются по признакам "вежливое/ невежливое", "дистантное/ интимное", "самоуничижительное/ нейтральное", "возвышающее/ унижающее". Выделяются восемь социально-значимых типов местоимений: возвеличенное, описательно-нейтральное, вежливо-дистантное, простое, скромно-почтительное, предельно скромно-почтительное, невежливое дистантное, пренебрежительное [Kim-Renaud, 1987:154]. Близкая система координат существует и в японском языке.

Возвышение позиции адресата или третьего лица и принижение собственной позиции выражаются как две отдельных

поведенческих линии, хотя во многих случаях эти линии взаимосвязаны. Способ выражения информации во многом определяется степенью уважения к адресату. В дистанционном плане важно подчеркнуть тот факт, что принижение собственной позиции естественным образом сопряжено с принижением позиции близких людей. Это не значит, что к близким людям относятся без уважения, скорее это означает, что идентичность личности, в том числе и самоуважение человека, распространяется в восточной культуре на близких людей. Социальный статус говорящего обозначается не только в вокативном признаке, в направленности на адресата, но и в автохарактеристике (признак социальной репрезентации), которая часто носит гумилиативный характер. Буквальный перевод корейского обращения и автохарактеристики в цитируемом ниже деловом письме звучит необычно: Venerable Mr. Chairman, this humble man would be grateful if you could consider my stupid son as your branch manager. -

"Высокопочтимый г-н Председатель, Ваш покорный слуга был бы Вам благодарен, если бы Вы смогли рассмотреть кандидатуру моего глупого сына в качестве руководителя отдела Вашей фирмы." В культурной традиции корейского, японского и некоторых других языков такая статусная дистанция с заниженной автохарактеристикой (распространяемой на своих близких) и завышенной характеристикой статуса адресата является нормальной. Уменьшение дистанции или амплитуды статусов будет восприниматься как фамильярность и неуважение.

Если в западной культуре, к которой относятся англоязычные речевые сообщества, человек мыслит себя отдельно от всех, то в восточной культуре, судя по языковым данным, человек и его ближайшее окружение неразрывно слиты. Эта слитность индивида и его близких обосновывается в пяти конфуцианских принципах: 1) справедливость и лояльность между руководителем и подчиненным, 2) близость и любовь между родителями и детьми, 3) приличие между супругами, 4) должный порядок между старшими и младшими, 5) верность между друзьями. Слитность человека и его близких является показателем демократичности общества: попавшие в опалу царедворцы подвергались наказанию вместе с домами их, т.е. вместе с членами семьи и слугами. Печально известная формулировка "член семьи изменника Родины" (ЧСИР) означает полное пренебрежение к человеку как личности, важен только статус. Но следует отметить, что отдельность личности не сводится к элементарным социологическим схемам, а вписывается в ценностные ориентиры общества и, значит, имеет несомненные положительные черты для соответствующего общества. Эксперимент по завершению предложений свидетельствует о различных ценностных ориентациях в англоязычном и японском обществе. Так, предложение "Если

мои желания противоречат интересам моей семьи..." японские информанты завершают фразой "...наступает время большого несчастья", а англоязычные информанты - "...я делаю, что хочу", "подлинные друзья должны..." по-японски "...помогать друг другу", по-английски "...быть искренними" [Эрвин-Трипп, 1975:353].

В исследовании Л.М.Рязановой установлено семь дифференциальных признаков социально-психологических значений лексических вокативов: 1) официальность / неофициальность, 2) подчеркнутая фамильярность / обычность, 3) превосходство (равенство) ранга адресата / превосходства (равенство) ранга адресанта, 4) статусная определенность / неопределенность, 5) внутрисемейная сфера / внесемейная сфера, 6) стилистическая сниженность / нормативность, 7) положительное отношение к адресату / нейтральное (отрицательное) отношение к адресату [Рязанова, 1983:20-21].

Система обращения в США моделируется в работе С.Эрвин-Трипп как сложный алгоритм с несколькими возможными выборами (селекторами). Первый выбор определяет возраст адресата (младше либо старше 18 лет), второй выбор определяет статусно-маркированные ситуации (заседание суда, официальное собрание факультета и т.д., когда обращение к человеку зависит сугубо от его социального статуса), третий выбор определяет родственные отношения и уточняется признаками восходящей линии и старшинства, четвертый выбор определяет степень знакомства и уточняется рангом и возрастом адресата. На выходе модель имеет семь возможных способов обращения к человеку: 1) отсутствие обращения, 2) обращение по имени, 3) обращение по родственному титулу и имени ("тетя Полли"), 4) обращение по официальным титулам: а) к человеку, имеющему специальное звание, б) к человеку, не имеющему специального звания (к мужчине / к замужней женщине / к незамужней женщине). Для американской академической среды существенным является момент профессионального сотрудничества: равные по статусу и возрасту сотрудники немедленно после знакомства обращаются друг к другу по имени. Обратиться к коллеге по официальному титулу значит вызвать импликации отрицательного характера, если обращение не выдержано в шутливом тоне. К равным и подчиненным обращаются по имени, различие в статусе адресатов подчеркивается в этих случаях такими способами, как, например, прямые команды в адрес подчиненных и просьбы, направленные к равным. Обращение без специального титула может быть знаком открытого неуважения. С.Эрвин-Трипп приводит характерный диалог, свидетельствующий о намеренном понижении статуса человека:

"What's your name, boy ?" the policeman asked.

"Dr.Poussaint. I'm a physician."

"What's your first name, boy ?"

"Alvin."

Чернокожий врач был оскорблен полицейским: слово boy нейтрализует личностные отличия, позицию и даже возрастной статус. Так обращаются к детям и слугам. Отвечая на вопрос, врач указал свою фамилию вместе с социальным вокативом и попытался объяснить свое право на такое обращение: профессия врача считается престижной. Полицейский не принял объяснения, вторично оскорбил человека, задав ему вопрос, и вновь использовал слово boy. Идея полицейского, как считает автор, может быть выражена в следующей фразе: "Blacks are wrong to claim adult status or occupational rank. You are children." - "Чернокожие неправильно поступают, когда требуют признания их взрослого статуса или профессионального ранга. Вы - дети." Подчеркивается, что врач был оскорблен именно потому, что он и полицейский разделяли единую систему норм обращения [Ervin-Tripp, 1976:19-22].

Использование имен собственных связано с указанием на статусное различие коммуникантов: "Каждой социальной группе свойствен особый именной (комплекс имен, находящихся в активном употреблении), причем именной характеризуется не только своеобразным репертуаром, но и своеобразным оформлением имен" [Суперанская, 1973:310]. Имена собственные представляют собой комбинацию антропонимичного и вокативного признаков. Статусный признак в именах собственных актуализируется при определенных комбинаторных вариантах имени собственного (компонентов имени собственного) и титула или звания. К детям обращаются по имени, к подчиненным часто обращаются по фамилии без общих и специальных вокативов. Лабильность, подвижность статусного вектора при обращении проявляется в том, что любое отклонение от прототипной формулы обращения сразу же наполняется различными коннотациями. Например, фамилия по-русски обычно следует за именем и отчеством. Инвертированное обращение в устной речи типа "Профессор Крутиков Иван Дмитриевич !" обычно применяется к человеку, совершившему проступок [Николаева, 1972:139]. В русском языке обращение по имени и отчеству выражает уважение. У адыгейцев обращение по отчеству и имени - в буквальном переводе "Аслана сын Ахмед" сигнализирует о неуважении к адресату [Тхаркахо, 1977:79]. Соответственно, выражение "Ахмед Асланович", распространенное в официальных учреждениях, несет определенную коннотацию, хотя и менее выраженную. Отметим, что само по себе использование отчества в тех республиках СССР, где в культурной традиции отчества не приняты, всегда ассоциировалось с принудительной русификацией и поэтому вызывало протест, выразившийся, в частности, в том, что в самоименовании отчества принципиально избегались. Само по себе обращение

как инициативный речевой акт получает в языке африканского народа волоф отрицательную коннотацию статусного характера: человек, претендующий на более высокий статус, избирает стратегию молчаливого ожидания реплики в беседе. Там принято считать, что люди с низким статусом больше путешествуют и больше говорят, чем люди с высоким общественным статусом. Корреляция поведенческих стратегий и оценок в языке волоф имеет следующий вид: инициатор: отвечающий -- говорящий: не говорящий -- в движении: неподвижный -- низкий статус: высокий статус [Irvine, 1974:173].

Сочетание вокативного и эмотивного признаков образует класс эмоциональных обращений, различающихся прежде всего по оценочному знаку: darling (+), bastard (-) [Шаховский, 1987]. Например: You little rascal ! Where have you hidden my shoes ? (LDCE). Слова, подобные приведенному обращению ("Ты, маленький негодяй !"), сочетаются с местоимением второго лица, которое в данном случае выступает как усилитель или уточнитель обращения, но не как подлежащее. В качестве усилителя местоимения второго лица выступают также в императиве: Hurry up ! You hurry up ! Hurry up, you fool ! Интересно отметить, что слова с положительной оценкой используются в функции обращения большей частью на интимной дистанции общения. Имена частного кода являются нестандартными обращениями, хотя следует отметить известную стереотипность эмоциональных вокативов типа duck.

Раскрытие семантики вокативов требует расширенного контекста:

The Emperor crooked his finger.

"Phanocles."

"Caesar."

"Tell the Heir Designate once and for all what you were going to do." (W.Golding).

Император в повести У.Голдинга "Чрезвычайный посол" обращается к изобретателю по имени, изобретатель употребляет при обращении стандартный титул ("Цезарь !"). Обращение "назначенный наследник" используется в официальной ситуации, в неофициальной ситуации император обращается к этому человеку, как и ко всем прочим, по имени. Никто не обращается по имени к императору. Назначенный наследник, стремясь захватить власть, считает себя императором и избегает обращений к настоящему монарху, за исключением эмоционального обращения: "What have you done to my soldiers you - sorcerer ?" (W.Golding) - "Что ты сделал с моими солдатами, ты, колдун ?" Эмоциональное обращение обладает большой прагматической силой, в данном случае оно характеризует мудрого императора и неудачливого претендента на трон.

В новелле Дж.Фаулза "Башня из черного дерева" молодой критик-искусствовед встречается с известным художником, восьмидесятилетним стариком, живущим в уединении вдали от Англии. Их встреча характеризуется резким статусным различием в используемых вокативах:

"Williams, my dear fellow."

"It's a great honour to be here, sir." (J.Fowles).

В дальнейшем мэтр обращается к герою с использованием вокативов *my dear man, dear boy, Williams* и, наконец, забывая фамилию, *Wilson*. Затем художник предлагает своему гостю обращаться друг к другу по имени, однако критик ни разу не назвал своего собеседника по имени. Отсутствие вокативов свидетельствует о неопределенной статусной ситуации. Так, равные по статусу преподаватели университетов в США обращаются друг к другу по имени, но если у них большая разница в возрасте, то старший по возрасту обращается к своему коллеге по имени, а младший оказывается в своеобразной патовой ситуации: обратиться по имени не совсем удобно, обратиться с использованием социального вокатива также нежелательно (это может быть истолковано как отрицательное отношение к собеседнику). Единственный выход - воздержаться от обращения, т.е. воспользоваться нулевым вокативом. В аналогичном положении находятся многие американцы по отношению к родителям своих супругов [Burling, 1970:91]. Комбинация имени и отчества в русском языке позволяет во многих случаях избежать тех неудобств, с которыми сталкиваются люди, говорящие по-английски.

Выделенные типы вокативов показаны на схеме 12.

Схема 12.

Парадигма вокативности

Вокативы

стандартные		нестандартные	
определенные		неопределенные	
статус- ные	дейкти- ческие	антропони- мические	эмотив- ные
общие	специальные		
прямые	опосредованные		

Категориальный признак вокативности в английском языке представлен в стандартных и нестандартных вокативах. Стандартные вокативы образуют парадигму с пятью направлениями развертывания: неопределенное, статусное,

дейктическое, индексально-антропонимическое и эмотивное. Важнейшим направлением развертывания вокативного значения является статусное направление. Категориальный признак социального статуса человека избирательно сочетается с дейктическим, антропонимическим и эмотивным признаками.

3.3. КОМПОНЕНТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА

3.3.1. ТИПЫ КОМПОНЕНТНЫХ ПРИЗНАКОВ СТАТУСА

Компонентное выражение признака в значении слова понимается в данной работе как выделение в составе словозначения (лексико-семантического варианта слова) одного из компонентов, соответствующего целому словозначению, специализированно выражающему такой признак. Например: *can*² - *be able to*; *afford*¹ - *be able to buy* (LDCE). Значение модального глагола *can* - "мочь" раскрывается как "быть в состоянии", значение глагола *afford* - "позволить себе" объясняется как "быть в состоянии приобрести". Данный пример иллюстрирует привативную оппозицию в семантике или отношение гиперо-гипонимии - важнейшее классификационное отношение.

Выделение признака в известной мере конвенционально: если мы признаем, что некоторое словозначение представляет собой специализированное словозначение, специализированное выражение признака, то дефиниция такого словозначения принимается нами за определение признака и аналогичное определение в составе других словозначений трактуется как компонентное выражение признака. Процедура семантических трансформаций и ступенчатой идентификации словозначения показана выше на материале глагола *to blame*.

В этой связи возникает вопрос о том, насколько правомерно сводить значение слова (словозначение) к тексту словарной дефиниции. Два полярных подхода к решению этого вопроса заключаются в том, что значение сводится к дефиниции либо не сводится к дефиниции. Полевая модель значения, предполагающая выделение малого и большого содержания значения, дает возможность найти компромиссное решение: малое содержание значения дефинируется, большое содержание значения принципиально не может быть определено полностью. Частеречная конкретизация более точно определяет тип толкования значения через классификацию, трансформацию и интерпретацию.

Слова со значением социального статуса человека либо выражают, либо описывают статусные отношения. В случае выражения статусных отношений составители словарей прибегают к интерпретативному типу объяснения. Например: *sir*¹ - (Used esp. in sing. as voc. in addressing man who is

superior in rank or age, speaker of legislative assembly either in his own person on point of order or as embodiment of the house in ordinary debate, whose name is or is to be understood to be unknown to speaker, or inferior who is to be rebuked) Please, sir, may I go now ?; Excuse me, sir, have you the time ?; You shall pay for this, sir ! (COD). В приведенном примере содержится информация об употреблении слова и приводятся типичные примеры словоупотребления. Отмечается, что это слово используется как вокатив, и уточняются типичные объекты обращения: а) человек, старший по рангу или возрасту, б) спикер законодательной ассамблеи, в) нижестоящий, которому делается (вежливое) порицание.

В случае описания статусных отношений преимущественным видом толкования словозначения является классификационное толкование: regent² - person appointed to administer State, esp. kingdom during minority, absence, or incapacity of monarch (COD). В определении словозначения regent - "регент" выделяется признак-гипероним ("лицо, назначенное для...") и два признака-гипонима: целевой ("...для управления государством") и временной ("...во время несовершеннолетия, отсутствия или недееспособности монарха"). В приведенной дефиниции дважды выражаются статусные отношения, эти отношения выражены предикатами "назначать" и "управлять": appoint - assign to office (COD); to put in or choose for a position, job (or purpose); make into an officer (of a business, club, etc) (LDCE); to name for an office or position (SBED); to name or assign to a position, office, or the like; designate: to appoint a judge to the bench (RHD); elect, ordain to a position (PED); administer - manage (affairs) (COD); to control (esp. the business or affairs of a person or group) (LDCE); to manage or conduct (SBED); to manage (affairs, a government, etc); have executive charge of: to administer laws (RHD); control the business affair of, manage finances of (PED). В значении глагола appoint - "назначать" выделяются повторяющиеся в разных дефинициях компоненты "вменить кому-либо в обязанность / поручать кому-либо" + "учреждение / должность / поручение". Смысловая формула данного словозначения может быть представлена следующим образом: "лицо, имеющее власть, наделяет другое лицо полномочиями для выполнения ответственного поручения". Сложные статусные отношения в рассматриваемом словозначении разворачиваются в двух параллельных направлениях: источник власти с более высоким статусом обращается к определенному лицу и церемониальным актом наделяет это лицо также высоким (хотя и менее высоким) статусом. Подразумевается, что источник власти имеет право сместить человека с назначенной должности. Субъектом глагола "назначить" в соответствующем значении слова может быть только вышестоящий, статус и роль

которого известны объекту назначения. Роль объекта назначения точно не определяется, но статус его высок: государственный чиновник, военный офицер, судья, дипломат и т.д. Вряд ли возможны предложения "Его назначили драматургом" или "Мой сосед назначил меня филателистом". Статус должности предполагает церемониальную процедуру назначения. Сравните: "Его назначили министром" - "Его назначили дворником", "Он устроился министром" - "Он устроился дворником". Семантика глагола *administer* - "руководить" является с точки зрения статусных отношений более простой, чем семантика глагола *appoint*. Если в глаголе "назначать" в качестве объекта выступает контрагенс, то в глаголе "руководить" объектом является пациенс. Семантическая формула данного глагола может быть представлена следующим образом: "Лицо, имеющее власть, направляет и контролирует деятельность подчиненных людей". Власть ассоциируется с высоким статусом. В толковании слова "регент" отсутствует суперагенс, властью которого регент получает самые высокие исполнительные полномочия в королевстве. Для определения соответствующего суперагенса нужна энциклопедическая информация о прецедентах, о порядке наследования престола в конкретной стране и т.д.

Компонентное выражение признака обнаруживает различную степень наличия признака в словозначении. В строгом смысле специализированное выражение также является компонентным, поскольку в значении слов, выражающих социальный статус, модальность, оценку и т.д., содержится не только лексический, но и грамматический (частеречный) компонент. Но операциональное понимание специализированного выражения, сводящее малое содержание значения к словарной дефиниции, позволяет нам с известной долей упрощения считать специализированные лексические единицы точкой отсчета при исследовании компонентного выражения признака.

В данной работе предлагается три критерия классификации статусного признака в компонентном выражении: по степени выраженности, по комбинаторной обусловленности и по тематической связанности признака.

По степени выраженности статусного признака в словарном толковании выделяется прямое, непосредственно ассоциируемое и опосредованно ассоциируемое выражение признака. Прямое выражение признака - это наличие в словарных дефинициях компонентов (в том числе и помет) со значением "вышестоящий / нижестоящий", "вежливое обращение", "этикетное поведение", "должность в социальной иерархии", "о мужчинах / женщинах / детях / представителях тех или иных групп, слоев, профессий". Непосредственно ассоциируемое выражение признака - это наличие в словарных дефинициях компонентов, непосредственно связанных с высоким или низким статусом: власть, образование, богатство,

цивилизованность, высокий / низкий моральный уровень, высокие / низкие способности, грубое обращение (такое обращение может быть как статусно-нейтральным, так и статусно-маркированным). Опосредованно ассоциируемое выражение признака - это наличие в словарных дефинициях компонентов, опосредованно связанных с высоким или низким статусом: поведение, активность, эмоциональное отношение и другие прагматические по своей природе значения.

Компонентное выражение есть комбинаторное выражение признака. По признаку комбинаторной обусловленности мы выделяем три типа компонентного выражения признака социального статуса в лексической семантике: 1) статусный признак, 2) статусно-связанный признак, 3) статусно-нейтральный признак. Например: *squirt* - (infml) a young person, esp. one who makes big claims or puts himself forward (LDCE). В значении разговорного слова *squirt* - "выскачка" выделяется статусный признак "молодой человек" и статусно-связанные оценочные признаки "с большими претензиями", "в первых рядах". Самонадеянность, т.е. завышенная самооценка, представляет собой субъективное повышение собственного статуса. Нарушение статусного баланса в обществе осуждается, поэтому отрицательная оценка поведения такого человека может квалифицироваться как статусно-связанный признак.

В значении слова со статусным признаком выделяются и статусно-нейтральные признаки: *mayor* - a man or a woman elected each year by a town council to be head of that city or town (LDCE). В значении слова *mayor* - "мэр города" выделяется статусный признак "мужчина или женщина - глава города", статусно-связанный признак - "избираемый (ая) городским советом" и статусно нейтральный признак "ежегодно". Статусно-нейтральный признак может быть связан со статусным признаком опосредованно, как в приведенном примере, и непосредственно: *sapper* - (infml) a member, esp. of the lowest rank, of the branch of the Army (the Engineers) doing digging and building (LDCE). Словом *sapper* - "сапер" называются военнослужащие инженерных частей, особенно те, у кого низкий чин. Эта часть дефиниции, касающаяся чина, выражает статус людей и соединяется с конкретизирующим статусно-нейтральным признаком "выполняющие земляные и строительные работы".

Названные типы статусной комбинаторики могут многократно дублироваться, особенно при обозначении должностных лиц: *ombudsman* - a person appointed by a government to receive and report on any complaints made by ordinary people against the government or the public service (LDCE). Омбудсмен - это парламентский уполномоченный по административным вопросам; назначается правительством; в круг его обязанностей входит

расследование жалоб частных лиц на работу государственных учреждений. В данном словозначении представлена комбинация четырех статусных признаков: "лицо, назначенное правительством", "(лицо), собирающее и расследующее жалобы", "(жалобы) простых людей", "(жалобы) на коммунальные и государственные службы". В первом статусном признаке статус определяется по линии суперагенса (правительство), далее - по характеристикам агенса (право приема жалоб и сообщения о них в центр), далее - характеристика людей, подающих жалобы ("простые люди"), и, наконец, объект жалоб - "люди, служащие в государственных и муниципальных учреждениях".

Комбинаторика статусных, статусно-связанных и статусно-нейтральных признаков сохраняется в словозначениях, относящихся не только к существительным, но и к другим частям речи. Например: *priml* - (*usu. derog.*) (*esp. of a woman*) *behaving in a stiff self-controlled manner; easily shocked by anything improper or rude* (LDCE). В слове *prim* - "чопорный" (в английском языке этот атрибут относится в основном к женщинам) выделяется признак статуса женщины и статусно-связанный признак отрицательной оценки (чересчур) церемонного поведения, скованности, шока от любой грубости.

Следует оговориться, что типовые комбинаторные компоненты по-разному проявляются в дефинициях разных словарей. Конкретизирующие статусно-нейтральные признаки и интерпретирующие статусно-связанные признаки в ряде случаев опускаются. Вместе с тем при помощи стандартных приемов ступенчатой идентификации значения разные признаки, связанные со статусом, восстанавливаются. Наиболее существенным комбинаторным признаком, на наш взгляд, является статусно-связанный признак, который в известной мере мотивирует статусный признак.

Типология статусно-связанных признаков строится в данной работе на основании их тематики. По своей тематике статусно-связанные признаки разбиваются на четыре группы: модальные, персональные, оценочные и стилистические. Эти группы частично пересекаются, т.е. возможны сочетания типа "статус + модальность + оценка" и т.д. Изучение комбинаторики статусных признаков на материале английского языка раскрывает специфические культурные нормы англоязычного общества, а также дает возможность установить правила семной комбинаторики применительно к словам, обозначающим статусные отношения.

3.3.2. МОДАЛЬНО-СТАТУСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Содержание модальности трактуется в данной работе как "представление действительности с точки зрения субъекта

речи - "Я"-говорящего" [Степанов,1981:241-242]. Субъект речи квалифицирует то, о чем он говорит, как действительное, кажущееся, желательное, возможное, необходимое, должное и т.д. К числу средств выражения модальности относятся морфологическая категория наклонения глагола, модальные глаголы, модальные наречия и частицы, аффиксы с модальным значением, просодические средства модальности, средства организации модальности текста, а также слова с модальным компонентом в значении.

Категоризация модальности в значении английского глагола является выражением диалектики проявления категориального признака. С одной стороны, существуют модальные глаголы, особый исторически сложившийся класс слов, выражающих возможность, желательность, долженствование и т.д. С другой стороны, есть множество глаголов, в словарном значении которых модальный признак не представлен и может быть установлен только в особом контексте. Между модальными и немодальными глаголами нет "мертвой зоны", поскольку специализированное выражение признака должно опираться на значительное число неспециализированных, связанных признаков в значении слов. В этом состоит принцип поля: ядерное значение обусловлено окооядерным, периферийным значением. Такие слова с модальным компонентом в значении объективно выделяются в словаре и характеризуются некоторыми формальными и содержательными особенностями. В словарном тексте выделяется специализированная и компонентная модальность. Компонентное выражение модальности пересекается с компонентным выражением статуса.

В современном английском языке к модальным глаголам относятся слова *can/ could, may/ might, must, ought to, dare, shall/ should, will/ would, need, be to, have to.*

Все модальные глаголы исторически делятся на претерито-презентные (первые шесть единиц) и глаголы, которые в сочетании с инфинитивом приобрели модальное значение в процессе своего развития (последние четыре единицы). Значения слов, выражающих модальность, восходят к конкретным ситуациям, имплицитным особенностям, непредсказуемость последствий некоторого события, отсутствие свободы выбора и т.д. Например, обязанность - "обязанность", *to be bound - to bind*. Показательны семантико-этимологические парадигмы германских претерито-презентных глаголов: *skulan* - резать, колоть, бить-разрезать, рассекать, раскалывать, ранить, убить-совершить преступление, провиниться, быть виновным, заслуживать осуждения, попасть в долг, быть должным, быть вынужденным, быть обязанным, долженствовать; *paagan* - быть большим, быть сильным, здоровым, приносить в жертву, убивать, быть могущественным, господствовать, иметь власть, быть

способным, быть в состоянии, иметь возможность, мочь; kunnap - видеть, наблюдать-замечать, признавать, становиться знакомым, знакомиться-понимать, осознавать, принимать во внимание, знать, как, быть в состоянии, мочь [Карташева, 1988:74-75]. Модальные и немодальные значения тесно связаны.

Формальные отличия модальных глаголов от всех остальных глаголов в английском языке состоят в следующем: 1) отсутствие неличных форм, форм продолженного вида, перфектной корреляции, пассивного залога, отсутствие показателя изменения по лицам и невозможность употребления в императиве, 2) незаменяемость вспомогательным глаголом в вопросах, обращениях, подтверждениях и эмфатических утверждениях, 3) невозможность употребления нескольких модальных глаголов или одного и того же глагола в последовательной цепочке, 4) смысловая незавершенность или неотмеченность при употреблении без инфинитива [Chapin, 1973; Huddleston, 1976; Palmer, 1979].

Семантические отличия модальных глаголов заключаются в их общем значении противопоставленности факту. Возможное, желательное и необходимое - это, в первую очередь, неналичествующее. В этом же, кстати, состоит и системообразующий признак неизъявительного наклонения глагола. Различные оттенки противопоставленности факту или, как говорят логики, контрфактичности и составляют специфику значений модальных глаголов. Анализ лингвистической литературы (Сильницкая, 1971; Гуревич, 1976; Трунова, 1980; Штелинг, 1981; Беляева, 1985; Joos, 1964; Huang, 1969; Calbert, 1971; Hermeren, 1979) и наши собственные наблюдения позволяют признать в качестве базисных значений модальных глаголов значения возможности, волеизъявления, внешней обусловленности (разрешение, запрещение, долженствование) и предположения. При этом необходимо отметить, что значения многих модальных глаголов синонимичны, существует многоступенчатая градация признака вероятности, признак вероятности является производным значением почти всех модальных глаголов, значения модальных глаголов обнаруживают большую зависимость от контекста, существуют модальные значения, проявляющиеся только при употреблении глагола в вопросительном или отрицательном предложении, модальные значения волеизъявления, внешней обусловленности и предположения тесно связаны с оценочным значением.

Объяснение содержания модальности - это прежде всего раскрытие обусловленности модального значения. Приведем пример интерпретации модального значения "необходимость": The law obliges parents to send their children to school - "Закон обязывает родителей посылать своих детей в школу." Моделируется типовая понятийная ситуация, в которой выделяется 1) определяющий фактор, принудительная сила -

"закон", 2) принуждение - "обязывает", 3) агент, на которого направлено действие принуждающей силы, - "родители", 4) действие, ожидаемое от агента, - "посылать детей в школу", 5) отсутствие выбора - "обязывает" [Филиппов, 1971:6]. Интерпретация позволяет понять внутреннюю логику значения. Трансформируем приведенное предложение: "Если родители не посылают детей в школу, то они несут ответственность по закону." Получаем следующие компоненты типовой ситуации долженствования: 1) агенс, имеющий возможность выбора действия, 2) действие либо бездействие, 3) суперагенс, имеющий возможность осуществить действие по отношению к агенсу, 4) действие, нежелательное для агенса. Схематически это можно представить в виде последовательности состояний и действий: 1) X может сделать A или не-A, 2) A - хорошо для Y, не-A - плохо для Y, 3) X делает не-A, 4) Y делает то, что плохо для X. Иначе говоря, в основе объяснительной схемы значения долженствования оказываются значения оценки и отрицания. По данным А. Вежбицкой, все виды модальных значений сводятся к семантическим примитивам "хотеть" и "отрицание": He can do that - assuming that if he does not want to do that, he will not do that, I tell you: if he wants to do that, he will do that [Wierzbicka, 1972:154]. - "Он может сделать это - принимая во внимание, что если он не захочет делать это, он не будет делать это, я говорю вам: если он захочет делать это, он будет делать это."

Опираясь на формальные и семантические показатели, определяющие класс модальных глаголов, т.е. специализированное выражение признака модальности в глаголе, мы рассмотрели весь словарный фонд глаголов, зарегистрированный в толковых словарях, и выявили корпус словозначений с модальным компонентом, включающий 1325 единиц. Глаголы с модальным компонентом в значении именуется в работе модализованными глаголами.

Анализ семантики модализованных глаголов показывает, что модальный компонент в содержании модализованного глагола связан с другими компонентами, которые имеют различный характер.

Выделяются модально-связанные компоненты, которые объясняют и обуславливают модальный компонент в семантике глагола. Например: hold4 - be able to contain (LDCE); A box may hold 40 apples, but may actually contain only 20 (SBED). Понятие вместимости обуславливает модальный компонент возможности. Компоненты, обуславливающие модальный компонент в значении глагола, предлагается называть модально-мотивирующими. Примером модально-мотивирующего компонента в значении глагола может служить также семантика глагола spare3 - be able to do without (PED); do4 without - manage without (ALD); manage2 -

succeed despite difficulties (PED,RHD). Понятие возможности применительно к глаголу spare - "справиться, обойтись без чего-либо" связано с вероятностью неудачи в силу объективных обстоятельств, а именно - трудностей.

Применительно к значению рассматриваемого глагола речь идет о нехватке чего-либо. Вместе с тем в значении данного глагола выделяется компонент успешного результата, и смысловая схема этого глагола имеет следующий вид: 1) быть в состоянии (смож) 2) успешно завершить что-либо 3) несмотря на трудности (нехватку чего-либо). Подчеркивание успешного результата свидетельствует о том, что результат мог быть иным. В юмористической форме эта мысль выражена в афоризме: "Если Вам гарантируется жизнь, значит, она в опасности" (Г.Малкин). Успешный результат выступает в качестве прямого модально-мотивирующего компонента, а неблагоприятные обстоятельства - в качестве косвенного модально-мотивирующего компонента в значении глагола.

В содержании модализованных глаголов выделяются также компоненты, которые не объясняют модального компонента. Такие компоненты предлагается именовать модально-нейтральными. Например: abandon₁ - go away from not intending to return to (ALD); fold₃ - become folded; be able to be folded (COD). В значении глагола abandon - "покидать" выделяются два модально-нейтральных компонента: движение и возвращение, причем первый компонент является дополнительным, а второй - уточняющим по отношению к модальному компоненту волеизъявления. В значении глагола fold - "складываться" выделяется один уточняющий модально-нейтральный компонент: складывание.

Таким образом, категориальный признак модальности в лексическом значении модализованного глагола наличествует в единстве с мотивирующим и нейтральным признаками. Типология этих признаков показывает системную обусловленность категориального признака. Типологическое сходство статусного, статусно-связанного и статусно-нейтрального признака, с одной стороны, и модального, модально-мотивирующего и модально-нейтрального признака, с другой стороны, свидетельствует о внутреннем сходстве статусного и модального признаков и о единстве комбинаторной обусловленности признаков.

Классификация глаголов с модальным компонентом в значении строится на основании трех признаков: 1) значение модального компонента (возможность, волеизъявление, внешняя обусловленность, предположение), 2) узуальный либо окказиональный характер модального компонента (словарно заданный либо текстуально наведенный компонент), 3) обусловленность модального компонента в семантике глагола. Третий классификационный признак объясняет специфику категориальной градации модальности в глаголе.

При выделении класса английских модализованных глаголов выяснилось, что существуют словозначения с модальным компонентом, которые регулярно появляются в семантической структуре определенных глаголов, и словозначения, модальный компонент в содержании которых обусловлен отражаемой понятийной ситуацией. Эти единицы противопоставляются как структурно-обусловленные и понятийно-обусловленные модализованные глаголы [Клычков, Карасик, 1984].

Структурно-обусловленные модализованные глаголы включают три разновидности единиц: 1) глаголы пассивизации, в семантике которых происходит регулярный сдвиг в сторону пассивного значения: cut² - be capable of being cut: Sandstone cuts easily (ALD) - "Песчаник легко режется = легко может резаться", 2) глаголы генерализации, в семантике которых происходит регулярный сдвиг в сторону более общего значения: feel⁶ - be capable of sensation: The dead cannot feel (ALD) - "Мертвые не могут чувствовать", 3) глаголы комментирования, в семантике которых происходит регулярный сдвиг в сторону выражения точки зрения субъекта речи: think³ - believe, consider: I think she's wrong (LDCE) - "Я думаю, что она ошибается". Глаголы пассивизации и генерализации характеризуются модальным компонентом возможности, глаголы комментирования - модальным компонентом предположения. Структурно-обусловленные модализованные глаголы свидетельствуют о специфике модального признака, который - в отличие от статусного признака - появляется в значении слова, попадающего в определенную синтаксическую позицию и соответственно закрепляется в семантике тех слов, для которых подобные синтаксические позиции типичны и характерны. Структурно-обусловленные модализованные глаголы составляют, по нашим данным, 47,3 % от общего числа английских модализованных глаголов.

Понятийно-обусловленные модализованные глаголы представляют собой выражение понятийной модальной ситуации в лексическом значении глагола (например, ситуации, связанной с возможностью неудачного результата, воздействием субъекта на другой субъект и др.). Такие глаголы подвергались анализу в исследованиях, посвященных семантике разрешения и запрета, руководства, успеха действия и др. [Fillmore, 1971; Самохина, 1981; Грачева, 1982; Пантелеева, 1985]. Понятийно-обусловленные модализованные глаголы образуют лексико-семантическую группу, состоящую из трех подгрупп: глаголы возможности, волеизъявления и внешней обусловленности. Каждая подгруппа состоит из лексико-семантических рядов, ряды подразделяются на микроряды словозначений. Описание понятийно-обусловленных модализованных глаголов заключается в выделении их

интегральных и дифференциальных признаков в пределах микроряда и в определении разновидностей модально-мотивирующего и модально-нейтрального компонентов в составе словозначения.

Типичным примером глаголов возможности являются глаголы психической характеристики - слова, выражающие способность человека к определенным действиям и состояниям. Например: speak¹² - use, or be able to use, in oral utterance, as a language (RHD); hear⁸ - be capable of perceiving sound by the ear; have the faculty of perceiving sound vibrations (RHD). Причина выделения признака возможности из исходного значения глаголов психической характеристики заключается, на наш взгляд, в квалификации субъекта (speak - "говорить, быть способным разговаривать") или в характеристике пассивных качеств субъекта (hear - "слышать, быть способным воспринимать звук"). Способность узнавать, опознавать кого-либо, оценивать, играть в спортивную игру, управлять парусом и т.д. характеризует не всех людей. Такая способность (умение) становится квалификацией, отличительным признаком человека. Отличительный признак легко становится статусной характеристикой человека. Что же касается действий, которые мыслятся само собой разумеющимся, присущими каждому человеку, то такие действия не характеризуются признаком возможности либо подвергаются переосмыслению. Так, фраза "Мой брат может дышать" означает особый способ дыхания либо свидетельствует об условиях, препятствующих нормальному дыханию.

В составе глаголов психической характеристики выделяются два микроряда: глаголы умения и глаголы физического и умственного восприятия.

Первый микроряд - глаголы умения - включает такие словозначения, как read, speak, sail и др. Отметим глагол read¹ - (often with can) understand (language in print or writing): The child can read (LDCE). Наличие признака возможности в глаголе read - "читать" отражает культурно-исторические условия того времени, когда грамотность была доступна не каждому, и умение читать, разгадывать написанное воспринималось как отличительный признак человека.

Значение глаголов физического и умственного восприятия, составляющих второй микроряд глаголов психической характеристики, соотносится со значением модального глагола can: Do (can) fishes smell? (ALD). - "Дышат ли рыбы = могут ли дышать?" Модальная характеристика глаголов восприятия связана с тем, что называемое состояние носит пассивный характер по сравнению со значением целенаправленного восприятия (see - look, hear - listen, видеть - смотреть, слышать - слушать). Значение

пассивности субъекта связано со значением возможности. Модализованные глаголы восприятия – глаголы результативного значения. Результат не всегда вытекает из процесса, можно слушать и не услышать, смотреть и не увидеть. Результат как бы не зависит от субъекта, носит вероятностный характер, и это отражено в семантике глаголов восприятия. Таким образом, модально-мотивирующим компонентом в семантике глаголов психической характеристики выступает отличительная характеристика субъекта (т.е. статусный признак) и пассивность субъекта.

Комбинаторика модального и статусного признака в значении глагола конкретизируется в сочетаниях субкатегориальных признаков статуса и субкатегориальных признаков модальности. Под субкатегориальным признаком понимается частная разновидность категориального признака, например, нисходящий вектор статуса – частная разновидность статуса, возможность – частная разновидность модальности, первое лицо – частная разновидность лица.

Изучение признаковой комбинаторики предполагает построение модели модально-диктального взаимодействия. Модус по своему определению есть атрибут субстанции. Иначе говоря, диктальные признаки содержат модусные характеристики. Принимая семантические роли или падежи за диктальные признаки ситуации, интерпретируемой значением слова, мы выделяем модусные характеристики у соответствующих семантических ролей. Собственно модусные признаки анализируются как пресуппозиции, понимаемые как условия и следствия ситуации, отраженной в значении слова. Таким образом, анализируя модально-статусное значение при помощи семантических ролей и пресуппозиций, мы рассматриваем модусные признаки с двух разных сторон: модальные признаки – в аспекте пресуппозиций, статусные признаки – в аспекте семантических ролей.

Глаголы статусного значения могут иметь в качестве источника действия только агенса. Важнейшим агентивным дифференциальным признаком статусного значения является статусный вектор – нисходящий и восходящий. Дифференциальным признаком статусного агенса является признак официальности, т.е. противопоставление юридических оснований различия в статусе морально-ситуативным основаниям (например, "санкционировать" :: "простить"). Дифференциальным признаком агенса может также служить признак фиксированности, т.е. противопоставление фиксированного лица либо организации размытому множеству людей (депортировать кого-либо может только правительство, а просить разрешения может любой человек).

Семантические роли пациенса и контрагенса, понимаемые как позиции лица, испытывающего воздействие со стороны агенса, могут быть уточнены по признаку фиксированности

(разжаловать можно только офицера, а вынести выговор можно широкому кругу людей).

Пресуппозиции, как и ролевая модель, - это прежде всего инструмент для исследования высказывания. Значение глагола, как известно, представляет собой "макет предложения", свернутое высказывание, и на этом основании возможно проведение ролевого и пресуппозиционного анализа значения слова по аналогии с анализом смысла высказывания.

Пресуппозиционное развертывание значения статусного глагола допускает следующие варианты объяснения: 1) кто-либо имеет право и полномочия вести себя определенным образом - накладывать вето, облагать налогом, прощать и т.д., 2) кто-либо якобы имеет право и полномочия вести себя определенным образом - претендовать, снисходить, осмеливаться и т.д., 3) кто-либо вынужден вести себя определенным образом - умолять, служить, подчиняться и т.д., 4) кто-либо намеренно ведет себя определенным образом - благоговеть, уважать, раболепствовать и т.д. Приведенные варианты объяснения имеют модальный характер возможности (право актуальное и претендуемое), вынужденности и намерения. Причинно-следственный модальный компонент значения статусного глагола может быть осложнен оценочным компонентом: "освободить" (+) и "узурпировать" (-). Возможно осложнение модели статусного значения вследствие введения отрицания в пресуппозиционную последовательность: кто-либо не ведет себя определенным образом, хотя имеет право или несмотря на обязанности ("потворствовать").

Таким образом, наблюдения при предварительном моделировании содержания глаголов статусно-модального значения дают нам основания обратиться к словарям для выяснения вопроса о наличии типовых компонентов в содержании рассматриваемых единиц: разновидностей вектора, фиксированности, разновидностей модальности, оценки и отрицания.

В качестве критериев отбора единиц послужили отправные векторные признаки соотношения статусов - нисходящий и восходящий вектор: obey - do what one is told to do; carry out a command (ALD); command2 - control, exercise authority over (SBED). В значении глагола obey - "подчиняться" задано восходящее соотношение статусов, а в семантике глагола command - "командовать" исходным является нисходящее статусное соотношение.

Формализация словарных дефиниций привела к выделению опорных компонентов определений в соответствии с известной процедурой компонентного анализа. К таким опорным компонентам относятся выражения authority, power, right, permission, respect. Например: control - have control, authority, power over (ALD). Во многих случаях статусные компоненты выражены открыто. В ряде случаев требуется

развернутое толкование для выделения статусного признака: chasten1 - punish for the purpose of making better. It is often said that God chastens us by visiting us with affliction or trial to discipline us in obedience, meekness, purity, etc (SBED). Статусный признак проявляется не в прямом толковании глагола chasten - "качать", а в словарном комментарии, показывающем содержание данного слова: карающий занимает более высокую ступень в статусной иерархии по сравнению с тем, кого постигает кара. Кроме этого в качестве цели наказания выделяется подчинение, т.е. статусный признак.

Общая схема статусного значения глагола применительно к глаголам нисходящего вектора имеет следующий вид: 1) некто, имея право/ власть/ полномочия сделать что-либо, 2) делает это 3) или заставляет кого-либо сделать это 4) по отношению к кому-либо 5) определенным образом 6) с определенной целью. В этой схеме выделяется модально-статусный компонент - право на совершение действия, а также компоненты действия или каузации действия, участники, связанные с агенсом, способ и цель действия. Статусные глаголы с нисходящим статусным вектором составляют 81,5 % от общего количества статусных глаголов.

Статусные глаголы восходящего вектора распадаются на две группы (с модальными компонентами внешней обусловленности и волеизъявления). Значения таких глаголов схематично могут быть представлены следующим образом: 1) некто, будучи вынужденным либо обязанным сделать что-либо, 2) делает это, 3) ведя себя определенным образом 4) или обращаясь к кому-либо с просьбой; 1) некто, испытывая уважение к кому-либо 2) или делая вид, что испытывает уважение к кому-либо, 3) выражает это 4) определенным образом 5) с определенной целью.

Признак официальности дает возможность разделить все статусные глаголы на две группы: глаголы юридической и моральной сферы. Ряд глаголов, естественно, занимает промежуточную позицию. К единицам официально-юридического статуса человека относятся многие термины из области судопроизводства, руководства страной, военного администрирования: impeach2 - (legal) accuse somebody of wrongdoing (esp.) accuse somebody of a crime against the state (ALD); second - (mil) withdraw (officer) from regimental service for temporary special duty (PED). Приведенные глаголы обозначают понятия, отсутствующие в русском языке: impeach - "предъявлять обвинение в государственном преступлении", second - "переводить офицера из строя в штаб". Глаголы морально-ситуативного статуса человека представлены нейтральной и разговорной лексикой. Например: excuse2 - set (somebody) free from a duty, requirement, punishment, etc (ALD). Ситуация, обозначаемая

глаголом excuse - "извинить", относится к бытовой сфере общения.

Агентивный признак фиксированности позволяет классифицировать рассматриваемые глаголы на основании вариативности агенса. В корпусе статусных глаголов выделяются единицы со строго фиксированным агенсом: abdicate - give up formally, as kingly power or rights (SBED); convict2 - (of a jury or a judge) declare in a law court that (somebody) is guilty (of a crime) (ALD). Субъектами глаголов abdicate - "отречься (от трона)" и convict - "выносить приговор" должны быть соответственно король и судья. Фиксированный агенс статусных глаголов характеризует, по данным словарей, монархов, правительство, судей, арбитров, полицию, университетское руководство, работодателей, военное руководство, учителей, тренеров, клириков, Бога. Большей частью, однако, значение агенса представляется диффузным в плане статусной фиксации.

Признак фиксированности характеризует и семантические роли пациенса, контрагенса и респондента. Например: cashier - dismiss (e.g. an officer) with dishonour and disgrace (ALD). Пациенс в значении глагола cashier - "увольнять со службы (за недостойное поведение)" - это, как правило, офицер. Фиксированные роли пациенса, контрагенса и респондента определяют монархов, политиков, рыцарей, клириков, Бога, служащих, военнослужащих, учеников, студентов, детей, обвиняемых и заключенных. Вместе с тем большая часть статусных глаголов не отмечена признаком фиксированности пациенса, контрагенса и респондента. Анализ материала показывает, что выделение пациенса часто характеризует переход соответствующего лица в новый для этого лица статус по восходящей или нисходящей линии.

Признак возможности, выражаемой как актуальное право на определенное поведение, присущ значению преобладающего числа статусных глаголов (78 %). Отметим, что признак возможности является доминирующим модальным значением в целом. К числу глаголов со значением актуального права на что-либо относятся следующие единицы: detail2 - (mil) assign to a special task (SBED); summon1 - call authoritatively, order to come (PED). В дефинициях глаголов detail - "откомандировывать" и summon - "созывать" эксплицитно выражен признак права субъекта на руководство. Претендуемое право отличается от актуального тем, что находится под сомнением, выражаемым при помощи дефиниционного компонента as if - "якобы, как будто", используемого, например, в определении значений глаголов demand - "требовать" и condescend - "снисходить": demand1 - ask (for something) as if ordering or as if one has a right to (ALD); condescend3 - behave as if one is conscious of descending of superior position, rank, or dignity (RHD). В

семантике приведенных глаголов модальность претендуемого права выражена как внешняя квалификация процесса в противоположность внутренней квалификации актуального права. Семантика глаголов претендуемого права схематично может быть представлена следующим образом: 1) некто ведет себя так, как будто имеет право на что-либо, 2) и это право находится под сомнением. Выделяются слова, в значении которых претендуемое право отрицается целиком: *interfere*1 - (of persons) break in upon (other persons' affairs) without right or invitation (ALD). Пресуппозиция значения глагола *interfere* - "вмешиваться" содержит полярное противопоставление компонентов: "вмешиваться в чужие дела, не имея на это права, но будучи уверенным в своем праве на это". Имеется в виду намеренное вмешательство человека в дела других людей.

Сложная модально-оценочно-статусная комбинация признаков представлена в значении глаголов волеизъявления. Например: *rebuke* - blame or scold in a sharp way (WNWD); *grovel*2 - (derog.) be shamefully humble and eager to please (LDCE). Приведенные глаголы противопоставляются по признаку внутренней и внешней оценки. В глаголе *rebuke* - "делать выговор, отчитывать" устанавливается внутренняя отрицательная оценка со стороны агенса по отношению к пациенсу. Ситуация в целом нейтральная. В глаголе *grovel* - "пресмыкаться, унижаться" выделяется внешняя отрицательная оценка по отношению к агенсу. Возможны четыре типовых соотношения внешней и внутренней квалификации агенса: внешняя положительная и внутренняя положительная оценка агенса (благодарить, хвалить, награждать), внешняя положительная и внутренняя отрицательная оценка агенса (наказывать, порицать), внешняя отрицательная и внутренняя положительная оценка агенса (раболепствовать, пресмыкаться), внешняя отрицательная и внутренняя отрицательная оценка агенса (издеваться, придирааться).

Статусно-модальный признаковый комплекс в наибольшей мере представлен в семантике модализованных глаголов с субкатегориальным модальным признаком внешней обусловленности. Подгруппа модализованных глаголов внешней обусловленности включает пять лексико-семантических рядов: глаголы разрешения, запрещения, принуждения, управления, долженствования.

Значение разрешения представляет собой сложное образование, в котором выделяются значения волеизъявления, каузативности и возможности. Каузативность выражает ситуативные статусные отношения. Каузативность показывает отношение между двумя субъектами - воздействующим и воздействуемым. В отличие от простой каузативности, когда противопоставляются воздействующий субъект, воздействие, воздействуемый субъект и действие воздействуемого субъекта,

каузативность разрешения характеризуется правом воздействуемого субъекта на самостоятельное действие. Сравните: Учитель убедил мальчика сделать еще одну попытку, *но мальчик не стал этого делать. - Учитель разрешил мальчику сделать еще одну попытку, но мальчик не стал этого делать.

Глаголы разрешения подразделяются на четыре микроряда: глаголы позволения, согласия, прощения и освобождения.

Значение позволения уточняется следующими отличительными признаками: нарастающая степень активности воздействующего субъекта (*tolerate - allow - permit*), совпадение субъекта и объекта воздействия (*indulge, ramper*), уточнение разрешения - разрешение войти (*admit*), разрешение дать что-либо (*give*), разрешение нарушений путем их игнорирования, потворство (*connive*) (SBED, RHD, LDCE).

Глаголы согласия объединены значением разрешения в виде утвердительного ответа на просьбу. Дифференциальные признаки данных глаголов таковы: важность того, на что дано согласие (*consent*), уступка условиям (*accede*), пассивный характер согласия (*assent*), отсутствие возражений (*aquiesce*), уступка воле другого лица (*comply*) (RHD, SBED).

Общим признаком глаголов прощения является снятие вины, т.е. признание воздействующим субъектом того обстоятельства, что воздействуемый субъект более не является виновным. Отличительные признаки глаголов прощения таковы: статус прощающего (*pardon*), нарастающая степень серьезности проступка (*excuse - forgive*), пассивность прощающего (*condone*), уточнение проступка - прощение долга (*remit*) (RHD, SBED, APCC).

Глаголы освобождения объединены значением снятия стеснений, т.е. значением активности воздействующего субъекта, в результате которой устраняются отрицательные для воздействуемого субъекта обстоятельства. В словарях выделены следующие отличительные признаки глаголов освобождения: указание на характер стеснений, которым был подвержен воздействуемый субъект (*free, liberate, emancipate*), высокий статус освобождающего (*discharge, dismiss*) (RHD, SBED).

Сравнение дифференциальных признаков глаголов разрешения показывает, что в качестве таких признаков выступает характеристика воздействующего субъекта (степень активности, официальный статус), характеристика обстоятельств разрешения, уточнение разрешения.

В значении глаголов разрешения представлен модально-нейтральный компонент: *connive - permit wrongdoing go on while feigning ignorance of it* (SBED); *dismiss - permit to depart* (SBED). В значении глагола *connive* - "потворствовать" модально-нейтральный компонент выражен как дополнительный по отношению к модально-статусному

комплексу: некто разрешает нарушения, притворяясь, что не знает о них. В значении глагола dismiss - "отпускать, распускать" модально-нейтральный компонент выражен как уточняющий по отношению к модально-статусному комплексу: разрешать уйти.

Второй лексико-семантический ряд глаголов внешней обусловленности составляют глаголы запрещения. Например, ban - "запрещать": ban - order with authority that something must not be done (ALD). В значении глаголов запрещения выделяются компоненты волеизъявления, каузации, возможности и отрицания. В составе глаголов запрещения устанавливаются три микроряда словозначений: глаголы непозволения, препятствия и воздержания.

В значении глаголов непозволения выделяются такие дифференциальные признаки, как указание на официальный статус запрещающего (prohibit, veto, ban), указание на причину запрета (taboo), импульсивный характер запрета (inhibit) (RHD).

Глаголы препятствия объединены значением отрицания, разрешения и активной деятельности воздействующего субъекта с целью помешать чему-либо. Отличительные признаки глаголов препятствия таковы: временный или постоянный характер препятствия (hinder - prevent), важность того, чему устроено препятствие (obstruct), отрицательная характеристика препятствующего (hamper), способ препятствия - нарушение нормального хода вещей (impede), задержка (detain, retard) (SBED, RHD).

В содержании глаголов воздержания воздействующий и воздействуемый актаны совпадают - это одно и то же лицо. Дифференциальные признаки этих глаголов сводятся к следующим: причина воздержания (abstain), право, от которого субъект добровольно отказывается (forbear), границы, в рамках которых следует воздерживаться от чего-либо (contain), характер воздержания от чего-либо - подавление желаний (restrain) (SBED).

Дифференциальные признаки глаголов запрещения характеризуют субъекта (статус субъекта, оценка субъекта, качества субъекта), причину запрещения, способ запрещения и характеристику обстоятельств запрещения.

Третий лексико-семантический ряд глаголов внешней обусловленности образуют глаголы принуждения, например, compel - "заставлять, принуждать": compel - make (a person or thing) do something by force or as if by force (LDCE). Модально-статусный комплекс в значении глаголов принуждения состоит из признаков каузативности и необходимости. Если в значении глаголов разрешения и запрещения воздействуемый субъект имеет право на самостоятельное действие, то в значении глаголов принуждения такое право аннулируется. В составе глаголов принуждения мы выделяем три микроряда

словозначений: глаголы принудительного воздействия, убеждающего и воодушевляющего принуждения.

В составе глаголов принудительного воздействия выделяются такие признаки, как игнорирование желаний воздействуемого индивида (*coerce*), внешняя, физическая сторона принуждения (*force, thrust, push*), внутренняя, моральная сторона принуждения (*oblige*), убеждение как результат принудительного воздействия (*persuade*), настоятельность как способ принуждения (*urge*) (RHD).

Глаголы убеждающего принуждения объединены признаком убеждения как результата принудительного воздействия. Отличительные признаки данных глаголов таковы: способ убеждающего принуждения – лесть, очарование, соблазн (*coax, allure, entice, tempt*) и отрицательная оценка такого принуждения (*wheedle, cajole, inveigle, seduce*) (SBED).

В содержании глаголов воодушевляющего принуждения выделяются следующие отличительные признаки: способ воодушевления – оживление мысли и чувства, возбуждение надежды, придание смелости (*stimulate, cheer, encourage*), указание на причину, мотивирующую воодушевление (*prompt*), настоятельность как причина воодушевляющего принуждения (*insist*) (ALD, PED).

Дифференциальные признаки глаголов принуждения характеризуют воздействующего субъекта (отношение к воздействуемому субъекту, настоятельность, оценка способа принуждения) и обстоятельства принуждения.

Четвертый лексико-семантический ряд глаголов внешней обусловленности образуют глаголы управления. Семантика глаголов управления тесно связана с семантикой глаголов разрешения, запрещения, принуждения. Значение ситуативного неравноправия при разрешении, запрещении и принуждении связано со значением социального неравноправия воздействующего и воздействуемого субъектов при управлении. Признак социального статуса человека является классифицирующим, интегральным признаком глаголов управления. В составе глаголов управления выделяются пять микрорядов словозначений: глаголы руководства; возложения и снятия права; порицания и осуждения; подчинения; действий официальных лиц.

Глаголы руководства объединены значением официального статуса субъекта, имеющего право на управление. Дифференциальные признаки данных глаголов таковы: уточнение официального статуса субъекта руководства (*rule, govern*), ситуация военного управления (*command*), подчинение при управлении в силу влияния на психику воздействуемого субъекта (*control*), указание на моральную сторону приказания (*charge*), отрицательная оценка способа управления (*manipulate, domineer*), характеристика способа управления – выработка общего направления, процедурное

ведение дел, умение вникнуть во все детали, умение приспособить к своим нуждам управляемый объект, точное указание ведения дел (direct, administer, manage, regulate, instruct) (RHD, SBED, ChW).

Глаголы возложения и снятия права характеризуются следующими отличительными признаками: уточнение юридического статуса субъекта воздействия (abolish, abrogate, repeal, revoke), выражение воздействия как разрешения (authorize, enjoin), указание степени лишения права (annul, nullify) (SBED).

Общим признаком глаголов порицания и осуждения является выражение неодобрения при различии статуса субъектов. Анализ этих глаголов приводится в данной работе выше.

Глаголы подчинения объединены значением приведения воздействуемого субъекта к зависимости. В содержании данных глаголов выделяются такие отличительные признаки, как способ подчинения - принуждение и убеждение, применение вооруженной силы для подчинения, полное подавление (bridle, curb; subdue; repress; quell) и характеристика подчиненного субъекта как безопасного (tame) (SBED, LDCE, ALD).

Глаголы действий официальных лиц характеризуются такими дифференциальными признаками, как уточнение статуса воздействующего субъекта (grant, summon), причина действия официального лица (award), собственно действие (decree, ordain, second) (RHD, SBED).

Сравнение отличительных признаков глаголов управления показывает, что воздействующий субъект уточняется в словарных толкованиях как монарх, государственный деятель, деловой руководитель, военная власть. Уточняется также способ воздействия, причина воздействия, характеристика воздействуемого субъекта.

В значении глаголов управления выделяются модально-нейтральные компоненты: superintend - manage; watch and control (ALD); order - give an order - (give) an authoritative communication by which the person addressed is directed to do something (RHD). В приведенных примерах (superintend - "контролировать, надзирать" и order - "приказывать, распоряжаться") представлены дополнительные модально-нейтральные компоненты со значением наблюдения и речи.

Пятый лексико-семантический ряд глаголов внешней обусловленности образуют глаголы долженствования. Например: advise - tell somebody what one thinks should be done (LDCE). В значении глагола advise - "советовать" представлен статусно-модально-оценочный комплекс, выраженный в модальном глаголе should - "следовало бы". Этот модальный глагол со значением долженствования в мягкой форме часто используется в советах. Совет как вид речевого

акта характеризуется тем, что говорящий высказывает свое мнение относительно того, как следует вести себя адресату, предоставляя адресату полную свободу в выборе стратегий поведения. На практике, впрочем, советы часто являются тактичной формой или косвенным способом выражения команд и распоряжений [Leech, Svartvik, 1983:131]. В речевом акте совета адресат выступает одновременно в двух семантических ролях: по форме - в роли респондента, к которому как бы обращена просьба, и по сути дела - в роли контрагенса, которому отдается команда. В отличие от других глаголов внешней обусловленности глаголы долженствования выражают субъект воздействия как внешние принуждающие обстоятельства. На первом плане в семантике глаголов долженствования находится воздействуемый субъект. В этом смысле наблюдается известное сходство между семантикой глаголов долженствования и глаголов принуждения в пассивном залоге: значение взятых на себя обязательств, общего мнения, моральной нормы и т.д. выступает в качестве силы, которая побуждает к действию.

В составе глаголов долженствования выделяются пять микрорядов словозначений: глаголы обязательства, морального пожелания, требования, логической необходимости и порицаемого поведения.

Взятие на себя морального обязательства уточняется в значениях глаголов первого микроряда такими отличительными признаками, как степень ответственности (promise - guarantee), официальный характер обещания (pledge), произнесение клятвы при обещании (engage, vow), оставление подписи при обещании (contract), уточнение обещания - согласие на брак (betroth, affiancement) (SBED).

Значения глаголов морального пожелания объединены положительной оценкой рекомендуемого действия. Различия состоят в способе выражения пожелания (advise), в указании на предшествующие обстоятельства (earn, deserve), в праве на поощрение (merit) (SBED, RHD).

Значение глаголов требования объединяет подразумеваемое право на что-либо. Различия глагольных значений заключаются в степени потребности (want - need), в отнесении содержания требования к актуальному либо потенциальному моменту (claim - demand), в выражении обвинения (blame) (RHD, SBED).

Общим знаменателем глаголов логической необходимости является соответствие предыдущего содержания последующему. Различия заключаются в уточнении характера требуемого соответствия, а именно - следствия, включения, выводимости (follow, entail, imply) (LDCE, SBED).

Глаголы порицаемого поведения объединены значением того, что не следует делать. Различие заключается в наименовании порицаемого и осуждаемого действия -

вмешиваться (interfere), дезертировать (desert), красть (steal), насмехаться (mock), пренебрегать чем-либо (neglect) и т.д. (ALD, LDCE).

Дифференциальные признаки глаголов долженствования характеризуют обстоятельства долженствования и уточняют то, что должно или не должно иметь место.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что модально-статусный признаковый комплекс в семантике модализованных глаголов обусловлен ситуацией, отраженной в семантике глагола, обнаруживает различную степень выраженности в словозначении, а также различную степень яркости в комплексном модусном признаке - преимущественное выражение субкатегориального признака модальности либо статуса.

Аналогичным образом выделяется модально-статусный признаковый комплекс в значении прилагательных и существительных. Значение модальных компонентов позволяет выделить подгруппы прилагательных возможности, волеизъявления и внешней обусловленности.

Прилагательные возможности подразделяются на две подгруппы слов: прилагательные активной и пассивной возможности. Обратимся к анализу первой подгруппы. Например, absolute2 - having complete power without limit (LDCE). В значении прилагательного absolute - "абсолютный" выделяется признак "власть", т.е. "возможность распоряжаться". Этот признак характеризует субъекта как индивида, коллектив, общественное устройство, поведение индивида и т.д. В значении прилагательного "абсолютный" восстанавливается глагольный признак "руководить". Глагольные конкретизаторы возможности часто выражены в дефинициях: agile - able to move quickly and easily (LDCE); businesslike - having or showing the ability to succeed in business or to do things calmly and with common sense (LDCE). В определениях слов agile - "проворный, живой" и businesslike - "деловой, деловитый" названы глагольные, процессуальные признаки, уточняющие возможность: это быстрое и легкое движение, которым характеризуются не все люди, отсюда и модальность возможности в сочетании с признаком статуса, и это успех в деле или ведение дел спокойно и со здравым смыслом, что присуще, как известно, также не всем людям.

Прилагательные активной возможности образуют два тематических ряда. К первому ряду относятся слова, обозначающие качества, внутренне присущие не всем людям, не всем живым существам. Например, это способность предвидеть (prescient), жить на суше и в воде (amphibious), ясно

выражать чувства и мысли (articulate), хранить много информации - о памяти (tenacious), быстро и эффективно обучаться и понимать (clever), преодолевать страх перед лицом опасности (courageous).

Второй ряд образуют слова отрицательной возможности, т.е. невозможности, неспособности, неумения, избирательно характеризующего людей: austere - lacking the ability to enjoy life (LDCE). "Суровый, аскетический" человек в глазах говорящих - это тот, кто не способен наслаждаться жизнью. В качестве характеризующих модально-мотивирующих признаков у прилагательных отрицательной возможности в словарных дефинициях названы такие признаки, как неспособность видеть (blind), легко и непринужденно двигаться (awkward), оплачивать свои долги (bankrupt), думать, соображать (stupid). Наличие качеств, свойственных не всем людям, либо отсутствие качеств, свойственных большинству людей, выступает как модально-мотивирующий признак активной возможности.

Прилагательные пассивной возможности широко представлены в словаре. Например: calculable¹ - that can be worked out from known facts (LDCE). В значении прилагательного calculable - "предвидимый" устанавливается модальный компонент, обусловленный пассивным значением слова. В качестве субъекта у прилагательных пассивной возможности обычно выступает неодушевленный предмет, подвергаемый воздействию или воспринимаемый чувствами или разумом: хрупкий, яркий, трудный, легкий, съедобный, удобный и т.д. Пассивная возможность не связана с признаком социального статуса человека. Вместе с тем пассивная возможность бывает связана с оценкой, а оценка косвенно характеризует статус человека, выносящего соответствующую оценку: byzantine¹ - (derog) difficult to understand, because there are too many thoughts, ideas, etc; complicated; labyrinthine (LDCE). Англичане, как показывают словари, неодобрительно отзываются о "византийской" мудрости того, кого они не могут понять сразу.

К прилагательным пассивной возможности примыкают слова, модальный признак в значении которых обусловлен принципиально иным качеством: accident-prone - (of a person) more likely to have accident than most people are or than one usually is (LDCE). Модальный признак вероятности в значении слова accident-prone - "везучий на неприятности" обусловлен непредсказуемостью результата вследствие неконтролируемости качества. Вместе с тем в данном случае мы сталкиваемся с весьма своеобразным статусным признаком, выделяющим людей подобного типа из общей массы и характеризующего их. Такая характеристика в определенной мере близка признаку отрицательной возможности: тот, кто постоянно попадает в неприятные

ситуации, не способен избежать таких ситуаций. Подобно этому, тот, кто неуклюж, не способен легко и непринужденно двигаться. Данный субкатегориальный признак модальности (вероятность) характеризует большей частью неодушевленные предметы (изменчивый, взрывчатый и др.).

В семантике имен существительных представлены различные модальные признаки. Признаковые разряды существительных, обозначающих абстрактные свойства и качества, непосредственно выражают модальные значения. Например: *ambition* - strong desire for success, power, riches, etc (LDCE). В слове "амбиция" непосредственно выражена модальность волеизъявления в сочетании с индикатором статуса ("власть"). В значении предметных существительных модальный признак выражается опосредованно.

В данной работе выделяются три группы предметных имен существительных, противопоставляемых по субкатегориальному признаку модальности (значения возможности, вероятности и способности, связанной с долженствованием).

Первая группа существительных характеризует неодушевленные предметы, используемые человеком для той или иной цели. Например, сверло - это инструмент, которым можно сверлить дыры, артишок - это растение, цветы которого можно употреблять в пищу. Данный вид модальности - инструментальная модальность - отражает в языке практическое освоение мира человеком и распространяется на все существительные, обозначающие предметы, созданные человеком (артефакты), на природные явления и предметы, используемые человеком, на людей, используемых в качестве орудий. Например, *простофиля* - это человек, которого легко можно обмануть. Статусный признак в подобных словах связан с модальным признаком посредством оценочного признака.

Вторая группа существительных и, соответственно, второй вид модальности распространяется на явления и предметы, которые сами по себе являются источниками действия, но не контролируют протекание действия. К этим существительным относятся обозначения природных явлений, болезней, социальных явлений неуправляемого характера, отдельных артефактов. Данный вид модальности - потенциальная модальность²² 22Потенционность имеет и другое толкование [Чейф, 1975:128]. - содержит в себе идею нормы, усредненной шкалы и точки отсчета, относительно которой определяется вероятность проявления тех или иных независимых от человека качеств. Так, корабль может утонуть, горючее может воспламениться, больной может выздороветь, умереть, заразить других людей, но вряд ли допустимы высказывания "Человек может быть смертен", "Железо может утонуть в воде". Отсутствие вариантов сводит модальность на нет. Потенциальная модальность - это познавательное, теоретическое освоение мира человеком. Нормативность

выступает как модально-мотивирующий фактор в значении прилагательных и существительных. Потенционная модальность связана с признаком статуса в тех случаях, когда мы говорим, что с человеком может что-либо случиться, и тем самым характеризуем человека по его состоянию здоровья, возрасту и т.д. Например: kleptomaniac - a person suffering from kleptomania - a disease of the mind causing an uncontrollable desire to steal (LDCE). "Клептоманьяк" - это человек, страдающий душевной болезнью, выражающейся как неконтролируемая страсть к воровству.

Третий вид модальности существительного (и, соответственно, третья группа предметных существительных) - это модальность лица или персональная модальность, каузируемая самим субъектом, который умеет или обязан вести себя определенным образом. Например: gentleman - a man who behaves well towards others and who can be trusted to keep his promises and always act honourably (LDCE); treasurer - a person in charge of money belonging to a club, organisation, political party, etc (LDCE). Джентльмен всегда ведет себя так, что ему можно доверять, казначей имеет право и обязан распоряжаться коллективными деньгами. Персональная модальность характеризует постоянные качества человека и распространяется на одушевленные существительные со значением профессии, поручения, оценки. Этот вид модальности тесно связан со статусным значением.

Модально-статусное значение представляет собой комплексный модусный признак, выделяемый в семантике различных частей речи в английском языке. Различные подходы к лексической категоризации модального и модально-статусного признака позволяют установить некоторые общие характеристики, присущие модусным признакам в целом: выводимость из диктальной части значения, многомерная вариативность, связь с модусно-мотивирующим и модусно-нейтральными признаками. Установлено, что существуют специфические типы статусных признаков, не связанных с модальным признаком (например, признак этикета, определенные виды статусно-оценочных признаков) и существуют специфические типы модальных признаков, не связанных со статусным признаком (например, структурно-обусловленная модальность). Субкатегориальные модальные значения - возможность, волеизъявление, внешняя обусловленность и предположение/ вероятность - представлены в трех типах слов, противопоставляемых по степени активности агенса, а именно в словах инструментального, потенционного и персонального значения.

3.3.3. ПЕРСОНАЛЬНО-СТАТУСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Под персональностью в данной работе понимается система признаков семантического субъекта, грамматически функционирующая как категория лица. Эта категория определяет говорящего, участника речи и того, кто в речи не участвует [Слюсарева, 1986:93]. В научной литературе высказана аргументированная точка зрения на персональность как текстообразующую функционально-семантическую категорию. Все функционально-семантические категории разделяются на текстообразующие и нетекстообразующие. К первым относится персональность, аспектуальность-темпоральность, связность, модальность, ко вторым - вежливость, количественность-качественность, причинно-следственность и др. В большинстве случаев нетекстообразующие категории находят какое-то отражение в текстообразующих категориях [Ионицэ, Россу, 1987:49]. Расходясь в позициях с авторами цитируемой работы по поводу текстообразующих потенций вежливости и причинно-следственных отношений, мы считаем нужным подчеркнуть важность высказанного положения о межкатегориальных связях и категориальных проекциях. В этом, в частности, состоит и сущность персонально-статусного значения.

В функциональной грамматике категория лица трактуется как важнейший компонент более широкой категории персональности [Бондарко, 1983:41]. Способами выражения категории персональности в английском языке являются флексия спряжения глагола (третье лицо единственного числа настоящего времени общего вида) и супплетивные формы парадигмы глагола "быть", личные и притяжательные местоимения, а также слова с признаком персональности в значении. Персонально-статусное значение раскрывается в субстанциональных характеристиках статуса.

Системы личных местоимений противопоставляются по следующим признакам: а) по участию в беседе: 1-е лицо - говорящий, 2-е лицо - собеседник, 3-е лицо - тот, о ком говорят, или тот, кто не принимает участия в беседе; иногда выделяется 4-е лицо - тот, о ком говорит 3-е лицо, например: "Он сообщил ей"; б) по расстоянию: тот, кто находится близко от говорящего, от собеседника, от третьего лица; в) по видимости/ невидимости, известности/ неизвестности (только сфера 3-го лица); г) по признаку субъективной оценки и общественных отношений [Майтинская, 1969:148-151].

Какие признаки семантического субъекта выделяются в системе местоимений - в классе слов, специализированно выражающих категориальный признак персональности? Это, как известно, - признаки одушевленности/ неодушевленности, числа, биологического рода и дейксиса. Коммуникативно первичен дейксис, разграничение "я - ты - он". Признак одушевленности/ неодушевленности и признак биологического

рода как уточнение одушевленности отмечается только у третьего лица. Признак числа разграничивает на данном этапе развития языка единственность и множественность семантических субъектов. Признаки одушевленности/неодушевленности и биологического рода выделяются в значении личных местоимений вследствие заместительного характера данного класса слов, эти признаки в первую очередь присущи имени существительному. Дейктический признак получает специализированное выражение в значении местоимений. Говоря о личном дейксисе, т.е. о дейксисе применительно к персональности, мы отвлекаемся от других дейктических значений - непосредственного указания (это, то), указания на время (сейчас, тогда) и место (здесь, там).

Рассматривая функциональную семантику персональности, В.В.Химик выделяет четыре субкатегориальных типа адресантности: а) абсолютная адресантность ("Я не сплю"), б) инклюзивная адресантность (я+ты, я+вы, я+он и т.д.), в) ритуальная адресантность (авторское, скромное, царское, просторечно-представительское "мы"), г) экспрессивная адресантность ("Кому говорят!"), а также пять субкатегориальных типов адресатности: а) абсолютная адресатность ("Ты мучаешь меня"), б) адресантно-адресатная совокупность ("Мы славно побеждаем"), в) мнимая совместность (докторское "мы"), г) отстраненная адресатность ("Куда посадить дорогого гостя?" - говорится в его присутствии; русской речи этот тип адресатности не свойственен), д) риторическая адресатность ("О, нищая моя страна!") [Химик, 1990:115-124]. Из девяти субкатегориальных типов адресантно-адресатных отношений пять типов выражают персонально-статусное значение: ритуальная и экспрессивная адресантность, а также совокупная, мнимо-совместная и отстраненная адресатность.

Местоимения являются одним из основных способов выражения уважения, при этом отмечено, что категория числа в местоимениях выражает уважение, категория лица выражает последовательное увеличение дистанции (местоимение 3-го лица, употребляемое по отношению к адресанту и/или адресату, выражает большую степень уважения, чем местоимение 2-го и 1-го лица); в языках, в которых есть грамматическая категория определенности/неопределенности, уважение выражается также посредством снижения определенности; замена личных местоимений возвратными и указательными местоимениями, а также прономинальными эквивалентами выражает уважение или увеличение социальной дистанции; гоноративные аффиксы в местоимениях более распространены, чем пейоративные, если имеется способ выражения пейоративности, то непременно присутствует способ

выражения местоименной гоноративности, но не наоборот [Head, 1978:190-194].

Комбинаторика местоимений содержит ограничения, природа которых носит статусно-оценочный характер. Можно сказать: "моя собеседница", но не "моя ты"; определения по отношению к местоимениям должны стоять только в постпозиции: "Ты, добрая, милая, как ты можешь так говорить?" [Селиверстова, 1988:35].

Статусное значение в семантике местоимений выражается не только в вежливой форме "Вы", обращенной к адресату. Семантика авторского "мы" несомненно включает статусный компонент. Приведем мнение известного советского лингвиста И.В.Арнольд: "Первое лицо единственного числа ("Я старался проследить...; Мне представляется возможным...") уместно в тексте в трудах ученых, чей авторитет уже прочно установлен. Начинающим авторам в письменном тексте лучше избегать подобных эгоцентрических построений, а в устной речи лучше пользоваться ими умеренно." 23. 23 Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. - М.: Высш.шк., 1991. - 140 с. (С.116-117). В современной англоязычной научной литературе, по нашим данным, авторское "мы" почти не используется. Это связано, вероятно, с тем, что общий стиль научного изложения в работах американских, британских, канадских исследователей в некоторой степени свободнее, чем в подобных трудах советских языковедов. Об этом свидетельствуют, в частности, личные посвящения, неформальные благодарности (acknowledgements) и сведения личного характера в предисловии к работам.

Рассмотрим лексическое глагольное значение категориального комплекса персональности.

Семантический субъект глагола может быть одушевленным, неодушевленным и недифференцированным. Одушевленный субъект выражается как лицо (thank - "благодарить") либо живое существо (calve - "отелиться"). Неодушевленный субъект выражается как вещество, предмет, явление, событие (vaporize - "испаряться", consist - "состоять из чего-либо"). Недифференцированный субъект может быть предельно широким (be - "быть", become - "становиться") либо потенциально-персональным (break - "разбивать", change - "меняться").

Семантический сдвиг при олицетворении дает возможность осмыслить семантический субъект практически любого глагола как одушевленный. Например: thaw - 1) (of a frozen substance) to increase in temperature to above freezing point and so become liquid, soft or bendable, 2) (of a person) to become friendlier, less formal, etc (LDCE). В производном значении thaw - "таять" означает "становиться дружелюбнее, менее формальным и т.д." В данном случае имеет место системное выражение признака одушевленности. Этот

признак может быть также ситуативным, наведенным: *This visitor connotes troubles* - "Этот посетитель означает неприятности". В приведенном примере значение существительного расширяется - от предметности к событийности.

Критериями наличия и проявления признака одушевленности считаем тематическую отнесенность глагола к словам, обозначающим речь, мышление и другие характеристики человека, словарную помету "о человеке" в производных значениях слов, отсутствие семантических запретов на сочетаемость глагола с существительными, обозначающими человека. Анализ словарных дефиниций показывает, что признак одушевленности наличествует в значении глагола как типичная или вероятная характеристика семантического субъекта. Исключение на первый взгляд составляют глаголы, употребляемые в безличной конструкции: *It ill behoves you to refuse* - "Вам не подобает отказываться". Такие глаголы представляют собой один из языковых способов снятия с говорящего личной ответственности за сообщаемое.

Признак рода в английском языке не является категориальным, поскольку характеризует только слова со значением биологического рода. К числу слов, выражающих в своих значениях признак рода, относятся местоимения мужского и женского рода, существительные с суффиксом *-ess* (*tigress, princess*), а также слова с признаком биологического рода в значении. Признак рода является одним из показателей статуса.

Типология глагольных значений, включающих маркированный признак рода, складывается из значений биологических функций и социально-закрепленных характеристик поведения. Первый тип значения тривиален и характеризует людей и животных. Второй тип значения более интересен в плане англоязычной специфики выражения социального статуса человека. Например: *elope1* - (esp. of woman) to run away secretly with a lover (LDCE); *purr3* - (esp. of woman) to express (a pleasant feeling or wish) in a low continuous sound as if produced in the throat by a pleased cat (LDCE); *mince3* - (derog) to walk in an unnatural way, taking little short steps, esp. (of a man) in a womanlike way (LDCE). В значении слов *elope* - "бежать с возлюбленным", *purr* - "мурлыкать", *mince* - "семенить ногами" выделяются признаки, характеризующие мужчин и женщин. Отметим коннотативно-нагруженный характер значений этих слов. Сказанное относится и к прилагательным, включающим признак рода: *fey* - (derog) (of a person, or his behaviour, used esp. of women) silly in a sensitive, artistic way, not practical (LDCE); *lecherous* - (of men) having a desire for continuous sexual pleasure (LDCE). Англичане, как видно из приведенных примеров, выделяют в

поведении отдельных женщин восторженно-глупое отношение к миру, а в поведении ряда мужчин - распутство. Признак рода уточняется в значении некоторых слов возрастными характеристиками. Так, в приведенном значении слова lecherous - "распутный" на основании иллюстративных примеров в словарях выделяется признак "старый" - а nasty lecherous old man, в значении глагола giggle - "хихикать" приводится уточняющая характеристика в словарном толковании - "о девушках".

Признак персональности связан с категориальным признаком числа. В ряде случаев семантический субъект глагола осмысливается как множество лиц. Например: beset2 - (in war) surround and prepare to attack (LDCE). "Осаждать, окружать" неприятеля может только множество солдат. Признак множественной персональности выступает в двух разновидностях: неопределенное и определенное множество. Мы говорим о неопределенной множественности, если количество субъектов больше, чем два (crowd - "толпиться", congregate - "сходиться"). Об определенной множественности речь идет в том случае, если выделяются два субъекта в глаголе (marry - "жениться", duel - "стреляться на дуэли").

Значение множественности связано с признаком социального статуса в нескольких отношениях. Во-первых, множественное число применительно к местоимениям означает уважение (метафора величины) и совместность. Во-вторых, выделяется экспрессивная собирательная множественность типа officialdom - (often derog) officials as a group - "чиновничество, бюрократический аппарат". Сравните в русском языке: солдатня, жулье, хамье. Такие слова выражают неуважительное отношение. В-третьих, статусное значение присуще различным обозначениям групп людей: с одной стороны, выделяются советы, комитеты, конклавы, с другой стороны, - банды, шайки, толпы.

Признак персональности и связанные с ним признаки одушевленности и числа описаны в лингвистической литературе с иных позиций, а именно в терминах глаголов интерперсональных отношений [Арутюнова, 1976:163]. Противопоставляются глаголы, субъектами которых могут быть лица, пропозиции и пропозиции либо лица. Первый тип именуется глаголами интерперсональных отношений. Эти глаголы классифицируются по количеству участников ситуации, отраженной в значении глагола, и по направленности отношений между участниками. Выделяются глаголы, выражающие однонаправленные, двунаправленные и взаимные отношения ("любить", "веселить", "соглашаться") [Шаволина, 1985:140].

Категориальный лексический признак дейксиса также прослеживается в семантике глаголов. Речь идет о том, что выделяются глаголы, сориентированные на первое, либо

второе, либо третье лицо, иначе говоря, "я-глаголы", "ты-глаголы" и "он-глаголы".

Ориентация на первое лицо характеризует перформативные глаголы, т.е. те глаголы, произнесение которых в определенных ситуациях является действием, например: "Я объявляю собрание открытым". Перформативным глаголам противопоставляются неперформативные (описательные) глаголы, которые не могут быть употреблены перформативно. Сравните: "Я призываю вас к борьбе" и *"Я подстрекаю вас к борьбе". Конститутивным признаком перформативности, среди прочих, является употребление в первом лице настоящего времени изъявительного наклонения. Перформативные глаголы являются действиями только в том случае, если соответствующий глагол произносит лицо, наделенное определенными полномочиями: только председатель собрания имеет право открыть и закрыть собрание, только руководитель предприятия или учреждения имеет право принять и уволить сотрудника, только руководитель или руководство страны имеет право объявить другой стране войну. Признак перформативности является статусным показателем, и, следовательно, дейктический признак связан со статусным признаком не только в семантике местоимений, но и в семантике глаголов.

Дейктическая направленность второго лица выражается в лексической семантике существительных-вокативов, глаголов, употребляемых только или преимущественно во втором лице (please и beware), и в значении глаголов, переключающих категориальную семантику при употреблении в императиве. Имеется в виду различие между предикатами действия и состояния. Императивное высказывание основывается на презумпции побуждения, включающей четыре типа условий: 1) данный акт рассматривается как попытка воздействующего лица (прескриптора) добиться того, чтобы воздействуемое лицо (исполнитель) сделал нечто, 2) прескриптор хочет, чтобы исполнитель сделал нечто, 3) момент времени совершения действия исполнителем должен быть позже момента времени произнесения побуждения, 4) существуют предварительные условия : а) исполнитель в состоянии сделать нечто, б) прескриптор полагает, что исполнитель в состоянии сделать нечто, в) исполнитель вряд ли сделает это по своей воле при нормальном течении событий, г) состояние, которое является результатом действия, не имеет места [Бирюлин, 1990:164]. Предикаты действия не переключают свою семантику в императиве. Предикаты состояния, будучи употреблены в императиве, приобретают долю характеристики действия. Некоторые предикаты состояния не совмещаются с императивом, поскольку предварительные условия побуждения невыполнимы ("Сожалей !"). Императив таких предикатов состояния носит характер пожелания или заклинания. Упрощая положение дел,

можно сказать, что существуют два типа императивов: а) реальный императив ("Откройте дверь!") и б) квази-реальный императив ("Подарите мне луну."). В квази-реальном императиве могут употребляться как действия, так и состояния, в реальном императиве могут употребляться только действия. Ограничения, связанные с употреблением глаголов в реальном императиве, соотносимы с ограничениями, связанными с семантикой второго лица. Отметим, что реальный императив градуируется по степени категоричности ("Откройте дверь!" - "Открыть дверь!"). Квази-реальный императив не употребляется в категоричной форме ("Любите музыку!" - *"Любить музыку!").

Дейктическая направленность третьего лица прослеживается только в семантике английских модальных глаголов. Известно, что все модальные глаголы в производных значениях выражают модальность предположения (эпистемическую модальность, т.е. модальность знания), в то время как их исходное значение выражает внутреннюю возможность, долженствование в различных оттенках и т.д. Эпистемическая модальность выражается при употреблении модального глагола в третьем лице. Это наиболее явно прослеживается при сочетании модальных глаголов с предикатами состояний. Например: *She can be very naughty* - "Она может быть очень непослушной" или "Она, возможно, очень непослушна". В потенционном выражении это предложение звучит так: "Может случиться так, что она будет очень непослушна". Эпистемическая модальность противопоставляется семантике первого лица. Что же касается высказываний типа "Я, должно быть, сплю", то они представляют собой как бы взгляд на себя со стороны, взгляд на себя как на третье лицо. Противопоставление сферы третьего лица сфере первого и второго лица составляет, по мнению Д.А.Штелинга [1978:5], основную дихотомию системы языка. Эта дихотомия представляет собой развитие дихотомии диктума и модуса.

Персонально-статусное значение представляет собой комплекс субкатегориальных признаков статуса и субкатегориальных признаков личности (одушевленности, рода, числа и дейксиса). Наиболее ярко статусный признак выражен в семантике личных и притяжательных местоимений (дейктическая вокативность). Вместе с тем статусное значение устанавливается в содержании других частей речи с маркированным признаком рода, либо числа, либо дейксиса. Маркированный признак рода относится к женщинам и женскому стилю поведения, хотя есть исключения. Признак рода может уточняться признаком возраста. Маркированным признаком числа является множественное число; признак множественности связан как с восходящим, так и с нисходящим статусным вектором. Наиболее выраженным дейктическим признаком в

персонально-статусном признаковом комплексе является признак первого лица.

3.3.4. ОЦЕНОЧНО-СТАТУСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Оценка - это "наиболее яркий представитель прагматического значения" [Арутюнова, 1988:5]. Оценочное значение моделируется при помощи квалификативной структуры, которая включает оценочную шкалу, оценочный стереотип, объект и основание оценки, субъекта оценки, оценочные модусы, аксиологические предикаты, мотивировку оценки [Вольф, 1985:47].

Субъектом оценки является лицо или общество в целом. Говорящий имеет возможность подчеркнуть свое отстранение от оценочной квалификации посредством формул типа "есть мнение": Adoption of the proposal is felt to be inadvisable. [Sampson, 1980:105] - "Есть мнение, что принятие этого предложения нежелательно". Такие формулировки особенно нравятся англоязычным бюрократам. Объектом оценки выступает любой объект, попадающий в естественный класс сравнения по своей обычной или возможной деятельности, пригодности или по своему поступку [Вендлер, 1981:550]. Речь идет об основании оценки. Объект оценивается по своим качествам, которые могут быть противоречивы: "Эти часы очень красивы и хороши как музейный экспонат, но неудобны и сильно спешат". Оценочная шкала располагается в диапазоне между знаками оценки (+) и (-). Оценочные стереотипы обладают стандартными наборами признаков. Например, "типичный политический деятель занимает соглашательскую позицию, обладает большим самомнением и бесчестен" [Лакофф, 1988:34]. Следовательно, плохой политик - тот, кто не умеет идти на компромиссы, честный политик - тот, кто настолько честен, насколько могут быть честны политики. Оценочные модусы представляют собой варианты модально-оценочного единства и выражаются посредством аксиологических (ценностных) предикатов: "Я рад/ счастлив/ надеюсь/ боюсь/ сожалею, что вопрос решен." Оценочная мотивировка находится за пределами языка в традиционном его понимании. Мотивы не входят в семантику оценочного предиката и могут быть осмыслены как причины мнения: * "Почему розы красивы?" - "Почему ты считаешь, что розы красивы?" [Арутюнова, 1988:39, 58]. Классификация оценочных значений является классификацией сфер оценочного поведения людей. В цитируемой монографии Н.Д.Арутюновой приводится следующая классификация частнооценочных значений: сенсорно-вкусовые ("душистый"), психологические ("увлекательный"), эстетические ("уродливый"), этические ("добрый"), утилитарные ("вредный"), нормативные

("правильный"), телеологические ("эффективный")
[Арутюнова, 1988:75,76].

Если мы согласимся с тем, что язык - "это не столько "форма выражения" готовых мыслей, сколько способ содержательной организации и представления знаний" [Городецкий, 1989:5], то знания о том, что такое хорошо и что такое плохо следует признать относящимися к компетенции лингвистики. В этой связи представляет интерес вопрос о том, каким образом структурированы прагматические знания в языке, насколько различны по своему устройству виды модальных, оценочных, дейктических и других значений. Исходя из внутренней взаимообусловленности модусного и диктального значения, мы считаем, что оценочные значения обусловлены значением и ассоциативным полем оценочно-нейтральной лексики. Вместе с тем существует пресуппозиционный фонд, культурный фон для народа и его языка, из которого вытекает языковой кодекс морали. Существуют общие и специфические нормы, фиксируемые в лексических значениях и получающие дополнительную интерпретацию в речевых употреблениях слов. Во всех национальных культурах осуждается предательство, неблагодарность, трусость, жадность и т.д. Но есть определенные формы поведения, которые национально специфичны. Так, в некоторых культурных системах считается бестактным смотреть собеседнику в глаза, подходить к собеседнику ближе, чем на определенную дистанцию, интересоваться источниками доходов. Приводя примеры недопустимых на социальной дистанции вопросов в англоязычном обществе, Р.Уордхау считает равно бестактными вопросы "Сколько вы зарабатываете?" и "Бьете ли вы свою жену?" [Wardhaugh, 1985:122]. В Советском Союзе первый вопрос не считается бестактным. Весьма чувствительны к нюансам культурной специфики слова с амбивалентной оценкой - "бедный", "богатый", "гордый", "смирный", "простой" и др. Христианское мировоззрение способствовало отрицательной оценке слов pride, proud - Pride goes before a fall - "Гордыня предшествует паденью". Особенности оценочной лексики свидетельствуют о приоритетах данной культуры. Эти знания входят в систему энциклопедической прагматической информации, владение которой обеспечивает статус члена соответствующего этноса. Известно, что состоятельные люди в США и Англии предпочитают жить в пригороде. Поэтому сведения о том, что некто живет в центре крупного западного города содержат дополнительную - для членов данного сообщества - информацию об оценке материального положения человека, о котором идет речь. Такая дополнительная информация, не входящая в структуру значения слова, в наибольшей степени характеризует те семантические группы слов, в которых отражена история, культура и специфика

современной жизни народа, соответствующие слова с большим трудом поддаются переводу на чужой язык [Гудавичюс, 1989:32].

Оценочная мотивировка прослеживается в семантике слов, включающих не оценочные признаки. Сравним прилагательные "безрукий" и "безногий". В исходном значении эти слова не являются оценочными. Оценка выводится из объяснительной интерпретации: "Плохо быть безруким или безногим - жаль таких людей - следует помогать им." В ином культурном социуме вывод был бы иным: "Такие люди не приносят пользу племени - их следует уничтожить". В употреблении "Какой же ты безрукий!" выражена отрицательная оценка, мотивируемая следующим образом: "У тебя есть руки - ты не можешь их использовать для работы - люди умеют/ должны уметь работать руками - то, что ты не умеешь этого делать, - плохо". Слово "безногий" в аналогичном смысле может быть употреблено, вероятно, футболистами. В приведенных объяснительных цепочках можно обнаружить центральное звено, которое соответствует некоторым истинам, принятым в обществе. Такие истины в явном виде сформулированы в пословицах и некоторых других видах универсальных высказываний, составляющих моральный кодекс общества. Корпус пословиц относится к фразеологической системе языка, которая в целом достаточно полно отражает специфику оценочных предпочтений общества.

Языковой кодекс морали весьма гибок и местами противоречив. Примером может служить синонимический ряд в английском языке *shy, bashful, diffident, modest, coy*. Эти слова анализируются в Англо-русском синонимическом словаре (АРСС), который, на наш взгляд, является оптимальным лексикографическим источником. Приведенные синонимы объединены значением "стремящийся быть незаметным в присутствии других", робкий, застенчивый, несмелый в общении. Дифференциальные признаки слов подробно и тонко рассматриваются в словаре, мы же обратим внимание лишь на оценочные различия синонимов. Если слова *shy, diffident* трактуются как оценочно-нейтральные, то слово *modest* имеет выраженную положительную оценку - "modest (скромный) обозначает свойство, в основе которого лежит нежелание демонстрировать свои достоинства и склонность скорее преуменьшать, чем преувеличивать свои заслуги. Внешне это проявляется в нежелании (но не боязни!) оказаться в центре внимания, в сдержанности (но не скованности!) манер". "Coy (скромный, застенчивый) обозначает тип застенчивости, свойственный девушкам или молодым женщинам, и часто подразумевает аффектированное или игривое проявление скромности, граничащее с кокетством или жеманством." "Bashful (застенчивый, робкий, конфузливый) обозначает тот тип застенчивости, который свойствен ребенку или молодому человеку и проявляется в скованности или угловатости манер

или в отсутствии легкости, непринужденности, свободы в поведении, особенно среди незнакомых. ...Употребляясь по отношению ко взрослым, bashful может иногда приобретать ироническую окраску" (APCC).

Из приведенного описания вытекают определенные правила поведения, например, "не стремись оказаться в центре внимания", "не бойся оказаться в центре внимания", "будь сдержан", "не будь скован", "веди себя искренне". Этим правилам соответствуют пословицы A fool always rushes to the fore - "Дурак всегда рвется вперед", Manners make the man - "Манеры делают человека", Blushing is virtue's colour - "Краска смущения - признак добродетели".

Правила поведения выражены в словах со значением этикетных и юридических норм. Принося извинения, люди оправдываются. В английском языке различные виды оправдания квалифицируются как apology, reason, excuse, pretext, alibi, plea. "When one offers an apology one admits that one has done wrong, says one is sorry, and perhaps gives reasons for what has happened. If someone thinks the reason given is untrue or unsatisfactory, he may call it an excuse. A pretext is a false reason. Alibi is often used in the meaning of an excuse made to escape from blame or punishment. A plea means that one is asking for understanding and mercy" (LDCE). Выделяется искреннее извинение с объяснением и оправданием проступка, оправдание как отговорка, оправдание как предлог, оправдание как алиби и оправдание как мольба. В значении этих слов прослеживается сложная система межличностных отношений, закрепленных в языке. Тот, кто виновен, должен принести извинения. Словарь дает характеристику основным тактическим ходам, связанным с извинением. С точки зрения общества у провинившегося может быть достаточное основание для совершения проступка (reason), либо доказательство того, что проступок совершен не этим человеком (alibi). Если же таких оснований нет, то провинившийся либо прибегает к недостаточному доводу, формальному оправданию, отговорке (excuse), либо пользуется заведомо фальшивым оправданием, предлогом (pretext), либо обращается с просьбой и мольбой (plea). Каждый из этих ходов получает оценку на условной шкале искренности: оправдание может квалифицироваться как искреннее, формальное (то ли искреннее, то ли ложное) и ложное.

Кваликативная структура конкретизируется в значениях оценочных слов и соответственно уточняется признак социального статуса. Для выявления конкретных характеристик статуса человека мы обратимся к описанию существительных оценочного значения и установлению типовых словарных субъектов, выступающих в качестве носителей статусно-оценочных норм.

Квалифицируемый статусный признак может быть положительным и отрицательным. Например: daddy - the most respected performer in a field; a person whose work or personality is so unique and successful that others seek to imitate him (DAS); rat - 1) a disliked or despised person, 2) an informer, a squealer (DAS). В словаре сленга daddy - "папа" объясняется как "уважаемый человек, которому стремятся подражать", а rat - "крыса, дрянь, стукач" - как "презираемый, ненадежный человек, доносчик". Положительный признак легко меняет знак при ироничном употреблении, отрицательный признак более стабилен, хотя некоторые слова с отрицательным значением могут употребляться в качестве шутливых и ласкательных обращений.

Существует амбивалентная оценочная лексика, обозначающая те явления и понятия, которые по-разному оцениваются представителями различных групп общества. Примерами амбивалентной оценки могут послужить слова patrician и bohemian. Патриций, знатный человек, противопоставляется плебеям. Для знати аристократизм несомненно является положительным качеством. Имеется в виду величие духа, изысканность вкуса, совершенство манер. В глазах простых людей аристократы - это праздные богачи с большим самомнением. Словом "богема" (буквально - "цыганский, относящийся к цыганам") обозначаются представители свободных профессий - актеры, музыканты, художники, поэты. Их образ жизни многим кажется беспорядочным: bohemian2 - socially unconventional person; person, esp. artist or writer, of free-and-easy habits, manners, and sometimes morals (COD). Для людей искусства внутренняя и внешняя раскрепощенность - необходимое условие творчества, и поэтому богемная жизнь ими не осуждается. К числу подобных амбивалентных оценочных слов относятся многие политические термины и другие слова, разделяющие людей по принципу "такие, как мы - не такие, как мы". Амбивалентная лексика представляет особый интерес с точки зрения статусных отношений. Полярное расхождение оценок свидетельствует о существовании различных оценочных кодексов в языке и различных типовых субъектов оценки.

Оценочное значение при детальном рассмотрении часто оказывается статусно-оценочным. Отрицательная оценка понижает статус объекта оценки, даже если по объективным признакам субъект оценки занимает более низкое социальное положение. Например: citizen - a person who belongs to a more prosaic, conservative group than one's own; a "square". Thus, to a Negro a white man may be a "citizen", to a convict an honest man who has never been in jail is a "citizen", etc (DAS). Слово citizen - "гражданин" имеет сленговое, жаргонное значение "обыватель, живущий скучной жизнью" (Сравните в русском уголовном жаргоне "вор в

законе" и "фраер"). Citizen или square - это тот, кто не знает современной жизни, старомоден, наивен, легко поддается обману и запугиванию, придерживается общепринятых суждений. Ясно, что субъект оценки относит себя к современным, умным, смелым, неординарным людям.

Каковы системные характеристики статусно-оценочного значения в английском языке ?

Для ответа на этот вопрос мы провели сплошную выборку существительных, значение которых включает отрицательную оценку. В языке разграничивается отрицательное и отрицательно-оценочное значение. Первое имеет преимущественно логическую природу и моделируется в лексической семантике при помощи шкалы контрастирования [Карасик,1987], второе же является экспрессивно-эмоциональным или пейоративным значением [Сафонова,1985; Шибаева,1988; Чеславская,1989]. В качестве исходного источника выборки нами был взят Большой англо-русский словарь (БАРС), дополненный данными английских толковых словарей и словаря сленга. Полученный корпус словозначений - 1652 единицы - является достаточно представительным для выводов о тематическом, кластерном и стилистическом распределении пейоративов в словаре. Тематическое распределение пейоративов - это определение того, какие пороки и недостатки выделяются у людей в англоязычном обществе. Нас интересует не только занимательное изучение нравов, но, главным образом, оценочная мотивация, моральный кодекс (точнее - моральные кодексы) языка и типология субъектов оценочно-статусной квалификации. Кластерное распределение пейоративов - это установление типичных объединений пейоративных значений внутри слов и между словами, выявление отношений производности между словами отрицательной оценки и установление оценочно-статусных парадигм. Стилистическое распределение пейоративов - это нахождение релевантных условий употребления слов с отрицательным значением в качестве обращения. Есть слова, которые могут восприниматься как оскорбления (инвективы), и слова описательного значения. Кроме того, слова могут быть вульгарными (грубыми, неприличными, шокирующими), но не оскорбительными и наоборот. Установлена шкала вульгаризмов (фамильярные слова - гробианизмы - бранные/ нецензурные слова) [Девкин,1979:39].

Стремление использовать предельно сниженную речь часто объясняется желанием установить отношения солидарности между говорящим и адресатом (адресатами, участниками беседы). Такая речь характерна для представителей социальных низов, стремящихся обособиться от остальных социальных групп. Вместе с тем предельно сниженная речь может быть одновременно и оскорбительной, на первый план при этом выступает статусное различие между коммуникантами:

как правило, грубо и оскорбительно говорит вышестоящий по отношению к нижестоящему. Оскорбление может быть нанесено и при помощи изысканных выражений литературного языка, как в саркастическом ключе, так и в обычном общении. Например, в критическом отзыве о монографии говорится, что единственным плюсом рецензируемой книги является ее красивая обложка. В Лондоне был выпущен своеобразный "Словарь оскорблений" на пяти языках. Составитель поставил перед собой цель вооружить англоязычных туристов ежидными и иногда грубыми выражениями для лучшего самочувствия во время пребывания за границей. Многие высказывания в этом пособии, действительно, оскорбительны. Например, реплика в банке или на почте: "Do you short-change everybody here?" - "Вы здесь всех обсчитываете?" Другие примеры в словаре, впрочем, вызывают улыбку - так могут изъясняться чудаковатые персонажи из книг. Например, в ресторане или кафе: "Do you run your own hospital for people who eat here?" - "А у вас есть своя больница для людей, которые здесь пообедали?" (InsD). Соотношение вульгаризмов, инвектив и пейоративов показано в таблице 12.

Таблица

12.

Соотношение вульгаризмов, инвектив и пейоративов

Языковое средство		Речевая функция	
Демонстрация солидарности		Нанесение оскорбления (инвектива)	
Нейтральная лексика	Мелиоративы	+	+
	Пейоративы	+	+
Сниженная лексика - вульгаризмы	Мелиоративы	-	+
	Пейоративы	+	+

Инвектива есть выражение речевой функции. Инвектива противопоставлена демонстрации солидарности. Вульгаризмы, как и нейтральная лексика, относятся к языковым средствам. В составе стилистически нейтральной и стилистически сниженной лексики слова могут содержать оценочный (часто эмоционально-оценочный) компонент значения. Оценка может быть положительной (мелиоративы) и отрицательной (пейоративы). Предметом нашего рассмотрения являются пейоративы.

Мы исходили из того, что пейоративный словарь языка включает единицы разных типов и не может быть целиком

приписан усредненной языковой личности. Люди, для которых инвективными являются, например, слова "фраер" и "фифа", не используют в качестве оскорблений слова "дилетант" и "конформист". Мы говорим, разумеется, о типичных случаях. Соответственно могут быть выявлены и моральные нормы разных типов языковой личности в едином языке. Известно, что пословицы бывают противоречивы. Наше предположение состояло в том, что источник моральных противоречий в языке - различие статусов типичных языковых личностей. Естественно, что контуры выделяемых нами типов расплывчаты. В основе противопоставления лежат не только общестилистические параметры, дающие возможность выделить две почти безликих личности - носителя просторечия и носителя правильной литературной речи, но и показатели возрастных, половых и региональных и других различий. В общем хоре языковых личностей можно услышать различные голоса.

Приводим количественный список английских пейоративов.

Негодяй, мерзавец, противный тип - 58, дурак, болван, идиот - 150, псих, сумасшедший - 23, чудака - 18, болтун, хвастун, лжец - 78, нахал - 6, грубиян, крикун - 25, ворчун, брюзга - 15, высокомерный тип, зазнайка - 17, рохля, "тряпка" - 20, деревенщина, мужлан - 32, белоручка, неумеха - 10, нытик - 12, слабак - 7, зубоскал, клоун - 13, зубрила - 10, карьерист, выскочка - 8, "умник", всезнайка - 7, холуй, подлиза - 36, марионетка - 6, доносчик, соглядатай - 28, "флюгер", ненадежный тип - 8, лицемер, ханжа - 23, зануда, скучный тип - 15, догматик, мелочный тип - 16, любопытный тип, "советчик" - 8, бездуховный тип, практик - 6, мечтатель, оторванный от земли - 3, провинциал, обыватель - 10, сварливая баба - 25, дерзкая девчонка - 6, тиран, придира - 13, безжалостный тип, хищник - 19, паразит - 8, упрямец - 3, легкомысленный тип - 13, старая карга - 7, старик, выживший из ума - 5, молокосос, новичок - 14, ретроград - 9, лентяй, бездельник, соня - 45, симулянт - 13, халтурщик, дилетант - 16, рифмоплет, писака - 14, прилипала, неотвязный тип - 9, задира, забияка - 9, трус, паникер - 26, предатель, изменник, штрейкбрекер - 17, мошенник, обманщик - 77, преступник, убийца, вор, хулиган - 138, пьяница - 30, наркоман - 18, обжора - 9, человек, от которого дурно пахнет - 2, волокита - 5, развратник - 15, шлюха - 56, извращенец - 39, неряха - 14, франт, пижон - 21, нищий, попрошайка - 15, простолюдин - 10, важный тип, "шишка" - 15, бродяга - 19, сброд, чернь - 13, ничтожество, никчемный человек - 29, корыстолюбец, продажная личность - 16, богач, "денежный мешок" - 4, скряга, жадина - 25, мот, расточитель - 10, человек с недостатками внешности (толстяк, скелет, карлик и др.) - 50, национально-расовые оскорбления - 57, групповые пейоративы - 19.

Перед нами весьма пестрая картина человеческих недостатков.

Можно выделить приоритетные и вторичные пейоративные зоны. Первое место принадлежит дуракам и преступникам, за ними следуют болтуны, мошенники, женщины сомнительного поведения, представители других народов и люди с физическими недостатками, а также негодяи и подлецы. Массированную критику вызывают также лентяи, извращенцы, подлизы, мужланы и пьяницы. Обратимся к содержательному анализу оценочных слов.

Первую группу пейоративов составляют слова общего инвективного значения типа "негодяй, мерзавец, подлец". Их семантика является темной: мы не знаем, что именно сделал негодяй и гад, но знаем, что его действие ниже всяких моральных норм. Это - общие пейоративы. Например: *bastard* - (sl) a man that one strongly dislikes (LDCE). "Ублюдок" - это тот, кто вызывает сильную неприязнь. Исходное значение данного слова - "бастард, незаконнорожденный" - содержало выраженную оценку статуса адресата: бастарды не имели прав законнорожденных детей и в известной мере соответствовали касте неприкасаемых. Бастард, внебрачный ребенок воспринимался как живое воплощение греха. В современном английском языке данное слово в его сленговом оценочном значении употребляется повсеместно как экспрессивная инвектива. Дети употребляют это слово, не зная о его исходном значении. К числу общих пейоративов относятся и табуированные слова, инвективное содержание которых передается формулой a nasty, annoying, worthless, foolish man - "отвратительный, раздражающий, никчемный, глупый человек". На фоне экстремальных вульгаризмов некоторые слова со значением "негодяй, дрянь" приобретают шутиливую окраску: *skunk* - (usu. humor.) a person who is bad, unfair, unkind, etc (LDCE). Слово *skunk* - "подлец, дрянь" не всегда употребляется шутиливо: значение слова не утратило связи с образом, лежащим в основе внутренней формы (скунс - американский зверек, выпускающий, когда его преследуют, струю дурно пахнущей жидкости).

В первую группу пейоративов входят также слова со значением "ничтожество, пустое место". Например: *dud* - (sl) a person or thing that is worthless, valueless, useless, or unable to serve a desired purpose (LDCE). Специфика слов типа *dud* - "никчемный человек" состоит в том, что отрицательная оценка таким людям выносится не на основе их постыдного поступка или порочного образа жизни, а вследствие несоответствия таких людей усредненному типу человека в обществе. Мерзавец внушает ненависть, активное неприятие, никчемный человек - презрение. Квалифицируя кого-либо как негодяя и мерзавца, субъект оценки присваивает себе статус носителя моральных норм общества.

Говоря о ком-либо "ничтожество", субъект оценки подчеркивает свой статус уважаемого человека.

Общим пейоративам противопоставляются специальные слова с отрицательной оценкой. Специальные пейоративы делятся на два неравных класса слов: объективные и субъективные пейоративы. К первому классу относятся слова, обозначающие объективные пороки людей - глупость, лень, распущенность и т.д. Ко второму классу - слова, обозначающие людей иного круга, расовые, национальные и прочие ярлыки. Второй класс слов открыт для амбивалентного толкования.

Наиболее распространенным человеческим недостатком, как следует из приведенных данных, является глупость в ее различных ипостасях. Нельзя не согласиться с Ю.Семеновым, который сказал: "С дураками следует считаться ввиду их численного превосходства."

Превосходство по уму есть превосходство по самой сути человека. Поэтому инвектива "Ты - дурак" констатирует безусловное нижестоящее положение адресата по сравнению с отправителем речи. В этом смысле пейоратив "дурак, глупец" сближается с общим пейоративом "ничтожество, пустое место".

Классификация глупостей и дураков - занимательное занятие, воодушевлявшее мыслителей прошлого (Эразм Роттердамский "Похвальное слово глупости", Себастиан Брант "Корабль дураков" и др.). Дурак как социальный тип есть по своей сущности антигерой, его поведение расценивается как смешное и неподобающее, отмечает американский социолог О.Клапп. Существуют групповые нормы поведения, и выход за рамки таких норм возможен в двух направлениях - в сторону чрезмерного и недостаточного проявления некоторого качества. Обобщив отклонения от поведенческих норм, О.Клапп выделяет десять разновидностей смешного и неподобающего поведения человека как члена малой группы: 1) кривляющийся дурак, не способный справиться с собственной импульсивностью, 2) дурак-проказник, постоянно нарушающий нормы приличия, 3) дурак-энтузиаст, склонный к опрометчивым, рискованным поступкам, 4) неуклюжий дурак, всегда попадающий в неловкие положения, 5) дурак-урод, недостатки внешности которого вызывают насмешки, 6) дурак-простофиля, наивный человек, которого легко обмануть, 7) слабохарактерный дурак, чересчур послушный и неприспособленный к жизни, 8) дурак-посмешище, предмет издевательств и насмешки, 9) напыщенный дурак, высокомерный и некомпетентный, 10) дурак как пародия на героя, заурядный человек, который тщится выглядеть крупнее, чем он есть, и поэтому выглядит смешным [Клапп, 1949:158-159]. Дурак, шут как социальный тип входит в число основных социальных ролей, оказывающих влияние на людей (герой, праведник, кумир, злодей, шут, жертва) [Клапп, 1964:43-50]. Социально-

психологические параметры поведения дураков отчасти совпадают с теми характеристиками, которые нам удалось выявить на основе анализа номинативной плотности подгруппы слов с общим значением "интеллектуально несостоятельный человек".

В лексической семантике английского языка тематическая группировка словозначений, объединенная смысловым инвариантом "человек с интеллектуальной недостаточностью" обнаруживает следующие разветвления : 1) дурак, тупица - *ass, bird-brain, pinhead*, 2) патологический дурак, идиот - *moron, imbecile*, 3) ненормальный, тронутый - *cuckoo, gowk*, 4) старый дурак - *dotard, dooby (dial.)*, 5) простофиля, простак - *gander, simpleton, flat*. Деление является весьма условным. В лингвистической литературе данная группа слов рассматривалась в ином ключе, методом компонентного анализа выделено множество отличительных признаков, уточняющих понятие "дурак" - "тупой", "эксцентричный", "легковерный", "невежественный", "ненормальный", "беспечный" и др.

[Шехтман, Добрынин, 1990:96]. В инвективном смысле важна лишь градация: *pinhead* - a rather stupid person, *imbecile* - a very stupid person. Наибольшее число слов рассматриваемой группы обозначает понятие "дурак вообще": *fool* - (derog) a person whom one considers to be silly; person lacking in judgement or good sense (LDCE). Семантические отличия между инвективами со значением "дурак" почти неуловимы и связаны главным образом с внутренней формой слов. Например, *log-head* - "болван" (бревно), *mutt (sl)* - "болван" (овечья голова). Сравните в русском языке: "остолоп" (этимологически - столб, бревно), "болван" (глыба, столб). Значение "дурак" связано с осознанием нехватки ума, отсюда - слабый ум, медленное соображение, ограниченные способности. В отличие от других пейоративов негативная интеллектуальная характеристика никогда не переходит на противоположную часть шкалы. Сравните: трусость - смелость - безрассудство (т.е. недостаток смелости плох и избыток смелости плох) и глупость - ум - чрезмерный ум (признать, что кто-либо обладает чрезмерным умом значит подписать себе приговор в глупости). Об избытке ума говорят лишь в ироническом смысле либо подразумевают хитрость или высокомерие. Патологический дурак - это абсолютный дурак. Несколько слов со значением "старый дурак" подчеркивают степень глупости и в этом смысле сближаются со словами типа "идиот". Это отражено в пословицах: *No fool like an old fool* - "Старого дурака ничем не исправить". Подразумевается, что человек должен с годами становиться умнее. Слова "тронутый, дурачок" сближаются по смыслу со словами типа "чудак": *crank2* - (sometimes humor and infml) a person with very strange, odd, or peculiar ideas: a food crank (LDCE). Чудак - это человек со странными идеями,

особым поведением. Если к дураку относятся с презрением, то к чудаку - с удивлением, юмором и некоторой долей сожаления.

Особую группу слов со значением "дурак" составляют пейоративы типа "простофиля". Это - характеристика людей, которых легко обмануть: *clerk - a small-town resident; a rustic; one who can be hoaxed easily (DAS)*. Наивная доверчивость свойственна детям, чрезмерная доверчивость со стороны взрослого человека говорит о недостатке его ума либо о чужачестве. Ряд слов со значением "простак, лопух, шляпа" относится к воровскому жаргону. Презрительная оценка простофиля раскрывает словарного субъекта речи как мошенника и хитреца.

Слова прагматического значения характеризуются не только семантической расплывчатостью, но и тенденцией к перемене оценочного знака: *fool - an unusually able person in any field or activity, as a dancing fool, a diving fool; an enthusiast; a buff, a fan (DAS)*. "Дурак" в жаргонном смысле - это человек с необычными способностями в какой-либо сфере деятельности, энтузиаст, фанатик. Вероятно, изменение оценочного знака в данном случае связано с актуализацией положительного смысла понятия "чужак, необычный человек". Фольклорный дурак, как известно, всегда побеждает своих более умных соперников. В противопоставлении "дурак - умник" дурак может оказаться скрытым хитрецом, а умник - обыкновенным обывателем, средним человеком. Отсюда, по-видимому, пословица: *Fortune favours the fools - "Дуракам - счастье"*. В индивидуальной авторской речи дурак может оказаться мечтателем и философом: *Day after day alone on a hill The man with a foolish grin is keeping perfectly still But nobody wants to know him, they can see that he's just a fool And he never gives an answer But the fool on the hill sees the Sun going down And the eyes in his head see the world spinning round. (J.Lennon, P.McCartney)*. Оппозиция "дурак - умный" трансформируется в противопоставление "чужак - обыватель".

Заслуживает внимания рефлексивное употребление пейоративов. В речи употребляются фразы типа *What a fool I was to do it - "Какой же я был дурак, что сделал это"*. Маловероятны фразы "Какой же я был мерзавец/ зануда/ выскочка" и сомнительны самообличения типа "Какой же я был грабитель/ насильник/ подхалим". Глупец в рефлексивном употреблении - это тот, кто совершил глупый поступок, осознал это и, значит, поумнел.

Дуракам противопоставляются умники: *wise guy - (infml) a person who thinks he can supply information which shows he knows more than others, but which is in fact no use (LDCE); wisacre - one who pretends to knowledge or*

cleverness (MWD). "Умник, всезнайка" - тот, кто претендует на особый ум и особые знания, но в действительности не обладает ни тем, ни другим. Акцентируется не способность человека, а его информированность. Обладать знаниями - достоинство, поэтому под сомнение ставится либо само наличие знаний у данного человека, либо качество этих знаний. Знания могут оказаться лишними. Мы видим, что словарный субъект, для которого инвективой является слово "умник", - это человек конкретного мышления, презирающий абстрактную информацию, оправдывающий себя по принципу: "То, чего я не знаю, - ерунда". У того, кто осуждает "всезнайку", торчат ослиные уши ограниченного обывателя. В определенных ситуациях, впрочем, люди не хотят слишком много знать: "Where ignorance is bliss, 'tis folly to be wise" - "Там, где невежество - блаженство, бессмысленно быть мудрецом". Об этом же, хотя и в иной плоскости, говорит Экклезиаст: "He that increaseth knowledge increaseth sorrow" - "Умножающий свои знания умножает скорбь". Однако всезнайки могут некрасиво проявлять свои знания: smart aleck - (infml) a person who annoys others by claiming to know everything and trying to sound clever (LDCE). Осуждается бестактность тех, кто дает понять окружающим, что они, окружающие, мало знают. Это тем более относится к ситуациям исходного статусного неравенства: вышестоящий должен быть умнее. Например: It is a duty of a student Without exception to be prudent. If smarter than his teacher, tact Demands that he conceal the fact. (E. Anthony). Умный студент не старается выглядеть умнее своего преподавателя. Эта же мысль изящно выражена в следующей сентенции: "Небольшая доля невежества не только не вредит, но напротив, является лучшей рекомендацией лояльности." (Е. Парнов).

Простофилям противопоставляются мошенники и обманщики: twister1 - a dishonest person who cheats other people (LDCE); swindler - to swindle1 - to obtain money or property from by fraud or deceit (SBED). Цель обмана - высмеять простака и корыстно воспользоваться его доверчивостью. Когда человека вводят в заблуждение, он испытывает отрицательные эмоции: puzzel1 - to cause difficulty of thought and a feeling of helplessness to someone in the effort to explain or understand (LDCE). Мы отрицательно относимся к тем, кто ставит нас в тупик, так как нам неприятно видеть и показывать свою интеллектуальную несостоятельность. Если же в результате обмана мы теряем собственность, то такой обман квалифицируется как незаконное действие и преследуется в судебном порядке. В языке выражены типичные способы введения в заблуждение: impostor - someone who deceives by pretending to be someone else (LDCE); flatterer - to flatter - pay obsequious

attention to; compliment unduly, overpraise; gratify vanity of; make feel honoured; inspire (person or abs.) with (esp. unfounded) hope (COD); seducer - to seduce - lead astray, tempt into sin or crime, corrupt, persuade (person) into abandonment of principles, esp. chastity or allegiance; persuade by temptingness or attractiveness (COD). Люди доверяются обманщикам, которые выдают себя за кого-то другого (impostor), льстят, т.е. паразитируют на самомнении своих собеседников (flatterer), соблазняют, вводят в грех, пользуясь своим обаянием или уговорами (seducer), клеветают на кого-либо, извлекая из этого пользу (slanderer). В словаре осуждаются шарлатаны, выдающие себя за врачей (quack, charlatan).

Преступники во всех их разновидностях составляют большой класс пейоративов, почти равный дуракам. Но в отличие от дураков преступники квалифицируются в языке главным образом описательно, а не адресативно. Для носителей языка существенны семантические различия, отражающие специфику конкретных преступлений. Эти отличия закрепляются в юридических терминах, которые в английском языке противостоят как жаргонным, так и общеупотребительным словам: larcener - larceny - (law) felonious taking away of another's personal goods with intent to convert them to one's own use (grand, petty larceny - of property above, below value of 12 d. (5 p.), or of \$ 200) (COD); thief - one who steals, esp. secretly and without violence (COD); booster - a shoplifter or thief, often female (DAS). Юридический термин "вор" (larcener) определяет состав преступления - незаконное присвоение чужой собственности. Здесь же приводятся точные описания хищений, квалифицируемые как мелкие и крупные кражи. В неюридическом смысле "вор" (thief) - это тот, кто тайно крадет. В жаргонном уточнении выделяется "вор" (booster), который крадет в магазинах на небольшую сумму, и обычно речь идет в этом случае о воровках. Обратим внимание на слова, обозначающие мелких воришек - pilferer, filcher, picker, prigger, perloiner, sneak-thief. К воришкам относятся с презрением, грабителей и гангстеров боятся. Квалифицируя кого-либо в качестве преступника, человек, как нам представляется, пользуется следующей понятийной сеткой: преступник + мелкий, преступник + опасный, преступник + заслуживающий наказания, преступник + дрянь, преступник + герой, преступник + "специалист". Инвективный смысл имеют слова с понижением статуса адресата: мелкий, мерзкий, заслуживающий наказания преступник. Понятно, что квалификация преступников в значительной степени зависит от того, кто выносит оценку нарушителям закона - жертва преступления, сторонний наблюдатель, страж закона, представитель преступного мира.

Большое количество слов в английском языке обозначает развратных людей, в основном - женщин сомнительного поведения и людей, страдающих извращениями. Большой частью это жаргонные слова.

Много слов связано с характеристикой собственности и отношением людей к деньгам. Отрицательную оценку получают корыстолюбие, продажность, жадность, скупость, порицается чрезмерная бедность и чрезмерное богатство. Например: miser - (derog) a person who loves money and hates spending it, and who becomes wealthy by storing it (LDCE); cheapskate - a stingy, niggardly person; a person who seeks cheap goods or pleasures; a person who attempts to avoid his share of expenses (DAS); wastrel - a person who uses foolishly or too quickly the things that belong to him (LDCE). Скрягам, которые ненавидят тратить деньги, стараются не заплатить свою долю, ищут дешевых товаров, противопоставляются моты, легко и бездумно тратящие деньги. Судя по количеству слов в словаре, корыстолюбие - более распространенный порок, чем мотовство. Высказывается презрение к попрошайкам и нищим: tramp - (often derog) a person with no home or job, who wanders from place to place begging for food or money (LDCE). В качестве словарного субъекта оценки выступает человек, у которого есть деньги и крыша над головой и который осуждает нищих бродяг.

Люди неодобрительно относятся к тем, кому легко достаются деньги: con man - anyone who earns money easily; a person who has an easy life (DAS). Легкая, праздная жизнь осуждается в словаре: loafer - to loaf - (informal) to waste time, usu. by not working when one should (LDCE). Словарный субъект речи считает, что человек должен трудом зарабатывать свой хлеб. Леня относится к распространенным порокам людей. В английском языке есть несколько пословиц типа By doing nothing we learn to do ill - "Лень до добра не доводит". Осуждению подлежат различные виды лентяев: тот, кто не хочет работать, кто уваливает от работы, кто не любит двигаться, кто все делает медленно, кто любит поспать, кто шатается без дела. Безделье связано с пьянством, воровством, развратом. Словарные субъекты речи не согласны с аббатом Ж.Дюбо, который считал, что "лень мешает развязыванию дурных склонностей больше, чем все вместе взятые добродетели".

Естественное презрение людей вызывают нахлебники, тунеядцы: drone² - (derog) a person who lives on the labour of others; parasite (LDCE). "Трутень" - тот, кто живет за счет чужого труда.

Безделью противопоставляется чрезмерно активная деятельность: cock-roach - a person who is exceptionally busy, esp. with many small projects (DAS). Жаргонным словом "таракан" называется тот, кто чересчур занят мелкими

делами. Ясно, что субъект речи в этом случае себя считает занятым большим делом и этим оправдывает свое внешнее безделье.

Учеба - особый вид труда. Школьники и студенты с презрением относятся к зубрилам: *crammer - to cram*⁴ - to prepare oneself for an examination by working very hard and learning hastily (LDCE). Внутренняя форма слов, лежащая в основе английских пейоративов со значением "зубрила", - *напихивать (cram), перемалывать (grind), потеть (swot), кость (bone)*. Зубрилы - люди со средними или малыми способностями, им приходится потеть постигать науку. В русском языке также акцентируется интеллектуальная недостаточность зубрил: *зубрить - заучивать бессмысленно без отчетливого понимания (CO)*. Выученное без понимания и наспех быстро забывается. Вместе с тем напряженная работа и при малых способностях приводит к успеху: *plodder - a slow, not very clever, but steady worker who often succeeds in the end* (LDCE). В данном случае словарный субъект, вероятно, пытается оправдаться перед собой и людьми, поскольку презираемый работяга обогнал его, способного лодыря.

В словаре осуждаются не только лентяи, но и те, кто работает плохо. По данным словаря английские лентяи втрое превосходят халтурщиков и дилетантов. Словарный субъект с презрением относится к тому, кто работает кое-как: *cobbler*² - (derog) a careless workman (LDCE). "Сапожник" (*cobbler*) небрежно выполняет свое дело, "ремесленник, лудильщик" (*tinker*) делает вещи грубо, топорно, "путаник" (*bungler*) не может закончить работу, "тот, кто латает" (*botcher*), плохо ремонтирует вещи. Отрицательно квалифицируется и плохая творческая, интеллектуальная работа: *scraper* ("тот, кто скребет") - плохой скрипач, *dauber* ("мазилка") - плохой художник. Специальными пейоративами обозначаются плохие актеры, фотографы, философы, юристы и вообще неспециалисты, дилетанты. Упреки в непрофессионализме совпадают с упреками в посредственности. Словарные субъекты - представители творческих профессий - предъявляют высокие требования к качеству своего труда, осуждая ремесленников. В некоторых случаях, однако, профессионализм вызывает отрицательную оценку. Например, священника могут назвать *professional sympathizer* - "профессиональный утешатель". "Профессиональный" значит здесь "неестественный, неискренний". Среди писателей встречаются малоталантливые люди, которые пишут бездарные книги. Но пейоративы со значением "писака", на наш взгляд, раскрывают также субъекта речи, который оказался под огнем писательской критики. Таким субъектом чаще всего бывает тот или иной представитель власти. Он не может сочинить ответного едкого

памфлета или эпиграммы, но зато именуется автором "бумагомаратель", "промокашка" - blotter.

У англичан есть пословица: A close mouth catches no flies - "В закрытый рот не попадают мухи", т.е. "Слово - серебро, а молчание - золото." В этой пословице выражено недвусмысленное отношение к болтунам. Человек, который говорит больше, чем следует, обычно говорит глупости, тараторит, не слушая собеседника, выбалтывает тайны, привирает, дает обещания, которым нельзя верить, говорит напыщенно, любуясь собой, сплетничает, хвастает. Например: blabbermouth - (derog sl) a person who tells secrets by talking too much (LDCE); gabbler - to gabble - to say (words) so quickly that they cannot be heard clearly (LDCE). Болтуны демонстрируют свою интеллектуальную несостоятельность.

Трудно общаться с человеком, который не понимает юмора. Но у некоторых людей чувство юмора развито в чрезмерной степени с точки зрения окружающих: clown² - (derog) a person who continually tells jokes or acts stupidly (LDCE). Словарный субъект осуждает людей, которые все время шутят и дурачатся. Юмор может быть неуместным и грубым, насмешки носят оскорбительный характер: scoffer - to scoff - speak derisively esp. of religion or object of respect; aim scoffs or mockery at (COD). Тот, кто зло высмеивает людей, глумится над предметами уважения, посягает на сложившийся статусный порядок. Болтун часто ведет себя развязно: loudmouth - a person who talks too much and in an offensive manner (LDCE). Формула статусного отношения в приведенном примере имеет следующий вид: Некто показывает свою интеллектуальную несостоятельность и при этом пытается принизить статус адресата. Такое поведение квалифицируется как дерзость, нахальство. Например: minx - (derog, often humor) a young girl who does not show or behave with proper respect towards those older than her (LDCE). Некоторым девочкам свойственно вести себя без уважения к старшим, и это осуждается.

Отсутствие уважения выражается как бесцеремонность, грубость: bear² - a rough, bad-mannered, bad-tempered man (LDCE). Для англичан "медведь" - это грубый, бестактный человек. В основе хамства лежит наплевательское отношение к другим людям, эгоизм: article² - a person considered shrewd or quick to advance his own interests (DAS). Жаргонным словом "фрукт" обозначается человек, который успешно преследует своекорыстные цели. Разновидностью эгоизма является карьеризм, стремление занять более высокое положение в обществе любой ценой: social climber - (often deprec) a person who wants to join a higher social class and tries to do this by friendship with people from this class (LDCE). Карьеристы, карабкающиеся по социальной

лестнице, пытаются втереться в доверие к людям более высокого положения.

Низкопоклонство, подхалимаж - презируемые виды поведения. Это отражено во внутренних формах слов, обозначающих подлиз - toad-eater ("тот, кто ест жаб"), lick-spittle ("тот, кто лижет плевки") и др. Выделяется сфера общения, в которой заискивание обличается особо: apple-polisher - one who curries favour with superior, specif. a student who truckles to his teacher (DAS). Обостренное чувство справедливости, свойственное молодым людям, вызывает их протест против подлиз, против учительских любимчиков, называемых fair-haired boy или blue-eyed boy. Словарный речевой субъект-учащийся презирует подлиз, ненавидит любимчиков и критически относится к учителям. Отметим, что в английском языке подхалимы осуждаются значительно активнее (судя по количеству слов), чем нахалы. Собственно нахальство, хамство (подчеркнутое неуважение) проявляется в пейоративном словнике сравнительно редко. Чаще обозначается грубость, отсутствие хороших манер.

Безоговорочному осуждению подлежат трусы и предатели. Сюда же относятся и штрейкбрехеры: scab3 - (derog sl) a worker who refuses to join a trade union, works in worse conditions than a union permits, or does the work of one who is on strike (LDCE). Сленговым словом "струп, парша" называют рабочих, которые не вступают в профсоюз, согласны на любую работу, срывают забастовки. Особое презрение вызывают доносчики: rat2 - an informer, a squealer. Mainly associated with underworld use - police informer, esp. one who informs on his friends for pay or in return for a lesser jail sentence for himself (DAS). Жаргонным словом "крыса" называется стукач, который выдает полиции своих дружков за деньги или за досрочное освобождение из тюрьмы. Из всех пейоративов наибольший процент жаргонных слов относится к понятию "доносчик". Доносчик опасен для нарушителей закона, большинство из которых относится к уголовникам, пользующимся воровским жаргоном. Таким образом, в числе типовых словарных субъектов можно увидеть и преступников.

Осуждаются жестокие, безжалостные люди, задиры, скандалисты. Субъект речи, как правило, зависим от придиры и скандалиста. Когда к человеку предъявляют требования, а он эти требования не выполняет, то, оправдываясь, он считает либо требования завышенными, несправедливыми, либо форму предъявления требований грубой, пристрастной или мелочной. Поэтому осуждается growler - "ворчун, брюзга", hair-splitter - "казуист, педант", wet blanket - "человек, отравляющий другим удовольствие". Порицаются пуритане: blue nose - a person with strongly puritanical moral

convictions; one who believes that having a good time is immoral (DAS). Жаргонным обозначением "синий нос" люди высказывают свое неприятие пуританских норм.

Придиры и суровые начальники себя таковыми не считают. Они критикуют недостатки людей, заставляют их работать, с презрением относятся к глупцам, лентяям, болтунам, распущенным типам, гулякам и транжирам (но не к скрягам), к опустившимся людям. Они выступают в качестве носителей ответственности общества. Им принадлежат пословицы As a man sows, so shall he reap - "Как посеешь, так и пожнешь", Business before pleasure - "Дело прежде всего", The less people think, the more they talk - "Чем меньше мыслей, тем больше слов", Money makes the man - "Деньги делают человека", Once a thief, always a thief - "Горбатого могила исправит" и др. Обличителям противостоят обличаемые, у которых есть свои аргументы: All work and no play makes Jack a dull boy - "Одна только работа без забав отупляет людей", He dances well to whom fortune pipes - "Хорошо танцует тот, кому судьба подыгрывает", Live and let live - "Живи и давай жить другим", Muck and money go together - "От трудов праведных не разбогатеешь". Особенность пословиц второго типа состоит в том, что они носят уступительный характер: сначала признаются некоторые моральные нормы, но затем вносятся коррективы, оправдывающие нарушения этих норм. Надо работать, но можно и отдохнуть. Нужно отвечать за свои поступки, но ведь не все зависит от человека. Нужно зарабатывать деньги, но деньги портят людей. У обличителей, как правило, тяжелый характер и, если они обладают властью, - тяжелая рука. Носители пороков имеют более легкий нрав и в качестве словарных субъектов речи значительно уступают (судя по количеству пейоративов, приблизительно в пять раз) субъектам-обличителям. Соотношение субъектов-обличителей и субъектов-ответчиков коррелирует с соотношением нисходящего и восходящего статусного вектора в семантике английских глаголов. Нисходящий статусный вектор значительно преобладает (8:1). Субъект-ответчик не упрекает своего обидчика в несостоятельности, глупости; обвинение направлено против моральных качеств - жестокости, подлости, бесчеловечности.

Представляют интерес те случаи, когда в качестве ответчика выступает представитель интеллектуального слоя общества: obscurant - opponent of inquiry, enlightenment, and reform; one who deliberately avoids clarity or withholds explanation (COD). "Мракобес" - это тот, кто противится просвещению и реформам, намеренно утаивает правду, затемняет идеи и факты. Обычно это делают представители власти.

Субъект-обличитель с презрением относится к тем, кто смирился со своей жалкой участью: door mat - (fig) despised

passive person (COD). "Тряпка", безвольный, бесхарактерный человек упрекается в излишней робости, нерешительности. Обычно это обвинение относится к мужчинам. К рохлям примыкают неженки, плаксы, слабаки и маменькины сынки. Люди с презрением относятся к тем, кто является слепым орудием в чужих руках: "марионетка" обнаруживает свою несостоятельность как человек. Наряду с нерешительными людьми порицаются упрямы, а также те, кто часто меняет свое мнение.

Осуждение вызывают неподготовленные к жизни люди, растяпы и идеалисты: utopian - ardent but unpractical reformer (COD). Утописты и мечтатели оторваны от жизни и поэтому часто оказываются в дураках.

Субъекты-ответчики в свою очередь свысока относятся к практическим, заземленным людям, называя их worldling, earthling и др. Здесь акцентируется не несостоятельность объекта критики, а собственная исключительность. К этой же подгруппе пейоративов относятся слова, обозначающие скучных людей, обывателей, посредственность.

Повышенная познавательная активность может иметь форму любопытства или стремления давать непрошенные советы. Людям не нравится тот, кто вмешивается не в свое дело: meddler - to meddle - to interfere impertinently in another's affairs (SBED). Вмешиваться значит проявлять неуважение. Осуждается навязчивость (button-holder - "тот, кто держит за пуговицу своего слушателя") и самолюбование: do-gooder - a sincere but self-righteous worker for the welfare of others (DAS). Самолюбование есть форма эгоизма, порицаемого людьми.

Отрицательную оценку получают некоторые внешние формы поведения людей. Высмеивается тот, кто не умеет себя вести, и тот, кто ведет себя неестественно: bumpkin - (derog infml) an awkward foolish fellow, usu. from the country (LDCE); namby-pamby - weakly sentimental, affectedly nice person (SBED). Неуклюжий мужлан, деревенщина противопоставляется сентиментально-жеманному человеку. В пейоративе "деревенщина" высмеивается отсутствие манер и наивная простота. Иные качества отмечаются у горожанина: city slicker - 1) plausible rogue as usu. found in cities, 2) smart and sophisticated city dweller (COD). "Городской пройдоха" - это скользкий, шустрый и всезнающий мошенник. В количественном отношении простофили значительно превосходят пройдох.

Человека встречают по одежке. Словарные субъекты осуждают как недостаточное, так и чрезмерное внимание к своей одежке: slattern (lit) dirty untidy woman (LDCE); popinjay - (derog old use) a showily dressed young man who is full of self-admiration (LDCE). "Неряха" - это, как правило, женщина; "франт, щеголь" - обычно молодой мужчина. Словарные субъекты, очевидно, считают, что женщины должны

уделять достаточное внимание своей внешности. Мужчинам же следует искать иные пути самоутверждения.

Какие качества осуждаются у женщин? По данным нашей словарной выборки - это дерзость у девчонок, легкомысленность и (чрезмерное) кокетство у молодых женщин, глупая болтливость, неряшливость, аморальное поведение и в старости - сварливый характер. Подавляющее число пейоративов, относящихся к женщинам, - это слова, осуждающие разврат, на втором месте - вьедливость.

Есть свои недостатки, присущие определенному возрасту. Древние китайцы считали, что человеку свойственны вождеделение в молодости, ссоры в зрелости и скупость в старости. Словарные субъекты в английском языке вносят уточнения: осуждается дерзкая самонадеянность молокососов, глупость и скупость стариков и вредный характер старух. Осуждаются также выходящие за пределы нормы привязанности: *cradle snatcher* - a person of either sex who marries, courts or befriends a much younger person of the opposite sex (DAS). Пожилой человек, который проявляет нежный интерес к молоденькой девушке, называется жаргонным выражением "похититель колыбелей". То же относится к дамам, которые значительно старше своих кавалеров.

Большую группу людей с недостатками внешности характеризуют пейоративы типа "дылда", "толстяк", "карлик". Бывают забавные сочетания внешних данных и поведения: *dapper* - (esp. of small men) (perhaps too) neat in appearance and quick in movement (LDCE). Словом *dapper* называется маленький и вертлявый франт.

Классификация человеческих недостатков, отраженных в значении пейоративов, может быть построена на различных основаниях. По признаку социальной опасности противопоставляются вредные для общества и вредные для самого человека качества (хитрец, предатель, развратник - дурак, тряпка, неряха), по признаку контролируемости мы сравниваем поступки (проявления характера), за которые человек должен или не должен отвечать (наглец, лицемер, пьяница - кретин, зануда, урод), по признаку универсальности разграничиваются характеристики, которые могут быть присущи большому классу либо малой группе людей (болтун, холуй, трус - крючоктвор, рифмоплет, шарлатан), по признаку определяемости мы сопоставляем отрицательные качества первичного и вторичного порядка (эгоист, тупица, нахал - хлыщ, зубрила, хулиган), по признаку инициативности контрастируют пороки, выделяемые обличителями либо ответчиками (лентяй, клоун, ничтожество - мегера, подлиза, обыватель).

Национальная специфика пейоративов проявляется как в семантике слов, так и в значении фразеологических единиц. Так, в работе Л.А.Чеславской выделено 16 групп пейоративных

фразеологизмов (общим числом 123 единицы) во французском языке: 1) глупость, невежество - 23, 2) порочность, развращенность - 15, 3) хитрость - 12, 4) недостаток внешности - 9, 5) грубость - 8, 6) ложь, выдумка - 8, 7) упрямство - 7, 8) легкомыслие - 7, 9) незначительность, ничтожность - 7, 10) ненадежность - 7, 11) трудность - 6, 12) бессмысленность - 7, 13) бесплодность, неэффективность - 6, 14) хвастовство - 5, 15) бездействие, лень - 5, 16) уязвимость, чувствительность - 5. Для сравнения в немецком языке из 117 проанализированных фразеологизмов глупость и невежество обозначаются 9 единицами, абсурд, нелепость - 6, хитрость - 6, антипатия, неприязнь - 6.

[Чеславская, 1989:163-164]. М.Зелльнер выделяет семь тематических классов немецких пейоративов-зоонимов: 1) телесные характеристики, 2) внешний вид, 3) ум, 4) характер, 5) поведение, 6) занятие, 7) происхождение [Sellner, 1989:252-253].

Рубрики могут быть несколько иными, однако, общая картина кардинально от этого, на наш взгляд, не изменится. Можно выделить универсальные, культурно-типические, этноспецифические, социоспецифические и индивидуально-специфические ценностные нормы, выражаемые в семантике слов²⁴.²⁴Сравните: универсальные для данной культуры, субклассовые и идиолектные пресуппозиции [Димитрова, 1984:38-39]. Универсальные ценностные нормы проявляются в обозначениях человеческих пороков как таковых, культурно-типические нормы свойственны определенному типу цивилизации, например, цивилизации западноевропейского или восточноазиатского типа, цивилизации Римской империи 1 века нашей эры или цивилизации СССР 70-х годов XX века; эти нормы выражаются в определенных предпочтениях поведения и фиксируются в семантике слов. На уровне этнической специфики предпочтения в поведении еще более дифференцируются и могут быть сопоставлены на основании анализа словарей общеупотребительной лексики. Социоспецифические нормы требуют социолингвистического анализа различных групп и подгрупп общества, разделенных по наиболее существенным статусным признакам: пол, возраст, образованность, уровень благосостояния и т.д. Так, например, для многих военнослужащих слово "учебный" в русском языке содержит коннотацию "не действующий"; такая отрицательная коннотация относится к числу социоспецифических индексов статуса человека. Индивидуально-специфические нормы могут быть установлены по авторским текстам. Наиболее представительны в этом отношении тексты тех авторов, чьи этические и философские системы резко расходятся с общепринятыми. Например: "Любите мир как средство к новым войнам" (Ф.Ницше).

Вредные для общества пороки выливаются в действия, получающие не моральную, а юридическую квалификацию. Так, в Десяти Заповедях Ветхого Завета содержатся только юридические нормы: не поклоняйся чужим богам, не сотвори себе кумира, не произноси имя бога всуе, не забывай о еженедельном дне святости, не пренебрегай своими родителями, не убивай, не предавайся разврату, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай (т.е. не сглазь) достояния твоего ближнего. Эти нормы сводятся к требованию лояльности - "Не предавай своих" - и к элементарным правилам коллективной жизни. Юридические нормы скрепляются нравственным законом: "Люби ближнего твоего, как самого себя" (Левит, 19:18). В современном английском языке имеется большое число слов, уточняющих нарушения Десяти Заповедей (предатель, убийца, развратник, вор, лжец) - около 15 % рассмотренных нами существительных, за исключением слов "колдун", "ведьма", которые в качестве инвектив практически не фигурируют. Это говорит о том, что требования элементарных норм поведения остаются актуальными для современных людей.

В Нагорной Проповеди Христа содержатся, как известно, не юридические, а нравственные требования: не гневайся, не вожделей (т.е. не желай запретного), не клянись, не противься злему, не отказывай просящему, возлюби врагов, не твори милостыню напоказ, не собирай сокровищ на земле, не заботься о дне завтрашнем, не суди, не давай святыни псам. В нашем списке пейоративов осуждается гнев (несдержанность и грубость), скупость и жадность, лживость и лицемерие - около 5 % всех существительных. При этом непротивление злу, любовь к врагам и аскетизм в бытовом сознании англоязычного населения - по данным словаря - оцениваются отрицательно: бесхарактерность, чудачество, бедность (около 5 % существительных). Это свидетельствует о том, что практическое сознание людей, отраженное в словаре, в малой мере включает высокие этические идеалы христианства. Иначе говоря, голос высоконравственного словарного субъекта почти не слышен в хоре голосов. Для большинства же актуальны конкретные требования поведения в быту. Интересно сопоставить эти требования со списком основных грехов и добродетелей. Семь смертных грехов включают гордыню, вожделение, похоть, гнев, обжорство, зависть и лень²⁵.
²⁵Силецкий В.И. Терминология смертных грехов в позднесредневековой культуре // Концептуальный анализ: Методы, результаты, перспективы. Тезисы конференции. М., 1990. - С.76-78. Следует отметить, что в современном английском языке, по свидетельству Д.Болинджера, многие грехи эвфемистически камуфлируются: "Человек не грешит, он просто ведет себя "как человек". Смертные грехи? Не будьте чужаком! Не обжорство, а "сверхизлишество", не вожделение,

а "стремление добиться успеха", не похоть, а "разглядывание девочек", не прелюбодеяние, а "нескромность", не гордыня, а "акцентирование своего образа", не зависть, а "стремление не отстать от других людей", не лень, а "неблагоразумное использование своего свободного времени" [Bolinger, 1980:114-115]. Семь основных добродетелей - это справедливость, осмотрительность, умеренность, сила, вера, надежда, милосердие²⁶. ²⁶Сравните: основные позитивные качества, выделяемые как черты американского характера - героизм, великодушие, честность, милосердие, отзывчивость, инициатива, настойчивость [Peale, Buckley, 1988:22, 69, 94]. В расширенный список грехов входят жадность и лживость, дополнение к основным добродетелям составляют терпение и почитание (благочестие). Сумма грехов и отрицательных коррелятов добродетелей дает нам 18 характеристик, которым соответствует около 80 % пейоративов. Оставшиеся 20 % слов обозначают людей, недостатки которых имеют не этическое, а онтологическое основание - "дрянь", "дурак", "урод". Сюда же относятся слова субъективно-оценочного значения.

Большинство субъективных пейоративов в английском языке составляют оскорбления по национальным и расовым признакам. Некоторые из этих слов являются табуированными, некоторые - шутливыми. Данные слова обусловлены этническими предубеждениями [ван Дейк, 1989:174, 222]. Внутренняя форма таких слов показывает, какие исходные признаки высмеиваются словарными субъектами речи: frog-eater - "француз" ("тот, кто ест лягушек"), bog-trotter - "ирландец" ("тот, кто бегаёт по болотам"). Некоторые слова относятся к группе народов: dago - (sl derog) Spaniard, Portuguese, Italian; any foreigner (f.Sp.Diego - James) (COD); bohunk - (sl) immigrant from central or South East Europe; rough fellow (f.Bohemian and Hungarian) (COD). Сленговыми словами именуются выходцы из различных частей Европы, эмигрировавшие в США. Жаргонные слова живут в языке недолго. Но коль скоро определенный предмет наименования привлекает к себе слово, такие слова должны быть учтены в сплошной выборке лексики, иначе картина будет неполной. Применительно к национальным ярлыкам вариативность жаргонизмов сравнительно мала: 2-3 слова для представителя того или иного народа, несколько больше единиц для чернокожих американцев. По своей форме такие слова представляют собой измененные типичные имена собственные (сравните "фриц" в русском языке), сокращения, описания. Большое количество пейоративов, относящихся к другим народам в английском языке, объясняется историческими причинами - активными международными контактами,

колонизацией, иммиграцией в США. Почти все народы, с которыми контактировали британцы и американцы англо-саксонского происхождения, получили инвективный ярлык: шотландцы, ирландцы, немцы, голландцы, скандинавы, французы, итальянцы, испанцы и португальцы, евреи, индусы, китайцы, корейцы, вьетнамцы, японцы, эскимосы, индейцы, представители черной и желтой расы, мулаты, полукровки.

Почему происходит инвективизация имен представителей чужого народа? Действует примитивная схема: "чужой - опасный", "чужой - нелепый". Случайное плохое действие чужестранца возводится в абсолют и распространяется на народ целиком, например: to assist in the French sense - "присутствовать, но не помогать". Этнические инвективы объясняются исторически. Выражения Dutch treatment, Dutch courage - "угощение по-голландски" (каждый расплачивается за себя) и "голландская храбрость" (пьяная удаль) в английском языке свидетельствуют о том, что англичане и голландцы находились в состоянии вражды в определенный исторический период. Это было в 17 веке, Голландия была конкурентом Британии в борьбе за моря. Периодом вражды объясняется и наличие в английском языке пейоративных выражений типа "французская болезнь" (венерическое заболевание) или "уйти по-французски" (уйти, не попрощавшись) [Rawson, 1981:82]. Любопытно отметить, что французы говорят "уйти по-английски". В русском языке закрепилось французское обозначение данного антиэтикетного поступка.

Словарный субъект речи, использующий этнические инвективы, - это ограниченный, глупый человек из толпы. Представители меньшинств в свою очередь используют презрительные клички для англичан и американцев: W.A.S.P. - a White Anglo-Saxon Protestant; specif. a member of the dominant American middle class who is descended from the earlier northern European settlers of the country as opposed to one belonging to a racial or religious minority or someone of more recent immigrant stock. Used derog., usu. to refer to an average, noncreative, noncritical American who enjoys traditional American values, beliefs, entertainment, etc., unquestioningly (DAS). Словом WASP называются белые протестанты англо-саксонского происхождения, составляющие большинство в США, недалекие обыватели, с точки зрения афроамериканцев и других представителей национального меньшинства. При этом по звучанию эта аббревиатура совпадает со словом wasp - "оса", т.е. имеет коннотацию жалящего укуса.

Этнические инвективы распадаются на три класса: ярлыки для соседей, туземцев и врагов. В любом случае "чужой" рисуется черными красками как вызывающий отвращение, хитрый, глупый и злой человек. Соседям приписывается

глупость, странный образ жизни, лень, жадность, туземцы считаются неразвитыми дикарями, полулюдьми, враги изображаются как опасные животные.

Люди, принадлежащие к четко оформленным профессиональным, религиозным, политическим и прочим группам, часто гордятся своей принадлежностью к соответствующей группе. Гордость может перейти в высокомерное отношение ко всем остальным. Для моряков неморяки - сухопутные крысы, для мусульман немусульмане - неверные. В свою очередь инициаторы инвектив, даже шуточных, получают ярлыки от тех, на кого они смотрят свысока: shore loafers - water rats ("береговые бездельники" - "водяные крысы"). Престижно быть гардемаринном, курсантом военно-морского училища. Таких курсантов называют жаргонным словом snotty - "сопливый". Такое наименование обусловлено не только завистью речевых субъектов, но и поведением курсантов: snotty - (sl) trying to act as if one is important (LDCE). Осуждаются попытки важничать.

К числу слов субъективно-пейоративного значения относятся презрительные наименования людей по социальному статусу вообще. Это слова типа "плебей" и "патриций", "простолюдин" и "важная шишка". Инвективы, адресованные нижестоящим, могут быть индивидуальными и собирательными. Собирательные инвективы нисходящего статусного вектора как бы лишают объект права на индивидуальность (flankeydom - "лакеи, поджалимы"). Сравните в русском языке: "хам" - "хамье". Выражения big cheese, big pot иронически обозначают больших начальников.

Любая оценочная квалификация содержит сведения о субъекте оценки. Если субъект оценки вступает в противоречие с преобладающим мнением общества, то на первый план выступает автохарактеристика субъекта. Например: "Какой же ты вор? Овца ты, а не вор." В условиях контрастирования слово "вор" теряет пейоративное значение, и адресат осуждается не за нарушение норм, а за несостоятельность, плохое или слабое проявление качеств. Этическая характеристика заменяется онтологической. Онтологическая характеристика также может заменяться этической. Отрицательно оценивая то, что в обществе считается нейтральным, субъект оценки выносит оценку нормам общества. Так, слово "моноглот", человек, владеющий одним языком, не имеет отрицательной оценочной коннотации. Но попадая в особые контекстные условия, это слово приобретает оценочную характеристику: "Until the Victorian Empire philosophy of "all foreigners are funny fools" leaves these shores we will be stuck with nasty situations and the ensuing hypocrisy. At least we Welsh are not monocled monoglots." (Morning Star). Критикуя британское

правительство, житель Уэльса упрекает англичан за то, что они подвержены великодержавной викторианской философии ("Все иностранцы - забавные дураки") и не желают выйти за границы своего монокультурного мира. "По крайней мере, мы, валлийцы, - не моноглоты с моноклем в глазу", язвительно пишет автор. Слово "моноглот" приобретает дополнительный пейоративный смысл "высокомерный невежда". Осуждая моноглотов, автор устанавливает моральное требование: "Нельзя замыкаться только в своей культуре и в своем языке."

Характеристика словарных субъектов оценки объясняется прагматической функцией оценочных слов. Пейоративы обнаруживают общие характеристики слов прагматического значения - размытость семантики, образность, экспрессивную градуальность и маркированность статуса человека. Размытость семантики пейоративов выражается в их сигнификативной несчетности и имплицативной насыщенности. У многих пейоративов нет дифференциальных признаков внутри группы слов. Вряд ли можно сказать: "Он скорее олух, чем остолоп". Прагматическая функция, в отличие от семантической, не требует сигнификативной четкости. Достаточно лишь общее отнесение предмета к классу слов, нахождение тематизатора. Именно поэтому слова с конкретной семантикой не употребляются как инвективы либо получают обобщенный смысл.

Инвективные слова имеют целью оскорбить или высмеять человека посредством сравнения его с предметом, имеющим отрицательные свойства. Часто в качестве предмета сравнения выступает представитель животного мира. При этом имплицитруется комплекс качеств, присущих тому или иному животному: свинья - грязное, неразборчивое, беззастенчивое существо, кошка - блудливое, мстительное, очень осторожное существо. В ряде случаев имплицативные линии расходятся: Pussy - имя собственное для кошки - "игриво-блудливое, кокетливое существо" (дальнейшие импликация табуируются), tabby - полосатая кошка - "старая сплетница". Зооморфные пейоративы национально-специфичны: "волк" в русском языке - жестокий хищник, в английском языке - жестокий и сексуально-агрессивный человек. Зооморфные пейоративы имеют жаргонную специфику: репетиторы натаскивают для поступления в вузы "гусей", контролеры ловят в общественном транспорте "зайцев", проводники в поездах везут за плату безбилетных "рябчиков". Некоторые жаргонные зооморфизмы выражают пейоративную парадигму значения: "дятел" - "зануда - противный тип - не стоящий внимания человек". Если автомобилист скажет своему приятелю: "Я вчера одного дятла сбил", то слушатель в последнюю очередь подумает о птице. Имплицативная насыщенность пейоративов вытекает из их образности.

Градация пейоративов идет в направлении генерализации [Шейгал, 1990] и схематично может быть представлена следующим образом: человек, совершивший дурной поступок - человек, имеющий тот или иной порок - неприятный/ очень неприятный тип - ничтожный тип. Сказанное относится и к субъективным пейоративам с той лишь поправкой, что в субъективной системе ценностей отрицательный смысл могут иметь нейтральные для большинства людей качества типа "неморяк", "неполиглот".

Комбинаторика пейоративов раскрывает их кластерный характер. В толкованиях слов представлены типичные объединения отрицательно оцениваемых качеств: "задира + злюка", "нытик + доносчик", "распутная женщина + сварливая баба", "молокосос + трус", "скрытный человек + скряга", "грубиян + трус", "болтун + глупец", "тупица + подставное лицо", "штрейкбрежер + доносчик", "подхалим + неудачник", "плохо одетая женщина + сварливая старуха", "болван + головорез", "урод + бандит", "вымогатель + скряга", "задира + хвостун", "дерзкая девчонка + женщина сомнительного поведения", "бесцеремонный тип + карманник", "раболепный тип + подлый обманщик", "наркоман + торговец наркотиками", "распутник + вольнодумец (устар.)", "неряха + распутная женщина", "шарлатан + шут", "трус + простофиля", "подхалим + клеветник", "хам + лицемер", "псих + щеголь", "плут + бабник", "жестокий человек + бабник", "наркоман + тупица", "молокосос + распутник", "бродяга + проститутка", "молокосос + хулиган", "трус + подхалим + ябеда", "тунеядец + пьяница + осведомитель". Некоторые из этих комбинаций отражены в пословицах: *cur2 - a badly behaved worthless person; nasty person who likes to quarrel, coward (LDCE) - A bully is always a coward*. Если человека называют "дворяжка, Моська", то подчеркивают его задиристость и трусость, что отражено в пословице "Задира всегда трус".

Приведенные кластеры сводятся к явлению и сущности либо к однопорядковым явлениям. Пейоративы обозначают поведение людей, их внешний вид, их принадлежность к той или иной группе. По внешнему проявлению характера выделяются болтуны, грубияны, ворчуны, нахалы, высокомерные гордецы, рохли, нытики, паяцы, подлизы, доносчики, зануды, любопытные, придиры, ханжи, упрямы, бездельники, халтурщики, задиры, трусы, предатели, мошенники, убийцы, воры, пьяницы, наркоманы, обжоры, развратные люди, неряхи, пажоны, попрошайки, богачи, скряги и транжиры. По внутренней человеческой сущности выделяются люди, которым не хватает ума, активности и уважения к другим людям. Подавляющее число пейоративов осуждает поступки и качества, в основе которых лежит неуважение к людям, презрение к системе ценностей общества. Недостаток ума и активности представляет собой личностную несостоятельность человека.

Это - онтологическая характеристика человека, к которой, как нам представляется, также относятся внешние данные и принадлежность человека к определенной группе людей. Остальные пейоративные характеристики являются этическими. Онтологические и этические основания недостатков могут сливаться в сложное единство. Например, в основе хвастовства лежит глупость и неуважение к другим людям.

Онтологическая отрицательная характеристика статуса человека выносится дураку, слабаку, размазне, опустившемуся типу, человеку с дефектами внешности и представителю презируемой группы людей. Субъект речи при этом считает себя умным, сильным, волевым, красивым, представляющим уважаемую группу людей. По своей функции это - оскорбляющий субъект. В речи некоторые пейоративы могут употребляться в ласкательной функции. В этой связи отмечено, что женщины для выражения дружеского отношения к адресату употребляют преимущественно слова со значением "умственная неполноценность" (*silly-billy, fool, idiot*), эти слова в аналогичной функции используются мужчинами в разговоре с женщинами и детьми. В разговоре с другими мужчинами, с которыми говорящего связывают дружеские узы, предпочтение отдается более сильным выражениям, т.е. ругательствам [Г.Г.Кошель - Цит.по: Гриценко,1989:19].

Этическая отрицательная характеристика статуса человека выносится людям, проявляющим активное и пассивное неуважение к другим людям. Активное неуважение проявляется как преступное посягательство и умышленное унижение другого человека со стороны объекта оценки (вор, задира, мошенник - нахал, придира, ханжа). Пассивное неуважение выражается как невыполнение обязанностей и пренебрежение мнением людей со стороны объекта оценки (лентяй, халтурщик, попрошайка - пьяница, развратник, скряга). Этическая оценка выносится тому, кто словом или действием проявил неуважение к людям, т.е. пытался понизить их статус.

В случае преступного посягательства моральная оценка приобретает форму юридической квалификации. Такую оценку выносит субъект-обвинитель. Если имело место умышленное унижение человека в виде высокомерного или нахального поведения со стороны объекта оценки, то мы говорим, что оценку выносит проучивающий субъект, субъект-корректировщик. Цель корректировщика - восстановить справедливость, но не на юридическом, а на моральном уровне отношений. При невыполнении или плохом выполнении обязанностей со стороны объекта оценку ему выносит субъект требующий, субъект-труженик. Этот субъект считает себя экспертом, имеет позитивную программу, знает, что и как нужно делать. Пренебрежение мнением людей вызывает их отрицательную оценку. Субъект оценки пытается устыдить нарушителя норм морали, воззвать к его совести и выступает как субъект-

моралист. Полученная нами классификация объектов отрицательной оценки показана на схеме 13.

Схема 13.

Объекты отрицательной оценки

Человек - объект отрицательной оценки

несостоятельный человек				неуважительный человек			
субъективно-несостоятельный		объективно-несостоятельный		активно-неуважительный		пассивно-неуважительный	
1	2	3	4	5	6	7	8

1 - дрянь, ничтожество, подлец, 2 - ниггер, плебей, 3 - урод, дылда, 4 - болван, рохля, 5 - вор, бандит, мошенник, 6 - наглец, ханжа, 7 - лодырь, халтурщик, 8 - жадина, неряха.

В основу данной классификации пейоративов легли различные критерии: 1) полноценность/ неполноценность, 2) контролирование/ неконтролирование своего поведения, 3) социальность/ асоциальность, 4) субъективность/ объективность оценки, 5) активность/ пассивность объекта, 6) общая/ специальная оценка, 7) оценка личности/ представителя группы, 8) оценка по внешним данным/ по внутренней сущности, 9) оценка по степени социальной опасности, 10) оценка по степени притязаний и их адекватности возможностям личности, 11) оценка по отношению к обязанностям, 12) оценка по отношению к общественному мнению.

Для проверки полученных результатов и определения англоязычной специфики статусно-оценочного значения мы рассмотрели пейоративы-существительные в современном русском языке. В качестве источников были взяты Словарь русского языка (Малый академический словарь) (МАС) и Толковый словарь уголовных жаргонов (ТСУЖ). Нас интересовала номинативная плотность пейоративов в сравниваемых языках и тематическое распределение соответствующих слов. Как и в английском материале, за единицу анализа было принято словозначение. В русском пейоративном словнике не разграничивались варианты слов типа "халтурщик/ халтурщица". Русская выборка количественно уступает английскому корпусу нашего исследования: МАС - 871 единица и ТСУЖ - 504 единицы. Данные по литературному и жаргонному словарю не суммируются, поскольку в работе не рассматривался английский уголовный жаргон. Выяснилось следующее.

Процентное распределение пейоративов по тематическим типам приблизительно совпадает в сравниваемых языках (Таблица 13).

Таблица 13.

Сравнительное межъязыковое распределение пейоративов

Типы пейоративов	В английском языке	В русском языке (МАС) и (ТСУЖ)	
Общие пейоративы	3,8 %	6,2 %	5 %
Специальные пейоративы	96,2 %	93,8 %	95 %
Субъективные пейоративы	9,8 %	10,7 %	12,9 %
Объективные пейоративы	90,2 %	89,3 %	87,1 %
Пейоративы несостоятельности	24,1 %	22,8 %	28,1 %
Пейоративы неуважительности	75,9 %	77,2 %	71,9 %

Следовательно, предложенная нами типология пейоративов верифицируется, и критерии классификации носят объективный характер.

Многие частные типы пейоративов в английском и литературном русском языках почти полностью совпадают в процентном отношении (болтун - 3,0 % и 2,8 %, зазнайка - 1,6 % и 1,7 %, неряха - 1,0 % и 0,9 %, попрошайка - 2,3 % и 2,3 %, скряга - 1,5 % и 1,4 %, пижон - 1,5 % и 1,4 % и др.). Наиболее рельефно выраженные различия между языками затрагивают следующие сферы: 1) в русском языке число общих пейоративов почти в 1,5 раза превышает число английских пейоративов (с учетом вульгаризмов, не включенных в словарь русского языка и включенных в английские словари, число таких слов в русском языке является еще большим); 2) в русском языке в 1,5 раза больше пейоративов, обозначающих внешние данные человека (урод, дылда); 3) в английском языке почти в 2 раза больше слов, обозначающих интеллектуальную недостаточность; 4) в английском языке в 2,5 раза больше этнических инвектив; 5) в английском языке почти в 2 раза больше слов, обозначающих преступников; 6) в русском языке более, чем в 2 раза больше слов со значением "задира, буйан"; 7) в английском языке в 2 раза больше слов, обозначающих развратных женщин, и в 1,5 раза больше слов, называющих пьяниц и наркоманов; 8) в английском языке почти в 2,5 раза больше слов, обозначающих сварливых женщин.

В предложенной нами типологии пейоративов общие пейоративы образуют единый подкласс с этническими инвективами (субъективные пейоративы), пейоративы, обозначающие внешний вид, образуют подкласс со словами, называющими интеллектуальную несостоятельность (онтологические пейоративы), обозначения преступников

составляют единый подкласс со словами типа "наглец, задира" (этические пейоративы активного неуважения). Именно в названных подклассах слов наблюдаются асимметричные и в то же время сбалансированные сферы пейоративной номинации. Исходя из типологического равновесия в распределении пейоративов, мы можем сделать предположение о приоритетных ценностях для английской и русской словарной личности.

В английском языке основным направлением пейоративизации является подчеркивание того, что объект отрицательной оценки – это чужой и глупый человек. Отсюда вытекают приоритетные ценности – "быть своим" и "быть умным". В русском языке основным направлением пейоративизации является подчеркивание того, что объект отрицательной оценки – это противный и уродливый человек. Отсюда вытекают приоритетные ценности – "быть приятным" и "быть красивым". Отметим, что в уголовном русском жаргоне процентное соотношение этнических инвектив и слов, обозначающих внешнюю и внутреннюю несостоятельность человека, странным образом совпадает с соответствующим соотношением в английском языке (большое количество слов со значением "болван, дурак" в уголовном жаргоне объясняется тем, что в этот класс попадают объекты преступлений). В разряде этических пейоративов мы видим несовпадение сфер номинации применительно к активно-неуважительному поведению. В английском языке выделяются многообразные оценочные характеристики преступников, и отсюда можно сделать вывод о ценности закона в англоязычной культуре. В русском языке – не в жаргоне! – нет столь дробной дифференциации преступников, но существенна собственно этическая, моральная сторона дела, осуждается и номинируется дерзко-бесстыдное отношение к людям, поведение не по совести, и отсюда вытекает требование уважения к обществу.

В уголовном жаргоне мир преступлений и преступников получает детальное и большей частью безоценочное наименование (334 слова, из которых 220 слов – обозначения разновидностей воровской специализации типа "медвежатник" – взломщик сейфов). Вместе с тем выделяются пейоративы и в уголовном жаргоне: это слова, обозначающие мелких, неумелых, начинающих воров, тех, кто крадет у своих ("крыса"), представителей закона ("мент"), добросовестно работающих заключенных ("рогамет"), а также нарушителей правил воровского поведения ("туфтарь" – тот, кто садится играть в карты, не имея денег) (ТСУЖ).

Большое количество слов, посвященных поведению женщин в англоязычном мире, свидетельствует как о высокой требовательности к женской чести и сдержанности, так и о неравенстве мужчин и женщин. В литературном русском языке аналогий в этом отношении мы не нашли. Что же касается

уголовного жаргона, то бросается в глаза значительное количество слов, обозначающих женщин низкого поведения и людей, подверженных половым извращениям (более 25 % пейоративов). Видимо, сексуальная сфера осознается в преступном мире как основной показатель статуса человека. Отметим, что символические формы утверждения и поддержания статусных отношений в уголовной среде посредством демонстрации сексуально агрессивного поведения свойственны животным, в частности, приматам.

Комбинаторика типовых пейоративных признаков на материале словарных определений показывает, что объект, пренебрегающий мнением других людей, часто совпадает с объектом-глупцом и объектом-нахалом (около 33 % сочетаний), объект-преступник комбинируется с объектом-нахалом и объектом-глупцом, а именно - "мошенник + нахал" и "головорез + тупица" (около 25 % сочетаний), объект-нахал совпадает с объектом-глупцом (около 30 % сочетаний). Остальные комбинации сравнительно редки. Отсутствие в словарях комбинаций с признаком общей отрицательной оценки объясняется, на наш взгляд, тем, что такие екомбинации являются своего рода прагматической парадигмой, так как градация отрицательной оценки идет в сторону общего пейоратива: "Ты жадина и дрянь, подхалим и дрянь, бездельник и дрянь". Отсутствие в словарях комбинаций пейоративного признака "представитель презируемой группы" с другими частными оценочными признаками мы можем объяснить тем, что подобные сочетания достаточно произвольны и прослеживаются не на уровне типа, а применительно к конкретному слову. Например, расисты утверждают: "Негры гиперсексуальны, а учиться неспособны". В свою очередь афроамериканцы обвиняют зажиточных белых граждан США в эмоциональной тупости и неискренности. Аналогичный широкий разброс характеристик на уровне типа свойственен людям с физическими недостатками (толстяк + обжора + лентяй, дылда + увалень + балбес и др.).

В индивидуальной речи пейоративы притягиваются друг к другу по закону синонимической аттракции: John Shelby Spong was "born racist, male chauvinist and homophobic" (The Times). Джон Спонг, говорится в статье, был с самого рождения расистом, мужским шовинистом и мизантропом, т.е. презирал людей другой расы, другого пола и человечество вообще. "Montag, you idiot, Montag, you damn fool; why did you really do it?" (R. Bradbury). "Проклятый дурак" звучит более экспрессивно, чем "идиот". Обвинение в преступлении является более сильным средством воздействия, чем оскорбление: He screamed at Jack. "You're a beast and a swine and a bloody, bloody thief!" (W. Golding). Общеоценочные пейоративы "скотина" и "свинья" завершаются экспрессивно выраженным обвинением "и проклятый, проклятый

вор !" Заметим, что слово bloody не вполне адекватно передается словом "проклятый".

Наибольшее количество пейоративных субъектов составляют субъекты оскорбления (около 40 %). Под оскорблением мы понимаем любое определение несостоятельности человека. В юридическом смысле оскорбление - это общая отрицательная оценка личности в неприличной форме. Для юристов важно разграничить оскорбление и клевету, т.е. обвинение в определенном пороке и вменение в вину определенных фактов ("Он - вор" и "Он украл у меня часы"). Клевета считается более тяжким преступлением, чем оскорбление. В неюридическом смысле оскорбить значит причинить несправедливое огорчение и унижить достоинство человека. Субъект оскорбления испытывает активное неуважение к человеку, качества которого оцениваются отрицательно. Это чувство неуважения может иметь объективные и субъективные основания, но для объекта оскорбления оскорбляющий выступает как злой и несправедливый поноситель, высокомерный, бестактный, мелочный, грубый человек. Мы не говорим о шутовском оскорблении.

Субъект, отрицательно оценивающий внутреннюю несостоятельность человека, считает, что нужно быть достаточно умным, образованным, готовым к жизни, опытным, умелым, сильным, волевым, смелым, сдержанным в речи и в проявлении чувств. Эти качества группируются в несколько комплексов: умный + готовый к жизни + опытный + умелый; сильный + волевой + смелый; умный + образованный; умный + сдержанный в речи и в проявлении чувств. Каждый из этих комплексов предполагает субъекта с определенными характеристиками. Первый субъект - умудренный жизнью практик, который не пропадет в разных ситуациях и которого нелегко обмануть. Второй субъект - сильный, независимый, способный преодолевать препятствия человек. Третий субъект - носитель знаний, теоретик, несколько оторванный от жизни человек. Четвертый субъект - реалист и, возможно, скептик. Выделенные нами типы, при всей их условности, соответствуют словарным субъектам речи.

Большую группу пейоративных субъектов составляют люди, обвиняющие преступников (21 %). Из общего числа преступников наибольшее число, по данным словарей, составляют мошенники, фальсификаторы, шарлатаны (32 %), за ними следуют воры и грабители (25 %), бандиты, пираты, убийцы и громилы (20 %). Оставшуюся часть составляют клятвoprеступники, поджигатели, насильники, дезертиры и др. Наш подсчет показывает, что более трети всех жертв преступлений - это чрезмерно доверчивые и рассеянные люди, которых обманули нечестные хитрецы и пройдохи. Субъекты-обвинители представлены, на наш взгляд, в двух основных

типах словарных субъектов речи: каратель и простофиля. Каратель - это вершитель справедливости, он защищает общество, власть, собственность, жизнь людей. С точки зрения нарушителей закона, он может быть чересчур суров и жесток. Простофиля - это антипод бывалого практика.

Многие пейоративы связаны с нарушением статусных отношений и норм этикета (15 %). Пейоративный субъект в данном случае считает необходимым проучить зарвавшегося, или высокомерного, или лицемерно-уважительного человека. Нарушитель статусных отношений может иметь право на вышестоящее положение, но реализует это право деспотически, жестоко и мелочно, не считаясь с чувствами и мнениями других людей. Субъект оценки понимает, что есть доля истины в словах придиры или сурового начальника, но считает, что степень вины слишком мала для столь сурового обхождения. Такого субъекта можно назвать апологет, поскольку его основная стратегия - оправдать себя. Но есть и нарушители статусных отношений, не имеющие права на вышестоящее положение. Их ставят на место субъекты-корректировщики, стратегия которых состоит в том, чтобы сбить спесь с недостойных самонадеянных людей, лишить их ложного авторитета, раскрыть их лицемерие.

Особую группу пейоративов составляют слова, обличающие тех, кто неудовлетворительно относится к своим обязанностям (7 %). В качестве пейоративных субъектов выступают труженики, добросовестные люди, цель которых состоит в том, чтобы заставить нерадивых выполнять свой долг. Труженик имеет определенное сходство с карателем, но отличается от последнего тем, что апеллирует к совести бездельника или хвалтурщика, в то время как каратель пользуется внешними мерами воздействия. Если труженик проявляет чрезмерное усердие, с точки зрения объекта воздействия, то возникают основания для упрека в самолюбовании или жестокости.

Большую группу пейоративных субъектов образуют обличители различных человеческих пороков (17 %). Это - субъекты-моралисты, выступающие в качестве носителей норм нравственности. Они осуждают такие качества, как низость, черствость, презрение к людям, неряшливость, пижонство, жадность, позерство и хвастовство, обжорство, пьянство, распушенность. Носители пороков пытаются оправдать себя, обвиняя моралистов в несправедливом, пристрастном отношении, в том, что и критики не без греха, в том, что критикуемый недостаток распространен и поэтому простителен. Имеется множество пословиц и сентенций как в английском, так и в русском языке, отражающих позицию словарного субъекта-нарушителя морали: "Человеку свойственно ошибаться", "Цель оправдывает средства", "Своя рубаха ближе к телу" и др. Соотношение субъектов и объектов отрицательной оценки показано на схеме 14.

Субъекты и объекты отрицательной оценки

Критик	Объект
Представитель группы	Представитель группы
Умный	Дурак
Неординарный	Посредственность
Сильный	Слабый
Знающий	Невежда
Сдержанный	Болтун
Каратель	Преступник
Простофиля	Мошенник
Апологет	Критик
Корректировщик	Нахал
Труженик	Лентяй
Моралист	Нарушитель морали

Таким образом, признак социального статуса человека является компонентом значения оценочных слов. В семантике английских существительных отрицательного значения признак статуса характеризуется нисходящим вектором со стороны словарного субъекта речи.

Пейоративы-существительные делятся на слова общего и специального отрицательно-оценочного значения, последние подразделяются на субъективно-пейоративные и объективно-пейоративные имена. Значение общеинвективных слов сводится только к выражению оценочно-статусных отношений, значение специальных пейоративов включает оценочно-мотивирующий и оценочный компонент. Оценочно-мотивирующий компонент представляет собой отсутствие или недостаточную степень проявления необходимых качеств личности.

Оценочно-мотивирующий компонент в семантике английских пейоративов представлен в двух основных типах: онтологическая и этическая характеристика личности. Онтологическая отрицательная характеристика личности – это несостоятельность человека как личности вообще, как представителя группы людей, как индивида, имеющего физические и интеллектуально-волевые дефекты. Этическая отрицательная характеристика личности – это отсутствие уважения со стороны индивида к другим людям, выражаемое как нарушение юридических, статусно-этикетных и собственно моральных норм поведения. Сравнительный анализ русских пейоративов подтвердил основные выводы, полученные нами в результате изучения английских слов отрицательной оценки, и позволил установить некоторые тенденции пейоративизации в сравниваемых языках.

Оценочно-мотивирующий компонент в значении английских пейоративов имеет кластерную природу, которая обусловлена сигнификативной нечеткостью, имплицативной насыщенностью,

образностью, экспрессивной градуальностью и маркированным статусом человека в содержании оценочных слов.

Субъекты оценочного значения неоднородны. По признаку оценочной обусловленности выделяются Критик и Апологет. По признаку баланса онтологических и этических качеств устанавливаются четыре позиции: Сильный Позитивист: (Умный, Неординарный, Сильный, Знающий, Каратель, Корректировщик, Труженик, Моралист), Сильный Негативист (Преступник, Мошенник, Нахал, Лентяй, Нарушитель морали), Слабый Позитивист (Простофиля) и Слабый Негативист (Дурак, Посредственность, Слабый, Невежда, Болтун). Субъекты-представители групп взаимодополнительны. Этические и юридические нормы словарных субъектов соответствуют элементарным требованиям человеческого общежития.

3.3.5. СТИЛИСТИКО-СТАТУСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В стилистике традиционно выделяются слова нейтрального стиля и слова высокого и низкого стиля. Так, И.Р.Гальперин относит к сфере специального литературного (книжного) вокабуляра архаизмы, поэтизмы, варваризмы и термины, к сфере специального разговорного вокабуляра – профессионализмы, жаргонизмы, сленг, вульгаризмы и диалектизмы [Galperin,1981:71]. Признак социального статуса может быть описан в семантике стилистически нейтральных слов ("надменный", "хозяин", "приказывать") и может быть выражен в семантике стилистически маркированных слов (например, ругательства в речи вышестоящих, распекающих своих подчиненных, а также слова, обычно употребляемые в ситуациях официального общения между незнакомыми людьми, но перенесенные в сферу общения между близкими знакомыми). В данном разделе мы рассматриваем не описание, а выражение статусного признака.

Слова нейтрального стиля относятся к средствам стандартного общения. С точки зрения стилистико-статусного значения, на наш взгляд, целесообразно выделить субстандартные и суперстандартные речевые употребления языковых единиц. Под субстандартным общением понимается общение на сокращенной социальной дистанции. Такое общение устанавливается в трех типовых случаях: 1) близкое знакомство партнеров и нейтрализация их статусного различия, т.е. субстандартное общение как знак солидарности, знак принадлежности к единой общности, 2) аффективное выражение отрицательных эмоций со стороны вышестоящего, при этом нижестоящий не имеет права использовать аналогичную лексику в ответ, т.е. субстандартное общение как знак грубого подчинения, 3) чрезвычайные обстоятельства, нейтрализующие статусные

отношения между участниками общения (*"Будьте любезны, помогите мне, пожалуйста, поскольку я, к сожалению, тону."). Под суперстандартным общением понимается общение на увеличенной социальной дистанции. Такое общение устанавливается в трех типовых случаях: 1) неопределенная статусная индикация, когда партнеры стремятся четко обозначить свой статус и статус собеседника, т.е. суперстандартное общение как знак отсутствия знакомства, 2) нарушаемая статусная индикация, когда партнеры ставят под сомнение статус своих собеседников, либо стремятся повысить свой статус, т.е. суперстандартное общение как знак регулировки статусного соотношения, 3) функциональная стилизация общения, когда обстоятельства общения диктуют клишированную форму обмена репликами, форму начала, продолжения и завершения коммуникации, например, речевой жанр полицейского допроса или свидетельского показания (даже если коммуниканты хорошо знакомы), т.е. суперстандартное общение как знак ролевого приоритета.

Использование книжных выражений в суперстандартном общении относится, на наш взгляд, к ситуациям статусной неопределенности и статусной регулировки. Например:

For a while he (Mr. Wharton) paused, as if debating with his politeness, but at length threw an inquiring glance on the stranger, as he required, -

"To whose health am I to have the honour of drinking?"

The traveller replied, - "Mr. Harper."

"Mr. Harper," resumed the other, with the formal precision of that day, "I have the honour to drink your health, and to hope you will sustain no injury from the rain to which you have been exposed."

Mr. Harper bowed in silence to the compliment. (J. Fenimore Cooper).

В приведенном отрывке из романа Дж. Фенимора Купера "Шпион" описывается знакомство хозяина усадьбы Уортона с путешественником, застигнутым непогодой и остановившимся в доме у мистера Уортона. Поднимая бокал за здоровье своего гостя, хозяин усадьбы устанавливает статусную дистанцию между собой и своим собеседником и одновременно обозначает свой статус (подчеркнутые характеристики джентльмена) посредством церемонной фразы "Я имею честь выпить за Ваше здоровье и надеюсь, что дождь Вам не повредил." Гость поддерживает предложенную дистанцию, поклонившись в ответ. Словосочетания *sustain no injury, the rain to which you have been exposed* относятся к книжным речевым оборотам. Эти книжные выражения органически дополняют систему невербальных способов индикации социального статуса - осанку, позу, жестикуляцию, мимику, длительность и направленность взгляда, ритуальные действия.

Статусная регулировка, как правило, неразрывно связана с эмоциональной и оценочной регулировкой общения. В повести Р.Л.Стивенсона "Странный случай с доктором Джекилом и мистером Хайдом" два джентльмена, дальние родственники и хорошие знакомые, ведут беседу, при этом мистер Аттерсон обращается к своему собеседнику то по фамилии, то по имени, а мистер Энфилд использует вежливое обращение в транспонированной функции выражения неодобрения: "Enfield," said Mr.Utterson, "that's a good rule of yours." "Yes, I think it is," returned Enfield. ... "You are sure he used a key ?" he (Mr.Utterson) inquired at last. "My dear Sir..." began Enfield, surprised out of himself. "Yes, I know," said Utterson; "I know it must seem strange. You see, Richard, your tale has gone home." (R.L.Stevenson). В приведенном отрывке обращение по имени, т.е. сокращение дистанции, связано с выражением некоторого самооправдания со стороны мистера Аттерсона, который невольно обидел своего собеседника. Такая речевая стратегия является одним из способов реализации позитивной вежливости по П.Браун и С.Левинсону. В лингвистической литературе отмечено, что один и тот же говорящий может чередовать местоимения "ты" - "Вы" при обращении к одному и тому же слушающему. В таких случаях использование разных местоимений окрашено стилистически: смена одного другим отражает перемену в отношении говорящего к собеседнику. Так, в языке раджастанхи муж, обращаясь к жене, обычно употребляет местоимение "ты", но в случае ссоры переходит на официальный тон и говорит ей "Вы" [Хохлова, 1973:105,106]. В русском речевом общении такое произвольное изменение статусной дистанции часто ассоциируется с низким социальным статусом говорящего, пытающегося поддерживать общение на социальной дистанции, но соскальзывающего на более привычную персональную дистанцию: "Я прошу вас отвечать на мои вопросы. Ты понял ?" Подобный переход, впрочем, может быть вызван и обмолвкой, свидетельствующей об эмоциональном отношении говорящего к адресату: "Пустое Вы сердечным ты она, обмолвись, заменила..." (А.С.Пушкин).

Граница между стандартным и суперстандартным общением бывает трудноуловимой. Если в качестве стандартной речевой единицы принята эллиптическая форма, то развернутое выражение воспринимается как суперстандартное: "Good morning to you, Clarissa !" said Hugh, rather extravagantly, for they had known each other as children. "Where are you off to ?" (V.Woolf). фраза "Доброе утро тебе, Кларисса !" воспринимается как экстравагантное высказывание на фоне стандартной фразы "Доброе утро !" с учетом того, что собеседники знакомы с детства. Экстравагантность суперстандартного приветствия усиливается в сочетании с разговорным вопросом: "Ты куда ?"

Суперстандартный уровень общения предполагает использование как книжной лексики, так и нейтральной общелитературной лексики. Исключается лишь использование стилистически сниженной лексики, назначение которой состоит в понижении стандарта общения.

Отношения между участниками общения выражаются прежде всего в речевом регистре. Регистр представляет собой план ситуативной вариативности языка, характеризует предметную область общения, отношения между коммуникантами и канал общения и выражается в совокупности текстовых характеристик - лексических, грамматических, фонетических и др., благодаря которым получатель речи может сделать определенные выводы об отправителе речи, не вникая в содержание текста. Невозможно охарактеризовать регистр мертвого языка, очень трудно сделать это применительно к живому языку, если получатель речи не является носителем языка [Halliday, 1978:33; Ellis, Ure, 1969:251].

Варьирование речевого регистра выражается в языковых единицах высокого и сниженного тона, но не сводится к последним, поскольку регистр включает также транспонированные единицы и речеповеденческие модели.

Транспонированные стилистические единицы - это слова и синтаксические конструкции с маркированной тональностью, используемые в несвойственном для них ключе общения. Самый типичный случай стилистического транспонирования - это шутка, юмор, ирония. Сюда также относятся жанры бурлеска, травести и пародии. "Бурлеск переводит в заниженный регистр возвышенную тему или текст и тем самым отвергает общепринятую высокую (положительную) оценку. Тот же эффект развенчания в травести достигается тем, что обиденное или низкое излагается средствами высокого стиля" [Никитин, 1988:157-158]. Разновидностью стилистического транспонирования является речевая эквивалентность, например, использование бранных обращений при доброжелательном отношении к адресату. В определенных речевых коллективах нормативным является частое использование сниженной и вульгарной лексики (среди подростков, в армии, в деклассированных сообществах). Сниженная лексика связывается с мужественным поведением. Отсутствие сниженных и вульгарных слов в речи является для носителей определенных социолектов знаком особой ситуации - как правило, сигналом опасности [Жельвис, 1990:24]. Иначе говоря, транспонирование стилистических средств включает и значимое их отсутствие в определенных контекстах.

Речеповеденческие модели как показатели регистра общения осознаются прежде всего в результате неожиданного сбоя тональности, внезапного переключения дистанции. Так, существует некоторая норма вежливости в определенных речевых коллективах. Эти нормы различны в разных

сообществах, обычно не осознаются, но нарушение таких норм является резким сигналом изменения во взаимоотношениях участников общения. Существенно то, что любое изменение статусной дистанции – как в сторону фамильярного сокращения, так и в сторону высокомерного увеличения – осознается как знак неуважения. В американском колледже был проведен эксперимент, участники которого намеренно вели себя вежливее, чем обычно, в общении с товарищами. Приведем некоторые диалоги:

(1) A: Would it be possible for you to wait for me after class ? – B: Yes, of course it's possible. Why are you talking so proper ?

(2) (In a car on a date) A: Jacques, could you tell me how far we are from our destination ? – B: (sarcastically) Yes, Patricia. We are about fifty miles from our destination. Are you satisfied ?

(3) A: Hi, Dave ! – B: Hello, Robert. How are you ? – A: Not bad. You have a test or somethin' ? – B: Why no. Of course not. Why do you ask ? (Robert looks strangely at Dave and leaves without replying) [Chaika, 1989:47].

Реакция адресатов на "сверхвежливое" для них поведение со стороны знакомых людей в знакомой ситуации показывает, что суперстандартный речевой регистр вызывает отрицательное отношение, получатель речи пытается установить причину изменения дистанции (1), подозревая даже, что проводится эксперимент (3), и либо прекращает общение (3), либо переводит это общение в шутку (2), формально поддерживая предложенную тональность.

Этикетные отношения и вежливость – лишь частный случай регулировки общения в речеповеденческих моделях. Для нас важно подчеркнуть то, что изменение речевого регистра всегда связано с переводом общения в иную социальную сферу, связано с изменением статуса отправителя и получателя речи.

Суперстандартное и субстандартное изменение речевого регистра отражается в тексте и может быть изучено с различных точек зрения. В данной работе семиотическая модель является теоретическим фундаментом для лингвистического изучения социального статуса человека, и трехсторонняя формула знаковых отношений (семантика, синтактика и прагматика) используется нами для объяснения динамики речевого регистра. Мы рассматриваем вариативность смысла в тексте по точности обозначения (шкала семантизации), по степени воздействия отправителя речи на адресата (шкала прагматизации) и по мере выраженности (шкала линейзации).

По точности обозначения различаются гиперсемантические [Вейнрейх, 1970] и гипосемантические высказывания. Первые стремятся к максимальной точности, вторые зависят от ситуации и являются лишь поддержкой невербального общения.

Э.Ганс считает, что исходным высказыванием в языке является остенсивное (наглядное, демонстративное) высказывание, т.е. высказывание, в наибольшей мере привязанное к ситуации. Это высказывание почти адекватно заменяется мимикой и жестом. Между максимально связанным ситуацией остенсивным высказыванием, в котором отсутствуют за ненадобностью категории лица и времени, и минимально связанным с ситуацией декларативным высказыванием, в котором речь идет о ненаблюдаемом объекте или процессе, о том, что происходит не сейчас, а имело место в прошлом, может произойти в будущем, происходит регулярно или постоянно, находится класс императивных высказываний [Gans, 1981:100]. Чем меньше дистанция между участниками общения, тем более вероятно общение на остенсивном, т.е. гипосемантическом уровне. Такой вид общения соответствует ограниченному коду Б.Бернстайна.

Гиперсемантическое общение связано с определенными затруднениями. "Дикари просто говорят, а мы все время что-то "хотим" сказать" [Пешковский, 1925:116]. Коммуникативные трудности гиперсемантизации снимаются на высоком уровне речевой компетенции, если говорящий владеет различными функциональными стилями общения, в том числе, терминсистемами соответствующих стилей, владеет функциональной и художественной точностью обозначения, умением детализации, способен выразить тонкие оттенки смысла. Гиперсемантическое общение свидетельствует о высоком статусе человека, умеющего пользоваться таким социально престижным способом общения. Некто может сказать, что у него болит сердце или что у него стенокардия, что строители работают или занимаются бытовой кладкой, что на монете имеется надпись или что легенда на аверсе является государственным девизом. В первом случае общение идет на уровне стандартного обозначения, во втором случае - на уровне функционально точного обозначения. Стандартное обозначение выступает в качестве гиперонима по отношению к точному, суперстандартному обозначению.

Точность обозначения - это верная, конкретная и полная характеристика предмета, о котором идет речь. Развивая идею Б.Бернстайна о расширенном и ограниченном коде, мы предлагаем противопоставить бытийное и бытовое общение. На бытовом уровне общения верность и конкретность обозначения принципиально не требуют актуализации, оставаясь как бы за кадром, поскольку речь идет об очевидных и однозначно интерпретируемых вещах. Определения, если они есть, носят остенсивный характер: "Смотри, гвоздь забивают так." У адресата (если это не театр абсурда) не возникают вопросы типа "А что ты понимаешь под гвоздем?" или "А что ты чувствуешь, забивая гвоздь, какие у тебя возникают ассоциации?" Полнота обозначения на бытовом уровне общения

также семантически избыточна. Расширение признаков имеет место в виде различных сравнений. На бытийном уровне общения говорят о неочевидных вещах. Повышение точности обозначения проявляется здесь, на наш взгляд, в двух направлениях: информативная и эмотивная гиперсемантизация. Первое направление определяет научный стиль общения, второе направление - художественный и публицистический стиль.

Информативная точность реализуется как степень определенности предмета изучения, освещение связи этого предмета с однопорядковыми и разнопорядковыми явлениями, демонстрация методов исследования, выявление внутренней структуры предмета и т.д. Чем точнее научное обозначение предмета, тем больше различных содержательных признаков выделяется в понятии об этом предмете. Гиперсемантизация в научном тексте выражается прежде всего в сигнификативной плотности предмета изучения.

Эмотивная точность реализуется как актуализация образов, связанных с темой текста. Образы интегральны, подвижны, личностны. Гиперсемантизация в художественном тексте выражается, на наш взгляд, в динамике образов:

I do not know much about gods; but I think that the river Is a strong brown god - sullen, untamed and intractable, Patient to some degree, at first recognised as a frontier; Useful, untrustworthy, as a conveyor of commerce; Then only a problem confronting the builder of bridges. The problem once solved, the brown god is almost forgotten By the dwellers in cities - ever, however, implacable, Keeping his seasons and rages, destroyer, reminder Of what men chose to forget. Unhonoured, unpropitiated By worshippers of the machine, but waiting, watching and waiting. ...The river is within us, the sea is all about us. (T.S.Eliot). - "О богах я немного знаю, но думаю, что река - Коричневая богиня, упрямая и неукротимая И все-таки терпеливая, служившая прежде границей, Полезная и ненадежная при перевозке товаров, А потом - лишь задача при наведении моста. Мост наведен, и коричневую богиню В городах забывают, будто она смирилась. Но она блюдет времена своих наводнений, Бушует, сметает преграды и напоминает О том, что удобней забыть. Ей нет ни жертв, ни почета При власти машин, она ждет, наблюдает и ждет. ...Река внутри нас, море вокруг нас. (Пер. А.Сергеева).
Философская лирика Т.Элиота гиперсемантична: в данном отрывке образ реки ассоциативно разворачивается в виде языческого бога (не богини!), вроде бы покоренного человеком, преобразователем природы, но не смирившегося. Образ реки, текучести связан с классической антиномией "чаша чувств - меч рассудка", а отсюда и известное в европейской культурной традиции противопоставление Диониса и Аполлона, темного иррационального и светлого

рационального начала в человеке. "Река внутри нас" - это природное начало в человеке, которому враждебна как внешняя, так и внутренняя стихия. Наша интерпретация данного фрагмента стихотворения субъективна: поэзия рассчитана на субъективную интерпретацию, ведь язык поэзии, подобно языку музыки, относится к "мягким языкам" на шкале интерпретируемости у В.В.Налимова [1979]. В этом смысле справедлив афоризм Э.Костелло: Writing about music is like dancing about architecture - "Писать о музыке - все равно, что танцевать об архитектуре".

Проблема гиперсемантизации пересекается с проблемой выразимости смысла в тексте. Все ли выразимо в тексте? "Мысль изреченная есть ложь" - эти слова Ф.И.Тютчева напоминают нам о невыразимости полного смысла в тексте, о том, что слово неспособно вместить все богатство мысли и чувства. Существует языковой порог, за которым путь к точности переходит в абсурд, принципиально открытое для любого толкования шизофреническое послание или ложь. Это - объективная невыразимость смысла. Вместе с тем мир вербализуем, иначе бы не было взаимопонимания, вытекающего из языкового общения. "Являясь семиотической системой," пишет Л.Н.Мурзин, "язык способен выразить чувства, представления, образы, но не непосредственно, а путем возбуждения прежних впечатлений и аналогий" [Мурзин, Штерн, 1991:23]. Здесь речь идет о субъективной невыразимости смысла. Если посмотреть на проблему выразимости смысла как на проблему коммуникативной компетенции, то правомерна модель в виде "шкалы мастерства", на одном полюсе такой шкалы находятся невнятные бормотания ("mutterances"), а на другом - точная, артикулированная речь, прорыв в выразимость ("breakthrough"). Пространство между полюсами заполнено обыденным разговором [McDermott, 1988:44]. Данная схема может и должна быть дополнена социолингвистической координатой уместности. Есть ситуации, когда бормотание уместно, а четкая речь может вызвать сомнения в искренности (разговор на интимной дистанции). Подчеркнем, что гиперсемантическое общение не симметрично гипосемантическому общению в том смысле, что человек, способный точно обозначить предмет речи, может перейти на бытовой уровень общения. Но выйти на бытийный уровень общения человеку, владеющему только бытовым коммуникативным уровнем, крайне сложно. Гиперсемантизация есть прорыв сквозь бытовое общение в бытийное общение.

Гипосемантические словоупотребления являются субститутами стандартных слов: "What'd he say to you?" - "Oh...well, about life being a game and all. And how you should play it according to the rules. I mean he didn't hit the ceiling or something." (J.D.Salinger). Элементы,

создающие размытость речи ("Жизнь - это игра и вообще"), выполняют контактоустанавливающую функцию в виде непринужденного, естественного поведения. Непринужденность мыслится как заявка на искренность, т.е. характеризует субъекта коммуникации в соответствии с его интенциями и установками общения как противника официальных мероприятий и банальных истин. Субстандартное общение весьма типично для подростков, в том числе и для Холдена, героя повести Дж.Сэлинджера "Над пропастью во ржи".

Функциональная гиперсемантизация часто эксплуатируется людьми, стремящимися выглядеть более образованными, чем они есть на самом деле. В нормативных справочниках выделяются так называемые "стильные слова" (stylish words) в противоположность "рабочим словам" (working words). Например, ameliorate - improve, catarrh - cold, comestibles - food, dwell - live, edifice - building, integrate - combine, terminate - end, viable - workable (DMEU). Стильные слова - это не к месту употребляемые термины. Подобные словоупотребления иначе называются претенциозными словами. Так, слово deem является стилистически маркированным претенциозным синонимом глагола think - "думать, полагать". В синонимическом словаре deem характеризуется следующим образом: it distinctively stresses judgement rather than reflection (WNDS), на первый план выдвигается суждение, а не размышление. Именно поэтому данное слово терминологически употребляется в юридических текстах: this very formal word has a necessary meaning in the legal sense of assuming something to be a fact, as when people who make no overt objection to a measure are deemed to have consented to it. Deem is otherwise a facetious or pretentious word for think (LGEU). В юридическом смысле данный глагол означает "считать фактом", в обыденном общении это слово звучит претенциозно. Люди, не к месту употребляющие непонятные им термины, часто становятся объектами пародий, подобно поэту-халтурщику Ляпису из романа "Двенадцать стульев": "Волны перекатывались через мол и падали вниз стремительным домкратом" (И.Ильф, Е.Петров).

В синтаксическом отношении изменение речевого регистра выражается как гиперлинеаризация и гиполинеаризация текста. Мы имеем в виду степень синтаксической сложности текста и степень соответствия речевых жанров (повествование, описание, поддержание контакта и др.) жанровому прототипу. Линейная сложность текста выражается в его подчинительных структурах, анафорах, союзных словах и их эквивалентах, различных вводных элементах. Синтаксическая сложность текста связана с текстовой гиперсемантизацией. Именно синтаксис высказывания является первичным показателем развернутого либо ограниченного кода. Гиполинеаризация

выражается не только в примитивном синтаксическом оформлении текста, но и в характерном эгоцентризме автора, не умеющего встать на позицию адресата, показать чужую точку зрения, сориентировать слушателя или читателя относительно времени, места и действующих лиц, последовательно изложить ход событий (события, образы, люди, собственные эмоции рассказчика образуют в таких случаях некую однородную цепь, скрепляемую гипосемантическими образованиями "и вообще", "и тому подобное", "и так далее") [Schatzmann, Strauss, 1972].

В прагматическом отношении изменение речевого регистра - это гиперпрагматизация и гипопрагматизация текста, т.е. увеличение либо уменьшение степени воздействия на адресата. Способы увеличения воздействия на адресата многообразны, к ним относятся, в частности, многие стилистические и риторические приемы, способы аргументации, перевод значимой для адресата информации в подтекст. Степень воздействия на адресата в научном тексте увеличивается не только вследствие глубины идеи и логичности изложения материала, но и в результате парадоксальности поворота авторской мысли или своеобразного сокращения дистанции общения. Например, в предисловии к монографии мы читаем: *It goes without saying that the reader should feel free to disagree frequently and strongly with my opinions. All my friends do. (G.Sampson)*. Читатель становится, таким образом, доброжелательным критиком автора.

Уменьшение степени воздействия на получателя речи может быть вызвано многими причинами и обычно не входит в намерения отправителя речи. В тех случаях, когда автор текста ставит перед собой цель "закрыть текст", сделать его неинтересным и непреодолимым для определенной категории читателей, такая цель реализуется, главным образом, с помощью гиперсемантизации текста. Примером могут служить многочисленные научные, философские и теологические труды. Намеренное сокращение количества читателей способствует поддержанию определенного уровня качества в той или иной сфере культуры. Мы возвращаемся к понятию социального статуса - в данном случае речь идет о статусе эксперта, способного понять и оценить идею вне зависимости от формы ее выражения.

Рассматривая статусно-стилистическое значение в прагматическом аспекте, мы анализируем некоторые лексические способы выражения статусного неравенства, а также взаимосвязь текста и подтекста в выражении статусно-модально-оценочного признакового комплекса.

Слова с выраженным оценочным и оценочно-статусным значением гиперпрагматичны по определению и рассматривались в данной работе выше. Вне рассмотрения осталась группа слов, примыкающая к стильным словам, а именно - модные

слова. Статусные различия между людьми прослеживаются в особых выражениях, с помощью которых часть населения пытается обозначить свою исключительность. Речь идет о выражениях, известных под рубрикой "U" and "Non-U" (Upper and Non-Upper) [Ross, 1956]. В известной мере выражения элиты - это дань моде, т.е. универсальное требование к тем, кто хочет добиться успеха: "Не отставать от жизни !" В 1956 году, по данным А.Росса, считалось престижным говорить to have one's bath - "принять ванну", а не to take a bath; looking glass - "зеркало", а не mirror; wireless - "радио", а не radio; table-napkin - "салфетка", а не serviette [Ross, 1956:29-32]. Показателем принадлежности говорящего к престижной или непрестижной группе людей служило слово pardon - "извините". Представители непрестижных групп использовали это слово значительно чаще, чем представители престижного общественного слоя, в частности, в ситуациях переспроса (если адресат недослышал, он должен сказать "What ?", а не "Pardon ?"), в ситуации извинения ("Sorry", а не "Pardon"), в случае икоты (воспитанный человек промолчит). Носители непрестижной речи, в свою очередь, с презрением относятся к тем, кто щеголяет модными и принятыми в свете выражениями, и называют таких людей и стиль их поведения la-di-da - pretending to be in a higher social position than one actually is, by use of unnaturally delicate manners, ways of speaking, etc (LDCE). Данное слово, как показывает определение, характеризует тех, кто хочет выглядеть выше по социальному статусу, используя неестественно изящные манеры и выражения речи. Отметим звукоподражательное происхождение этого слова: по нашим наблюдениям, фонетическая карикатурная имитация характерна для субстандартного общения, для общения недостаточно образованных людей.

Развивая идею А.Росса о престижных и непрестижных словах, Ф.Мартин опубликовала следующие контрастные пары слов (первое слово относится к непрестижному, второе - к престижному стилю общения): аптека - the drugstore / the pharmacy; Европа (для англичан) - Europe / the Continent; богатый - rich, affluent / wealthy; софа - a sofa / a coach; кладбище - the graveyard, the cemetery / the memorial park; проигрыватель - record player / turntable; железнодорожная станция - railroad station / train station; Библия - the Bible - Scriptures; часы - a watch / a timepiece; портфель - a briefcase / an attache case; подарок - a present / a gift; кухонная печь, плита - a stove / an oven; розетка электрическая - a socket / a fixture; аквариум - a fishtank / an aquarium; книжные полки - shelves / wall system; кустарник возле дома - the bushes / the shrubs (Herald Tribune).

Использование престижных выражений является индикацией статуса говорящего, который заявляет тем самым о своей принадлежности к престижным слоям общества. Здесь необходимо сделать некоторые комментарии. Во-первых, использование в речи престижных выражений означает желание занимать определенную позицию, а не фактическое занятие этой позиции. В этом моменте состоит существенная разница между людьми, использующими, например, престижное британское произношение, и людьми, употребляющими в речи модные элитарные выражения. Произношение есть помимовольный индекс социального статуса, попытка имитации произношения обычно быстро раскрывается теми, кто получил образование в закрытых интернатах типа Итона. Попытка следовать престижному произношению без должного образования неизбежно наталкивается на ошибки гиперкоррекции. Во-вторых, в ряде случаев новые обозначения соответствуют качественно новым реалиям, особенно в сфере бытовой техники. Как правило, новинки бывают более дорогими и поэтому действительно сначала занимают место в домах богатых людей. Представители нижней ступени среднего класса, для которых в первую очередь характерна гиперкоррекция, подменяют понятия, называя свой проигрыватель стереосистемой или квадрофоником. Посмотрев телесериал "Рабыня Изаура", советские люди стали часто называть свои маленькие дачные участки словом "фаэнда". В лингвистической литературе отмечено, что людям свойственно любое фонетическое варьирование связывать с семантическим противопоставлением: на вопрос, есть ли разница между предметами, именуемыми словом vase в британском и американском произносительных вариантах [va:z / veiz], носитель языка ответил, что первым словом он называет большие вазы, а вторым - маленькие [Лабов, 1975:166]. Новое слово, обозначающее предмет, неизбежно вносит новый оттенок значения. Снобы могут не знать, в чем состоит специфика нового предмета в семантическом отношении, для них существенна социально-статусная сторона предмета. В-третьих, престижные слова могут свидетельствовать о семантическом сдвиге непрестижных слов. Так, слово stove - "печь" употребляется в современном английском языке главным образом в ситуациях обогрева, поддержания тепла, отсюда - использование этого слова для обозначения туристской портативной печки, печи для обжига и т.д., oven - "печь, плита" служит для приготовления пищи. Иначе говоря, выбор престижного слова объясняется не только социальными, но и семантическими причинами. Но подчеркнем: социолингвистический фактор употребления слов является доминирующим. Гипертрофия социальной стороны предмета представляет собой заявку на уважение и признание. Следует также отметить, что престижные слова, как и многие другие

признаки моды, характеризуются недолговечностью в языке и в этом смысле сближаются со сленгом.

К числу модных словечек относятся также некоторые слова, используемые как пустые заполнители, например, *actually, basically, by and large* (OMEU). К таким словам примыкают клишированные газетные выражения, называемые термином *journalese*, например, *normalize, permanentize, prioritize, respectabilize; framework; breakthrough; psychological moment* (OMEU, ChW).

Дж. Оруэлл показывает, как клишированные выражения затемняют первоначальное значение слов на материале отрывка из книги "Экклезиаст": "I returned and saw under the Sun, that the race is not to the swift, nor the battle to the strong, neither yet the bread to the wise, nor yet riches to the men of understanding, nor yet favour to men of skill, but time and chance happeneth to all." - "И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым - победа, не мудрым - хлеб, и не у разумных - богатство, и не искусным - благорасположение, но время и случай для всех их" (Экклезиаст, 9:11). В бюрократически-стилизованном изложении этот отрывок мог бы принять, согласно Дж. Оруэллу, следующий вид: "Objective consideration of contemporary phenomena compels the conclusion that success or failure in competitive activities exhibits no tendency to be commensurate with innate capacity, but that a considerable element of the unpredictable must invariably be taken into account" [Цит. по: Leech, 1974:59]. - "Объективное рассмотрение явлений, имеющих место в настоящий период, приводит к выводу о том, что успех в состязательной деятельности не обнаруживает зависимости от внутреннего потенциала соответствующей деятельности, но значительный элемент непредсказуемых обстоятельств должен непременно приниматься в расчет". Назначение такого речевого приема состоит в "красноречивом умалчивании" и в подавлении потенциального адресата, который, будучи не в состоянии понять смысл сложного словесного салата, перестает анализировать содержание обращенной к нему информации и переходит в разряд пассивных участников диалога между правительством и народом. Пассивные объекты воздействия легче поддаются манипуляциям. Таким образом понижается статус получателя информации. Семантическая сторона сообщения отступает на второй план, и адресат делает выводы о важности полученной информации только на основании косвенных данных - обстоятельств речи, статуса говорящего, оформления речи. Важно не то, что сказано, а то, как держался говорящий и как он выглядел.

К модным и стильным словам примыкают *genteelisms* - манерные слова, эвфемизмы, сущность которых состоит в

замене обычных слов и выражений на более изящные. Говорящий, использующий манерные слова, пытается произвести впечатление утонченного, хорошо воспитанного человека, но фактически выглядит смешно и нелепо. К числу манерных слов и их стандартных эквивалентов относятся следующие единицы: bosom - breast ("грудь"), enquire - ask ("спрашивать"), expectorate - spit ("плевать"), odour - smell ("запах"), perspire - sweat ("потеть"), retire - go to bed ("ложиться спать"), soiled linen - dirty clothes ("грязное белье"), sufficient - enough ("достаточно") (DMEU). Наиболее часто к манерным эвфемизмам прибегают представители нижнего слоя среднего класса, и поэтому подобные слова являются речевыми статусными индексами соответствующих людей.

В английском языке выделяется большая группа формальных слов, используемых в официальных ситуациях. Полный список таких слов составляет тысячи единиц. У этих слов имеются нейтральные синонимы, например, accomodation - rooms ("жилье, квартира"), cast - throw ("бросать"), commence - begin ("начинать"), complete - finish ("завершать, заканчивать"), donate - give ("давать"), endeavour - try ("пытаться, стараться"), purchase - buy ("приобретать, покупать") и т.д. Формальные слова отчасти пересекаются с терминами, но во многих случаях не имеют терминологической точности значения. Они выполняют функцию показателей официальности общения и согласуются с другими этикетными индексами ситуации - манерами, одеждой, дистанцией между коммуникантами. Назначение подобных слов - непосредственно выражать статусные отношения. В случае неуместного использования формальные слова свидетельствуют либо о желании говорящего перейти на более официальную дистанцию общения, либо о стремлении перевести общение в шутку, либо о недостаточной речевой компетенции.

Слова высокого стиля соотносимы со словами низкого стиля. Так, наблюдается как бы симметричное соотношение книжной и разговорной лексики в триадах infant - child - kid, associate - fellow - chap, proceed - continue - go on и т.д. Вместе с тем по функции, по сферам употребления и по признаку социального статуса вряд ли можно считать симметричными соотношения "книжное - нейтральное" и "нейтральное - разговорное" слово.

Разговорная лексика тематически отражает ту часть экстралингвистической реальности, которая соответствует сфере бытового общения. Семантика разговорных слов отягощена оценочной, эмоциональной, экспрессивной коннотацией сниженного характера. Преобладают коллоквиализмы, обозначающие отрицательные эмоции. Количественное соотношение примеров коллоквиализмов, обозначающих эмоции, составляет 1:8 в пользу отрицательных

эмоций [Кашеева, Чернявская, 1980:166,172]. Общее число коллоквиализмов, по данным К.М.Рябовой, составляет в английском языке 3812 словозначений, большинство из которых (64 %) сконцентрировано вокруг негативных понятий [Рябова, 1980:6-8]. Субстандартная или нестандартная лексика разбивается на два типа слов: экспрессивная и социально-детерминированная лексика. К первому типу слов относится сленг и вульгаризмы, ко второму типу слов – профессиональные и корпоративные жаргоны и арго [Беляева, Хомяков, 1985:41]. С некоторыми оговорками можно объединить поэтизмы, архаизмы и варваризмы в группу слов экспрессивного значения в противоположность терминам как словам социально-детерминированного типа. Вместе с тем формальные слова и эвфемизмы экспрессивны лишь в ситуации несоответствия дистанции общения и средств речи (официальная речь между друзьями в неформальной ситуации экспрессивна так же, как разговорная речь в официальной обстановке), а к терминам формальные слова большей частью не относятся. Соотношение суперстандартных и субстандартных словозначений показано в таблице 14.

Таблица 14.

Соотношение речевого стандарта и социальной детерминации

Признак речевого стандарта общения	Признак социальной детерминации	
	Социально-детерминированная лексика	Социально-недетерминированная лексика
Суперстандартное общение	термины и формализмы	поэтизмы, архаизмы, варваризмы
Стандартное общение	нейтральные слова	нейтральные слова
Субстандартное общение	жаргонизмы и арготизмы	сленг и вульгаризмы

Стилистико-статусное значение проявляется в степени выраженности признака в тексте. Развернутое, эксплицитное выражение признака в тексте мы называем эволютивным усилением признака, а свернутое, имплицитное выражение признака – инволютивным усилением признака.

Эволютивное усиление признака имеет место при повторениях, пояснениях, уточнениях, комментариях. Инволютивное усиление признака связано с ассоциативной плотностью, импликациями, подтекстом. Эволютивное и инволютивное усиление признака представляют собой количественное соотношение текста и смысла. С точки зрения качественного соотношения текста и смысла можно выделить традиционное и авторское усиление признака. Традиционное усиление выражается повышением или понижением голоса в

устной речи и соответствующими способами в письменном тексте - графическими приемами, указанием на речевые особенности оформления высказывания, а также традиционными стилистическими приемами. Авторское усиление выражается индивидуальной символизацией и специальным кодированием, требующим известной подготовки со стороны получателя речи.

Эволютивное традиционное усиление признака представлено в следующем примере:

Doolittle: I'll tell you, Governor, if you'll only let me get a word in. I'm willing to tell you. I'm wanting to tell you. I'm waiting to tell you.

Higgins: Pickering: this chap has a certain natural gift of rhetoric. (B. Shaw).

В речи героя наблюдается синонимический повтор глаголов, и профессор Хиггинс отмечает эту страсть к риторике.

Авторское эволютивное усиление признака представляет собой расширение и пересмысление значений слов в составе высказывания. Примером такого усиления признаков является гиперсемантизация в художественном тексте. Интерпретация художественного текста - стилистика декодирования - в значительной мере представляет собой анализ авторских эволютивных стратегий.

Традиционное инволютивное усиление признака проявляется в универсальных высказываниях различного типа - пословицах, сентенциях, афоризмах. Универсальные высказывания лаконичны, автосемантически, их особенности описаны в работах исследователей [Шмарина, 1975; Садовая, 1976; Манякина, 1981; Вяльцева, 1985; Гаврилова, 1986]. Выделяются следующие характеристики универсальных высказываний: 1) всевременная отнесенность: The only damage handcuffs do is to the human spirit (H. Fast) - "Наручники вредят только человеческому духу"; 2) наличие кванторов всеобщности - наречий, местоимений, отрицаний: Every bullet has its billet - "От судьбы не уйдешь"; 3) наличие контраста: All covet, all lose - "Все пожелать - все потерять"; 4) наличие специальных зачинов: He that hides can find - "Кто прячет, тот может найти"; 5) использование риторических вопросов: Can the leopard change his spots? - "Может ли леопард изменить свои пятна?" Главная характеристика универсальных высказываний - генерализация их значения и вытекающий отсюда модальный смысл: Pots and kettles may quarrel, but their colour is the same - "Горшки и чайники могут ссориться, но цвет у них одинаков". Генерализация значения приведенных высказываний приводит к тому, что типичной ситуацией их употребления является ситуация поучения. Речевым субъектом пословицы выступает человек, который демонстрирует свой более высокий статус умудренного жизнью носителя моральных норм общества. Не случайно в устах ребенка (в диалоге ребенка и взрослого)

пословица часто звучит неуместно. Пословицы обычно концентрируют бытийное, философское содержание, выражаемое в бытовой, обыденной форме, откуда и национально-культурная самобытность многих народных изречений, например, "На аллаха надейся, а верблюда привязывай".

Модальный смысл универсальных высказываний соединяет их с остальным текстом. В противоположность неуниверсальному высказыванию, поддерживаемому содержанием текста, пословица, сентенция, афоризм как бы инкрустируется в текст. Если модальный смысл пословицы не согласуется с текстом, то в нормальном дискурсе такое высказывание становится бессмысленным: "There is a large mustard mine near here. And the moral of that is - "The more there is of mine, the less there is of yours." (L.Carroll). Льюис Керролл конструирует омонимическую бессмыслицу в речи герцогини, высмеивая нудный стиль поучительных наставлений. Сказанная не к месту сентенция воспринимается как шутка или оскорбительный намек.

Смысл универсальных высказываний в тексте сводится, на наш взгляд, к двум видам подразумеваемых выводов: 1) "так бывает", т.е. "это возможно" и 2) "так должно быть". Различия в модальном смысле универсальных высказываний носят функциональный характер: смысл вероятности связан с функцией анафоры, сентенция с модальным смыслом вероятности приводится после рассуждений для доказательства путем обобщения, а смысл долженствования связан с функцией эрифоры, сентенция с модальным смыслом долженствования направлена проспективно:

They kissed each other, and Lucy went away - possessed of a confidence which had a strong influence over her subsequent impressions. Naggy had been thoroughly sincere: her nature had never found it to be otherwise. But confidences are sometimes blinding even when they are sincere. (G.Eliot).

"By the way, Dorian," he said after a pause, "what does it profit a man if he gain the whole world and lose - how does the quotation run ? - his own soul ?"

The music jarred and Dorian Gray started and stared at his friend. "Why do you ask me that, Harry ?" (O.Wilde). Сентенция в первом примере подводит итог изложению и выражает авторскую точку зрения на происходящее. Вероятностный смысл не дает определенного проспективного вывода. Евангельское изречение во втором примере подчеркнуто дидактично: "Какой смысл для человека приобрести весь мир, если он теряет собственную душу ?" Риторический вопрос направлен в будущее и обращен к собеседнику. Не случайно Дориан Грей сильно задет этим вопросом.

Инволютивное усиление признака отчетливо прослеживается в парадоксах. Приводя сентенцию или пословицу, говорящий присваивает себе право выносить оценку от имени общества. Формулируя парадокс, говорящий ставит под сомнение те или иные положения нравственного кодекса общества. Например: *Gossip is the art of saying nothing in a way that leaves practically nothing unsaid (W.Winchell)* - "Сплетни - это искусство не сказать ничего, но сделать это так, что фактически будет сказано все". *Ambition is the last refuge of the failure (O.Wilde)* - "Амбиции - последнее убежище неудачников". Парадоксы построены на эффекте обманутого ожидания, который усиливает признак понятия, подвергаемого расширительному переосмыслению. В отличие от пословиц сентенции и афоризмы являются речевыми произведениями индивидуальных авторов. Авторские универсальные высказывания часто построены на необычной метафоре, на необычном и парадоксальном сочетании понятий. Таковы афоризмы шестилетнего мальчика, о котором писала "Литературная газета": "Плечи нужны, чтобы гордиться и пожимать ими", "Легенда ? - Бывшая правда", "Звон ? - Крик предмета", "Поколение ? - Люди из жизни в жизнь", "Зритель ? - Тот, кто сидит и завидует", "Философы ? - Расширители проблем"²⁷. 27Е.Глушаков. Шестилетний Саша - "расширитель проблем" // Литературная газета. - 1 октября 1980 (N 40).

В качестве способов инволютивного усиления признаков в тексте мы выделяем недосказанность, неясность и символизацию.

"Пожалуй, спартанцам было дано от природы кратко говорить с другими, ведь краткость обладает большей мощью еще и потому, что она повелительна, тогда как пространственность уместна в мольбах и просьбах. Поэтому и иносказательные выражения обладают той же силой, что и немногословность, ведь когда сказано немногословно, основное подразумевается так и при иносказании," - отмечает античный ритор Деметрий и приводит пример письма тирана Дионисия жителям осажденного города: "У вас цикады запоют с земли." [Деметрий, 1978:276]. Эта угроза более сильна, чем ее истолкование: "У вас не останется ни одного дерева". Таково инволютивное усиление признака социального статуса.

Недосказанность в прямой речи персонажа эксплицируется в авторской речи: "Could you get a servant in ?" - "I could get a charwoman, anyhow," she said unwillingly. (A.Bennett). В данном примере героиня не хочет признаваться в своей бедности и в то же время не может скрыть действительного положения дел. Поэтому реплика "Вообще-то, можно было бы нанять поденщицу" содержит смысл "Я не хочу об этом говорить". Признак волеизъявления открыто выражен в авторской речи.

Разные модусные признаки могут выводиться из одного и того же текста: "Some men act. Others talk," Scott snapped. (F.Knebel, C.Bailey). Модальность долженствования накладывается на отрицательную оценку в виде слабо замаскированной инвективы: "Некоторые люди действуют. Другие разговаривают," - огрызнулся Скотт". Из реплики генерала вытекают два вывода: "Вы - болтун" и "Вы должны действовать".

Помимо недосказанности важным способом актуализации подтекстовой информации является намеренная неясность, нечеткость речи. Рассматривая прагматику лексической специализации, Д.Крус выделяет несколько типов намеренной неспециализации: 1) выражение сочувствия ("Poor creature !"), 2) нежелание отвечать ("Where are you going ?" - "Out.", 3) желание показать свое близкое знакомство с предметом речи (a diamond - "a stone", a violine - "an instrument") [Cruse, 1977:163]. Примером намеренной неясности является также бюрократический канцелярский язык чиновников.

Авторское инволютивное усиление признака образуется при символическом переосмыслении исходного текста. Например: "Bolivar cannot carry double." (O.Henry). В рассказе О.Генри эту фразу дважды произносит Додсон, убивая своего приятеля физически во сне и морально наяву. Текст "Боливар не выдержит двоих" ассоциируется с подтекстом "Я должен тебя убить". Символический подтекст высказывания цементирует содержание всего текста: "The mills of the God grind slowly, but they grind exceedingly small." (S.Maughan). Предложение "Мельницы Бога мелют медленно, но предельно мелко", т.е. "Бог долго ждет, но больно бьет", имеет модальную импликацию "Расплата может прийти не сразу, но от нее невозможно скрыться". Символический подтекст этой якобы библейской поговорки в устах сына художника Стрикленда означает: "Он заслужил свое." Этой оценкой обыватели выражают свое отношение к художнику, покинувшему их.

Стилистико-статусное значение выражается в суперстандартном и субстандартном общении. Общение на суперстандартном уровне представляет собой поддержание маркированных статусных отношений в условиях неопределенной либо нарушаемой статусной индикации и в условиях функциональной стилизации общения. Общение на субстандартном статусном уровне представляет собой произвольную регулировку статусных отношений в зависимости от взаимоотношений коммуникантов и обстоятельств общения. Суперстандартное и субстандартное общение не являются симметричными.

Ситуативная вариативность языка выражается в речевых регистрах. Применительно к суперстандартному и

субстандартному общению речевой регистр включает слова и выражения высокого и сниженного тона, стилистически транспонированные единицы речеповеденческие модели, свойственные тому или иному регистру.

Разграничиваются три семиотически обусловленных типа стилистической вариативности языковых единиц: по точности обозначения, по сложности линейной организации и по заданной силе воздействия. По точности обозначения противопоставляется гиперсемантизация и гипосемантизация, гиперсемантизация может быть информативной и эмотивной. Гипосемантизация может быть индексом низкого социального статуса человека. Гиперкорректная функциональная гиперсемантизация также свидетельствует о недостаточно высоком социальном статусе человека. По сложности линейной организации противопоставляется гиперлинеаризация и гиполинеаризация высказывания. Примитивное оформление речи связано с эгоцентрической манерой изложения, свойственной недостаточно образованным людям. По заданной силе воздействия противопоставляется гиперпрагматизация и гипопрагматизация текста. Как увеличение, так и намеренное уменьшение воздействия на адресата свидетельствует о статусе отправителя речи.

Средствами выражения стилистико-статусного значения являются также модные и манерные слова и выражения, различные пропагандистские клише, формальные слова и коллоквиализмы. Стилистико-статусное значение выражается в эволютивном и инволютивном усилении признака в тексте. Эволютивное и инволютивное усиление признака может быть традиционным и авторским. Инволютивное усиление признака в тексте выражается как неопределенность, намеренная неясность и символизация.

ВЫВОДЫ

Социальный статус человека представляет собой семантическую категорию, планом содержания которой является отношение неравенства между участниками общения, а планом выражения – система лингвистических и паралингвистических индексов, включающих способы подчеркивания своего положения и положения партнера, способы подчеркивания различия между своим положением и положением партнера и способы выражения своего отношения к различию между своим положением и положением партнера.

Содержание категории социального статуса представлено в виде признакового комплекса, в котором устанавливается внутренняя и внешняя организация признаков. Внешняя организация признаков социального статуса объясняет его модусную природу: совокупность признаков социального статуса как целостное образование соотносится с

признаковыми комплексами модальности, оценки, стилистического регистра, эмотивности, экспрессивности, дейксиса, а также другими модусными признаковыми комплексами. Внутренняя организация признаков социального статуса раскрывается как совокупность признаков статусного индекса, т.е. обращенности говорящего к адресату либо третьему лицу, статусного вектора, т.е. отношения вышестоящего к нижестоящему либо нижестоящего к вышестоящему, и статусной репрезентации, т.е. выражения отношения нижестоящего к вышестоящему посредством возвышения позиции вышестоящего и/или посредством понижения позиции нижестоящего. Внутренняя организация признаков социального статуса имеет оппозитивную природу. Системообразующим статусным признаком является признак статусного вектора.

Категориальный признак социального статуса человека объективно выделяется в лексической семантике на основании дедуктивного, индуктивно-формального и индуктивно-содержательного моделирования языковых категорий. Дедуктивное моделирование определяет логику исследования категориальных признаков, индуктивно-формальное моделирование направлено на выявление способов выражения категориальных признаков, индуктивно-содержательное моделирование раскрывает содержательную организацию категориальных признаков. Категориальный признак социального статуса получает различные способы выражения в лингвистической семантике: грамматическая категоризация (в некоторых языках с формантами статусных отношений), лексико-грамматическая организация (в системах обращения), лексико-семантическая и лексико-стилистическая категоризация (в значении слов, описывающих и выражающих отношения неравенства между участниками общения).

В семиотической модели описания значения слова разграничиваются содержательные признаки и аспекты их изучения. Трех сторонам знака – семантике, синтактике и прагматике – соответствуют три аспекта рассмотрения лексического значения – классификация, трансформация и интерпретация. Установлены классификационные, трансформационные и интерпретационные типы компонентов в толковании значения слова.

Совокупность признаков социального статуса человека выступает как целостное образование, как единый признак на уровне лексической семантики. Этот признак включается в качестве компонента значения в словозначение, имеет различный вес в значении разных слов, может быть ядерной либо периферийной частью словозначения, может быть усилен либо нейтрализован контекстуально. Разграничивается специализированное и компонентное выражение признака социального статуса в лексической семантике.

Специализированное выражение категориального признака может быть грамматическим и лексико-грамматическим, компонентное выражение – лексическим, лексико-семантическим и лексико-стилистическим.

Специализированное выражение признака социального статуса в английском языке проявляется как парадигма вокативности. Вокативы выполняют функцию установления и поддержания контакта между участниками общения. Выделяются стандартные и нестандартные вокативы, критерием стандартности вокатива выступают формальные и содержательные (семантические и прагматические) ограничения. Стандартные вокативы разбиваются на пять групп: неопределенные, статусные, дейктические, антропонимические и эмотивные вокативы. Статусные вокативы могут быть общими и специальными, последние распадаются на прямые и опосредованные. Для английского языка типична слабая степень статусной репрезентации, т.е. возвышение статуса адресата без принижения собственного статуса.

Компонентное выражение признака социального статуса проявляется в комбинаторике соответствующего признака в составе словозначения. Типология компонентного выражения признака социального статуса строится на основании трех критериев: 1) степень выраженности (прямое, непосредственно и опосредованно ассоциируемое выражение признака), 2) комбинаторная обусловленность (статусный, статусно-связанный и статусно-нейтральный признак), 3) тематика статусно-связанных признаков (модальные, персональные, оценочные и стилистические признаки).

Словозначения с модально-статусным признаковым комплексом обнаруживают определенное сходство со словозначениями, в составе которых выделяется статусный признак. По комбинаторной обусловленности выделяются модальные, модально-связанные и модально-нейтральные признаки. Модально-связанные признаки могут иметь структурную и понятийную природу, один из типов модально-связанного понятийного признака является признаком статуса. В модально-статусном комплексе модальные признаки выступают как пресуппозиции актуального и претендуемого права, вынужденного и намеренного поведения. Преобладающим признаком является признак актуального права. Признак социального статуса проявляется как официальность/ неофициальность ситуации и фиксированность/ нефиксированность агенса в глагольном значении. Статусный признак соотносится с активным источником действия и с особыми способностями/ неспособностями человека к совершению действия. Инструментальная, потенционная и персональная модальность выступают в качестве системного контекста для модально-статусного признакового комплекса.

Персонально-статусное значение представляет собой признаковый комплекс социального статуса и одного из признаков личности - одушевленности, числа, рода и дейксиса. Персонально-статусное значение часто комбинируется с оценочным значением. Дейктический признак лица связан с перформативностью, возможностью употребления в императиве и эпистемической модальности.

Оценочно-статусное значение, моделируемое в работе на материале существительных-пейоративов, представляет собой конкретизацию норм аксиологического кодекса, зафиксированного в языке. Этот кодекс эксплицируется в оценочных суждениях - пословицах, сентенциях, правилах поведения. Слова пейоративного значения предназначены прежде всего для употребления в функции инвективы, оскорбления. Выделяются общие и специальные пейоративы, последние разбиваются на группы слов объективной и субъективной отрицательной оценки. Отрицательная оценка объекта мотивируется двумя принципиальными факторами: несостоятельность человека и неуважительное отношение человека к другим людям. Установлены типовые субъекты и объекты отрицательной оценки в английском языке. Противоречивость ценностных норм, отраженных в языке, объясняется многообразием типовых словарных субъектов оценки.

Стилистико-статусное значение прослеживается в употреблении слов, относящихся к суперстандартному и субстандартному типу общения. Маркированный статусный признак устанавливается в употреблении слов с повышенной и пониженной точностью обозначения, в модных, манерных и формальных оборотах речи, в развертывании и свертывании текста. В свернутом тексте основная информация передается через подтекст при помощи недосказанности, неясности и символизации. Использование символического подтекста выражает позицию говорящего, присваивающего себе статус носителя общественных норм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык социального статуса представляет собой сложную систему значений соотносительного неравенства между участниками общения. Эти значения выражаются в жизненных стилях людей, культурных ценностях и нормах поведения и поэтому многообразно представлены в языке как средство общения.

Возможны различные подходы к изучению социального статуса человека. В данной работе была сделана попытка комплексного рассмотрения социального статуса в лингвистике, а именно в социолингвистическом, прагмалингвистическом и лингвосемантическом аспектах.

Изучение социального статуса человека в социолингвистическом аспекте дает возможность установить многомерные отношения статуса как категории социологии, психологии, этнографии и лингвистики. Наиболее важные, на наш взгляд, междисциплинарные характеристики понятия социального статуса человека сводятся к следующим положениям: 1) общественно значимые различия между людьми имеют биологическую и социальную природу и типизируются в системе социальных признаков индивида, 2) социальные признаки индивида образуют иерархию в соответствии с ценностями определенного сообщества в определенный период, 3) социальные признаки индивида неоднородны в различных отношениях, группируются в признаковые комплексы и могут быть измерены, 4) социальный статус человека раскрывается в ролевых, дистанционных и нормативных характеристиках поведения, обусловленных социально-экономическими и культурно-этическими факторами общественной жизни, 5) ролевые, дистанционные и нормативные характеристики поведения отражаются в стратегиях и средствах невербального и вербального общения.

Ролевые, дистанционные и нормативные характеристики поведения составляют концептуальное ядро категории социального статуса человека в социолингвистике и раскрываются в признаках речевого поведения, стратификационной позиции и стиля жизни.

Выделены два плана анализа социального статуса человека как категории социолингвистики: индикация и оценка социального статуса.

В качестве индексов социального статуса выступают особенности одежды, жилья, манер, способов времяпрепровождения тех или иных групп населения. Индексы социального статуса имеют знаковую природу, и поэтому тот или иной индекс престижного либо избегаемого стиля жизни может абсолютизироваться и терять свое исходное содержание, превращаясь в формальный показатель принадлежности людей к определенной группе общества. Статусные индексы играют

важную роль в формировании социальных стереотипов, в частности, при создании образа врага, в практике политического, педагогического, терапевтического и рекламного воздействия.

Индикация статуса прослеживается в непосредственных и опосредованных человеческих контактах, т.е. в соблюдении дистанции между участниками общения (при этом вышестоящий участник общения более свободен в установлении, поддержании и изменении дистанции, чем нижестоящий участник общения) и в социальных нормах межличностного общения (представителям различных социальных групп свойственны различные, порой диаметрально противоположные, понимания своей личной территории, своего права вступать в контакт с другими людьми и т.д.).

Статусная индикация речи показывает, что невербальные индексы статуса имеют приоритетное значение в нормальном общении; в случае рассогласования вербальных и невербальных статусных индексов люди испытывают серьезные трудности в общении. Статусная индикация речи прослеживается в произношении, выборе слов и соблюдении правил нормативной грамматики со стороны представителей разных групп населения. Выделяются специфические характеристики речи образованных и менее образованных людей, мужчин и женщин, взрослых и детей, людей, говорящих на родном и неродном языке, использующих развернутый и ограниченный речевой код.

Оценка социального статуса проявляется в демонстрации уважения и соблюдении вежливости.

Уважение как показатель оценки социального статуса проявляется в речи посредством частого использования вежливых обращений, описательных выражений уважения, модальных операторов снижения категоричности высказывания. Нижестоящий участник общения в меньшей мере свободен в выборе обращений, в коммуникативной инициативе, в выражении несогласия с партнером.

Вежливость в англоязычном обществе понимается главным образом как отсутствие посягательства на свободу партнера. Статусно-оценочное поведение определяется позицией говорящего, взаимосвязью говорящего и адресата и способом языкового выражения. Позиция говорящего раскрывается в эмоционально-волевом самоконтроле, рефлексии и векторе саоуважения, взаимосвязь говорящего и адресата выражается в реакции партнера и векторе зависимости. Пересечение названных признаков статусно-оценочного поведения образует матрицу для анализа поведенческих стратегий в статусно-маркированном общении.

Индикация и оценка социального статуса человека выражаются как в неофициальном, так и в официальном поведении людей. Официальное поведение стандартизируется в формулах этикета, специфических моделях поведения, принятых

в определенном обществе в определенный период. Этикетное поведение соотносится с церемониальным и ритуальным поведением, наиболее существенные характеристики этикетного поведения кодифицируются в юридических терминах.

Поведенческие характеристики англоязычного речевого сообщества выражаются в высокой степени самоконтроля, традиционализме, сублимации конфликтов. Пространство этикетных соотношений включает приоритет позиции, тип дистанции, алгоритм поведения, требуемые/запрещаемые формы поведения, степень допустимых отклонений от соответствующих форм поведения. Этикет идиоматичен, вместе с тем выделяются этикетные константы, к которым относятся порядок приоритетов, использование титулов для лиц с высоким социальным статусом, образование статусных коннотаций в различных комбинациях полного и сокращенного имени.

В прагмалингвистическом аспекте раскрывается ситуативная сторона социального статуса человека.

Социальный статус человека как категория прагмалингвистики основывается на постулатах общения и прежде всего на постулате вежливости. Признак социального статуса является существенным критерием для построения классификации речевых актов, подразделяемых на статусно-нейтральные и статусно-маркированные, последние в свою очередь распадаются на статусно-лабильные и статусно-фиксированные речевые акты. Статусно-фиксированные речевые акты противопоставляются по направлению статусного вектора: речевые акты с нисходящим и восходящим статусным вектором. Признак социального статуса является важнейшим ориентиром в косвенных речевых актах и в случае коммуникативных затруднений актуализируется в первую очередь: люди выясняют, не связано ли нарушение взаимопонимания с сознательным понижением их статуса со стороны партнера по общению.

К числу сложных статусно-маркированных речевых актов относятся комплименты. Мера этикетности в ответах на комплимент отражает степень иерархичности/ демократичности общества. В речевых актах просьбы и извинения выделяются ядерные и дополнительные компоненты речевых актов. Дополнительные компоненты в статусно-маркированных речевых актах служат в качестве средств подчеркивания более высокого статуса адресата.

Социальный статус человека является объектом и инструментом политического воздействия. В политическом воздействии влияние на адресата оказывается посредством авторитета, аргументации, манипуляции и силы. При возрастании иррационализма в обществе происходит последовательная редукция способов влияния. Уровень общественной организации отражается в способах статусной демонстрации.

Социальные отношения между партнерами по общению проявляются через различные параметры коммуникации: степень спонтанности речи, тематическая фиксированность, речевые жанры, этикетная скованность, логическая стройность и др. Ситуативные параметры коммуникации отражены в компонентах модуса, наиболее существенными модусными категориями с точки зрения статусных отношений являются категории говорящего и адресата речи. Статус адресата учитывается в теории и практике массовой информации, именно поэтому воздействие посредством авторитета или силы превалирует по отношению к воздействию посредством аргументации. Статус адресата определяет типы вопросов, используемых как в официальном, так и в обыденном общении.

Структура статусно-маркированной ситуации моделируется в данной работе как соотношение статусного и ситуативного неравенства. Коммуникативные ситуации делятся на статусно-нейтральные и статусно-маркированные, последние распадаются на три типа: ситуации социального, ситуативного и социально-ситуативного неравенства. В структуре статусных отношений выделены пять типовых компонентов: 1) партнеры коммуникации, 2) статусные векторы партнеров, 3) мотивация статусных векторов, 4) динамика статусных отношений, 5) статусно-связанные и статусно-нейтральные обстоятельства. Партнеры статусно-маркированной ситуации моделируются при помощи категорий падежной грамматики и включают 1) агенса, источника коммуникативного действия по отношению к другим участникам ситуации, 2) пациенса, одушевленного объекта целенаправленной деятельности агенса, 3) контрагенса, участника коммуникативного действия в ситуациях разрешения и запрета, 4) респондента, участника коммуникативного действия в ситуациях просьбы, 5) суперагенса, участника коммуникативного действия, от имени и по поручения или по принуждению которого агенс выполняет то или иное действие по отношению к пациенсу, контрагенсу или респонденту. По степени свободы действия участники статусно-маркированной ситуации располагаются в убывающей последовательности: суперагенс -- респондент -- агенс -- контрагенс -- пациенс.

Статусно-маркированные акты, отраженные в семантике глаголов, противопоставляются по признакам официальности (юридические и моральные/ эмоционально-волевые акты), динамики (дискретные акты поведения и недискретные акты руководства), конкретности (фрагменты действия и действия в целом), имманентности (действия, не получающие и получающие внешнюю оценку). На основании приведенных признаков разграничиваются статусно-маркированные акты 1) юридического и церемониального действия, 2) морального воздействия, 3) руководства, подчинения и изменения подчинения, 4) получающие внешнюю оценку. В результате анализа синонимических толкований глаголов морального и

юридического воздействия (ситуация оценочного суждения) в семантике этих глаголов выделены типовые компоненты, имеющие фреймовый характер: 1) Б совершил поступок, имеющий отношение к А, 2) А квалифицирует этот поступок как положительный или отрицательный, 3) А высказывает свое мнение об этом поступке, 4) А совершает действие, связанное с оценкой, по отношению к Б. Анализ текстового материала показывает, что статусно-маркированная оценка поведения варьирует по степени категоричности, серьезности и конкретности. Перлокутивный эффект статусно-маркированных суждений со стороны объекта критики бывает выраженным и невыраженным, выраженный эффект состоит в признании вины либо в протесте, который направлен в сторону факта либо интерпретации факта. Протест по интерпретации факта ставит под сомнение статус агенса как субъекта, имеющего право на моральную или юридическую оценку.

Лингвосемантический аспект социального статуса человека представляет собой освещение категоризации социального статуса в семантической системе языка. Определены категориальные характеристики признака социального статуса, которые представлены в следующей категориальной формуле: Модус (Статус (Индекс (Вектор (Репрезентация))) + Модальность + Оценка + Стилистический регистр + Эмотивность + Экспрессивность + Дейксис + ...) + Диктум. В приведенной формуле показано место категории социального статуса в системе модусных категорий и строение категории социального статуса, включающей признаки социального индекса, статусного вектора и статусной репрезентации. Установлены пути выделения категориального признака социального статуса: дедуктивное, индуктивно-формальное и индуктивно-содержательное моделирование языковых категорий. Выявлены типы категоризации признака социального статуса: грамматическая, лексико-грамматическая, лексико-семантическая и лексико-стилистическая категоризация.

Описание категориальных признаков применительно к лексической семантике основывается на семиотических сторонах знака. Сущность слов, преимущественно обозначающих явления внешнего мира, т.е. семантических единиц, раскрывается посредством классификации как приема толкования значения; слова, обозначающие связи и отношения между явлениями, т.е. синтаксические единицы, толкуются посредством трансформации и, наконец, слова, значение которых ориентировано на выражение субъективного отношения говорящего к миру и собеседнику, т.е. прагматические единицы, объясняются посредством интерпретации. Многие словозначения включают семантическую, синтаксическую и прагматическую часть в разных пропорциях, поэтому применение двухмерной матрицы, образованной пересечением

единиц и аспектов изучения значения, позволяет выявить знаковую специфику соответствующих типов словозначений.

Разграничивается специализированное и компонентное выражение категориального признака социального статуса человека в лексической семантике.

Специализированное выражение признака социального статуса в английском языке устанавливается в семантике слов, употребляемых в функции обращения. Слова, используемые как обращения (вокативы), выделяются на основании формальных и содержательных ограничений, препятствующих употреблению любых слов в вокативной функции. Формальные ограничения носят частеречный характер, содержательные ограничения распространяются на описательные корреляты обращений и на коннотативно нагруженные слова, использование которых окказионально. Выделенные таким образом стандартные вокативы распадаются на классы неопределенных и определенных вокативов, последние делятся на статусные, дейктические, антропонимические и эмотивные вокативы. Статусные вокативы – наиболее важный подкласс вокативов – разбиваются на общие и специальные, т.е. на универсальные обращения и обращения, используемые по отношению к лицам, занимающим определенное высокое место в иерархической системе общества. К лицам, занимающим высшие посты в государственной или церковной иерархии, принято удвоенное обращение – прямое и опосредованное. Опосредованное обращение является выражением статусной репрезентации: говорящий прибегает к отстранению от адресата посредством косвенного обращения, тем самым увеличивая социальную дистанцию между собой и вышестоящим адресатом. Выделяется сильная и слабая степень статусной репрезентации: 1) гоноративное и гумилиативное подчеркивание статусного вектора, 2) гоноративное подчеркивание статусного вектора. Сильная статусная репрезентация представлена в языках с грамматически выраженной категорией социального статуса.

Компонентное выражение признака социального статуса в английском языке устанавливается в словозначениях с признаковыми комплексами модальности и статуса, персональности и статуса, оценки и статуса, стилистического регистра и статуса. Выделены три типовых комбинаторных комплекса применительно к любому рассматриваемому модусному признаку: статусный, статусно-связанный и статусно-нейтральный признак в составе словозначения (сравните: модальный, модально-связанный и модально-нейтральный признак и т.д.). Модусные признаки являются системным контекстом для статусного признака.

Статусно-связанные признаки модальности выражены в субкатегориальных значениях актуального права, претендуемого права, вынужденности, намеренного поведения,

активности, особых способностей/ неспособностей к определенным действиям; статусно-связанные признаки персональности выражены в значениях числа, рода и дейксиса; статусно-связанные признаки оценки выражены в значениях онтологических и этических отрицательных характеристик личности (несостоятельность человека и неуважение человека к другим людям); статусно-связанные признаки стилистического регистра выражены в значениях суперстандартной и субстандартной отнесенности общения, выделяются суперстандартные стилистические признаки функциональной и художественной гиперсемантизации, индексальной гиперпрагматизации и инволютивного и эволютивного усиления статусного значения в тексте. Статусно-связанные признаки неоднородны, связаны между собой в признаковые комплексы и образуют единое модусное поле. Статусно-связанные признаки в значении слова соответствуют косвенным индексам социального статуса в социолингвистической модели статусного значения.

В результате комплексного рассмотрения социального статуса в лингвистике удалось установить категориальную формулу социального статуса, раскрыть специфику модусных признаков в значении слова на материале английского языка, объяснить комбинаторную обусловленность модусных признаков в лексической семантике, разработать семиотически-ориентированную модель описания лексического значения в плане классификации, трансформации и интерпретации, описать типы специализированного выражения статусного признака, осветить структуру статусно-маркированной ситуации, построить две взаимодополнительные классификации статусно-маркированных поведенческих актов (дедуктивная и индуктивная классификация), показать специфику прагмалингвистической категории социального статуса в плане речеактовых отношений, видов воздействия и параметров коммуникативной ситуации, охарактеризовать англоязычный этикет в поведенческом и нормативном аспектах, выявить социолингвистические характеристики статусной оценки в виде отношения уважения и стратегий вежливости, определить типы социальной индикации, закрепленные в жизненных стилях (преимущественно на материале англоязычного общества) и отраженные в значении слов и невербальных знаков общения, обобщить в концептуальной модели социального статуса стратификационные и ситуативные характеристимики общения, выделенные в литературе по социолингвистике, социальной психологии и общему языкознанию, сопоставить различные подходы к изучению социального статуса человека в гуманитарных науках.

Исследовательские структуры, подходы к изучению категорий, классификации речевых и поведенческих актов, семантических признаков и признакововых комплексов,

выделенные типы словарных личностей могут быть использованы в языкознании при разработке проблем социолингвистики, прагмалингвистики и лингвосемантики. Изучение языка социального статуса представляет собой подход к построению категориальной лингвистики – теории языка, посвященной системе речевых и языковых категорий различного порядка. Построение такой теории позволит, как нам представляется, значительно расширить объяснительную мощь науки о языке в системе гуманитарного знания.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). - Л.:Наука, 1975. - 276 с.
- Агаханянц Л.С. Прагматический компонент содержания слова и особенности его актуализации в тексте (на материале имен существительных - обозначений лица в современной английской прозе): Автореф.дис. ...канд.филол.наук. - Ташкент,1989. - 24 с.
- Азнабаева Л.А., Чаньшева З.З. Фатическое общение: этнокультурный аспект // Собрание-семинар "Этнопсихолингвистические аспекты речевого общения". Тезисы докладов. Часть 1. - М.- Самарканд,1990. - С.5-6.
- Акиншина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. - М.:Рус.язык,1975. - 183 с.
- Адамушко Н.И. Структурно-семантические особенности фразеологической номинации обращения // Сб.науч.тр. МГПИИЯ им.М.Тореза. Вып.290. Семантика, прагматика, текст. - М.,1987. - С.4-11.
- Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. - Ташкент: фан,1988. - 121 с.
- Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. - Грозный: Книга,1990. - 368 с.
- Алпатов В.М. Категории вежливости в современном японском языке. - М.:Наука, 1973. - 110 с.
- Алпатов В.М. Система личных местоимений 1-го и 2-го лица в современном японском языке // Теория и типология местоимений. - М.:Наука,1980. - С.3-26.
- Альбедиль М.Ф. Регламентация поведения в связи с четырьмя стадиями жизни в индуизме // Этнические стереотипы поведения. - Л.:Наука,1985. - С.65-94.
- Антонова М.К. Пословицы как фрагмент поля побудительности в английском языке // фразеологическая система немецкого и английского языков: Сб.науч.тр. /Челяб.гос.пед.ин-т. - Челябинск, 1979. - С.113-116.
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М.:Наука,1974. - 367 с.
- Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. - М.: Ин-т языкознания АН СССР,1988. - С.7-44.
- Апридонидзе Ш.Т. Формы обращения в грузинском языке: социолингвистический аспект функционирования // Вопросы социолингвистики. Материалы советских социолингвистов к XII всемирному конгрессу социологов. - М.:ИНИОН АН СССР,1990. - С.130-131.
- Арабаджян М.А. Социальная дифференциация субстандартной фразеологии американского варианта современного английского языка: Автореф.дис. ...канд.филол.наук. - М.,1990. - 25 с.

- Арнольд И.В. Семантическая структура слова и методика ее исследования. - Л.: Просвещение, 1966. - 192 с.
- Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и "почему"-реплики в русском языке // Филологические науки. - 1970, N 3. - С.44-58.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. - М.: Наука, 1976. - 383 с.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1988. - 341 с.
- Арутюнова Н.Д., Булыгина Т.В. Морфология // Общее языкознание (внутренняя структура языка). - М.: Наука, 1972. - С.210-258.
- Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Лингвистическая прагматика. - М.: Прогресс, 1985. - С.3-42.
- Архипов И.К. Человеческий фактор в языке // Лексическая, категориальная и функциональная семантика: Сб. науч. тр. - Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1990. - С.3-10.
- Аршавская Е.А. Речевой этикет современных американцев США (на материале приветствий) // Национально-культурная специфика речевого поведения. - М.: Наука, 1977. - С.268-277.
- Байбурин А.К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. - Л.: Наука, 1985. - С.7-21.
- Байбурин А.К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии. - М.: Наука (Глав. ред. вост. лит.), 1988. - С.12-37.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. / Пер. с фр. - М.: Изд-во иностр. лит., 1955. - 416 с.
- Басманова А.Г. Именные грамматические категории в современном французском языке. - М.: Высш. шк., 1977. - 198 с.
- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1986. - С.250-296.
- Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. - Нальчик: Эльбрус, 1978. - 159 с.
- Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. - Нальчик: Эльбрус, 1983. - 229 с.
- Безменова Н.А., Герасимов В.И. Некоторые проблемы теории речевых актов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики: Сб. науч.-аналит. обзоров. - М.: ИНИОН АН СССР, 1985. - С.146-196.
- Бейлина Е.П. Синтаксические конструкции и семантико-грамматические свойства обращений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Алма-Ата, 1975. - 24 с.
- Белашова Е.А. Типология признаков представления статусов лица в процессе исторического развития русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Днепропетровск, 1980. - 19 с.

- Белл Р.Т. Социоллингвистика. Цели, методы, проблемы / Пер. с англ. - М.:Международные отношения,1980. - 318 с.
- Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. - 180 с.
- Беляева Е.И. Семантическое содержание и прагматический диапазон языковых форм // Семантические и функциональные аспекты германских и романских языков. Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции. - Курск, 1990. - С.23-25.
- Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. - 136 с.
- Беляевская Е.Г. Семантика слова. - М.:Высш.шк.,1987. - 128 с.
- Бердникова Л.П. Значение вопросительности и средства его выражения в современном английском языке // Вопросы семантического синтаксиса современного английского языка: Сб.науч.тр. - Пятигорск: Изд-во ПГПИИЯ,1979. - С.35-46.
- Бирюлин Л.А. Презумпции побуждения и прагматика императива // Типология и грамматика. - М.:Наука,1990. - С.162-173.
- Бирюлин Л.А., Корди Е.Е. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. - Л.:Наука,1990. - С.67-71.
- Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. - М.:Высш.шк., 1986. - 160 с.
- Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. - М.: Изд-во АН СССР,1963. - Т.1 - 384 с., Т.2 - 391 с.
- Богданов В.В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы: Сб.науч.тр. - Калинин: Изд-во Калинин.ун-та,1986. - С.12-18.
- Богданов В.В. Риторика и прагматика // Риторика и синтаксические структуры. Тезисы докладов и сообщений. - Красноярск, 1988. - С.11-14.
- Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. - Л.: Изд-во ЛГУ,1990. - 88 с.
- Богин Г.И. Типология понимания текста. - Калинин: Изд-во Калинин.ун-та,1986. - 86 с.
- Богомолова Н.Н., Стефаненко Т.Г. Образы американца и советского человека в восприятии московских студентов и на страницах молодежной прессы // Вестник МГУ им.М.В.Ломоносова. Психология.- 1991, N 3. - С.3-11.
- Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. - М.: Просвещение, 1987. - 160 с.
- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и основы аспектологии. - Л.:Наука,1983. - 208 с.

- Бондарко А.В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. - М.:Наука,1985. - С.16-29.
- Брайт У. Введение: Параметры социолингвистики // Новое в лингвистике. Вып.7. Социолингвистика. - М.:Прогресс,1975. - С.34-41.
- Брум Л. Социальная дифференциация и стратификация // Социология сегодня: проблемы и перспективы / Пер. с англ. - М.:Прогресс,1965. - С.477-492.
- Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. - М.:Наука,1980. - С.320-355.
- Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики // Изв.АН СССР. Сер. лит. и яз. Т.40. - 1981, N 4. - С.333-342.
- Булыгина Т.В., Крылов С.А. Категория // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С.215-216.
- Бюлер К. Теория языка // Звегинцев В.А.. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. - М.:Просвещение,1965. - С.22-28.
- Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре современного английского языка: Автореф.дис. ...д-ра филол.наук. - Л.,1985. - 34 с.
- Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып.5. Языковые универсалии. - М.:Прогресс, 1970. - С.163-249.
- Велтистова А.В. Обращение в современном английском языке (в сопоставлении с русским): Автореф. дис. ...канд.филол.наук. - Л.,1964. - 28 с.
- Вендлер З. О слове good // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.10. Лингвистическая семантика. - М.:Прогресс,1981. - С.531-554.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. - М.:Рус.язык,1980. - 320 с.
- Ветрова О.Г. Вокативные предложения в современном английском языке: Автореф. дис. ...канд.филол.наук. - Л.,1982. - 20 с.
- Виденов М. Социални параметри на средствата за езиков контакт // Език и литература. - 1980, N 2. - С.97-111.
- Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. - М.:Наука,1975. -С.53-88.
- Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). - Изд.3-е. - М.:Вышш.шк.,1986. - 640 с.
- Винокур Т.Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция // Язык и личность. - М.:Наука,1989. - С.11-23.

- Возиянова Н.В. Семантическая структура и текстовые функции глаголов речи: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. - М., 1991. - 26 с.
- Волошин Ю.К. Американский студенческий социолект // Лингвистические единицы разных уровней в языке и речи: Сб. науч. тр. - Краснодар: Изд-во Кубанск. ун-та, 1988. - С. 15-20.
- Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. - Л.: Прибой, 1929. - 188 с.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 1985. - 228 с.
- Воркачев С.Г. К семантическому представлению дезидеративной оценки в естественном языке // Вопросы языкознания. - 1990, № 4. - С. 86-92.
- Воробьева О.П. К вопросу о таксономии адресата художественного текста // Текст и его категориальные признаки: Сб. науч. тр. - Киев: Изд-во КГПИИЯ, 1989. - С. 39-46.
- Восканян Г.Р. Структура, типы, контексты функционирования комиссивных и эмфатических асертивных высказываний в современном английском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Пятигорск, 1985. - 16 с.
- Вуд Дж., Серре Ж. Дипломатический церемониал и протокол / Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1976. - 396 с.
- Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. - М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. - 519 с.
- Вяльцева С.И. Речевое использование английских пословиц: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. - М., 1977. - 16 с.
- Гаврилова Е.Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Филологические науки. - 1986, № 3. - С. 56-62.
- Газиева Г.А. Обращение как коммуникативная единица языка (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. - Ташкент, 1988. - 24 с.
- Гадамер Г.Х. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. - М.: Прогресс, 1988. - 704 с.
- Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. - М.: Наука, 1972. - С. 367-395.
- Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностранные языки в школе. - 1982, № 5. - С. 11-17.
- Гак В.Г. Отношение носителей языка к своему языку как проявление национально-культурной специфики языкового поведения // Национально-культурная специфика речевого поведения. Тезисы докладов. - М., 1991. - С. 6-7.
- Гамперц Дж. Дж. Типы языковых обществ // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. - М.: Прогресс, 1975. - С. 182-198.

- Гарская Л.В., Маковецкая Н.А. Семантические отношения членов синонимического ряда со значением "вежливый" (Опыт типологического исследования на материале английского и русского языков) // Функционирование языковых единиц в речи и в тексте: Сб.науч.тр. - Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1987. - С.109-118.
- Гелашвили М.А. Установка как функция // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия. - Киев: Наук.думка, 1990. - С.28-36.
- Германова Н.Н. Национально-культурная специфика речевых реакций на комплимент // Собрание-семинар "Этнопсихолингвистические аспекты речевого общения". Тезисы докладов. Ч. 1. - М.-Самарканд, 1990. - С.24-26.
- Голикова Ж.А. О социолингвистической обусловленности фразеологических единиц (на материале слэнгизмов современного английского языка) // Сб.науч.тр. МГПИИЯ им.М.Тореза. Вып.211. Фразеологическая семантика (германские и романские языки). - М., 1983. - С.41-51.
- Голованивская М.К. Социолингвистическая адаптация как одна из постоянных характеристик любого текста // Психолингвистические исследования: звук, слово, текст: Сб.науч.тр. - Калинин: Изд-во Калинин.ун-та, 1987. - С.144-151.
- Головин Б.Н. Вопросы социальной дифференциации языка // Вопросы социальной лингвистики. - Л.:Наука, 1969. - С.343-355.
- Головнин И.В. Грамматическая категория социально-личностных отношений // Головнин И.В. Грамматика современного японского языка. - М.: Изд-во МГУ им.М.В.Ломоносова, 1986. - С.161-167.
- Гольдин В.Е. Этикет и речь. Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 1978. - 112 с.
- Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. - Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 1987. - 129 с.
- Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. - М.Наука, 1980.- 104 с.
- Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. - М.: Изд-во МГУ им.М.В.Ломоносова, 1969. - 562 с.
- Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.24. Компьютерная лингвистика. - М.:Прогресс, 1989. - С.5-29.
- Городецкий Б.Ю. От лингвистики языка - к лингвистике общения // Язык и социальное познание. - М.: Центр. совет филос.семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. - С.39-56.
- Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. - Новосибирск, 1985. - С.64-78.

- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Лингвистическая прагматика. - М.: Прогресс, 1985. - С.217-237.
- Графова Т.А. Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. - М.: Наука, 1991. - С.67-99.
- Грачева Л.И. Средства выражения разрешения и запрещения в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1982. - 16 с.
- Гриценко Е.С. Эмоционально-оценочная энантиосемия в разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Сб. науч. тр. / Горьк. гос. пед. ин-т. - Горький, 1989. - С.14-21.
- Гудавичюс А.Й. Принципы построения и содержание сопоставительной семасиологии (на материале русского и литовского языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1989. - 39 с.
- Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. - М.: Просвещение, 1969. - 184 с.
- Гулямова Д.Х. Лингвопрагматический аспект ролевых отношений коммуникантов-персонажей (на материале англоязычной художественной прозы и драмы XX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Ташкент, 1990. - 24 с.
- Гуревич В.В. Об элементарных и производных модальностях // Проблемы языкознания и теории английского языка: Сб. науч. тр. Вып.2. - М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1976. - С.60-87.
- Гуревич В.В. Проблемы семантической производности в грамматике: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1987. - 26 с.
- Гурочкина А.Г., Давыдова Л.З. Функционирование формул речевого этикета в акте вербальной коммуникации // Логико-семантические и прагматические проблемы текста: Сб. науч. тр. / Краснояр. гос. пед. ин-т. - Красноярск, 1990. - С.47-53.
- Гусев С.С. Третий собеседник // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия. - Киев: Наук. думка, 1990. - С.70-81.
- Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика. - М.: Международные отношения, 1979. - 256 с.
- Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1989. - 312 с.
- Дейк Т.А. ван. Расизм и язык / Пер. с англ. - М.: ИНИОН АН СССР, 1989. - 76 с.
- Деметрий. О стиле // Античные риторика. - М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1978. - С.235-285.
- Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. - 1983, N 6. - С.58-67.

- Демьянков В.З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной технике - М.:Изд-во МГУ им.М.В.Ломоносова, 1985. - 76 с.
- Демьянков В.З. Специальные теории интерпретации в вычислительной лингвистике. - М.: Изд-во МГУ им.М.В.Ломоносова, 1988. - 87 с.
- Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. - М.:Изд-во МГУ им.М.В.Ломоносова, 1989. - 172 с.
- Десев Л. Психология малых групп / Пер. с болг. - М.:Прогресс, 1979. - 208 с.
- Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. М.:Наука, 1977. - 382 с.
- Димитрова С. Текст и подтекст. Наблюдения над пресупозициите в руския дискурс. - София: Наука и изкуство, 1984. - 145 с.
- Димитрова С. Актуализация предложения и ее зависимость от степени осведомленности адресата // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.15. Современная зарубежная русистика. - М.:Прогресс, 1985. - С.535-545.
- Доборович А.Б. Общение: наука и искусство. - М.:Знание, 1980. - 158 с.
- Доборович В.А. К вопросу о формах обращения в британском варианте современного английского языка // Лингвострановедческое описание лексики английского языка: Сб. науч. тр. - М.:Изд-во МОПИ им.Н.К.Крупской, 1983. - С.59-69.
- Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. - 1983, N 6. - С.34-47.
- Долинин К.А. Интерпретация текста (французский язык). - М.:Просвещение, 1985. - 288 с.
- Долинин К.А. Лингво-семиотические основы интерпретации прозаического художественного текста (французский язык): Автореф. дис. ...д-ра филол.наук. - М., 1989. - 46 с.
- Домашнев А.И. Теория кодов Б.Бернстайна. Цели и результаты // Вопросы языкознания. - 1982, N 1. - С.3-12.
- Дорошенко А.В. Побудительные речевые акты и их интерпретация в тексте (на материале английского языка): Автореф. дис. ...канд.филол.наук. - М., 1986. - 26 с.
- Драздаускене М.Л. Контактостанавливающая функция речи (на материале английского языка): Автореф.дис. ...канд. филол.наук. - М., 1970. - 10 с.
- Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. - М.: Высш. шк., 1980. - 224 с.
- Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. - М.:Наука, 1984. - 268 с.

- Дубовик Ю.А. Повышение степени косвенности директивов // Тезисы конференции "Функциональные и семантические корреляции языковых единиц". - Киев, 1990. - С.188-189.
- Душкин А.В. Сопоставительный анализ стилистически маркированных наименований лиц по профессии в современном немецком и английском языках: Автореф. дис. ...канд. филол.наук. - М., 1978. - 25 с.
- Дяченко Л.Д. Гипонимия в системе английского глагола: Автореф. дис. ...канд.филол.наук. - М., 1976. - 27 с.
- Ерзинкян Е.Л. Дейктическая семантика слова. - Ереван: Изд-во Ереван.ун-та, 1988. - 172 с.
- Есперсен О. Философия грамматики / Пер. с англ. - М.:Иностр. лит., 1958. - 404 с.
- Жельвис В.И. Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации // Этнические стереотипы поведения. - Л.:Наука, 1985. - С.296-322.
- Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль: Изд-во ЛГПИ им.А.И.Герцена, 1990. - 81 с.
- Жирмунский В.М. Проблема социальной дифференциации языков // Язык и общество. - М.:Наука, 1968. - С.22-38.
- Жолковский А.К. Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Труды 1-го МГПИИЯ. Вып.8. - М., 1964. - С.67-103.
- Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. - М.:Наука, 1988. - 196 с.
- Заботкина В.И. К вопросу о функциональной лексикологии // Перевод и автоматическая обработка текста: Сб.науч.тр. - М.:Ин-т языкознания АН СССР, 1987. - С.39-45.
- Заботкина В.И. Сопоставительное изучение прагматических компонентов значений слов в английском и русском языках // Семантика в сопоставлении языков (Тезисы выступлений на научном совещании. Алма-Ата, октябрь 1990 г.). - М., 1990. - С.60-62.
- Залевская А.А. Отнесение к категории как способ идентификации значения слова // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов: Сб.науч.тр. - Калинин: Изд-во Калинин.ун-та, 1984. - С.35-40.
- Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. - Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1990. - 206 с.
- Зацный Ю.А. Социальные факторы и словарный состав диалекта афроамериканцев // Филологические науки. - 1991, N.3. - С.107-111.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. - М.:Наука, 1983. - С.172-214.

- Иванов В.В. О взаимоотношении динамического исследования языка, текста и культуры // Исследования по структуре текста. - М.:Наука,1987. - С.5-27.
- Иванова Т.Б. О функциональной семантико-стилистической категории акцентности // Типы коммуникации и содержательный аспект языка: Сб.науч.тр. - М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1987. - С.172-180.
- Ивин А.А. Логика норм. - М.:Изд-во МГУ им.М.В.Ломоносова,1973. - 122 с.
- Ионицэ М.П., Россу А.Д. Функционально-семантическая категория персональности // Прагматико-функциональное исследование языков. - Кишинев: Штиинца,1987. - С.48-52.
- Йорданова Л. Социальная роль и речевая вариативность // Вопросы социолингвистики. Материалы советских социолингвистов к XII всемирному конгрессу социологов. - М.: ИНИОН АН СССР,1990. - С.107-109.
- Кабакчи В.В. Прагматика иноязычия // Прагматический аспект предложения и текста: Сб.науч.тр. - Л.:Изд-во ЛГПИ им.А.И.Герцена, 1990. - С.30-41.
- Казаева Н.Н. Английская субколлоквиальная лексика: Автореф.дис. ...канд.филол.наук. - Одесса,1983. - 19 с.
- Капанадзе Л.А. О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи. - М.:Наука,1988. - С.230-234.
- Карасик В.И. Признак социально-ситуативного статуса лица в семантике английских глаголов // Семантические признаки и их реализация в тексте: Сб.науч.тр. /Волгогр.гос.пед.ин-т. - Волгоград,1986. - С.89-97.
- Карасик В.И. Признак отрицания в значении слова // Значение и его варьирование в тексте: Сб.науч.тр. /Волгогр.гос.пед.ин-т. - Волгоград,1987. - С.101-108.
- Карасик В.И. Категориальные признаки в значении слова. - М.: Изд-во МОПИ им.Н.К.Крупской,1988. - 112 с.
- Карасик В.И. Статус лица в значении слова. - Волгоград: Изд-во ВГПИ,1989. - 112 с.
- Карасик В.И. Признак этикета в значении слова // Филологические науки. - 1991, N 1. - С.54-64.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М.: Наука,1987. - 264 с.
- Карташева Н.К. Парадигматические отношения лексических единиц в диахронии и их верификация // Теория верификации лингвистических отношений: Сб.науч.тр. - М.: Изд-во МОПИ им.Н.К.Крупской,1988. - С.71-79.
- Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. - М.: Просвещение,1965. - С.85-90.
- Кашеева М.А., Чернявская Е.А. К вопросу о характеристике английской разговорной лексики // Вопросы структуры

- английского языка в синхронии и диахронии. Вып.4. - Л.:Изд-во ЛГУ,1980. - С.164-174.
- Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. - Л.:Изд-во ЛГУ,1978. - 160 с.
- Клименко А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. - Минск: Изд-во МГПИИЯ,1974. - 108 с.
- Клычков Г.С., Карасик В.И. Модализованные глаголы в английском языке // Иностранные языки в школе. - 1984, N 2. - С.64-66.
- Кобозева И.М. Проблемы коммуникативного анализа речевых коллективов // Методологические проблемы социальной лингвистики. - М.:Изд-во МГУ им.М.В.Ломоносова,1986. - С.78-92.
- Ковалева Л.М. Пресуппозиционные элементы в семантике имен лица // Слово в грамматике и словаре. - М.:Наука,1984. - С.112-116.
- Кожина М.Н. О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-семантическими категориями // Структура лингвостилистики и ее основные категории: Сб.науч.тр. - Пермь: Изд-во Перм.ун-та,1983. - С.15-24.
- Кокойло Л.А. Комплиментарные высказывания как национально-специфичный элемент общения (на материале английского языка) // Сочинение-семинар "Этнопсихолингвистические аспекты речевого общения" (тезисы докладов). Ч. 1. - М.-Самарканд,1990. - С.52-53.
- Колесник С.Н. Лингвистические аспекты аргументации (на материале рекламных текстов) // Тезисы конференции "Функциональные и семантические корреляции языковых единиц". - Киев,1990. - С.154-155.
- Комарова Р.А. Слово как инструмент социального воздействия (Имена в языке немецкого сопротивления) // Номинативные свойства языковых единиц: Сб.науч.тр. / Саратов.гос.пед.ин-т. - Саратов,1990. - С.75-79.
- Кон И.С. Социология личности. - М.:Политиздат,1967. - 383 с.
- Кондаков Н.Н. Логический словарь-справочник. - М.: Наука,1976. - 720 с.
- Копыленко М.М. Об этикете обращения // Страноведение и преподавание русского языка иностранцам. - М.: Изд-во МГУ им.М.В.Ломоносова,1972. - С.91-97.
- Копыленко М.М. О семантической природе молодежного жаргона // Социально-лингвистические исследования. - М.: Наука,1976. - С.79-86.
- Кочегарова Л.И. О социальной обусловленности лингвистических форм установления профессиональных контактов // Лингвострановедческое описание лексики английского языка: Сб.науч.тр. - М.:Изд-во МОПИ им.Н.К.Крупской,1983. - С.78-87.

- Красиков Ю.В. Алгоритмы порождения речи. - Орджоникидзе: Ир, 1990. - 240 с.
- Крестинский С.В. Интерпретация актов молчания в дискурсе // Язык, дискурс и личность: Сб. науч. тр. - Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1990. - С.38-45.
- Кречмар А. О понятийном аппарате социологической концепции личности // Социальные исследования. Вып.5. Теория и методы. - М.:Наука, 1970. - С.77-88.
- Крылова Э.М. К методике описания смысловых отношений слов, близких по значению (на материале глаголов английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1972. - 24 с.
- Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. - М.:Наука, 1976. - С.42-52.
- Крысин Л.П. Социальный компонент в семантике языковых единиц // Русский язык в школе. - 1983, N 3. - С.78-84.
- Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. - М.:Наука, 1989. - 188 с.
- Крючкова Т.Б., Нарумов Б.П. Зарубежная социолингвистика. Германия, Испания. - М.:Наука, 1991. - 157 с.
- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. - М.:Наука, 1981. - 200 с.
- Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. - М.:Наука, 1986. - 157 с.
- Кубрякова Е.С., Соболева П.А. О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика. - М.:Наука, 1979. - С.5-23.
- Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. - М.:Наука, 1986. - 125 с.
- Кузнецов А.М. Национально-культурное своеобразие слова // Язык и культура: Сб. науч.-аналит. обзоров. - М.:ИНИОН АН СССР, 1987. - С.141-163.
- Кукушкина Е.И. Познание, язык, культура. - М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1984. - 264 с.
- Кумлева Т.М. Категория персонажа и ее текстообразующая функция // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып.251. Контекстная семантика и стилистика. - М., 1985. - С.111-127.
- Курманбаев Н.М. Происхождение грамматических категорий. - Алма-Ата: Мектеп, 1981. - 128 с.
- Кухаренко В.А., Караваева Т.Л. О семантической структуре афроамериканской лексики // Значение и его варьирование в тексте: Сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ин-т. - Волгоград, 1987. - С.71-81.
- Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. Вып.7. Социолингвистика. - М.:Прогресс, 1975. - С.96-181.
- Лабов У. Единство социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. - М.:Наука, 1976. - С.5-30.

- Лазарев В.В. Методологические основы и методический потенциал теории речевых актов // Речевые акты в лингвистике и методике: Сб. науч. тр. - Пятигорск: Изд-во ПГПИИЯ, 1986. - С.3-10.
- Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.10. Лингвистическая семантика. - М.: Прогресс, 1981. - С.350-368.
- Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.23. Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс, 1988. - С.12-51.
- Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. - М.: Просвещение, 1977. - С.175-188.
- Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. - М.: Наука, 1985. - 536 с.
- Лендел Ж. Обращения, приветствия и прощания в речевом этикете современных венгров // Национально-культурная специфика речевого поведения. - М.: Наука, 1977. - С.193-218.
- Леонтьев А.А. Речевая деятельность. Факторы вариантности речевых высказываний // Основы теории речевой деятельности. - М.: Наука, 1974. - С.21-35.
- Липатова М.К. Обращение как средство выражения эмоциональной оценки в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л.: 1984. - 17 с.
- Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. - М.: Высш. шк., 1984. - 119 с.
- Литвинов В.П. Типологический метод в лингвистической семантике. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1986. - 168 с.
- Лошак Г.П. Об апеллятивном использовании личных имен (на материале английского языка) // Системные семантические отношения в языке: Сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ин-т. - Волгоград, 1978. - С.37-42.
- Лошманова Л.Т. Жаргонизированная лексика в бытовой речи молодежи 50-60-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1975. - 21 с.
- Лукашанец Е.Г. Типология социальных диалектов (К постановке проблемы) // Язык и словесность. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Е.Д.Поливанова. Ч. 1. - Ташкент, 1990. - С.51-53.
- Лурия А.Р. Язык и сознание. - М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1979. - 320 с.
- Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. - М.: Наука, 1969. - 309 с.
- Макаров М.Л. Регламентный компонент ситуации речевого акта // Речевые акты в лингвистике и методике: Сб. науч. тр. - Пятигорск: Изд-во ПГПИИЯ, 1986. - С.138-148.
- Макаров М.Л. Прагматика, стилистика и риторика: язык парламента // Языковое общение: единицы и регулятивы:

- Сб. науч. тр. - Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1987. - С. 46-51.
- Маковский М.М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). - М.: Высш. шк., 1982. - 135 с.
- Маковский М.М. Лингвистическая комбинаторика. Опыт топологической стратификации языковых структур. - М.: Наука, 1988. - 232 с.
- Максимов В.Д. О категоричности как компоненте модальности // Проблемы языкознания и теории английского языка: Сб. науч. тр. - Вып. 2. - М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1976. - С. 149-156.
- Манякина Т.И. Языково-стилистическая характеристика жанра афоризмов (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Киев, 1981. - 21 с.
- Мартынов В.В. Категории языка: Семиологический аспект. - М.: Наука, 1982. - 192 с.
- Мартынюк А.П. О реализации принципа вежливости в речи женщин и мужчин // Вестник Харьков. ун-та. Вып. 339. Человек и речевая деятельность. - Харьков, 1989. - С. 89-92.
- Марусенко И.В. Согласование прилагательных с существительным по семе одушевленности в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1979. - 19 с.
- Маскадыня В.Н. Лингвистический и психологический подходы к проблеме категоризации // Психолингвистические исследования: Лексика. Фонетика: Сб. науч. тр. - Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1985. - С. 42-48.
- Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. - М.: Высш. шк., 1974. - 202 с.
- Мезенин С.М. Образные средства языка (На материале произведений Шекспира). - М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. - 100 с.
- Мейрманова К.С. Типология лексических наименований лица в современном немецком языке // Проблемы изучения слова: семантика, структура, форма: Сб. науч. тр. - Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1990. - С. 25-33.
- Мельчук И.А. К принципам описания означаемых (о лингвистической семантике) // Язык и человек. - М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1970. - С. 201-217.
- Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. - Л.: Наука, 1978. - 387 с.
- Миллер А.А. Стилистически сниженная лексика и ее отражение в двуязычных словарях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Алма-Ата, 1972. - 38 с.
- Минский М. Фреймы для представления знаний / Пер. с англ. - М.: Энергия, 1979. - 152 с.
- Михневич А.Е. О взаимодействии семантики и синтаксиса (Понятийная категория и ее языковое выражение) // Филологические науки. - 1969, N 6. - С. 101-108.

- Молчанова Г.Г. Импликаты как система функционально-стилистической корреляции национально-специфической картины мира // Семантика в сопоставлении языков (тезисы выступлений на научном совещании. Алма-Ата, октябрь 1990) - М., 1990. - С.112-113.
- Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. - М.: Радуга, 1983. - С.37-89.
- Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984. - 56 с.
- Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. - Свердловск: Изд-во Урал.ун-та, 1991. - 172 с.
- Мухин А.М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. - Л.:Наука, 1980. - 303 с.
- Мышкина Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста. - Красноярск: Изд-во Краснояр.ун-та, 1991. - 212 с.
- Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. - М.:Наука, 1979. - 303 с.
- Неверов С.В. Особенности речевой и неречевой коммуникации японцев // Национально-культурная специфика речевого поведения. - М.:Наука, 1977. - С.320-338.
- Нещименко Г.П. Функциональное членение чешского языка // Функциональная стратификация языка. - М.:Наука, 1985. - С.67-85.
- Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). - М.:Высш.шк., 1983. - 127 с.
- Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. - М.:Высш.шк., 1988. - 168 с.
- Никифоров С.В. Эго-фактор в мотивации речевого воздействия // Материалы VIII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. - М., 1985. - С.71-72.
- Николаева Т.М. К вопросу о назывании и самоназывании в русском речевом общении // Страноведение и преподавание русского языка иностранцам. - М.:Изд-во МГУ им.М.В.Ломоносова, 1972. - С.134-150.
- Николаева Т.М. О принципе "некооперации" и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. - М.:Наука, 1990. - С.225-235.
- Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика (теория и проблемы). - М.:Наука, 1976. - 168 с.
- Никулина З.П. О некоторых особенностях прозвищ как единиц экспрессивного фонда русской антропонимии // Экспрессивность лексики и фразеологии: Сб.науч.тр. - Новосибирск: Изд-во Новосибирск.ун-та, 1983. - С.62-67.
- Новак Э. Русский речевой этикет с точки зрения коммуникативного поведения поляков: Автореф.дис. ...канд. филол.наук. - М., 1984. - 21 с.

- Новикова И.А. К различию поговорок и пословиц в современном английском языке // Исследования семантической структуры слов и их лексической сочетаемости: Сб. науч. тр. - М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1979. - С. 135-142.
- Оликова М.А. Обращение в современном английском языке (Опыт структурно-семантического и социологического анализа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Киев, 1973. - 16 с.
- Ольшанский В.Б. Межличностные отношения // Социальная психология. Краткий очерк. - М.: Политиздат, 1975. - С. 195-243.
- Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. - М.: Прогресс, 1986. - С. 22-129.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). - М.: Наука, 1985. - 271 с.
- Пан Ин. О некоторых формах речевой и жестовой коммуникации в Китае // Национально-культурная специфика речевого поведения. - М.: Наука, 1977. - С. 338-345.
- Пантелеева Л.В. Семантика глаголов неуспеха действия в современном английском языке // Семантика слова и предложения: Сб. науч. тр. - Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1985. - С. 127-132.
- Папп Ф. Паралингвистические факты: этикет и язык // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. - М.: Прогресс, 1985. - С. 546-553.
- Парахонский Б.А. Семиотический субъект и субъект познания // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия. - Киев: Наук. думка, 1990. - С. 59-70.
- Пацаева М. Отношение к власти (Экспериментальное исследование языка политики) // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание. Тезисы докладов X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. - М., 1991. - С. 235-236.
- Пауфошима Р.Ф. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность. - М.: Наука, 1989. - С. 41-48.
- Пеньковский А.Б. О семантической категории "чуждости" в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985-1987. - М.: Наука, 1989. - С. 58-82.
- Перинбаньягам Р.С. Диалогическая личность // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. - Новосибирск: Наука, 1990. - С. 66-83.
- Петелина Е.С. Некоторые особенности речевых актов похвалы и лестии // Синтагматический аспект коммуникативной семантики: Сб. науч. тр. - Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкарск. ун-та, 1985. - С. 150-154.
- Петренко В.Ф. Проблемы эффективности речевого воздействия в аспекте психолингвистики // Оптимизация речевого воздействия. - М.: Наука, 1990. - С. 18-31.

- Петренко В.Ф., Алиева Л.А. Стереотипы поведения как элемент национальной культуры // Языковое сознание: стереотипы и творчество: Сб. науч. тр. - М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. - С.16-39.
- Петрова Е.С. Грамматическая гиперкорректность как стилистический прием // Художественный текст: проблемы изучения (Тезисы выступлений на совещании). - М.: 1990. - С.140-141.
- Петрова Т.А. Типы номинации коммуникативного адресата в ситуации непосредственного общения (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1983. - 20 с.
- Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Сборник статей. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. - Л.-М.: Госиздат, 1925. - С.109-121.
- Пименов А.В. Социальный символизм во французской речи // Национально-культурная специфика речевого поведения. - М.: Наука, 1977. - С.247-260.
- Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. - М.: Наука, 1968. - 376 с.
- Портянникова В.Н. Некоторые проблемы лексической характеристики жаргонизмов (На материале "молодежного жаргона" современного немецкого языка ФРГ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1971. - 21 с.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. - М.: Просвещение, 1964. - С.142-169.
- Почепцов Г.Г. Предложение // Иванова В.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. - М.: Высш. шк., 1981. - С.164-281.
- Почепцов Г.Г. О коммуникативной типологии адресата // Речевые акты в лингвистике и методике: Сб. науч. тр. - Пятигорск: Изд-во ПГПИИЯ, 1986. - С.10-17.
- Почепцов Г.Г. (мл.). Семантический анализ этикетизации общения // Семантика и представление знаний. Труды по искусственному интеллекту. Вып. II. - Тарту, 1980. - С.98-108.
- Почепцов Г.Г. (мл.). Коммуникативные аспекты семантики. - Киев: Вища шк., 1987. - 131 с.
- Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. - Киев: Вища шк., 1986. - 116 с.
- Прокопчук А.А. Коммуникативно доминирующие/ недоминирующие высказывания в побудительных репликах // Языковое общение: процессы и единицы: Сб. науч. тр. - Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1988. - С.86-94.
- Пупынин Ю.А. Функциональные аспекты грамматики русского языка: взаимосвязи грамматических категорий. - Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1990. - 80 с.

- Пушкин А.А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность: Сб. науч. тр. - Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1990. - С. 50-60.
- Пюрбеев Г.Ц. Речевой этикет и язык жестов у калмыков и монголов // Национальная культура и общение (Тезисы конференции). - М., 1977. - С. 62-64.
- Рагулин-Микаэлян И.Р. Знаковые модели социальных структур: феномен кровода // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. - Новосибирск: Наука, 1990. - С. 150-157.
- Распопова Т.И. Функционально-семантическое поле волеизъявления в русском и английском языках // Структура словаря и вопросы словообразования германских языков: Сб. науч. тр. - Пятигорск: Изд-во ПГПИЯ, 1981. - С. 140-150.
- Ретунская М.С. Проблема социальной оценки слова // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Сб. науч. тр. / Горьк. гос. пед. ин-т. - Горький, 1984. - С. 124-133.
- Рождественский Ю.В. О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок // Паремнологический сборник. - М.: Наука, 1978. - С. 211-230.
- Розина Р.И. Социальная маркированность слова в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1977. - 24 с.
- Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. - М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. - 183 с.
- Ромашко С.А. Язык как деятельность и лингвистическая прагматика // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики: Сб. науч.-аналит. обзоров. - М.: ИНИОН АН СССР, 1984. - С. 137-145.
- Ромашко С.А. Культура, структура коммуникации и языковое сознание // Язык и культура: Сб. науч.-аналит. обзоров. - М.: ИНИОН АН СССР, 1987. - С. 37-58.
- Рузавин Г.И. Герменевтика и проблемы интерпретации, понимания и объяснения // Вопросы философии. - 1983, N 10. - С. 62-70.
- Русецкая Л.А. Некоторые особенности национально-культурной специфики форм обращения в германских и романских языках // Национально-культурная специфика речевого поведения. Тезисы докладов. - М., 1991. - С. 45-47.
- Рыжков В.А. Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации: Сб. науч. тр. / Куйбыш. гос. пед. ин-т - Куйбышев, 1985. - С. 15-21.
- Рыжова Л.П. Коммуникативные функции обращения // Семантика и прагматика синтаксических единств: Сб. науч. тр. - Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1981. - С. 76-86.

- Рябова К.М. Коллоквиальная лексика современного английского языка: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. - Одесса, 1980. - 18 с.
- Рябцева Э.Г. Опыт описания оценочного компонента лексического значения слова // Проблемы семантической структуры и функционирования лексических единиц (на материале романо-германских языков): Сб. науч. тр. - Иваново: Изд-во Иванов. ун-та, 1982. - С. 118-127.
- Рязанова Л.М. Формы наименования адресата речи в современном французском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. - Л., 1983. - 21 с.
- Садовая Г.Г. Языковая природа и стилистические функции сентенции (на материале английского языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. - М., 1976. - 23 с.
- Саленко И.И. Языковая fascinация // Общение: теоретические и прагматические проблемы. - М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1978. - С. 117-124.
- Самохина Т.С. Синхронно-сопоставительное исследование некоторых глаголов со значением пермиссивности в английском, немецком и французском языках: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. - М., 1981. - 16 с.
- Сапов В.В. Статуса социального теории // Современная западная социология: Словарь. - М.: Политиздат, 1990. - С. 331-332.
- Сафаров Ш. О дискурсивно-прагматической природе директивных речевых актов // Текст: структура и анализ: Сб. науч. тр. - М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1989. - С. 142-146.
- Сафонова Л.В. О лингвистической сущности пейоративности в лексике // Теория и методы лексикологических исследований: Сб. науч. тр. - Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1985. - С. 52-58.
- Сахарный Л.В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. - 97 с.
- Сахно С.Л. Приблизительное именование в естественном языке // Вопросы языкознания. - 1983, № 6. - С. 29-36.
- Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. - М.: Наука, 1988. - 151 с.
- Семененко Л.П. Несоответствия между речевым актом и средствами его экспликации // Прагматические условия функционирования языка: Сб. науч. тр. - Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 1987. - С. 10-15.
- Сентенберг И.В. Лексическая семантика английского глагола. - М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. - 96 с.
- Сентенберг И.В., Карасик В.И. Семантические отношения в синонимическом гнезде с центром to think // Исследования по романо-германскому языкознанию: Сб. науч. тр. - Вып. 7. /Волгогр. гос. пед. ин-т. - Волгоград, 1977. - С. 119-134.

- Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. - М.: Прогресс, 1986. - С.170-194.
- Сильницкая Г.В. Система значений модальных глаголов в современном английском языке: Автореф. дис. ...канд.филол. наук. - Л., 1971. - 18 с.
- Сильницкий Г.Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов: Автореф.дис. ...д-ра филол.наук. - Л., 1974. - 43 с.
- Скорбатьюк И.Д. Некоторые аспекты выражения форм вежливости в корейском языке // Национально-культурная специфика речевого поведения. - М.:Наука, 1977. - С.306-319.
- Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. - М.:Наука, 1981. - 206 с.
- Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. - М.:Наука, 1986. - 215 с.
- Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. - М.: Изд-во лит. на ин.языках, 1957. - 286 с.
- Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Понятие "чужой" в языковом и культурном контексте // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты: Сб.науч.тр. - Днепрпетровск: Изд-во Днепрпетровск. ун-та, 1988. - С.4-10.
- Соловьева А.К. О некоторых общих вопросах диалога // Вопросы языкознания. - 1965, N 6. - С.103-110.
- Спиркин А.Г., Ярошевский М.Г. Категории // философский энциклопедический словарь. - М.:Советская энциклопедия, 1983. - С.251.
- Старикова Е.Н. Проблемы семантического синтаксиса (на материале английского языка). - Киев: Вища шк., 1985. - 124 с.
- Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. - М.: Просвещение, 1975. - 271 с.
- Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика). - М.:Наука, 1981. - 360 с.
- Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. - М.:Наука, 1985. - 335 с.
- Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. - Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1985. - 170 с.
- Ступин Л.П., Игнатъев К.С. Современный английский речевой этикет. - Л.:Изд-во ЛГУ, 1980. - 142 с.
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. - М.: Наука, 1973. - 366 с.
- Сусов И.П. Семантика и прагматика предложения. - Калинин: Изд-во Калинин.ун-та, 1980. - 51 с.
- Сусов И.П. К предмету прагмалингвистики // Содержательные аспекты предложения и текста: Сб.науч.тр. - Калинин: Изд-во Калинин.ун-та, 1983. - С.3-15.

- Сусов И.П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы: Сб. науч. тр. - Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1986. - С. 7-11.
- Сухих С.А. Структура коммуникантов в общении // Языковое общение: процессы и единицы: Сб. науч. тр. - Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1988. - С. 22-29.
- Сыромятников Н.А. Закономерности развития личных местоимений в японском языке // Теория и типология местоимений. - М.: Наука, 1980. - С. 104-126.
- Тарасов Е.Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. - М.: Наука, 1974. - С. 255-273.
- Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. - М.: Наука, 1979. - С. 5-147.
- Тарасов Е.Ф., Сорокин Ю.А. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения // Национально-культурная специфика речевого поведения. - М.: Наука, 1977. - С. 14-38.
- Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М.: Наука, 1986. - 143 с.
- Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. - М.: Наука, 1988. - С. 173-204.
- Титц Г. Этикетные формулы обращения и привлечения внимания в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Воронеж, 1977. - 23 с.
- Томахин Г.Д. Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1984. - 32 с.
- Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению. - М.: Высш. шк., 1988. - 239 с.
- Трищенко И.В. Особенности иронических обращений // Тезисы конференции "Функциональные и семантические корреляции языковых единиц". - Киев, 1990. - С. 197-198.
- Трошина Н.Н. О статусе типологических исследований в лингвистической теории текста // Проблемы типологии текста: Сб. науч.-аналит. обзоров. - М.: ИНИОН АН СССР, 1984. - С. 4-32.
- Трошина Н.Н. Стилистические параметры текстов массовой коммуникации и реализация коммуникативной стратегии субъекта речевого воздействия // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. - М.: Наука, 1990. - С. 62-69.
- Трунова О.В. Отрицание в составе модального сказуемого в разных коммуникативных типах предложения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1980. - 19 с.
- Тханг Л.Т. Система вокативных терминов родства в современном вьетнамском языке // Национально-культурная специфика речевого поведения. - М.: Наука, 1977. - С. 282-302.

- Тхаркахо Ю.А. Традиционные и новые формы обращения, функционирующие в речи адыгейцев, и их морально-этическая характеристика // Национальная культура и общение (Тезисы конференции). - М.:1977. - С.79-81.
- Уздинская Е.В. Семантическое своеобразие современного молодежного жаргона // Активные процессы в языке и речи: Сб.науч.тр. - Саратов: Изд-во Саратов.ун-та,1991. - С.24-28.
- Узина М.С. О местоименном функционировании вежливых эквивалентов местоимений БАНДЭ и ИН ДЖАНЭБ в современном персидском языке // Теория и типология местоимений. - М.: Наука,1980. - С.127-132.
- Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. - М.:Наука,1972. - С.44-60.
- Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. - М.:Наука,1988. - С.108-140.
- Филиппов В.Н. Опыт компонентного анализа плана содержания лексики, соотносимой с понятием "необходимость", и предикатное выражение этого понятия: Автореф.дис. ...канд.филол.наук. - Калинин,1971. - 21 с.
- Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.10. Лингвистическая семантика. - М.:Прогресс,1981. - С.369-495.
- Фирсова Н.М. Испанский речевой этикет. - М.:Вышш.шк., 1991.- 174 с.
- Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. - М.:Рус.язык,1982. - 126 с.
- Фромм Э. Бегство от свободы / Пер.с англ. - М.:Прогресс,1989 - 272 с.
- Харитоновна И.Я. Вопросы взаимодействия лексики и грамматики (на материале немецкого языка). - Киев: Вища шк., 1982. - 160 с.
- Хидекель С.С., Кошель Г.Г. Природа и характер языковых оценок // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака: Сб.науч.тр. - Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та,1983. - С.11-16.
- Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. - Л.:Изд-во ЛГУ,1990. - 184 с.
- Хохлова Л.В. Социолингвистический анализ форм вежливости в языке раджастхани // Народы Азии и Африки. - 1973, N 2. - С.96-108.
- Храковский В.С. Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. - М.:Наука,1985. - С.65-77.

- Храковский В.С. Повелительность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. - Л.:Наука,1990. - С.185-238.
- Цивьян Т.В. К некоторым вопросам построения языка этикета // Труды по знаковым системам. Вып. II. - Тарту,1965. - С.144-149.
- Цицерон М.Т. Оратор // Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / Пер. с лат. - М.:Наука,1972. - С.253-384.
- Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. - М.:Вышш.шк.,1979. - 168 с.
- Чейф У.Л. Значение и структура языка / Пер. с англ. - М.:Прогресс,1975. - 432 с.
- Чемоданов Н.С. Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании // Новое в лингвистике. Вып.7. Социолингвистика. - М.:Прогресс,1975. - С.5-33.
- Чеславская Л.А. Пейоративные субстантивные фразеологические единицы французского и немецкого языков (опыт сопоставительного анализа) // Структура и функции французского языка: Сб.науч.тр. - М.:Прометей,1989. - С.160-168.
- Чхетиани Т.Д. Лингвистические аспекты фатической метакоммуникации (на материале английского языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. - Киев,1987. - 24 с.
- Шаволина С.Н. К вопросу о глаголах интерперсональных отношений // Вопросы грамматики германских и романских языков: Сб.науч.тр. - Иркутск: Изд-во ИГПИИЯ,1975. - С.140-147.
- Шаповалова Л.И. Формы и функции обращения в современном русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. - Минск, 1979. - 24 с.
- Шахнарович А.М. Семантические аспекты коммуникативной функции // Сб.науч.тр. МГПИИЯ им.М.Тореза. Вып.284. Язык как коммуникативная деятельность человека. - М.,1987. - С.26-30.
- Шахнарович А.М. Прагматика текста: психолингвистический подход // Текст в коммуникации: Сб.науч.тр. - М.:Ин-т языкознания АН СССР,1991. - С.68-81.
- Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. - Волгоград: Изд-во ВГПИ,1983. - 96 с.
- Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. - Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1987. - 192 с.
- Шаховский В.И., Карасик В.И. Эмотивность и модальность в семантике слова // Семантика слова и синтаксической конструкции: Сб.науч.тр. - Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1987. - С.31-38.
- Шведова Н.Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и словаре. - М.:Наука,1984. - С.7-15.

- Швейцер А.Д. К разработке понятийного аппарата социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. - М.: Наука, 1976. - С.31-41.
- Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США - М.: Наука, 1983. - 216 с.
- Швейцер А.Д. Система форм существования современного английского языка в США // функциональная стратификация языка. - М.: Наука, 1985. - С.41-54.
- Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М.: Высш.шк., 1978. - 216 с.
- Шевченко Т.И. Социальная дифференциация английского произношения. - М.: Высш.шк., 1990. - 142 с.
- Шейгал Е.И. Структура лексико-семантической группы глаголов, обозначающих понятие "положительное отношение" в современном английском языке // Исследования по романо-германскому языкознанию: Сб. науч. тр. Вып.7. / Волгогр. гос. пед. ин-т. - Волгоград, 1977. - С.168-182.
- Шейгал Е.И. Градация в лексической семантике. - Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1990. - 96 с.
- Шелингер Т.Н. Семантика оценки в высказываниях, относящихся к периферии функционально-семантического поля "директива" // Семантика единиц языка и речи. Тезисы докладов. - Уфа, 1990. - С.99.
- Шенберг А. Перцептивные характеристики императивности в русском и немецком языках // Автоматический анализ, перевод, обучение пониманию текста. Тезисы выступлений на научном совещании. - М., 1989. - С.131-133.
- Шендельс Е.И. Градация грамматичности // Иностранные языки в школе. - 1970, N 1. - С.12-19.
- Шенько И.В. Способы выражения отношения "свой-чужой" в системе обращений английской разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Сб. науч. тр. - Горький: Изд-во ГГПИИЯ, 1976. - С.211-214.
- Шехтман Н.А. Системность лексики и семантика слова. - Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. - 84 с.
- Шехтман Н.А., Добрынин С.В. Соотношение стандартных и нестандартных языковых средств в семантическом континууме // Слово в словаре, семантическом континууме и тексте: Сб. науч. тр. / Челяб. гос. пед. ин-т - Челябинск, 1990. - С.92-108.
- Шибяева Н.П. К вопросу о функционально-семантическом поле пейоративности // Лингвистические структуры текста: Сб. науч. тр. - М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. - С.151-155.
- Шибяева Н.П. Пейоративность в семантической структуре слова // Проблемы изучения слова: семантика, структура, форма: Сб. науч. тр. - Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1990. - С.53-60.
- Шибутани Т. Социальная психология / Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1969. - 535 с.

Шлихт Л.Я. Семантические типы трансформации в негритянском английском США // Некоторые аспекты синтактики и прагматики текста в романо-германских языках: Сб.науч.тр. - Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш.ун-та,1984. - С.146-156.

Шмарина В.И. К вопросу о категории обобщения и ее лингвистической интерпретации // Вопросы теории английского языка: Сб.науч.тр. - М.:Изд-во МГПИ им.В.И.Ленина,1975. - С.145-154.

Шмелев А.Д. О референции агентивных существительных // Филологические науки. - 1983, N 4. - С.39-46.

Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. - 1983, N 1. - С.72-77.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. - Изд-во Красноярск.ун-та,1988. - 54 с.

Шрейдер Ю.А. Ритуальное поведение и формы косвенного целеполагания // Психологические механизмы регуляции социального поведения. - М.:Наука,1979. - С.103-127.

Штелинг Д.А. Семантика грамматических противопоставлений в современном английском языке: Автореф. дис. ...д-ра филол.наук. - М.,1978. - 42 с.

Штелинг Д.А. О функционально-семантической характеристике модальных глаголов // Сочетаемость языковых единиц и преподавание языка: Сб.науч.тр. - М.:Изд-во МГИМО,1981. - С.140-153.

Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Пер. с польск. - М.:Прогресс,1969. - 237 с.

Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. Вып.7. Социолингвистика. М.:Прогресс,1975. - С.336-362.

Юсселер М. Социолингвистика / Пер. с нем. - Киев: Вища шк.,1987. - 200 с.

Ярцева В.Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. - М.:Наука,1975. - С.5-23.

Abrahamson M. Social Stratification // Abrahamson M. Sociology: An Introduction to Concepts, Methods and Data. - New York: Van Nostrand Reinhold,1969. - P.156-195.

Abrams M. Some Measurements of Social Stratification in Britain // Sociological Studies 1. Social Stratification. J.A.Jackson (Ed.). - Cambridge: Cambridge Univ.Press,1968. - P.133-144.

Adler M.J. A Pragmatic Logic for Commands. - Amsterdam: Benjamins,1980. - 132 p.

- Aitchison J. All Paths Lead to the Mental Lexicon // Linguistic Theory in Second Language Acquisition. S.Flynn, W.O'Neill (Eds.). Dordrecht: Kluwer,1988. - P.346-361.
- Allan K. Linguistic Meaning. - Vol.1. - London: Routledge and Kegan Paul,1986. - 452 p.
- Albert E.M. 'Rhetoric', 'Logic' and 'Poetic' in Burundi: Cultural Patterning of Speech Behavior // American Anthropologist 66.- 1964, No.6. - Pt.2. - P.35-54.
- Allport G.W. The Nature of Prejudice. - Cambridge: Addison-Wesley,1954. - 537 p.
- Altmann G., Riska A. Towards a Typology of Courtesy in Language // Anthropological Linguistics 8. - 1966. - P.1-10.
- Andersen E.S. Speaking with Style. The Sociolinguistic Skills of Children. - London: Routledge,1990. - 200 p.
- Apte M.L. 'Thank You' and South Asian Languages: a Comparative Sociolinguistic Study // Linguistics 136. - 1974. - P.67-89.
- Argyle M. Nonverbal Symbolic Action Gaze // Life Sentences: Aspects of the Social Role of Language. R.Harre (Ed.). - London: Wiley,1976. - P.118-125.
- Argyle M., Salter V., Nicholson H., Williams M., Burgess P. The Communication of Inferior and Superior Attitudes by Verbal and Nonverbal Signals // The Psychosociology of Language. S.Moscovici (Ed.). - Chicago: Markham,1972. - P.54-65.
- Arnold C.C., Frandsen K.D. Conceptions of Rhetoric and Communication // Handbook of Rhetorical and Communication Theory. C.C.Arnold, J.W.Bowers (Eds.). - Boston: Allyn and Bacon,1984. - P.3-50.
- Asch S.E. Forming Impressions of Personality // Journal of Abnormal and Social Psychology 41. - 1946. - P.258-290.
- Assadi R. Deference: Persian Style // Anthropological Linguistics 22. - 1980. - P.221-224.
- Austin J.L. How to Do Things with Words. - Oxford: Oxford Univ.Press,1962. - 167 p.
- Ballmer T.T. A Typology of Native Speakers // A Festschrift for Native Speaker. F.Coulmas (Ed.). - The Hague,1981. - P.51-67.
- Ballmer T., Brennenstuhl W. Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs. - Berlin: Springer,1981. - 274 p.
- Baroni M.R., D'Urso V. Some Experimental Findings about the Question of Politeness and Women's Speech // Language in Society 13. - 1984. - P.67-72.
- Barron N. Sex-Typed Language: the Production of Grammatical Cases // Acta Sociologica 14. - 1971. - P.24-72.
- Basso K.H. 'To Give up on Words': Silence in Western Apache Culture // Language and Social Context: Selected Readings.

- P.P.Giglioli (Ed.). - Harmondsworth: Penguin,1979. - P.67-86.
- Bates E., Benigni L. Rules of Address in Italy: A Sociological Survey // Language in Society 4. - 1975. - P.271-278.
- Bean S.S. Symbolic and Pragmatic Semantics: A Kannada System of Address. - Chicago: Univ. of Chicago Press,1978. - 163яp.
- Beatti G.W. Interruption in Conversation and its Relation to the Sex and Status Participants // Linguistics 19. - 1981. - P.15-35.
- Beck G. Sprechakte und Sprachfunktionen: Untersuchungen zur Handlungsstruktur der Sprache und Grenzen. - Tubingen: Niemeyer,1980. - 266 S.
- Beeman W.O. Language, Status, and Power in Iran. - Bloomington: Indiana Univ.Press,1986. - 255 p.
- Bendix E.H. Social Cognition Vs Semantic Cognition: Puerto Rican Racial Term Usages // Annals of the New York Academy of Sciences. Vol.583. The Uses of Linguistics. E.H.Bendix (Ed.). - New York,1990. - P.49-74.
- Berger C.R. Beyond Initial Interaction: Uncertainty, Understanding, and the Development of Interpersonal Relationships // Language and Social Psychology. H.Gyles, R.N.St.Clair (Eds.). - Oxford: Blackwell,1979. - P.122-144.
- Berger C.R., Bradac J.J. Language and Social Knowledge: Uncertainty in Interpersonal Relations. - London: Arnold, 1982. - 151 p.
- Berlo D.K. The Process of Communication. - New York: Holt, Rinehart and Winston, 1960. - 318 p.
- Berne E. Games People Play: the Psychology of Human Relationships. - Harmondsworth: Penguin,1980. - 173 p.
- Bernstein B. A Sociolinguistic Approach to Socialization; With Some Reference to Educability // Directions in Sociolinguistics: the Ethnography of Communication. J.J.Gumperz, D.Hymes (Eds.). - New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. - P.465-497.
- ernstein B. Social Class, Language and Socialization // Language and Social Context: Selected Readings. P.P.Giglioli (Ed.). - Harmondsworth: Penguin,1979. - P.157-178.
- Bertolet R. What is Said: A Theory of Indirect Speech Reports. - Dordrecht: Kluwer,1990. - 251 p.
- Beteille A. The Idea of Natural Inequality and Other Essays. - Delhi: Oxford Univ.Press,1983. - 190 p.
- Bierwisch M., Kiefer F. Remarks on Definitions in Natural Language // Studies in Syntax and Semantics. F.Kiefer (Ed.). - Dordrecht: Reidel,1969. - P.55-79.

- Billig M. *Arguing and Thinking: a Rhetoric Approach to Social Psychology*. - Cambridge: Cambridge Univ.Press,1987. - 290 p.
- Blakar R.M. *Language as a Means of Social Power: Theoretical-Empirical Explorations of Language and Language Use as Embedded in a Social Matrix // Pragmalinguistics: Theory and Practice*. J.L.Mey (Ed.). - The Hague: Mouton, 1979. - P.131-169.
- Block P.K. *Social Structure and Language Structure // Readings in the Sociology of Language*. J.A.Fishman (Ed.).- The Hague: Mouton,1968. - P.212-222.
- Blum-Kulka Sh., Hase J., Kasper G. *Investigating Cross-Cultural Pragmatics: An Introductory Overview // Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies*. Blum-Kulka et al. (Eds.). - Norwood: Ablex,1989. - P.1-34.
- Blum-Kulka Sh., Olshtain E. *Requests and Apologies: A Cross-Culture Study of Speech Act Realization Patterns // Applied Linguistics* 5. - 1984. - P.196-213.
- Bogardus E.S. *A Social Distance Scale // Sociological Society Research* 17. - 1933. - P.265-271.
- Bogardus E.S. *Social Distance and its Practical Implications // Journal of Sociology and Social Research* 22. - 1938. - P.462-476.
- Bolinger D. *The Imperative in English // To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his 70th Birthday*. Janua Linguarum Ser. Major 31. - The Hague,1967. - P.335-362.
- Bolinger D. *Language - the Loaded Weapon: the Use and Abuse of Language Today*. - London: Longman,1980. - 214 p.
- Bosmajian H.A. *The Language of Oppression*. - Washington: Public Affairs Press,1974. - 156 p.
- Bountress N.G. *Social Dialects and the Speech-Language Clinician: An Overview of Clinical and Professional Issues // Cultural Language Differences. Their Educational and Clinical-Professional Implications*. S.Adler (Ed.). - Springfield: Thomas,1984. - P.47-85.
- Bowler P. *A Superior Person Little Book of Words*. - Methuen,1982. - 87 p.
- Brandis W., Henderson D. *Social Class, Language and Communication*. - London: Routledge and Kegan Paul,1970. - 153pp.
- Braun F., Kohz A., Schubert K. *Anredeforschung: kommentierte Bibliographie zur Soziolinguistik der Anrede*. - Tübingen: Narr,1986. - 404 S.
- Braun F. *Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Various Languages and Cultures*. - Berlin: de Gruyter, 1988. - 372 p.
- Breitborde L.B. *Levels of Analysis in Sociolinguistic Explanation: Bilingual Code Switching, Social Relations,*

and Domain Theory // International Journal of the Sociology of Language 39. - 1983. P.5-43.

Brenner M. Sprache und soziale Ungleichheit. Zu Ansätzen von Basil Bernstein // Soziolinguistik. A.Schaff (Hrsg.). - Wien: Europaverlag, 1976. - S.9-52.

Brigham J.C. Ethnic Stereotypes // Psychological Bulletin 76. - 1971. - P.15-38.

Brown G., Yule G. Discourse Analysis. - Cambridge: Cambridge Univ.Press, 1983. - 288 p.

Brown P., Fraser C. Speech as a Marker of Situation // Social Markers in Speech. K.R.Scherer, H.Giles (Eds.). - Cambridge: Cambridge Univ.Press, 1979. - P.33-62.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. - Cambridge: Cambridge Univ.Press, 1987. - 345pp.

Brown R., Ford M. Address in American English // Journal of Abnormal and Social Psychology 62. - 1961. - P.375-385.

Brown R., Gilman A. The Pronouns of Power and Solidarity // Language and Social Context: Selected Readings. P.P.Giglioli (Ed.). - Harmondsworth: Penguin, 1979. - p.252-282.

Bryant C. Status, Status Group // The International Encyclopedia of Sociology. M.Mann (Ed.). - New York: Continuum, 1984. - P.376-377.

Burling R. Man's Many Voices: Language in its Cultural Context. - New York: Holt, Rinehart and Winston, 1970. - 222pp.

Calbert J.P. Modality and Case Grammar // Working Papers in Linguistics 10. - Columbus, 1971. - P.85-131.

452. Callary P.E. Status perception through syntax // Language and Speech 17. - 1974. - P.187-192.

Cameron D., Coates J. Some Problems in the Sociolinguistic Explanation of Sex Differences // Women in Their Speech Communities: New Perspectives on Language and Sex. J.Coates, D.Cameron (Eds.). - Harlow: Longman, 1988. - P.13-26.

Chaika E. Language: The Social Mirror. 2nd ed. - Cambridge: Newbury, 1989. - 374 p.

Champion D.J., Kurth S.B., Hastings D.W., Harris D.K. with Cramer J.A. Sociology. - New York: Holt, Rinehart and Winston, 1984. - 519 p.

Chao Y.R. Chinese Terms of Address // Language 32. - 1956. - P.217-244.

Chapin P.G. Quasi-Modals // Journal of Linguistics 9. - 1973, No.1. - P.1-9.

Chapman D. Social Status // A Dictionary of Sociology. G.D.Mitchell (Ed.). - Chicago: Aldine, 1973. - P.180-181.

Chilton P. Orwellian Language and the Media. - London: Pluto, 1988. - 127 p.

- Chilton P. Politeness, Politics and Diplomacy // Discourse and Society. - Vol.1. - London: Sage,1990.- P.201-224.
- Cicourel A.V. Basic and Normative Rules in the Negotiation of Status and Role // Recent Sociology.- Vol.2.
- H.P.Dreitzel (Ed.). - New York: Macmillan,1970. - P.4-45.
- Clark H.H. Four Dimensions of Language Use // The Pragmatic Perspective: Selected Papers from the 1985 International Pragmatics Conference. J.Verschueren et al. (Eds.). - Amsterdam,1987. - P.9-25.
- Clark H.H., Carlson T.B. Hearers and Speech Acts // Language 58. - 1982, No.2. - P.332-371.
- Cohen A.D., Olshtain E., Rosenstein D.S. Advanced EFL Apologies: What Remains to Be Learned ? // International Journal of the Sociology of Language 62. - 1986. - P.51-74.
- Cohen G. Why is it Difficult to Put Names to Faces ? // British Journal of Psychology 81. - 1990. - P.287-297.
- Coleman J.S. Foundations of Social Theory. - Cambridge: Harvard Univ.Press,1990. - 993 p.
- Comrie B. Polite Plurals and Predicate Agreement // Language 51. - 1975. - P.406-418.
- Condon J. Semantics and Communication. - New York: Macmillan,1966. - 115 p.
- Corsaro W.A. Sociological Approaches to Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis. T.A.van Dijk (Ed.).- Vol.1. - London: Academic Press,1985. - P.167-192.
- Coser R.L. Role Distance, Sociological Ambivalence, and Transitional Status Systems // The American Journal of Sociology 72. - 1966. - P.173-187.
- Coulmas F. 'Poison to Your Soul'. Thanks and Apologies Contrastively Viewed // Conversational Routine. F.Coulmas (Ed.). - The Hague: Mouton,1981. - P.69-91.
- Coulthard M. An Introduction to Discourse Analysis. - London: Longman,1977. - 195 p.
- Coupland N. Towards a Stylistics of Discourse // Styles of Discourse. N.Coupland (Ed.). - London: Croom Helm,1988. - P.1-19.
- Cremer I. Verbale Strategien der Konfliktvermeidung: linguistische Untersuchung zum Zusammenhang von Krankheit und Familie anhand eines Fallbeispiels. - Frankfurt (Main): Fischer,1989. - 218 S.
- Cruse D.A. The Pragmatics of Lexical Specificity // Journal of Linguistics 13. - 1977, No.2. - P.153-164.
- Cruse D.A. Lexical Semantics. - Cambridge: Cambridge Univ.Press,1986. - 310 p.
- Dahlgren K. Naive Semantics for Natural Language Understanding. - Boston: Kluwer,1988. - 258 p.
- Das S.K. Forms of Address and Terms of Reference in Bengali // Anthropological Linguistics 10. - 1968, No.4. - P.19-31.

- Davies C. Ethnic Jokes, Moral Values and Social Boundaries // British Journal of Sociology 33. - 1982. - P.383-403.
- Davies C. Language, Identity, and Ethnic Jokes about Stupidity // International Journal of the Sociology of Language 65. - 1987. - P.39-52.
- Davis K. A Conceptual Analysis of Stratification // American Sociological Review VII. - 1942. - P.309-321.
- Davison W.P. International Political Communication. - New York: Praeger,1965. - 404 p.
- Denzin N.K. Symbolic Interactionism and Ethnometodology // Understanding Everyday Life. J.D.Douglas (Ed.). - Chocago: Aldine,1970. - P.259-284.
- Dijk T.A.van. Studies in the Pragmatics of Discourse. - The Hague: Mouton,1981. - 331 p.
- Dik S.C. Functional Grammar. - North Holland Linguistic Series 37. - Amsterdam,1979. - 230 p.
- Dik S.C. On the Notion 'Functional Explanation' // Belgian Journal Of Linguistics 1. - 1986. - P.11-52.
- Dittmar N. Sociolinguistics: a Critical Survey of Theory and Application. - London: Arnold,1976. - 307 p.
- Doron E. On a Formal Model of Code Switching // Texas Linguistic Forum 22. - 1983. - P.35-59.
- Drake G. The Social Role of Slang // Language: Social Psychological Perspectives. Selected Papers from the First International Conference on Social Psychology and Language Held at the University of Bristol, England, July 1979. - Oxford,1980. - P.63-70.
- Dressler D. Social Roles and Statuses. Social Stratification // Dressler D. Sociology: The Study of Human Interaction. - New York: Knopf,1969. - P.353-406.
- Dumont L. Homo Hierarchicus. Essai sur le systeme des castes. - Paris: Gallimard,1966. - 445 p.
- Duranti A. Sociocultural Dimensions of Discourse // Handbook of Discourse Analysis. T.A.van Dijk (Ed.). - Vol.1. - London: Academic Press,1985. - P.193-230.
- Duranti A. Ethnography of Speaking: Toward a Linguistics of the Praxis // Linguistics: the Cambridge Survey. F.J.Newmeyer (Ed.). - Vol.4. - Cambridge: Cambridge Univ.Press,1988. - P.210-228.
- Eco U. A Theory of Semiotics. - Bloomington: Indiana Univ.Press,1976. - 354 p.
- Edelman M. Political Language: Words that Succeed and Policies that Fail. - London: Academic Press,1977. - 164 p.
- Edmondson W.J. 'On Saying You are Sorry' // Conversational Routine. F.Coulmas (Ed.). - The Hague: Mouton,1981. - P. 273-288.
- Edwards A.D. Social Class and Linguistic Choice // Sociology 10. - 1976, No.1. - P.101-110.

- Edwards J. Language, Society and Identity. - Oxford: Blackwell,1985. - 245 p.
- Edwards V. Language in a Black Community. - Clevedon: Multilingual Matters,1986. - 169 p.
- Ehlich K. Über den Faschismus sprechen - Analyse und Diskurs // Sprache im Faschismus. K.Ehlich (Hrsg.). - Frankfurt (Main): Suhrkamp,1989. - S.7-34.
- Eisenstadt S.N. Prestige, Participation, and Strata Formation // Sociological Studies 1. Social Stratification. J.A.Jackson (Ed.). - Cambridge: Cambridge Univ.Press,1968. - P.62-103.
- Eiser J.R. Social Psychology: Attitudes, Cognition and Social Behavior. - Cambridge: Cambridge Univ.Press,1986. - 400 p.
- Ekman P., Friesen W. The Repertoire of Nonverbal Behavior: Origins, Usage, Coding and Categories // Semiotica 1. - 1969. - P.49-98.
- Ellis D.S. Speech and Social Status in America // Social Forces 45. - 1967. - P.431-437.
- Ellis J., Ure J.N. Language Varieties: Register // Encyclopedia of Linguistics, Information and Control. A.R.Meetam (Ed.). - London: Pergamon Press,1969. - P.251-259.
- Ellyson S.L, Dovidio J.F. Power, Dominance, and Nonverbal Behavior: Basic Concepts and Issues // Power, Dominance, and Nonverbal Behavior. S.L.Ellyson, J.F.Dovidio (Eds.). - New York: Springer-Verlag,1985. - P.1-27.
- Eluerd R. La pragmatique linguistique. - Paris: Nathan, 1985. - 222 p.
- Engel S.M. The Language Trap. - Englewood Cliffs: Prentice Hall,1984. - 178 p.
- Erfurt J. Geschlechtsspezifische Diskurse und feministische Sprachpolitik im verhältnis zu einer "Semiotik der Geschlechter" // Semiotik der Geschlechter. Akten des 6. Symposiums der Österreichischen Gesellschaft für Semiotik. Salzburg,1987. - J.Bernard et al (Hrsg.). - Stuttgart: Heinz,1989. - S.227-234.
- Erickson F. Talking Down: Some Cultural Sources of Miscommunication in Interracial Interviews // Nonverbal Behavior. Applications and Cultural Implications. A.Wolfgang (Ed.). - New York: Academic Press,1979. - P.99-126.
- Ervin-Tripp S.M. Sociolinguistics // Advances in the Sociology of Language. Vol.1. - J.A.Fishman (Ed.). -The Hague: Mouton,1976. - P.15-91.
- Ervin-Tripp S.M., Strage A. Parent - Child Discourse // Handbook of Discourse Analysis. T.A.van Dijk (Ed.). - Vol.3. - London: Academic Press,1985. - P.67-77.

- Eysenk H.J. *The Inequality of Man*. - London: Temple Smith, 1973. - 288 p.
- Fairclough N. *Language and Power*. - London: Longman, 1989. - 259 p.
- Ferguson C.A. *Diglossia* // *Word* 15. - 1959. - P.325-340.
- Ferguson C.A. *Baby Talk in Six Languages* // *American Anthropologist* 66. - 1964, No.2. - Pt.2 - P.103-114.
- Ferguson C.A. *The Structure and Use of Politeness Formulas* // *Language in Society* 5. - 1976. - P.137-151.
- Ferrara A. *Pragmatics* // *Handbook of Discourse Analysis*. T.A.van Dijk (Ed.). - Vol.2. - London: Academic Press, 1985. - P.137-157.
- Fillenbaum S., Rapoport A. *Structures in the Subjective Lexicon*. - New York: Academic Press, 1971. - 266 p.
- Fillmore C.J. *Types of Lexical Information* // *Studies in Syntax and Semantics*. F.Kiefer (Ed.). - Dordrecht: Reidel, 1969. - P.109-137.
- Fillmore C.J. *Verbs of Judging: An Exercise in Semantic Description* // *Studies in Linguistic Semantics*. C.Fillmore, T.Langendoen (Eds.). - New York, 1971. - P.273-289.
- Fillmore C.J. *Subjects, Speakers and Roles* // *Semantics of Natural Language*. D.Davidson, G.Harman (Eds.). - Dordrecht: Reidel, 1972. - P.1-24.
- Firth J.R. *Verbal and Bodily Rituals of Greeting and Parting* // *The Interpretation of Ritual: Essays in Honour of A.I.Richards*. J.S.LaFontaine (Ed.). - London, 1972. - P.1-38.
- Firth J.R. *Speech-Making and Authority in Tikopia* // *Political Language and Oratory in Traditional Society*. M.Bloch (Ed.). - London: Academic Press, 1975. - P.29-43.
- Fishman J.A. *The Sociology of Language. An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society*. - Rowley, 1972. - 250 p.
- Fishman J.A. *The Sociology of Language* // *Advances in the Sociology of Language*. J.A.Fishman (Ed.). - Vol.1. - The Hague: Mouton, 1976. - P.217-404.
- Fishman J.A. *The Sociology of Language* // *Language and Social Context: Selected Readings*. P.P.Giglioli (Ed.). - Harmondsworth: Penguin, 1979. - P.45-58.
- Fowler R., Kress G. *Rules and Regulations* // Fowler R., Hodge B., Kress G., Trew T. *Language and Control*. - London: Routledge and Kegan Paul, 1979. - P.26-45.
- Fowler R. *Power* // *Handbook of Discourse Analysis*. T.A.van Dijk (Ed.). - Vol.4. - London: Academic Press, 1985. - P.61-82.
- Frake C.O. *How to Enter a Yakan House* // *Sociocultural Dimensions of Language Use*. M.Sanchez, B.G.Blount (Eds.). - New York: Academic Press, 1975. - P.25-40.

- Franke W. Taxonomie der Dialogtypen: eine Skizze // Dialoganalyse: Ref. der 1.Arbeitstagung. Munster,1987. F.Hundsnurscher, E.Weigand (Hrsg.). - Tubingen,1987. - S.85-101.
- Fraser B. On Apologizing // Conversational Routine. F.Coulmas (Ed.). - The Hague: Mouton,1981. - P.259-271.
- Fraser B. The Domain of Pragmatics // Language and Communication. J.C.Richards, R.W.Schmidt (Eds.). - London: Longman,1983. - P.29-59.
- Fraser B., Nolen W. The Association of Deference with Linguistic Form // International Journal of the Sociology of Language 27. - 1981. - P.93-109.
- Friedrich P. Social Context and Semantic Feature: The Russian Pronominal Usage // Directions in Sociolinguistics: the Ethnography of Communication. J.J.Gumperz, D.Hymes (Eds.). - New York: Holt, Rinehart and Winston,1972. - P.270-300.
- Frow J. Discourse Genres // Journal of Literary Semantics 9. - 1980, No.2. - P.73-81.
- Fussell P. Class: A Guide Through the American Status System. - New York: Summit,1983. - 202 p.
- Galperin I.R. Stylistics. - Moscow: Vyssaja Skola,1981. - 334 p.
- Gans E. The Origin of Language. A Formal Theory of Representation. - Berkeley: Univ. of California Press,1981. - 314 p.
- Gardner R.C., Taylor D.M., Feenstra H.J. Ethnic Stereotypes: Attitudes or Beliefs ? // Canadian Journal of Psychology 24. - 1970, No.5. - P.321-334.
- Gardner R.C., Kirby D.M., Arboleda A. Ethnic Stereotypes: A Cross-Cultural Replication of Their Unitary Dimensionality // The Journal of Social Psychology 91. - 1973. - P.189-195.
- Garvin P.L., Riesenbergs S.H. Respect Behavior in Ponape: An Ethnolinguistic Study // American Anthropologist 54. - 1952. - P.201-220.
- Gay G., Abrahams R.D. 'Does the Pot Melt, Boil, or Brew?' Black Children and White Assessment Procedures // Journal of School Psychology 11. - 1973. - P.330-340.
- Gazdar G. Speech Act Assignment // Elements of Discourse Understanding. A.K.Joshi et al.(Eds.). - Cambridge: Cambridge Univ.Press,1981. - P.64-83.
- Geertz C. Linguistic Etiquette // Sociolinguistics. Selected Readings. J.B.Pride, J.Holmes (Eds.). - Harmondsworth: Penguin,1982. - P.167-179.
- Geis M.L. The Language of Politics. - New York: Springer-Verlag,1987. - 189 p.
- Gerhardt U. Rollenanalyse als kritische Soziologie. - Neuwied: Luchverhand,1971. - 408 S.

- Gibb J.R. Defensive Communication // DeVito J.A. Communication: Concepts and Processes. - Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1976. - P.289-296.
- Gibbs J.P. Control: Sociology's Central Notion. - Urbana: Univ. of Illinois Press, 1989. - 504 p.
- Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. - Stanford: Stanford Univ. Press, 1987. - 310 p.
- Giles H., Baker S., Fielding G. Communication Length as a Behavioral Index of Accent Prejudice // International Journal of the Sociology of Language 6. - 1975. - P.73-81.
- Giles H., Powesland P.F. Speech Style and Social Evaluation. - London: Academic Press, 1975. - 218 p.
- Givon T. On Understanding Grammar. - New York: Academic Press, 1979. - 379 p.
- Givon T. Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. - Hillsdale: Erlbaum, 1989. - 456 p.
- Gnamus O.A. Argumentation and Persuasion // Argumentation: Proceedings of the Conference on Argumentation, 1986. - Vol.1. - Dordrecht, 1987. - P.103-109.
- Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. - Harmondsworth: Penguin, 1972. - 460 p.
- Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. - Cambridge: Harvard Univ. Press, 1974. - 586 p.
- Goffman E. The Neglected Situation // Language and Social Context: Selected Readings. P.P. Giglioli (Ed.). - Harmondsworth: Penguin, 1979. - P.61-66.
- Goodenough W. Residence Rules // Southwestern Journal of Anthropology 12. - 1956. - P.22-37.
- Goodenough W. Rethinking 'Status' and 'Role': Toward a General Model of the Cultural Organisation of Social Relationships // Cognitive Anthropology. S.A. Tyler (Ed.). - New York, 1969. - P.311-330.
- Goody E.N. 'Greeting', 'Begging' and the Presentation of Respect // The Interpretation of Ritual: Essays in Honour of A.I. Richards. J.S. LaFontaine (Ed.). - London, 1972. - P.39-72.
- Goody E.N. Towards a Theory of Questions // Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction. E.N. Goody (Ed.). - Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1978. - P.17-43.
- Grafte J. How to Promise Revisited: eine Taxonomie kommissiver Sprechakte // Pragmatax: Akten des 20. linguistischen Kolloquiums. Braunschweig, 1985. - Tubingen, 1986. - S.179.-188.
- Grayshon M. Towards a Social Grammar of Language. - The Hague: Mouton, 1977. - 143 p.
- Gregersen F. Relationships Between Social Class and Language Usage // Pragmalinguistics: Theory and Practice. J.L. Mey (Ed.). - The Hague: Mouton, 1979. - P.171-194.

- Gregory S.W. A Sociolinguistic Indicator of Group Membership // Journal of Psycholinguistic Research 15. - 1986, No.3. - P.189-207.
- Grice H.P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics 3. Speech Acts. - New York: Academic Press, 1975. - P.41-58.
- Grimshaw A.D. Sociolinguistics // Advances in the Sociology of Language. J.A.Fishman (Ed.). - Vol.1. - The Hague: Mouton, 1976. - P. 92-151.
- Grimshaw A.D. Language as Social Resource. - Stanford: Stanford Univ.Press, 1981. - 373 p.
- Gu Yueguo. Politeness Phenomena in Modern Chinese // Journal of Pragmatics 14. - 1990, No.2. - P.237-257.
- Gumperz J.J. Linguistic and Social Interaction in Two Communities // American Anthropologist 66. - 1964. - P.137-153.
- Gumperz J.J. Language in Social Groups. - Stanford: Stanford Univ.Press, 1971. - 350 p.
- Gumperz J.J. Discourse Strategies. - Cambridge: Cambridge Univ.Press, 1982. - 225 p.
- Guy G.R. Language and Social Class // Linguistics: the Cambridge Survey. F.J.Newmeyer (Ed.). - Vol.4. - Cambridge: Cambridge Univ.Press, 1988. - P.37-63.
- Habermas J. The Theory of Communicative Action. - Vol.1. - London: Heinemann, 1984. - 465 p.
- Haeberlin U. Sozialschichtspezifischer Wortschatz als Kommunikationsproblem // Pragmalinguistics: theory and practice. J.L.Mey (Ed.). - The Hague: Mouton, 1979. - P.195-211.
- Hall E.T. The Hidden Dimension. - New York: Anchor, 1969. - 217 p.
- Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. - London: Arnold, 1978. - 256 p.
- Hamblin C.L. Imperatives. - New York: Blackwell, 1987. - 262 p.
- Harada S.I. Honorifics // Syntax and Semantics 5. Japanese Generative Grammar. - New York: Academic Press, 1976. - P.499-561.
- Hare A.P., Blumberg H.H. Dramaturgical Analysis of Social Interaction. - New York: Praeger, 1988. - 177 p.
- Harms L.S. Listener Judgements of Status Cues in Speech // The Quarterly Journal of Speech 47. - 1961, No.2. - P.164-168.
- Harms L.S. Status Cues in Speech // Lingua 12. - 1963. P.300-306.
- Harre R., DeWaele J.P. The Ritual of Incorporation of a Stranger // Life Sentences: Aspects of the Social Role of Language. R.Harre (Ed.). - London: Wiley, 1976. - P.76-86.

- Harre R., Secord P. The Explanation of Social Behavior. - Oxford: Blackwell, 1972. - 327 p.
- Hartmann D. Zum Verhältnis von Sprachgebrauch und Sozialstruktur bei pronominalen Anredeformen // Sprachstruktur - Sozialstruktur: zur linguistischen Theorienbildung. U. Quasthoff (Hrsg.). - Königstein: Scriptor, 1978. - S. 85-97.
- Hatt P.K. Occupation and Social Stratification // American Journal of Sociology 55. - 1950. - P. 533-542.
- Head B.F. Respect Degrees in Pronominal Reference // Universals in Human Language. J.H. Greenberg (Ed.). - Vol. 3. - Stanford: Stanford Univ. Press, 1978. - P. 151-211.
- Henne H., Rehbock H. Einführung in die Gesprächsanalyse. - Berlin: de Gruyter, 1979. - 274 S.
- Herbert R.K. The Ethnography of English Compliments and Compliment Responses: A Contrastive Sketch // Contrastive Pragmatics. W. Oleksy (Ed.). - Amsterdam: Benjamins, 1989. - P. 3-35.
- Herbert R.K., Straight H.S. Compliment-Rejection Versus Compliment-Avoidance: Listener-Based Versus Speaker-Based Pragmatic Strategies // Language and Communication 9. - 1989, No. 1. - P. 35-47.
- Hermeren L. On Modality in English. A Study of the Semantics of the Modals. - Lund Studies in English 53. - 1979. - 195 p.
- Herzler J.O. The Sociology of Language. - New York: Random House, 1965. - 559 p.
- Hickmann M. Metapragmatics in Child Discourse // Semiotic Mediation: Sociocultural and Psychological Perspectives. E. Mertz, R.J. Parmentier (Eds.). - Orlando: Academic Press, 1985. - P. 177-201.
- Hill J.H. Language, Culture and World View // Linguistics: the Cambridge Survey. F.J. Newmeyer (Ed.). - Vol. 4. - Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. - P. 14-36.
- Hill J.H., Hill K.C. Honorific Usage in Modern Nahuatl: the Expression of Social Distance and Respect in the Nahuatl of the Malincke // Language 54. - 1978, No. 1. - P. 123-155.
- Hodge R., Kress G. Social Semiotics. - Cambridge: Polity Press, 1988. - 285 p.
- Hodge R.W., Siegel P.M., Rossi P.H. Occupational Prestige in the United States, 1925-1963 // American Journal of Sociology 70. - 1964. - P. 29-292.
- Holmes J. Women's Language: A Functional Approach // General Linguistics 24. - 1984. - P. 149-178.
- Holmes J. Paying Compliments: A Sex-Preferential Positive Politeness Strategy // Journal of Pragmatics 12. - 1988. - P. 445-465.

- Holmes J. Hedges and Boosters in Women's and Men's Speech // *Language and Communication* 10. - 1990, No.3. - P.185-205.
- Homans G.C. *Social Behavior: Its Elementary Forms*. - New York: Harcourt, Brace and World, 1961. - 404 p.
- Hori M. A Sociolinguistic Analysis of the Japanese Honorifics // *Journal of Pragmatics* 10. - 1986. - P.373-386.
- Horn L. *Pragmatic Theory // Linguistics: the Cambridge Survey*. F.J.Newmeyer (Ed.). - Vol.1. - Cambridge: Cambridge Univ.Press, 1988. - P.113-145.
- House J. Politeness in English and German: The Functions of PLEASE and BITTE // *Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies*. Sh.Blum-Kulka et al.(Eds.). - Norwood: Ablex, 1989. - P.96-119.
- House J., Kasper G. Politeness Markers in English and German // *Conversational Routine*. F.Coulmas (Ed.). - The Hague: Mouton, 1981. - P.157-186.
- Huang Hongxu, Tian Guisen. A sociolinguistic View of Linguistic Taboo in Chinese // *International Journal of the Sociology of Language* 81. - 1990. - P.63-85.
- Huang Shuanfan. On the Syntax and Semantics of English Modals // *Working Papers in Linguistics* 3. - Columbus, 1969. - P.159-181.
- Huddleston R.D. Some Theoretical Issues in the Description of the English Verb // *Lingua* 40. - 1976. - P.331-383.
- Hudson R.A. *Sociolinguistics*. - Cambridge: Cambridge Univ.Press, 1980. - 250 p.
- Hudson T. The Discourse of Advice Giving in English: 'I Wouldn't Feed Until Spring No Matter What You Do' // *Language and Communication* 10. - 1990, No.4. - P.285-297.
- Hughes A., Trudgill P. *English Accents and Dialects: An Introduction to Social and Regional Varieties of British English*. - London: Arnold, 1979. - 90 p.
- Hwang J.-R. 'Deference' Versus 'politeness' in Korean Speech // *International Journal of the Sociology of Language* 82. - 1990. - P.41-55.
- Hymes D. Models of the Interaction of Language and Social Life // *Directions in Sociolinguistics: the Ethnography of Communication*. - New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. - P.35-71.
- Hymes D. *Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach*. - London: Tavistok, 1977. - 248 p.
- Hymes D. Discourse: Scope Without Depth // *International Journal of the Sociology of Language* 57. - 1986. - P.49-89.
- Inkeles A., Rossi P.H. National Comparisons of Occupational Prestige // *American Journal of Sociology* 61. - 1956, No.4. - P.329-339.

- Irvine J.T. Strategies of Status Manipulation in the Wolof Greeting // Explorations in the Ethnography of Speaking. R.Bauman, J.Sherzer (Eds.). - Cambridge: Cambridge Univ.Press,1974. - P.167-191.
- Jain D.K. Verbalization of Respect in Hindi // Anthropological Linguistics 11. - 1969, No.3. - P.79-97.
- Jackman M.R., Jackman R.W. An Interpretation of the Relation Between Objective and Subjective Social Status // American Sociological Review 38. - 1973, No.5. - P.569-582.
- Jackson J.A. Social Stratification - Editorial Introduction // Sociological Studies 1. Social Stratification. J.A.Jackson (Ed.). -Cambridge: Cambridge Univ.Press,1968. - P.1-13.
- Janeway E. Women and Their Uses of Power // The Future of Difference. H.Eisenstein, A.Jardine (Eds.). - Boston: Hall,1980. - P.327-344.
- Jensen J.V. Communicative Functions of Silence // DeVito J.A. Communication: Concepts and Processes. - Englewood Cliffs: Prentice Hall,1976. - P.124-132.
- Jessen H. Pragmatische Aspekte lexikalischer Semantik: Verben des Aufforderns im Franzosischen. - Tubingen: Narr, 1979. - 228 S.
- Ji Feng Yuan, Kuiper K., Shu Shaogu. Language and Revolution: Formulae of the Cultural Revolution // Language in Society 19. - 1990. - P.61-79.
- Joos M. The Five Clocks // International Journal of American Linguistics 28. - 1962, No.2. - P.7-62.
- Joos M. The English Verb: Form and Meaning. - Madison: Univ. of Wisconsin Press,1964. - 251 p.
- Jucker A.H. News Interviews: a Pragmalinguistic Analysis. - Amsterdam: Benjamins,1986. - 175 p.
- Kalin R. The Social Significance of Speech in Medical, Legal and Occupational Settings // Attitudes Towards Language Variation: Social and Applied Contexts. - London,1982. - P.148-163.
- Kallenberg A., Griffin L.J. Class, Occupation and Inequality in Job Rewards // American Journal of Sociology 85. - 1980. - P.731-768.
- Kaplan D., Manners R.A. Culture Theory. - Englewood Cliffs: Prentice Hall,1972. - 212 p.
- Karlins M., Goffman T.L., Waters G. On the Fading of Social Stereotypes: Studies in Three Generations of College Students // Journal of Personality and Social Psychology 19. - 1969. - P.1-16.
- Kasher A. Minimal Speakers, Necessary Speech Acts // A Festschrift for Native Speaker. F.Coulmas (Ed.). - The Hague: Mouton,1981. - P.93-104.
- Kasper G. Linguistic Politeness: Current Research Issues // Journal of Pragmatics 14. - 1990, No.2. - P.193-218.

- Katz D. Psychological Barriers to Communication // DeVito J.A. Communication: Concepts and Processes. - Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1976. - P.277-288.
- Katz D., Braly K.W. Racial Prejudice and Racial Stereotypes // Journal of Abnormal and Social Psychology 30. - 1935. - P.175-193.
- Katz J.J. Propositional Structure and Illocutionary Force. A Study of the Contribution of Sentence Meaning to Speech Acts. - New York: Crowell, 1977. - 249 p.
- Kedar L. Power Through Discourse. - Norwood: Ablex, 1987. - 176 p.
- Keenan E.L. Two Kinds of Presupposition in Natural Language // Studies in Linguistic Semantics. C.J.Fillmore, T.Langendoen (Eds.). - New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. - P.44-52.
- Keenan E. Norm-Makers, Norm-Breakers: Uses of Speech by Men and Women in a Malagasy Community // Explorations in the Ethnography of Speaking. R.Bauman, J.Sherzer (Eds.). - Cambridge: Cambridge Univ.Press, 1974. - P.125-143.
- Keenan Ochs E. The Universality of Conversational Implicatures // Variation in the Form and Use of Language: A Sociolinguistics Reader. R.W.Fasold (Ed.). - Washington: Georgetown Univ.Press, 1983. - P.234-247.
- Key M.R. Linguistic Behavior of Male and Female // Linguistics 88. - 1972. - P.15-31.
- Khleif B.B. Language, Ethnicity, and Education in Wales. - The Hague: Mouton, 1980. - 331 p.
- Khuri F.I. The Etiquette of Bargaining in the Middle East // American Anthropologist 70. - 1968. - P.698-706.
- Kim-Renaud Y.-K. Speech Styles in Korean and Their Translation Equivalence // Kim-Renaud Y.-K. Studies in Korean Linguistics. - Seoul: Hanshin, 1987. - P.153-168.
- Kinneavy J.R. Greek Rhetorical Origins of Christian Faith: an Inquiry. - Oxford: Oxford Univ.Press, 1987. - 186яp.
- Kirby D.M., Gardner R.C. Ethnic Stereotypes: Norms on 208 Words Typically Used in Their Assessment // Canadian Journal of Psychology 26. - 1972. - P.140-154.
- Klapp O.E. The Fool as a Social Type // American Journal of Sociology 55. - 1949. - P.157-162.
- Klapp O.E. Symbolic Leaders. Public Dramas and Public Men. - Chicago: Aldine, 1964. - 272 p.
- Klein J. Wortschatz, Wortkampf, Wortfelder in der Politik // Politische Semantik. J.Klein (Hrsg.). - Opladen: Westd.Verlag, 1989. - S.3-50.
- Kocher M. Second Person Pronouns in Serbo-Croatian // Language 43. - 1967. - P.725-741.
- Kochman T. The Politics of Politeness: Social Warrants in Mainstream American Public Etiquette // Meaning, Form, and

- Use in Context: Linguistic Applications. D.Schiffrin. - Washington: Georgetown Univ.Press,1984. - P.200-209.
- Kramarae C., Schulz M., O'Barr W.M. Introduction: Toward an Understanding of Language and Power // Language and Power. C.Kramarae et al.(Eds.). - Beverly Hills: Sage, 1984. - P.9-22.
- Kramer C. Female and Male Perceptions of Female and Male Speech // Language and Speech 20. - 1978, No.2. - P.151-161.
- Kraus J. On the Sociolinguistic Aspects of the Notion of Functional Class // Reader in Czech Sociolinguistics. J.Chloupek et al.(Eds.). - Amsterdam: Benjamins,1987. - P.83-93.
- Kreckel M. Communicative Acts and Shared Knowledge in Natural Discourse. - London: Academic Press,1981. - 316 p.
- Kridalaksana H. Second Participant in Indonesian Address // Language Sciences 31. - 1974. - P.17-20.
- Labov W. Sociolinguistic Patterns. - Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press,1972. - 344 p.
- Labov W. The Study of Language in Its Social Context // Advances in the Sociology of Language. J.A.Fishman (Ed.). - Vol.1. - The Hague: Mouton,1976. - P.92-151.
- Labov W., Fanshel D. Therapeutic Discourse: Psychotherapy as Conversation. - New York: Academic Press,1977. - 392 p.
- Ladusaw W. Semantic Theory // Linguistics: the Cambridge Survey. F.J.Newmeyer (Ed.). - Vol.1. - Cambridge: Cambridge Univ.Press,1988. - P.89-112.
- Lakoff R. The Logic of Politeness, or, Minding Your P's and Q's // Papers from the 9th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. - Chicago,1973. - P.292-305.
- Lakoff R.T. Psychoanalytic Discourse and Ordinary Conversation // Variation in the Form and Use of Language: a Sociolinguistics Reader. R.W.Fasold (Ed.). - Washington: Georgetown Univ.Press,1983. - P.305-323.
- Lambert W.E. The Use of TU and VOUS as Forms of Address in French Canada: a Pilot Study // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior 6. - 1967. - P.614-617.
- Lange W. Aspekte der Höflichkeit: Überlegungen am Beispiel der Entschuldigungen im Deutschtn. - Frankfurt (Main): Lang,1984. - 199 S.
- Larrea P. Enonces performatifs: presupposition, elements de semantique et de pragmatique. - Paris: Nathan,1979. - 108 p.
- Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society // Mass Communication. W.Schramm (Ed.). - Urbana,1949. - P.102-115.
- Lavandera B.R. The Social Pragmatics of Politeness Forms // Sociolinguistics - Soziolinguistik. An International Handbook of the Science of Language and Society. U.Ammon et

- al. (Eds.). - Vol.2. - Berlin: de Gruyter, 1988. - P.1196-1205.
- Lebsanft F. Studien zu einer Linguistik des Grusses: Sprache und Funktion der altfranzösischen Grussformeln. - Tübingen: Niemeyer, 1988. - 516 S.
- Lee P.G. Subjects and Agents // Working Papers in Linguistics 3. - Columbus, 1969. - P.36-113.
- Leech G.N. Semantics. - Harmondsworth: Penguin, 1974. - 386 p.
- Leech G.N. Principles of Pragmatics. - London: Longman, 1983. - 250 p.
- Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. - Moscow: Prosveshcheniye, 1983. - 304 p.
- Leginski W., Izzett R.R. Linguistic Styles and Indices for Interpersonal Distances // Journal of Social Psychology 91. - 1973. - P.291-304.
- Leisi E. Paar und Sprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung. - Heidelberg: Quelle und Meyer, 1978. - 167яS.
- Le Masters E.E. Blue Collar Aristocrats: Life-Styles at a Working Class Tavern. - Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1975. - 218 p.
- Lenski G. Status Crystallization: a Non-vertical Dimension Social Status // American Sociological Review 19. - 1954. - P.405-413.
- Levinson S.C. Pragmatics. - Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. - 420 p.
- Lewandowska-Tomaszczyk B. Praising and Complimenting // Contrastive Pragmatics. W.Oleksy (Ed.). - Amsterdam: Benjamins, 1989. - P.73-100.
- Linde C. Linguistic Consequences of Complex Social Structures: Rank and Task in Police Helicopter Discourse // Proceedings of the 14th Annual Meeting, Berkeley Linguistic Society. - Berkeley, 1988. - P.142-152.
- Linton R. The Study of Man. An Introduction. - New York: Students Edition, 1936. - 503 p.
- Luckmann T. The Sociology of Language. - Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1975. - 79 p.
- Luhman N. Soziale Systeme: Grundriss einer allgemeinen Theorie. - Frankfurt (Main): Suhrkamp, 1984. - 675 S.
- Lundberg G.A., Schrag C.C., Larsen O.N., Catton W.R., Jr. Social Stratification: Power, Privilege, Prestige // Lundberg G.A. et al. Sociology. - New York: Harper, 1968. - P.357-380.
- Lyons J. Pronouns of Address in 'Anna Karenina': the Stylistics of Bilingualism and the Impossibility of Translation // Studies in English Linguistics: for Randolph Quirk. S.Greenbaum (Ed.). - London, 1980. - P.235-249.

- Lyons J. Semantics. - Cambridge: Cambridge Univ.Press, 1981. - In 2 vol. - 897 p.
- Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages // The Meaning of Meaning. C.K.Ogden, J.A.Richards (Eds.). - London: Routledge and Kegan Paul,1972. - P.296-336.
- Maltz D.N., Borker R.A. A Cultural Approach to Male-Female Communication // Language and Social Identity. J.Gumperz (Ed.). - Cambridge: Cambridge Univ.Press,1982. - P.196-216.
- Manes J. Compliments: A Mirror of Cultural Values // Sociolinguistics and Language Acquisition. N.Wolfson, E.Judd (Eds.). - Rowley: Newbury,1983. - P.96-102.
- Mathesius V. A Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis. - Prague: Academia, 1975. - 228 p.
- Matsumoto Y. Re-Examination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese // Journal of Pragmatics 12. - 1988, No.4. - P.403-426.
- McDavid R.I., Jr., McDavid V.G. The Relationship of the Speech of American Negroes to the Speech of Whites // Black-White Speech Relationships. W.Wolfram, N.H.Clarke (Eds.). - Washington: Center for Applied Linguistics,1971. - P.16-40.
- McDermott R.P. Inarticulateness // Linguistics in Context: Connecting Observation and Understanding. D.Tannen (Ed.). - Norwood: Ablex,1988. - P.37-68.
- McIntire M.L. Terms of Address in an Academic Setting // Anthropological Linguistics 14. - 1972, No.7. - P.286-291.
- Mead G.H. Mind, Self, and Society. - Chicago: Univ. of Chicago Press,1934. - 401 p.
- Mehrabian A. Communication Without Words // DeVito J.A. Communication: Concepts and Processes. - Englewood Cliffs: Prentice Hall,1976. - P.99-106.
- Mehrotra R.R. Sociolinguistics in Hindi Context. - Berlin: Mouton de Gruyter,1985. - 153 p.
- Merrill J.C., Lowenstein R.L. Media, Messages, and Men: New Perspectives in Communication. - New York: McKay,1971. - 293 p.
- Milgram S. Behavioral Study of Obedience // Journal of Abnormal and Social Psychology 67. - 1963. - P.371-378.
- Miller G.R., Steinberg M. Between People: A New Analysis of Interpersonal Communication. - Chicago,1975. - 369 p.
- Milroy L. Language and Social Networks. - Oxford: Blackwell,1980. - 218 p.
- Misra K.S. Terms of Address and Second Person Pronominal Usage in Hindi: A Sociolinguistic Study. - New Delhi: Bahri,1977. - 75 p.
- Mohan B. Principles, Postulates, Politeness // Papers from the 10th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. - Chocago,1974. - P.446-459.

- Montague A., Matson F. The Human Connection. - New York: McGraw-Hill, 1979. - 211 p.
- Morner M. Classes, Strata and Elites: The Social Historian's Dilemma // Classes, Strata and Elites: Essays on Social Stratification in Nordic and Third World History. M.Morner, T.Svensson (Eds.). - Goteborg: Gothenburg Univ., 1988. - P.3-50.
- Murphy R.F. Social Distance and the Veil // American Anthropologist 66. - 1964, No.6. - P.1257-1274.
- Nichols P.C. Networks and Hierarchies: Language and Social Stratification // Language and Power. C.Kramarae et al.(Eds.). - Beverly Hills: Sage, 1984. - P.23-42.
- Niebold W. Sprache und soziale Schicht. - Berlin: Volker Spiess, 1970. - 78 S.
- Nilsen A.P. Sexism as Shown Through the English Vocabulary // Sexism and Language. A.P.Nilsen et al.(Eds.). - Urbana, 1977. - P.27-42.
- Ochs E. Input: A Socio-Cultural Perspective // Social and Functional Approaches to Language and Thought. M.Hickmann (Ed.). - Orlando: Academic Press, 1987. - P.305-319.
- Ogino T. Quantification of Politeness Based on the Usage Patterns of Honorific Expressions // International Journal of the Sociology of Language 58. - 1986. - P.37-58.
- Ogino T., Misono Y., Fukushima C. Diversity of Honorific Usage in Tokyo: A Sociolinguistic Approach Based on a Field Survey // International Journal of the Sociology of Language 55. - 1985. - P.23-39.
- Olshtain E., Cohen A. Apology: A Speech Act Set // Sociolinguistics and Language Acquisition. N.Wolfson, E.Judd (Eds.). - Rowley: Newbury, 1983. - P.18-35.
- Ossner J. Konvention und Strategie: die Interpretation von Ausserungen im Rahmen einer Sprechakttheorie. - Tubingen: Niemeyer, 1985. - 208 S.
- Owen M. Apologies and Remedial Interchanges: A Study of Language Use in Social Interaction. - Berlin: Mouton, 1983. - 192 p.
- Palmer F.R. Modality and the English Modals. - London: Longman, 1979. - 196 p.
- Parkinson D.B. Constructing the Social Context of Communication: Terms of Address in Egyptian Arabic. - Berlin: Mouton de Gruyter, 1985. - 239 p.
- Parsons T. The Structure of Social Action. Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers. - Glencoe: The Free Press, 1949. - 817 p.
- Partridge J.G. Semantic, Pragmatic and Syntactic Correlates: An Aanalysis of Performative Verbs Based on English Data. - Tubingen: Narr, 1982. - 172 p.

- Pateman T. Pragmatics in Semiotics: Bakhtin/ Volosinov // Journal of Literary Semantics 18. - 1989, No.3. - P.203-216.
- Paulston C.B. Pronouns of Address in Swedish: Social Class Semantics and a Changing System // Language in Society 5. - 1976. - P.359-386.
- Peale N.V. with Buckley W.T. The American Character. - New York: Winwood, 1988. - 224 p.
- Pecheux M. Language, Semantics, Ideology. - London: Macmillan, 1982. - 244 p.
- Penfield J., Ornstein-Galicia J.L. Chicano English: an Ethnic Contact Dialect. - Amsterdam: Benjamins, 1985. - 112 p.
- Peng F.C.C. Communicative Distance // Language Sciences 31. - 1974. - P.32-38.
- Peng F.C.C. On the Context of Situation // International Journal of the Sociology of Language 58. - 1986. - P.91-105.
- Penrod S. Social Psychology. - Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1986. - 616 p.
- Persson G. Meanings, Models and Metaphors: a Study in Lexical Semantics in English. - Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1990. - 205 p.
- Perrucci R., Knudsen D.D., Hamby R.R. Sociology. Basic Structures and Processes. - Dubuque: Brown, 1977. - 606 p.
- Phillips B.S. Social Stratification // Phillips B.S. Sociology: Social Structure and Change. - London: Macmillan, 1969. - P. 167-193.
- Pocock J.G.A. Verbalizing a Political Act: Towards a Politics of Speech // Language and Politics. M.J.Shapiro (Ed.). - Oxford: Blackwell, 1984. - P.25-43.
- Pomerantz A. Complement Responses: Notes on the Co-Operation of Multiple Constraints // Studies in the Organization of Conversational Interaction. J.Schenkein (Ed.). - New York: Academic Press, 1978. - P.79-112.
- Pomerantz A. Agreeing and Disagreeing with Assessments // Structures of Social Action. J.M.Atkinson, J.Heritage (Eds.). - Cambridge: Cambridge Univ.Press, 1984. - P.57-101.
- Poole M.E. Social Class and Language Utilization at the Tertiary Level. - St.Lucia: Univ. of Queensland Press, 1976. - 254 p.
- Post E. Etiquette. The Blue Book of Social Usage. - New York: Funk and Wagnalls, 1950. - 656 p.
- Preisler B. Linguistic Sex-Roles in Conversation: Social Variation in the Expression of Tentativeness in English. - Berlin: Mouton de Gruyter, 1986. - 347 p.
- Preston D.R. Sociolinguistics and Second Language Acquisition. - Oxford: Blackwell, 1989. - 326 p.

- Quasthoff U. Soziales Vorurteil und Kommunikation. Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. - Frankfurt (Main), 312 S.
- Radovanovic M. Sociolinguistika. - Novi Sad: Dnevnik, 1986. - 305 c.
- Rasku-Puttonen H. Communication Between Parents and Children in Experimental Situations. - Jyvaskyla: Univ. of Jyvaskyla, 1988. - 71 p.
- Rassem M. Uber den Sinn der Hofflichkeit // Festschrift fur Otto Hoffler. - Wien, 1968. - S.373-387.
- Razran G. Ethnic Dislike and Stereotypes. A Laboratory Study // Journal of Abnormal and Social Psychology 45. - 1950. - P.7-27.
- Rehbein J. Entschuldigungen und Rechtfertigungen // Linguistische Pragmatik. D.Wunderlich (Hrsg.). - Frankfurt (Main), 1972. - S.288-317.
- Rehbein J. Ausgewahlte Aspekte der Pragmatik // Sociolinguistics - Soziolinguistik. An International Handbook of the Science of Language and Society. U.Ammon et al. (Eds.). - Vol.2. - Berlin: de Gruyter, 1988. - S.1181-1195.
- Reiss N. Speech Act Taxonomy as a Tool for Ethnographic Description: An Analysis Based on Videotapes of Continuous Behavior in Two New York Households. - Amsterdam: Benjamins, 1985. - 153 p.
- Rieber R.W., Wiedemann C., D'Amato J. Obscenety: Its Frequency and Context of Usage as Compared in Males, Non-Feminist Females and Feminist Females // Journal of Psycholinguistic Research 8. - 1979, No.3. - P.131-151.
- Riemer M.D. Abnormalities of the Gaze - a Classification // The Psychiatric Quarterly 29. - 1955, No.4. - P.659-672.
- Rintell E. Sociolinguistic Variation and Pragmatic Ability: A Look at Learners // International Journal of the Sociology of Language 27. - 1981. - P.11-34.
- Robertson I. Status Stratification // Encyclopedia of Sociology. - Guilford: Dushkin, 1974. - P.285-287.
- Robinson W.P. Language and Social Behavior. - London: Penguin, 1974. - 223 p.
- Robinson W.P. Social Psychology and Discourse // Handbook of Discourse Analysis. T.A.van Dijk (Ed.). - Vol.1 - London: Academic Press, 1985. - P.107-144.
- Robinson W.P., Rackstraw S.J. A Question of Answers. - London: Routledge and Kegan Paul, 1972. - In 2 vol. - 352 p.
- Roche J. Xenolekte: Struktur und Variation im Deutschen gegenüber Ausländern. - Berlin: de Gruyter, 1989. - 199 S.
- Rogers E. The Diffusion of Innovations. - New York: The Free Press, 1962. - 367 p.
- Romaine S. Bilingualism. - New York: Blackwell, 1989. - 337 p.

- Rommetveit R. On Message Structure: A Framework for the Study of Language and Communication. - London: Wiley, 1974. - 143 p.
- Rosch E. Cognitive Representation of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology 104. - 1975. P.192-233.
- Ross A.S.C. U and Non-U: An Essay in Social Linguistics // Noblesse Oblige. An Enquiry into Identifiable Characteristics of the English Aristocracy. - London: Hamilton, 1956. - P.11-36.
- Rothwell J.D. Telling It Like It Isn't: Language Misuse and Malpractice. - Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1982. - 342яp.
- Rubin J. Bilingualism in Paraguay // Anthropological Linguistics 4. - 1962. - P.52-58.
- Runciman W.G. Class, Status and Power ? // Sociological Studies 1. Social Stratification. J.A.Jackson (Ed.). - Cambridge: Cambridge Univ.Press, 1968. - P.25-61.
- Russell R.L., Stiles W.B. Categories for Classifying Language in Psychotherapy // Psychological Bulletin 86. - 1979. - P.404-419.
- Ryan E.B. Why do Low-Prestige Language Varieties Persist? // Language and Social Psychology. H.Giles, R.N.St.Clair (Eds.). - Oxford: Blackwell, 1979. - P.145-157.
- Sadock J. Speech Acts Idioms // Papers from the 8th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. - Chicago, 1972. - P.329-339.
- Sampson G. Schools of Linguistics. - Stanford: Stanford Univ.Press, 1980. - 283 p.
- Sarbin T.R., Allen V.L. Role Theory // Handbook of Social Psychology. G.Lindsey, E.Aronson (Eds.). - Vol.1.- 2nd Ed. - Cambridge: Addison-Wesley, 1968. - P.488-567.
- Saugstad P. Language: A Theory of its Structure and Use. - Oslo: Solum, 1989. - 156 p.
- Saville-Troike M. The Ethnography of Communication: An Introduction. - New York: Blackwell, 1986. - 290 p.
- Schatzmann L., Strauss A. Social Class and Modes of Communication // The Psychosociology of Language. S.Moscovici (Ed.). - Chicago: Markham, 1972. - P.206-221.
- Schegloff E. Preliminaries to Preliminaries: 'Can I Ask You a Question ?' // Sociological Inquiry 50. - 1980. - P.104-152.
- Scherer K.R., Wallbot H.C. Analysis of Nonverbal Behavior // Handbook of Discourse Analysis. T.A.van Dijk (Ed.). - Vol.2. - London: Academic Press, 1985. - P.199-230.
- Schieffelin B.B., Ochs E. Language Socialization // Annual Review of Anthropology 15. - 1986. - P.163-191.
- Scholer H. Zur Entwicklung des Verstehens inkonsistenter Ausserungen. - Frankfurt (Main): Fischer, 1982. - 137 S.

Schwarze C. Textverstehen und lexikalisches Wissen // Fortschritte in der Semantik. A.von Stechow, M.-T.Schepping (Hrsg.). - Weinheim: VCH,1988. - S.141-157.

Scotton C.M. Diglossia and Code Switching // The Fergusonian Impact. In honor of Charles A.Ferguson on the Occasion of His 65th Birthday. J.A.Fishman et al.(Eds.). - Vol.2. - Berlin: Mouton de Gruyter,1986. - P.403-415.

Searle J.R. Indirect Speech Acts // Syntax and Semantics 3. Speech Acts. - New York: Academic Press,1975. - P.59-82.

Searle J.R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. - Cambridge: Cambridge Univ.Press, 1979. - 187 p.

Searle J.R., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic. - Cambridge: Cambridge Univ.Press,1985. - 227 p.

Sellner M.B. Schimpfworter aus allgemeiner und Tierschimpfworter aus emanzipatorisch-soziolinguistischer Sicht // Semiotik der Geschlechter. Akten des 6.Symposiums der Osterreichischen Gesellschaft fur Semiotik. Salzburg,1987. J.Bernard et al.(Hrsg.). - Stuttgart: Heinz,1989. - S.249-259.

Shepard J.M. Sociology. - 2nd Ed. - St.Paul: West Publishing Company,1984. - 669 p.

Shils E. Deference // Sociological Studies 1. Social Stratification. J.A.Jackson (Ed.). - Cambridge: Cambridge Univ.Press,1968. - P.104-132.

Shuy R.W. On the Relevance of Recent Developments in Sociolinguistics to the Study of Language Learning and Early Education // Language, Children and Society. The Effect of Social Factors on Children Learning to Communicate. O.K.Garnica, M.L.King (Eds.). - Oxford: Pergamon Press,1981. - P.21-36.

Siegler D.M., Siegler R.S. Stereotypes of Males' and Females' Speech // Psychological Reports 39. - 1976. - P.167-170.

Siegman A.W. The Telltale Voice: Nonverbal Messages of Verbal Communication // Nonverbal Behavior and Communication. A.W.Siegman,S.Feldstein (Eds.). - Hillsdale: Erlbaum,1978. - P.183-243.

Silverstein M. The Three Faces of 'Function': Preliminaries to a Psychology of Language // Social and Functional Approaches to Language and Thought. M.Hickmann (Ed.). - Orlando: Academic Press,1987. - P.17-38.

Singer M.R. Intercultural Communication: A Perceptual Approach. - Englewood Cliffs: Prentice Hall,1987. - 258 p.

Slama-Cazacu T. The Concept of Politeness and its Formulas in the Romanian Language // The Fergusonian Impact: in Honor of Charles A.Ferguson on the Occasion of His 65th Birthday. J.A.Fishman (Ed.). - Vol.2. - Berlin: Mouton de Gruyter,1986. - P.35-58.

- Slobin D.I. Some Aspects of the Use of Pronouns of Address in Yiddish // Word 19. - 1963. - P.193-202.
- Slobin D.I., Miller S.H., Porter L.W. Forms of Address and Social Relations in a Business Organization // Journal of Personality and Social Psychology. - 1968, No.8. - P.289-293.
- Smith D.W. The Circle of Acquaintance: Perception, Consciousness, and Empathy. - Dordrecht: Kluwer,1989. - 252pp.
- Smith P.M. Sex Markers in Speech // Social Markers in Speech. K.R.Scherer, H.Giles (Eds.). - Cambridge: Cambridge Univ.Press,1979. - P.109-146.
- Smith P.M. Language, the Sexes and Society. - Oxford: Blackwell,1985. - 211 p.
- Sornig K. Umgangssprache: Zwischen Standartnorm und Intim-Variante // International Journal of the Sociology of Language 83. - 1990.- P.83-103.
- Spenger M. Foundations of Modern Sociology. 2nd ed. - Englewood Cliffs: Prentice Hall,1979. - 621 p.
- Staples L.M., Robinson W.P. Address Forms Used by Members of a Department Store // British Journal of Social and Clinical Psychology 13. - 1970. - P.1-11.
- Stechow A.von. Fortschritte in der Semantik // Fortschritte in der Semantik. A.von Stechow, M.-T.Schepping (Hrsg.). - Weinheim: VCH,1988. - S.3-26.
- Steinig W. Soziolekt und soziale Rolle. - Dusseldorf: Schwann,1976. - 299 S.
- Steger H. Sprachverhalten - Sprachsystem - Sprachnorm // Ansätze zur soziolinguistischen Theorienbildung. H.Steger (Hrsg.). - Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft,1982. - S.353-372.
- Stewart W.A. From Xenolect to Mimorect to Pseudocomprehension: Structural Mimicry and its Functional Consequences in Decreolization // Annals of the New York Academy of Sciences. Vol.583. The Uses of Linguistics. E.X.Bendix (Ed.). - New York,1990. - P.33-47.
- Stiles W.B. Classification of Intersubjective Illocutionary Acts // Language in Society 10. - 1981. - P.227-249.
- Streeck J. Social Order in Child Communication. - Amsterdam: Benjamins,1983. - 130 p.
- Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. - Oxford: Blackwell,1983. - 272 p.
- Tajfel H. Social Identity and Intergroup Behaviour // Social Science Information 13. - 1974. - P.65-93.
- Takahara K. Politeness in English, Japanese, and Spanish // Cross-Cultural Communication: East and West. J.-H.Koo, R.N.St.Clair (Eds.). - Seoul: Samji,1986. - P.181-194.

Tannen D. Indirection in Discourse; Ethnicity as Conversational Style // Discourse Processes 4. - 1981. - P.221-238.

Techtmeier B. Das Gespräch: Funktionen, Normen und Strukturen. - Berlin: Akademie-Verlag, 1984. - 201 S.

Terrell S.L. Issues in Layperson Bias Toward the Cultural Difference View // Cultural Language Differences. S.Adler (Ed.). - Springfield: Thomas, 1984. - P.119-147.

Thomas J.A. The Language of Power: Towards a Dynamic Pragmatics // Journal of Pragmatics 9. - 1985, No.6. - P.765-784.

Trudgill P. The Social Differentiation of English in Norwich. - Cambridge: Cambridge Univ.Press, 1974. - 211 p.

Trudgill P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society. - Harmondsworth: Penguin, 1984. - 204яp.

Turner G. Social Class and Children's Language of Control at Age Five and Seven // Class, Codes and Control. B.Bernstein (Ed.). - Vol.2. - London: Routledge and Kegan Paul, 1973. - P.135-202.

Turner R.E., Edgley C. Funerals in America // Hare A.P., Blumberg H.H. Dramaturgical Analysis of Social Interaction. - New York: Praeger, 1988. - P.139-152.

Turner R.H. Role-Taking, Role Standpoint, and Reference-Group Behavior // The American Journal of Sociology 61. - 1956. - P.316-328.

Valdman A. Sociolinguistic Aspect of Foreigner Talk // International Journal of the Sociology of Language 28. - 1981. - P.41-52.

Verschueren J. On Speech Act Verbs. - Amsterdam: Benjamins, 1980. - 83 p.

Vick C.F. Levels of Individuation in Semantic Structures // Research Designs in General Semantics. K.G.Johnson (Ed.). - New York: Gordon and Breach, 1974. - P.41-45.

Wardhaugh R. The Contexts of Language. - Rowley: Newbury, 1976. - 228 p.

Wardhaugh R. How Conversation Works. - Oxford: Blackwell, 1985. - 230 p.

Wardhaugh R. An Introduction to Sociolinguistics. - New York: Blackwell, 1986. - 384 p.

Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology. G.Roth, C.Wittich (Eds.). - Berkeley: Univ. of California Press, 1978. - In 2 vol. - 1470яp.

Wegener B. Kritik des Prestiges. - Opladen: Westdeutscher Verlag, 1988. - 273 S.

Weigand E. Sprache als Dialog: Sprechakttaxonomie und kommunikative Grammatik. - Tübingen: Niemeyer, 1989. - 368 S.

- Weizman E. Requestive Hints // Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies. Sh.Blum-Kulka et al. (Eds.). - Norwood: Ablex, 1989. - P.71-95.
- Wentworth W.M. Context and Understanding: An Inquiry into Socialization Theory. - New York: Elsevier, 1980. - 183яp.
- Whitcut J. The Language of Address // The State of Language. L.A.Michaels, C.Ricks (Eds.). - Berkeley, 1980. - P.89-97.
- Wierzbicka A. Semantic Primitives. - Frankfurt (Main), 1972. - 235 p.
- Wierzbicka A. Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language. - Sydney: Academic Press, 1980. - 367 p.
- Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary. - Sydney: Academic Press, 1987. - 397 p.
- Williams F., Wood B.S. Negro Children's Speech: Some Social Class Differences in Word Predicability // Language and Speech 13. - 1970. - P.141-150.
- Wilson E.K. Sociology: Rules, Roles, and Relationships. - Homewood: Dorsey, 1966. - 730 p.
- Winefield H.R., Chandler M.A., Basset D.L. Tag Questions and Powerfulness: Quantitative and Qualitative Analysis of a Course of Psychotherapy // Language in Society 18. - 1989, No.1. - P.77-86.
- Witherspoon G. Language in Culture and Culture in Language // International Journal of American Linguistics 46. - 1980, No.1. - P.1-13.
- Wittermans E.P. Indonesian Terms of Address in a Situation of Rapid Social Change // Social Forces 46. - 1967. - P.48-51.
- Wodak R. Language Behavior in Therapy Groups. - Berkeley: Univ. of California Press, 1986. - 313 p.
- Wolf C. Prestige // The Social Science Encyclopedia. A.Kuper, J.Kuper (Eds.). - London: Routledge and Kegan Paul, 1989. - P.643-644.
- Wolf C. Status // The Social Science Encyclopedia. A.Kuper, J.Kuper (Eds.). - London: Routledge and Kegan Paul, 1989. - P.825-827.
- Wolfram W., Fasold R.W. The Study of Social Dialects in American English. - Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1974. - 239 p.
- Wolfson N. An Empirically Based Analysis of Complimenting in American English // Sociolinguistics and Language Acquisition. N.Wolfson, E.Judd (Eds.). - Rowley: Newbury, 1983. - P.82-95.
- Woodland D.J.A. Role, Social Role; Role-Taking; Role Conflict // A Dictionary of Sociology. G.D.Mitchell (Ed.). - Chicago: Aldine, 1973. - P.148-152.

- Wootton A. Dilemmas of Discourse. Controversies about the Sociological Interpretation of Language. - London: Allen and Unwin, 1975. - 125 p.
- Wright C.R. Mass Communication: A Sociological Perspective. 3rd ed. - New York: Random House, 1986. - 223 p.
- Wrong D.H. The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology // An introduction to Sociology. R. Bocock et al. (Eds.). - Brighton: Harvester, 1980. - P.23-51.
- Wunderlich D. Towards an Integrated Theory of Grammatical and Pragmatic Meaning // Language in Focus. A. Kasher (Ed.). - Dordrecht, 1976. - P.51-277.
- Zablocki B.D., Kanter R.M. The Differentiation of Life-Styles // Annual Review of Sociology 2. - 1976. - P.269-298.
- Zamuner V.L. Speech Production Strategies in Discourse Planning: A Theoretical and Empirical Planning. - Hamburg: Buske, 1981. - 316 p.
- Zelditch M., Jr. Status, Social // International Encyclopedia of the Social Sciences. D.L. Sills (Ed.). - Vol.15. - Macmillan and Free Press, 1968. - P.250-257.
- Zillig W. Bewerten: Sprechakttypen der bewerteten Rede. - Tübingen: Niemeyer, 1982. - 317 S.
- Zimin S. Sex and Politeness: Factors in First-and-Second-Language Use // International Journal of the Sociology of Language 27. - 1981. - P.35-58.
- Zimmerman D.H., West C. Sex Roles, Interruptions and Silences in Conversation // Language and Sex: Difference and Dominance. B. Thorne, N. Henley (Eds.). - Rowley: Newbury, 1975. - P.105-129.
- Zwicky A.M. Hey, Whatsyourname ! // Papers from the 10th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. - Chicago, 1974. - P.787-801.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

- Англо-русский синонимический словарь. Под рук. А.И. Розенмана, Ю.Д. Апресяна. - М.: Рус. язык, 1979. - 544 с. (АРСС).
- Большой англо-русский словарь: В 2-х т. Под рук. И.Р. Гальперина. - М.: Советская энциклопедия, 1972. - Т.1 - 822 с., Т.2 - 863 с. (БАРС).
- Великобритания. Лингвострановедческий словарь. Под ред. Е.Ф. Рогова. - М.: Рус. язык, 1978. - 480 с. (ВЛС).
- Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд. - М.: Рус. язык, 1984. - 944 с. (АРФС).
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. 16-е изд. - М.: Рус. язык, 1984. - 797 с. (СО).

- Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. Под ред. А.П.Евгеньевой. - Л.:Наука,1970-1971. - Т.1 - 680 с., Т.2 - 856 с. (ССРЯ).
- Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. А.П.Евгеньевой. - 2-е изд. - М.: Рус.язык,1981-1984. - Т.1 - 698 с., Т.2 - 736 с., Т.3 - 752 с., Т.4 - 794 с. (МАС).
- Толковый словарь уголовных жаргонов. Под общ. ред. Ю.П.Дубягина, А.Г.Бронникова. - М.:Интер-Омнис и РОМОС,1991. - 208 с. (ТСУЖ).
- Collins COBUILD English Language Dictionary. J.Sinclair (Ed.). - London: Collins,1987. - 1703 p. (CBUD).
- Collins V.H. The Choice of Words. A Dook of Synonyms with Explanations. - Leningrad: Ucpedgiz,1960. - 232 p. (ChW).
- The Concise Oxford Dictionary of Current English. J.B.Sykes (Ed.). 6th ed. - Oxford: Oxford Univ.Press,1978. - 1368 p. (COD).
- Fowler H.W. A Dictionary of Modern English Usage. 2nd ed. - Oxford: Oxford Univ.Press,1980. - 725 p. (DMEU).
- Garmonsway G.N. with J.Simpson. The Penguin English Dictionary. - Harmondsworth: Penguin,1965. - 800 p. (PED).
- Greenbaum S., Whitcut J. Longman Guide to English Usage. - Moscow: Longman - Russky Yazyk,1990. - 786 p. (LGEU).
- Hornby A.S. with A.P.Cowie, A.C.Gimson. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 3rd ed. - Oxford: Oxford Univ.Press,1980. - 1037 p. (ALD).
- The Insult Dictionary. How to Be Abusive in Five Languages. - London: Wolfe,1966. - 127 p. (InsD).
- Laird C. Webster's New World Thesuarus. - New York: Meridian,1975. - 678 p. (WTh).
- Longman Dictionary of Contemporary English. P.Procter (Ed.). - Harlow: Longman,1981. - 1303 p. (LDCE).
- McArthur T. Longman Lexicon of Contemporary English. - Harlow: Longman,1981. - 910 p. (LLCE).
- The Merriam-Webster Dictionary. H.B.Woolf (Ed.). - New York: Merriam,1974. - 848 p. (MWD).
- The Random Hause Dictionary of the English Language. J.Stein (Ed.). - New York: Random Hause,1966. - 2059 p. (RHD).
- Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. - London: Pan,1969. - 223 p. (EPE).
- Rawson H. A Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk. - New York: Crown,1981. - 312 p.
- Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. R.A.Dutch (Ed.). - Harmondsworth: Penguin,1979. - 712 p. (Rth).
- Rowe A., Rowe J. The Word Finder. - Moscow: Blackwell - Vyssaya Skola,1987. - 191 p. (WF).
- The Scribner-Bantam English Dictionary. E.B.Williams (Ed.). - New York: Bantam,1980. - 1076 p. (SBED).

- Simpson J. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. - Oxford: Oxford Univ.Press,1985. - 256 p. (CODP).
- Spears R.A. Dictionary of American Slang. - Moscow: National Textbook Company - Russky Yazyk,1991. - 528 p. (SDAS).
- Webster's New Dictionary of Synonyms. P.B.Gove (Ed.). - Springfield: Merriam,1978. - 909 p. (WNDS).
- Webster's New World Dictionary. D.B.Guralnik (Ed.). - New Delhi: Oxford and IBH,1975. - 882 p. (WNWD).
- Weiner E.S.C. The Oxford Miniguide to English Usage. - Moscow: Oxford - Vyssaya Skola, 1987. - 287 p. (OMEU).
- Wentworth H., Flexner S.B. Dictionary of American Slang. 2nd ed. - New York,1975. - 766 p. (DAS).

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Индикация социального статуса

- Индексы стиля жизни -
- Индексы дистанции -
- Индексы неравноправного невербального общения -
- Индексы речи афроамериканцев -
- Индексы речи женщин и мужчин -
- Индексы речи детей и родителей -
- Индексы речи необразованных и образованных людей -
- Индексы речи людей, говорящих на родном и неродном языке -
- Индексы социальной компетенции -
- Индексы ограниченного и развернутого кода -

Оценка социального статуса

- Оценочный самоконтроль -
- Оценочная рефлексия -
- Самооценка "лица" -
- Оценка реакции партнера -
- Оценка взаимозависимости коммуникантов -

Этикет

- Формульные модели этикетного поведения -
- Этикетные, антиэтикетные и неэтикетные ситуации -
- Признак этикета в значении слова -
- Пространство этикетных отношений -
- Этикетные стратегии поведения -

Прагмалингвистические параметры общения

- Статусно-маркированные речевые акты -
- Компоненты речевого акта -
- Статусно-маркированное воздействие -
- Модусное значение -
- Типы адресатов -
- Компоненты статусно-маркированной ситуации -
- Типы партнеров в статусно-маркированной ситуации -

- Ситуация оценочного суждения -
- Аксиологический кодекс языка -
- Социальный статус человека (определение) -
 - Статусный индекс -
 - Статусный вектор -
 - Статусная репрезентация -
- Категории
 - Категории социолингвистики -
 - Категории прагмалингвистики -
 - Категории лингвосемантики -
 - Категории функционально-семантические -
 - Категории скрытые -
 - Категориальная градация -
 - Категориальные признаки -
 - Номинативная плотность -
 - Категориальная яркость -
- Моделирование категорий
 - Дедуктивное моделирование -
 - Индуктивно-формальное моделирование -
 - Индуктивно-содержательное моделирование -
- Семиотические аспекты изучения значения
 - Классификация -
 - Трансформация -
 - Интерпретация -
- Семантика социального статуса
 - Гоноративное (гонорифическое) значение -
 - Гумилиативное значение -
 - Специализированное выражение статусного признака -
 - Парадигма вокативности -
 - Компонентное выражение статусного признака -
 - Статусные, статусно-связанные и статусно-нейтральные признаки -
 - Модальные пресуппозиции статусного значения -
 - Модализованные глаголы -
 - Модальное значение предметных имен -
 - Пейоративное и инвективное значение -
 - Типы пейоративов -
 - Субъекты оценочной квалификации -
- Стилистика социального статуса
 - Суперстандартный речевой регистр -
 - Субстандартный речевой регистр -
 - Вариативность по точности обозначения
 - (гиперсемантизация и гипосемантизация) -
 - Вариативность по сложности выражения
 - (гиперлинеаризация и гиполинеаризация) -
 - Вариативность по степени воздействия
 - (гиперпрагматизация и гипопрагматизация) -
 - Эволютивное усиление статусного признака -
 - Инволютивное усиление статусного признака -

SUMMARY

V.I.Karasik. Language of Social Status.

The language of social status is a system of various indices reflecting the inequality or equality relations of people who belong to different social strata and groups. Such relations are manifest in traditions, values, norms of behaviour and rules of communication and hence constitute the basic element of human culture naturally finding multidimensional reflections in language.

The social status of a person is one of the fundamental concepts in sociology, social psychology, ethnography, cultural anthropology and - last, but not least - in linguistics. Linguistic study of the social status of a person has been carried out in the present book with the objective (1) to describe verbal and nonverbal types of expression of the notion under consideration, (2) to integrate in linguistics the results achieved in other branches of the Humanities concerning the category of social status and thus to broaden the scope of linguistics, and (3) to find out the categorial semantic features which constitute the core of linguistic explanation in various fields of research with the help of the notion of status as an object of interest to many linguists whatever their schools or departments are..

The social status of a person has been analysed in the present book from the point of view of social linguistics, pragmalinguistics and linguistic semantics.

The sociolinguistic approach to the problem under study made it possible to find out different indices of life styles, interpersonal contacts and speech varieties, to describe the ways of expressing deference and politeness and to analyse the norms of etiquette given in the formulaic patterns of behaviour and in the meanings of words denoting the etiquette situations.

The pragmalinguistic approach to the social status of a person was useful in the sense that it has revealed the situational characteristics of inequality communications, such as status vector types (descending and ascending), certain agent types found in the situations described (agent, respondent, super-agent, etc), status motivation features (motivating and neutral features), basic and additional speech act component types which have the status meaning and combinatory types of the analysed components as

specified in the synonymic explanation of the verb meaning connected with speech acts of request, apology, etc.

The semantic approach to the category of status resulted in the categorial formula including external and internal semantic features, the former placing the category of status in a line with such homogeneous notions as modality, evaluation, emotiveness, deixis, etc. and the latter making the conceptual frame of the category of status as consisting of status index, status vector and status representation. The status index reflects the fact that a given verbal or nonverbal means of expression is a sign of status, the status vector signals the relations of inequality, and the status representation describes in the opposite structure the way deference is expressed (honorific expression or honorific plus self-humiliating expression). Categorial features of status have been analysed in English lexis. Two types of words expressing the social status meaning have been described: the words functioning in the language for the sake of status manifestation (mainly terms of address) and the words including the status meaning component as well as the other kinds of components. The main types of componential status features have been described in detail as status plus modal, status plus personal, status plus evaluative (pejorative) and status plus stylistic component combinations.

The linguistic study of the social status of a person undertaken in the present book explains various interrelations between language and culture as represented in word meanings, speech act types, categorial features and value clusters and thus enables us, hopefully, to prove the important role of linguistics in the integral system of human knowledge.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Социолингвистический аспект социального статуса человека.....	
1.1. Подходы к изучению социального статуса человека..	
1.2. Социальный статус человека как социолингвистическая категория.....	
1.3. Индикация социального статуса человека.....	
1.3.1. Индикация стиля жизни.....	
1.3.2. Индикация человеческих контактов.....	
1.3.3. Индикация речи.....	
1.4. Оценка социального статуса человека.....	
1.4.1. Уважение как оценка статуса человека.....	
1.4.2. Вежливость как оценка статуса человека.....	
1.5. Этикет и социальный статус человека.....	
1.5.1. Этикет как поведение.....	
1.5.2. Этикет как норма.....	
Выводы.....	
Глава 2. Прагмалингвистический аспект социального статуса человека.....	
2.1. Социальный статус человека как прагмалингвистическая категория.....	
2.2. Структура статусно-маркированной ситуации.....	
Выводы.....	
Глава 3. Лингвосемантический аспект социального статуса человека.....	
3.1. Социальный статус человека как лингвосемантическая категория.....	
3.1.1. Определение категориальных признаков.....	
3.1.2. Выделение категориальных признаков.....	
3.1.3. Описание категориальных признаков.....	
3.2. Специализированное выражение социального статуса человека.....	
3.3. Компонентное выражение социального статуса человека.....	
3.3.1. Типы компонентных признаков статуса.....	
3.3.2. Модально-статусное значение.....	
3.3.3. Персонально-статусное значение.....	
3.3.4. Оценочно-статусное значение.....	
3.3.5. Стилистико-статусное значение.....	
Выводы.....	
Заключение.....	
Литература.....	
Предметный указатель.....	
Summary.....	

Научное издание

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР

Карасик Владимир Ильич

ЯЗЫК СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Редактор
Художник

Корректор

Подписано в печать

Формат

Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл.печ.л. 20. Уч.-изд.л. 20.

Тираж 800. Заказ Цена

Институт языкознания АН СССР
103009 Москва К-9, ул.Семашко, 1/12

Волгоградский пединститут
400013 Волгоград, пр.Ленина, 27

Типография Волгоградского пединститута